М. А. Алдановъ

КЛЮЧЪ

Берлинъ
1930

М. А. АЛДАНОВЪ

КЛЮЧЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
И ЖУРНАЛА „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ„

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Замѣчанія политическаго характера въ предисловіи къ роману — дѣло довольно необычное. Они, однако, могутъ оказаться и небезполезными. Меня упрекали «лѣвые» (впрочемъ, далеко не всѣ) въ томъ, что я будто бы въ ложномъ, непривлекательномъ видѣ изобразилъ ту часть русской интеллигенціи, которая особенно тѣсно связана съ идеями и дѣлами февральской революціи. Упрекъ кажется мнѣ неосновательнымъ. Думаю, что и въ наименѣе привлекательныхъ дѣйствующихъ лицахъ романа я, какъ могъ, показалъ хорошее и дурное въ мѣру, — въ соотвѣтствіи съ правдой. Можетъ быть, я ошибаюсь, и мнѣ это не удалось. Но какую бы то ни было степень злостности въ изображеніи той или другой части нашей интеллигенціи во мнѣ предполагать было бы странно. Никакихъ обличительныхъ цѣлей я себѣ, конечно, не ставилъ. Наше поколѣніе было преимущественно несчастливо, — это относится и къ радикальной, и къ консервативной его части.

Упрекали меня и за «мрачность тона». Я выбралъ мрачный сюжетъ, — право каждаго писателя, для насъ теперь особенно естественное: очень трудно требовать большой жизнерадостности отъ людей, испытавшихъ и видѣвшихъ то, что испытали и видѣли мы.

Скажу еще о другомъ. Нѣкоторые читатели говорили, что я, подъ псевдонимами, изобразилъ въ «Ключѣ» дѣй-

ствительно существовавшихъ (или даже живущихъ нынѣ) людей. Это легко было предвидѣть: всякій романъ изъ современной жизни можетъ вызвать подобное предположеніе, — на мой взглядъ оскорбительное для автора. Въ «Ключѣ» не разъ упоминаются имена людей всѣмъ извѣстныхъ (Короленко, Милюковъ, Дурново, Горькій, Плевако и др.). Я рѣшился на это не безъ колебанія, опасаясь налета «фельетонности» и «публицистики». Но въ кругу, который выведенъ въ моемъ романѣ, въ разговорахъ, которые тамъ велись, имена знаменитыхъ современниковъ произносились безпрестанно, и мнѣ казалось, что именно отсутствіе этихъ именъ было бы грѣхомъ противъ житейской правды романа. Отсюда, полагаю, чрезвычайно далеко до изображенія въ беллетристической формѣ подъ ложными именами живыхъ людей. Такой пріемъ я считалъ бы весьма сомнительнымъ и въ художественномъ, и въ моральномъ отношеніи. Между тѣмъ мнѣ неоднократно приходилось слышать (вдобавокъ, всегда по разному), «съ кого писаны» Горенскій, Браунъ, Кременецкій, Федосьевъ и другія дѣйствующія лица «Ключа». Одинъ критикъ заявилъ въ журнальной статьѣ, что въ Федосьевѣ я портретно изобразилъ Бѣлецкаго, главу Департамента Полиціи. Что на это отвѣтить? Всякій, кто дастъ себѣ трудъ — не говорю прочесть, но хотя-бы пробѣжать извѣстную записку С. П. Бѣлецкаго (Матеріалы Слѣдственной Комиссіи) можетъ убѣдиться въ томъ, что никакого сходства между нимъ и Федосьевымъ нѣтъ. Добавлю, въ качествѣ курьеза, что мнѣ называли пять адвокатовъ, съ которыхъ будто бы писанъ (и тоже «портретно») Кременецкій. Скажу кратко (какъ уже сказалъ въ примѣчаніи къ одной изъ страницъ романа), что въ этихъ указаніяхъ нѣтъ ни одного слова правды. Единственное не вымышленное дѣйствующее лицо «Ключа» (Шаляпинъ) названо своимъ именемъ.

Я не знаю, удастся ли мнѣ довести до конца замыселъ, началу котораго посвященъ «Ключъ». Но я понимаю, какія неудобства представляетъ осуществленіе этого

замысла по частямъ. Мнѣ остается только принести извиненія читателямъ и критикамъ, какъ я сдѣлалъ въ свое время, печатая отдѣльными томами свою историческую тетралогію.

Авторъ.

Ноябрь 1929 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Смерть жильца квартиры № 4 обнаружила крестьянка Дарья Петрова, швейцариха, какъ всѣ ее называли въ домѣ, гдѣ она исполняла обязанности своего мужа, въ прошломъ году взятаго на войну. Выйдя въ шесть часовъ утра на крыльцо съ ведромъ, тряпкой, щеткой и фонаремъ (еще было совершенно темно), она вдругъ съ испугомъ замѣтила, что два окна квартиры № 4 ярко освѣщены. Въ квартирѣ этой никто не жилъ. Пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ, который снималъ ее уже почти мѣсяцъ, никогда не оставался въ ней до утра. Швейцариха — она потомъ долго съ гордостью разсказывала, что сердцемъ сразу почуяла недоброе, — поспѣшно поднялась на цыпочкахъ по темной лѣстницѣ, зачѣмъ-то волоча за собой щетку, но, не дойдя до второго этажа, растерянно сбѣжала внизъ, позвать кого-нибудь изъ мужчинъ. Однако, мужчинъ взять было неоткуда, — еще и прислуга спала во всемъ домѣ. Дарья Петрова снова выбѣжала на крыльцо, еще разъ торопливо взглянула на освѣщенныя окна, затѣмъ, собравшись съ духомъ, поднялась на цыпочкахъ къ дверямъ квартиры № 4 и стала слушать. За дверью

ничего не было слышно. Это немного успокоило швейцариху: она подумала, что, должно быть, господинъ въ золотыхъ очкахъ былъ здѣсь вечеромъ и, уходя, забылъ потушить свѣтъ. Она постучала, сначала робко, потомъ громче. Никто не откликался. Дарья Петрова вытащила изъ кармана связку ключей, отыскала въ ней небольшой ключъ, придерживая связку, чтобъ не звенѣла, осторожно открыла дверь и, тяжело, неслышно дыша, вошла въ переднюю, выставивъ впередъ правую руку съ ключами. Въ передней было темно, очень тихо. Чувствовался легкій, странный запахъ. Дверь въ гостиную была притворена; изъ щелей надъ дверью и по сторонамъ пробивались узкія полосы яркаго свѣта. Швейцариху вдругъ охватилъ ужасъ, ей захотѣлось сѣсть на полъ. Прижавъ подъ мышкой лѣвой руки палку щетки къ сердцу, она правой рукой съ ключами быстро потянула къ себѣ дверь — и сразу закричала страшнымъ голосомъ, точно почувствовавъ, что теперь въ домѣ можно и нужно кричать, несмотря на ранній часъ: на полу ярко освѣщенной гостиной, наискось, ногами къ двери, лежалъ господинъ въ золотыхъ очкахъ.

Въ домѣ поднялась суматоха. Электрическія лампочки зажглись въ разныхъ мѣстахъ; изъ дверей квартиръ стали показываться полуодѣтые люди и, услышавъ объ убійствѣ, съ радостнымъ оживленіемъ и съ испугомъ неслись одѣваться и будить другихъ, чтобы разсказать новость, торопливо соображая въ то же время, не могло ли что дурное случиться и у нихъ дома. Жилецъ квартиры № 3, холостякъ, статскій совѣтникъ Васильевъ, узнавъ о происшествіи отъ своего лакея, сейчасъ же послалъ его въ участокъ, а самъ въ туфляхъ на босу ногу, старательно закрывъ на ключъ за собой дверь, поспѣшно вышелъ на площадку второ-

го этажа. На другомъ ея концѣ, передъ настежь открытой дверью квартиры № 4, ахали кухарки, неопредѣленно - радостно сознавая, что онѣ въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ. Онѣ съ надеждой, какъ всегда въ такихъ случаяхъ женщины встрѣчаютъ мужчинъ, отдались подъ покровительство Васильева. Статскій совѣтникъ бокомъ вошелъ въ квартиру № 4 и морщась взглянулъ на трупъ господина въ золотыхъ очкахъ.

— Можетъ, живъ еще? — тихо вскрикнула одна изъ женщинъ.

Васильевъ пожалъ плечами: съ перваго взгляда было ясно, что господинъ въ золотыхъ очкахъ умеръ.

— Какое живъ! Не иначе, баринъ, какъ коты убили, вотъ помяните мое слово, — сказала мрачно другая кухарка. — Ужъ такая проклятая квартира!..

— Какая квартира? — спросилъ Васильевъ, недавно поселившійся въ домѣ.

Узнавъ, что квартира была веселая, и что господинъ въ золотыхъ очкахъ (его никто не зналъ по имени) не жилъ въ ней, а только пріѣзжалъ съ дѣвками, статскій совѣтникъ съ любопытствомъ еще разъ взглянулъ на искаженное лицо убитаго и снова поморщился.

— Никого сюда не пускать до прихода полиціи, — приказалъ онъ и раскланялся со спускавшимися по лѣстницѣ жильцами третьяго этажа. Дама въ пеньюарѣ страдальческой улыбкой извинила туалетъ Васильева. Они обмѣнялись нѣсколькими словами, чувствуя теперь другъ къ другу симпатію за то, что не были убійцами.

Внизу послышались голоса. Въ сопровожденіи не перестававшей ахать Дарьи Петровой, лакея и еще нѣсколькихъ человѣкъ, по лѣстницѣ поднималась полиція: молодцоватый помощникъ при-

става, околодочный съ повязанной чернымъ платкомъ щекой, городовые. Васильевъ слегка поклонился, назвалъ себя и принялся было разсказывать объ убiйствѣ. Но помощникъ пристава тотчасъ его перебилъ.

— Господа, прошу разойтись! — сказалъ онъ.

Эта привычная фраза выходила у него особенно внушительно; помощникъ пристава очень ее любилъ.

II.

Городовые очистили площадку отъ постороннихъ. Помощникъ пристава, околодочный, врачъ, швейцариха и понятые вошли въ квартиру, особенно осторожно ступая. Въ ту же секунду полицейскiя шинели съ разныхъ сторонъ отразились въ зеркалахъ ярко освѣщенной гостиной, такъ что одинъ изъ городовыхъ даже попятился въ удивленiи назадъ. Дарья Петрова еще разъ ахнула при видѣ трупа, но уже больше изъ приличiя,—теперь она боялась не тѣла, а полицiи.

Господинъ въ золотыхъ очкахъ лежалъ на спинѣ, слегка повернувъ на бокъ голову. Это былъ невысокiй, хорошо одѣтый, довольно полный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ сѣрымъ лицомъ, которое выражало не то ужасъ, не то физическое мученiе. Глаза у него были странно большiе, выпученные. Изъ полуоткрытаго рта виднѣлись желтые зубы. Помощникъ пристава, веселый, крѣпкiй жизнерадостный человѣкъ, вздохнулъ и кивнулъ головой врачу, предлагая ему заняться трупомъ. Привычный врачъ опустился на колѣни передъ умершимъ и сталъ его осматривать.

Стѣны большой, высокой гостиной были почти сплошь заставлены высокими зеркалами; полъ выстланъ краснымъ, мѣстами выцвѣтшимъ ков-

ромъ. Мебель состояла изъ красныхъ плюшевыхъ креселъ и мягкихъ, широкихъ дивановъ, безъ спинокъ, съ множествомъ шелковыхъ и бархатныхъ подушекъ. На потолкѣ тоже было большое круглое зеркало, отражавшее расположенную подъ нимъ широкую, низкую кушетку. У одной стѣны находилось механическое піанино. Круглое зеркало на потолкѣ было обведено зажженными лампочками. Много лампъ было и по стѣнамъ, но онѣ не горѣли. Въ углу, на столѣ, покрытомъ пыльной бархатной скатертью, стояли бутылки, стаканы, тарелки съ виноградомъ и печеньемъ. Помощникъ пристава подошелъ къ выключателю и на мгновенье потушилъ лампы. Въ комнату едва пробился свѣтъ начинавшагося утра. Врачъ недовольно оглянулся. Дарья Петрова тяжело вздохнула. Помощникъ пристава снова зажегъ лампы.

— Ты, баба, какъ тебя? Сколько комнатъ въ квартирѣ? — сурово спросилъ онъ швейцариху.

— Двѣ, ваше благородіе, спальня и гостиная, да еще ванна, горячая вода съ утра до вечера, — отвѣтила поспѣшно швейцариха, по привычкѣ выхваляя квартиру точно для сдачи ея въ наемъ. — Да еще ватеръ, — добавила она застѣнчиво, видимо щеголяя этимъ словомъ. — Двѣ комнаты, вотъ тутъ спальня ихняя... Пожалуйте...

Околодочный открылъ дверь въ другую комнату и зажегъ въ ней свѣтъ. Спальня съ нетронутой постелью была значительно меньше гостиной. Приставъ, околодочный и Дарья Петрова прошли въ нее, оттуда въ уборную, въ ванную и снова вернулись въ гостиную.

— Ну, что? Какъ скажете: медико-полицейское или судебно-медицинское? — спросилъ помощникъ пристава.

— Нужно вскрыть тѣло, — отвѣтилъ врачъ. — Слѣдовъ борьбы на тѣлѣ не видно, однако отрав-

леніе очень вѣроятно. Но до вскрытія ничего точно сказать нельзя. Необходимъ, конечно, химическій анализъ этого,—добавилъ онъ, нюхая жидкость въ одномъ изъ стакановъ.

— А можетъ быть, самоубійство, или просто разрывъ сердца? — спросилъ околодочный, съ усиліемъ выговаривая слова: онъ страдалъ флюсомъ.

— Не похоже, не думаю... Обстановка не такая, какъ при самоубійствѣ.

— Ну, нѣтъ, это не самоубійство! — сказалъ помощникъ пристава, показывая глазами въ сторону стола. — И по лицу видно, что убійство. Ясное дѣло, подсыпали яда... Здѣсь кромѣ него былъ еще кто-то... Эй, ты, баба, пожалуй сюда. Такъ тебѣ фамилія жильца неизвѣстна?

Дарья Петрова разсыпалась въ запутанныхъ объясненіяхъ. Жилецъ снялъ квартиру съ мѣсяцъ тому назадъ, оставилъ ее за собой, пріѣзжалъ изрѣдка съ женщинами и съ господами, открывалъ двери своимъ ключомъ, оставался обыкновенно до полуночи. Она заходила по утрамъ убирать комнаты. Дарья Петрова все сбивалась на то, какъ она испугалась, замѣтивъ свѣтъ въ окнахъ и потомъ найдя трупъ. Фамиліи жильца она не знала.

Помощникъ пристава и околодочный хмуро ее слушали. Исторія эта была имъ непріятна. Они прекрасно знали, что квартира № 4 сдавалась, большей частью посуточно, господамъ, которые туда пріѣзжали съ женщинами, не сообщали своихъ именъ, или сообщали ложныя имена, и не прописывались въ участкѣ. Происшествіе въ квартирѣ съ непрописаннымъ жильцомъ грозило и служебными непріятностями, и потерей доходной статьи.

— Сами изволите знать, какая квартира, ваше благородіе, — значительнымъ тономъ говорила Дарья Петрова.

— Такъ не знаешь, какъ звали жильца? — еще строже повторилъ помощникъ пристава. — Не прописала?.. Ну, съ тобой еще объ этомъ будетъ разговоръ, — угрожающе проговорилъ онъ. — Иванъ Васильевичъ, вы всѣмъ сообщили по телефону?

— Такъ точно, и слѣдователю, и товарищу прокурора, и въ сыскное.

— Опять же ждать ихъ по обстоятельствамъ дѣла нельзя. Обыскъ можемъ произвести и сами. Обыщите его, голубчикъ. А я буду писать протоколъ.

Въ карманахъ умершаго человѣка нашлись носовой платокъ безъ мѣтки, золотые часы Лонжинъ, портъ-сигаръ, бумажникъ съ семьюдесятью рублями, и въ жилетномъ карманѣ немного мелочи рублевыми бумажками и марками военнаго времени. Больше ничего найдено не было. На пиджакѣ не оказалось мѣтки портного.

— Вотъ такъ задача, — сказалъ угрюмо околодочный. — Ищи теперь, кто таковъ...

Околодочный, недавно, за особыя заслуги и огнестрѣльную рану, переведенный изъ провинціи въ Петербургъ, былъ человѣкъ неопытный.

— Найдутъ! — увѣренно отвѣтилъ помощникъ пристава. — А въ ящикахъ стола ничего нѣтъ?

Онъ приподнялъ скатерть и, просунувъ руку подъ столъ, съ трудомъ отодвинулъ тугой ящикъ. Въ ящикѣ не было ничего, кромѣ сора по угламъ. Но въ спальной, въ шкафу, помощникъ пристава обнаружилъ кое-какія вещи, особаго рода фотографическія карточки.

— Ахъ, ты... — сказалъ онъ съ удовольствіемъ, давая себѣ волю. — Иванъ Васильевичъ, полюбуйтесь!..

— Должно быть, изъ Парижа? — замѣтилъ съ любопытствомъ околодочный. — Только въ Парижѣ такое выдумаютъ.

— Нѣтъ, не говорите, и у насъ теперь это хорошо работаютъ,—отвѣтилъ помощникъ пристава.

III.

За дверью послышались повышенные голоса. Вошелъ одинъ изъ городовыхъ и съ видомъ, одновременно смущеннымъ и озлобленнымъ, подалъ помощнику пристава визитную карточку.

— Чортъ его принесъ! — сердито сказалъ помощникъ пристава. — Уже пронюхалъ, собака... Скажи, сейчасъ къ нему выйду.

— Кто такой? — спросилъ околодочный.

— Певзнеръ, изъ «Зари», — отвѣтилъ помощникъ пристава и покосился на околодочнаго, подозрѣвая, что тотъ изъ участка телефонировалъ о происшествіи репортеру. Околодочный почувствовалъ подозрѣніе и, чтобы разсѣять его, сказалъ съ горячностью, преодолѣвая зубную боль:

— И зачѣмъ только такихъ держать въ столицѣ? У насъ въ Харьковѣ, при Матвѣевѣ, его бы въ двадцать четыре часа выслали по этапу изъ города..

— Певзнера выслать? Легче выслать по этапу градоначальника, — отвѣтилъ помощникъ пристава и вышелъ на площадку. На лѣстницѣ, въ отдаленіи, прижавшись къ периламъ и другъ къ другу, толпились люди. На площадкѣ курилъ папиросу высокій худощавый человѣкъ, лѣтъ сорока, съ рыжей конусообразной бородой. Это былъ журналистъ Певзнеръ, сотрудничавшій въ газетѣ «За-

ря» за подписью «Донъ Педро». Помощникъ пристава привѣтливо протянулъ ему обѣ руки.

— Альфреду Исаевичу мое почтеніе, — сказалъ онъ. — Уже узнали? Экой вамъ Господь Богъ послалъ талантъ! Вася долженъ бы васъ озолотить.

Вася былъ редакторъ газеты «Заря».

— Вася озолотитъ, — кратко отвѣтилъ Певзнеръ, не то подтверждая предположеніе, не то выражая безнадежный скептицизмъ. — Я, впрочемъ, зашелъ сюда случайно. Репортажемъ, какъ вы знаете, я давно не занимаюсь, моя спеціальность политическая информація и большое интервью. Но у насъ какъ разъ Гамлицкій въ отпуску. Ну, говорите, кого убили?

— Да вотъ пока не можемъ установить...

— Не можете установить, — укоризненно сказалъ Донъ-Педро. — А ну, покажите.

Онъ двинулся къ двери. Помощникъ пристава учтиво загородилъ ему дорогу.

— Ужъ вы, пожалуйста, извините, Альфредъ Исаевичъ, — сказалъ онъ виновато и необычайно мягко. — Слѣдственныя власти еще не прибыли, я пока не могу, не имѣю права васъ допустить въ квартиру. Можетъ, еще собачекъ сюда пустятъ, ищеекъ этихъ, — вамъ же будетъ непріятно, если собачка за вами побѣжитъ, супругу встревожитъ. Послѣ слѣдователя милости прошу, первымъ пройдете. А теперь ужъ, пожалуйста, извините.

— Н-да, — сказалъ Певзнеръ, признавая справедливость доводовъ помощника пристава. — Только вотъ что: я вашего слѣдователя ждать здѣсь на лѣстницѣ не намѣренъ. Тутъ, напротивъ, за угломъ, есть трактиръ, пойду чай пить, кое-что напишу. А вы, послѣ слѣдователя, будьте добры, дайте мнѣ туда знать.

— Это съ удовольствіемъ... На войнѣ что слышно, Альфредъ Исаевичъ?

— Мало хорошаго. Гинденбургъ готовитъ къ двадцатому числу прорывъ на рижскомъ фронтѣ. Двѣнадцатью дивизіями...

— Ахъ ты, чортъ! И что же?

— Отступимъ немножко.

— Бѣда, просто бѣда. Да вѣдь ясное дѣло, — сказалъ, понижая голосъ, помощникъ пристава, — нѣмцамъ черезъ Гришку все извѣстно, что у насъ въ штабѣ дѣлается. Говорятъ, двѣсти семьдесятъ тысячъ отвалили ему нѣмцы чистоганомъ. Видно, дѣло идетъ къ сепаратному?

— Ну, еще не извѣстно. Въ сферахъ вчера сказали, что сепаратнаго мира не будетъ. Возможно, впрочемъ, конечно... Ну, такъ я буду ждать въ трактирѣ, — сказалъ онъ и хотѣлъ было направиться внизъ. Но по лѣстницѣ какъ разъ поднимался молодой красивый брюнетъ съ маленькой головой, съ черными бархатными глазами, извѣстный сыщикъ Антиповъ. Онъ былъ одѣтъ по самой послѣдней модѣ, — именно такъ одѣтыхъ людей старые опытные барышники часто останавливаютъ на улицѣ, предлагая имъ продать платье. Антиповъ небрежно поздоровался съ Певзнеромъ и ужъ совсѣмъ пренебрежительно съ помощникомъ пристава, который съ уваженіемъ окинулъ взоромъ его лакированныя полуботинки, синіе шелковые носки, трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Помощникъ пристава въ краткихъ словахъ изложилъ происшествіе, но видъ Антипова ясно показывалъ, что онъ не слушаетъ и не желаетъ слушать, такъ какъ ничего путнаго все равно не услышитъ.

— Ладно, ладно, посмотрю, — сказалъ онъ и прошелъ въ квартиру № 4.

Помощникъ пристава послѣдовалъ за сыщикомъ. Антиповъ едва кивнулъ головой околодочному надзирателю и врачу, быстро окинулъ взоромъ тѣло, комнату, заглянулъ въ спальную, въ уборную, затѣмъ вернулся къ тѣлу и долго молча на него смотрѣлъ. Помощникъ пристава, околодочный и даже городовые наблюдали за дѣйствіями сыщика съ ироническимъ недоброжелательствомъ наружной полиціи къ агентамъ тайнаго розыска. Самъ Антиповъ ихъ какъ бы не замѣчалъ вовсе. Затѣмъ онъ подошелъ къ столу, на которомъ, рядомъ съ бутылками и стаканами, лежали вещи, вынутыя изъ кармановъ убитаго, съ досадой пожалъ плечами и внимательно все осмотрѣлъ, ничего не трогая. Помощникъ пристава давалъ ему поясненія.

— Сколько разъ мы говорили вамъ, господа полиція, — сказалъ съ гримасой Антиповъ, — нельзя ни къ чему прикасаться на мѣстѣ криминала. Это при царѣ Горохѣ можно было такъ вести дознаніе. Ну, какое же теперь можетъ быть дактилоскопическое изслѣдованіе?.. Вѣчно одна и та же исторія! Нонсенсъ!

— Да мы что-же? Мы только изъ кармановъ все вынули, — сказалъ сухо околодочный. — Кому-нибудь надо было это сдѣлать.

Антиповъ саркастически разсмѣялся.

— «Только изъ кармановъ все вынули!» Прелестно! — произнесъ онъ. — По крайней мѣрѣ тѣло оставлено въ томъ же положеніи, какъ найдено? И то слава Богу.

Онъ вынулъ изъ внутренняго кармана пальто небольшой кожаный предметъ, похожій не то на дорожный несессеръ, не то на патронташъ, осторожно положилъ его на столъ и открылъ. Внутри оказалось множество крошечныхъ отдѣленій, по которымъ были аккуратно разложены разныя ве-

щи: складной аршинъ, циркуль, какія-то бутылочки, пробирки, бумага. Антиповъ досталъ лупу и, нагнувшись надъ стаканами, долго внимательно ихъ разсматривалъ, не прикасаясь дѣйствительно ни къ чему.

— Вы, конечно, до вскрытія ничего не можете сказать? — спросилъ онъ врача.

— До вскрытія и изслѣдованія содержимаго желудка медицина ничего точно установить не можетъ, — съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣтилъ врачъ, подчеркивая слово «медицина».

Антиповъ слегка улыбнулся.

— Ну, и послѣ вскрытія тоже иногда толку мало, — сказалъ онъ. — Такъ вы собственно ничего пока не знаете?

— Думаю, что налицо отравленіе. Какой ядъ? Вѣроятно, не мышьякъ. Слѣдовъ рвоты не видно, — правда, это еще не доказательство. Не похоже и на карболку, и на синильную кислоту, ихъ можно было бы узнать по запаху. Можетъ быть, сантонинъ или атропинъ, зрачки какъ будто расширены. Это выяснитъ изслѣдованіе желудка... Странно, что такъ быстро началось разложеніе тѣла... Очень важенъ химическій анализъ. Пробы жидкости въ стаканахъ и въ бутылкѣ будутъ запечатаны сейчасъ же по прибытіи слѣдователя.

— А за песиками вы пошлете? — полюбопытствовалъ помощникъ пристава, очень любившій собакъ и интересовавшійся работой ищеекъ.

— За песиками? Теперь посылать за песиками нонсенсъ, — сказалъ сердито Антиповъ. — Вы бы еще сначала полкъ солдатъ протащили по этой комнатѣ. Тоже типы, — пробормоталъ онъ.

Онъ немного кривилъ душою. Антиповъ не любилъ пользоваться полицейскими собаками, такъ какъ это былъ слишкомъ простой, механическій, и потому неинтересный способъ розыска.

Кромѣ того, ему было обидно, что собаки дѣлаютъ его работу.

Сыщикъ опять подошелъ къ трупу и долго при помощи лупы разсматривалъ губы, руки, ногти. Внимательно осмотрѣлъ и коверъ. Собственно онъ ничего не искалъ на коврѣ, но чувствовалъ себя Шерлокомъ Холмсомъ и немного щеголялъ пріемами передъ публикой. Затѣмъ онъ вернулся къ столу и осмотрѣлъ часы убитаго, поднявъ крышку, при чемъ что-то занесъ въ свою записную тетрадь. Потомъ подошелъ къ піанино. Сверху лежали ноты, — вторая соната Шопена. Антиповъ съ минуту подумалъ, отозвалъ Дарью Петрову въ переднюю и тамъ долго разспрашивалъ ее вполголоса. Помощникъ пристава тѣмъ временемъ составлялъ протоколъ, кратко описывая найденные на убитомъ предметы.

— Смотрите, тутъ вотъ еще что есть! — вдругъ радостно сказалъ онъ. — А мы и не замѣтили...

Въ большомъ бумажникѣ убитаго оказалось еще одно отдѣленіе, съ наружной стороны. Въ немъ лежалъ свернутый вдвое листокъ бумаги, счетъ гостиницы.

— «Паласъ-Отель», — прочелъ поспѣшно помощникъ пристава. — Что я вамъ говорилъ? Вотъ мы и безъ лупы установили личность убитаго. Счетъ на имя мусью Фишера, — это, значитъ и есть Фишеръ... А счетъ, кстати, порядочный. За недѣлю пятьсотъ пятнадцать цѣлковыхъ. Видно, мусью былъ побогаче насъ съ вами... Да что же, наконецъ, слѣдователь? Сходите, вы, Иванъ Васильевичъ, въ трактиръ и протелефоньте ему еще разъ, — не до вечера же намъ здѣсь сидѣть. Отсюда при немъ нельзя звонить, — добавилъ онъ вполголоса. — Сходите, голубчикъ...

IV.

Донъ-Педро вошелъ въ только что открывшій двери трактиръ, спросилъ чаю съ лимономъ и, при свѣтѣ лампы, расположился работать. Онъ вынулъ изъ портфеля нѣсколько узенькихъ, длинныхъ полосъ бумаги, на которыя были наклеены вырѣзки изъ газетъ. Альфредъ Исаевичъ велъ отдѣлъ «Печать» въ газетѣ «Черниговская Мысль». Статью надо было опустить въ ящикъ немедленно, чтобы она ушла еще съ утреннимъ поѣздомъ. Обозрѣніе печати было, впрочемъ, уже почти готово. Донъ-Педро среднимъ пальцемъ разгладилъ сырую наклейку на полосѣ, придавливая отстававшіе углы. Это были цитаты изъ двухъ реакціонныхъ изданій, обвинявшихъ другъ друга въ полученіи какихъ-то продозрительныхъ суммъ. Певзнеръ не безъ удовольствія прочелъ вырѣзки, соображая, сколько именно денегъ и отъ кого могла получить каждая газета, затѣмъ отцѣпилъ изъ внутренняго кармана самопишущее перо и крупнымъ, четкимъ почеркомъ сразу написалъ подъ второй наклейкой:

«Комментаріи излишни. Вотъ ужъ дѣйствительно своя своихъ не познаша... До какихъ, однако, Геркулесовыхъ столповъ цинизма договорились наши рептиліи!»

Слѣдующая вырѣзка была взята изъ передовой статьи другой газеты, которая, какъ было извѣстно Певзнеру, досталась новымъ акціонерамъ и потому мѣняла направленіе. Донъ-Педро быстро пробѣжалъ наклеенныя строчки и, опять не задумываясь, написалъ-

«Что однако сей сонъ означаетъ?! Ужъ не «эволюціонируетъ» ли почтенная газета? И если эволюціонируетъ, то куда и почему? Тайна сія велика есть».

Онъ посмотрѣлъ на часы и, сосчитавъ число строкъ, рѣшилъ ограничиться тремя вырѣзками. Донъ-Педро взялъ изъ портфеля конвертъ съ надписаннымъ адресомъ, запечаталъ письмо и, лизнувъ, наклеилъ марку. Къ его удовольствію, марка сразу плотно, всей поверхностью пристала къ тугому конверту. «Кажется, на углу есть ящикъ», — подумалъ онъ: готовыя и еще не отправленныя письма всегда причиняли ему легкое нервное безпокойство. Онъ разсѣянно положилъ письмо въ карманъ и сталъ медленно прихлебывать чай съ лимономъ. Мысли у него были непріятныя. Недавно въ редакцію «Зари» заѣзжалъ извѣстный адвокатъ Кременецкій и пригласилъ къ себѣ на большой вечеръ Васю, обоихъ передовиковъ и политическаго фельетониста. Съ нимъ же Кременецкій былъ, какъ всегда, любезенъ и внимателенъ, — онъ старательно поддерживалъ добрыя отношенія съ прессой, — однако на пріемъ, гдѣ должны были собраться сливки петербургской оппозиціонной интеллигенціи, очевидно, не собирался его звать. Пришлось оказать на адвоката легкое давленіе. Альфредъ Исаевичъ вскользь замѣтилъ, что намѣренъ дать отчетъ въ газетѣ о дѣлѣ, въ которомъ выступалъ Кременецкій. Приглашеніе было получено, но все это оставило непріятный осадокъ. Донъ-Педро опять рѣшилъ, что надо навсегда покончить съ репортажемъ, даже съ политической информаціей и съ большимъ интервью.

«Въ передовики меня Вася не приметъ», — мрачно подумалъ онъ. — «Но насчетъ мѣста второго думскаго хроникера я имъ поставлю ультиматумъ. Если не возьмутъ, ухожу въ «Слово».

Онъ вспомнилъ, какъ за Кашперовымъ, парламентскимъ хроникеромъ газеты, ухаживали самые вліятельные люди Россіи, члены Думы и Государственнаго Совѣта, даже министры. Извѣстнѣйшіе

ораторы, въ дни своихъ рѣчей, съ тревогой, съ миндальной улыбкой искали встрѣчи съ Кашперовымъ. «Да, рѣшительно поставлю Васѣ ультиматумъ», — подумалъ донъ-Педро, допивая чай.

Въ трактиръ вошелъ, гремя шашкой, околодочный надзиратель съ повязанной щекой.

— Гдѣ тутъ телефонъ? — спросилъ онъ засуетившагося полового.

— Ну, что? — окликнулъ околодочнаго Певзнеръ.

— Личность выяснена.

— Поздравляю. Кто же такой? — разсѣянно сказалъ репортеръ.

— Фамилія Фишеръ.

— Фишеръ?.. А имя-отчество?

— Этого пока не знаемъ. Живетъ въ гостиницѣ «Паласъ».

— Въ «Паласѣ»? — переспросилъ, встрепенувшись, донъ-Педро. — Неужели въ «Паласѣ»? Почемъ вы знаете?.. Послушайте!..

— Выяснено дознаніемъ...

— Послушайте!.. Что, если это Карлъ Фишеръ!.. — сказалъ, поднявшись съ мѣста, Альфредъ Исаевичъ. — Ей Богу, онъ жилъ въ «Паласѣ»... Почему вы думаете, что это Фишеръ?

— А вы его знаете? Кто онъ такой?

— Знаю ли я Карла Фишера?.. Его всѣ знаютъ, кромѣ васъ... Да не можетъ быть! Карлъ Фишеръ убитъ! Послушайте, какой онъ изъ себя? Лѣтъ пятидесяти, бритый, золотые очки?.. Что вы говорите!.. Ей Богу, это онъ!.. Человѣкъ!..

Донъ-Педро заторопился и сталъ быстро дрожащими отъ волненія пальцами отсчитывать деньги за чай.

— Я сейчасъ бѣгу... А что, Никифоровъ изъ «Молвы» уже тамъ?.. Нѣтъ еще?.. Скажите, вы кому хотите звонить? Пустите меня къ телефону...

— Мнѣ надо телефонировать участковому слѣдователю.

Певзнеръ саркастически разсмѣялся.

— Участковому слѣдователю? Вы думаете, что, если убили Фишера, такъ дѣло достанется участковому слѣдователю? Тутъ пахнетъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ. Вы можете на мою отвѣтственность дать знать прокурору палаты. На мою отвѣтственность!.. Что такое! Карлъ Фишеръ убитъ!.. Не можетъ быть!..

Онъ надѣлъ котелокъ и взволнованно побѣжалъ къ выходу.

V.

Утро осенняго дня было темное и дождливое. Въ корридорахъ, общихъ залахъ и номерахъ гостиницы Паласъ электрическія лампы горѣли почти непрерывно цѣлый день. Въ десятомъ часу, знаменитый химикъ Александръ Браунъ, съ трудомъ приподнявшись на постели, нашелъ ощупью пуговку выключателя, зажегъ лампу на ночномъ столѣ, взглянулъ на плоскіе часы съ безшумнымъ ходомъ, снова опустилъ голову на подушку и долго лежалъ неподвижно, плотно закрывшись одѣяломъ, хотя въ комнатѣ было тепло. Вода едва слышно шипѣла, входя въ трубы отопленія. Слабая лампа освѣщала тѣ предметы, которымъ полагается быть въ десятирублевомъ номерѣ каждой гостиницы Palace любой европейской столицы: малиновое сукно на полу; неидущіе часы поддѣльной бронзы на каминѣ, не служащемъ для топки; маленькій, крытый стекломъ, столъ, за которымъ трудно работать; диванъ, на которомъ невозмож-

но лежать; и шатающуюся ременную скамейку для чемодановъ въ узкой передней, откуда боковая дверь вела въ ванную комнату.

Было одиннадцать часовъ, когда Браунъ всталъ съ постели. Онъ прошелъ въ ванную, зажегъ лампу и тамъ, повернулъ краны, попробовалъ рукой струю, усилилъ токъ изъ горячаго крана, морщась, точно отъ боли, отъ шума падающей струи. Дно ванны быстро покрылось водой, звукъ струи измѣнился. Браунъ сѣлъ на соломенный стулъ, накрылся мохнатой простыней, не развернувъ ея, и долго внимательно глядѣлъ на кусокъ картона, который на четырехъ языкахъ (нѣмецкій текстъ былъ заклеенъ по случаю войны) излагалъ разныя правила гостиницы Паласъ. Затѣмъ опустилъ голову и такъ же упорно-внимательно слѣдилъ за паромъ, поднимавшимся отъ горячей воды. Помутнѣвшее кое-гдѣ отъ пара зеркало отражало острый профиль усталаго мертвенно блѣднаго лица съ углами лба, выпукло выступавшими надъ глазами. Ванна наполнилась. Браунъ снялъ съ полки банку и высыпалъ на ладонь большую горсть желтоватыхъ, чуть расплывающихся кристалловъ. Запахло лимономъ и вербеной. Онъ поднесъ ладонь къ лицу, жадно вдохнулъ воздухъ и бросилъ нѣсколько горстей соли въ воду, которая сразу помутнѣла. Браунъ раздѣлся, вздрагивая, погрузился въ воду и закрылъ глаза.

Такъ онъ просидѣлъ безъ движенія минутъ пятнадцать. Вода остыла. Браунъ пустилъ большую струю кипятку, подвигая ближе къ ней колѣни. Когда вода въ ваннѣ стала жечь тѣло, онъ вышелъ, закутался въ мохнатую простыню и долго сидѣлъ за письменнымъ столомъ, передъ раскрытымъ томомъ Діогена Лаэртійскаго, внимательно читая напечатанныя подъ стекломъ объявленія пароходныхъ обществъ, гостиницъ и магазиновъ. Потомъ

взялъ съ окна бутылку коньяку, налилъ большую рюмку, выпилъ и занялся туалетомъ.

Браунъ былъ уже одѣтъ и выбритъ, когда со стола раздался звонокъ телефоннаго аппарата. Управляющій гостиницы просилъ разрѣшенія зайти. Черезъ минуту въ дверь постучали и появился мосье Берже, котораго до войны всѣ считали нѣмцемъ Бергеромъ и который въ 1914 году оказался уроженцемъ Эльзаса. Видъ у него былъ взволнованный и разстроенный, насколько можетъ быть взволнованный и разстроенный видъ у управляющаго гостиницы Паласъ.

— Monsieur, je vous demande bien pardon de vous déranger, — сказалъ онъ грустнымъ полушепотомъ. — Я долженъ васъ потревожить въ связи съ очень прискорбнымъ случаемъ...

Браунъ молча вопросительно смотрѣлъ на управляющаго, который говорилъ, запинаясь, по французски, съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Съ однимъ изъ нашихъ жильцовъ случилось вчера несчастье. Дѣло идетъ о мосье Фишерѣ. Вы, кажется, его знали... Мосье Шарль Фишеръ скончался...

По мертвенному лицу Брауна пробѣжало выраженіе ужаса.

— Фишеръ скончался? — вскрикнулъ онъ.

— Да... Это ужасно... И находящійся въ его номерѣ... слѣдователь желалъ бы навести нѣкоторыя справки у людей, лично знавшихъ покойнаго. Я позволилъ себѣ указать васъ, такъ какъ вы были знакомы съ мосье Фишеромъ. Надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ этого?

— Слѣдователь? — медленно спросилъ Браунъ. — Отчего же скончался Фишеръ?

Хозяинъ замялся.

— Это и выясняется теперь слѣдствіемъ...

— Онъ умеръ здѣсь, у себя въ номерѣ?

— О, нѣтъ, упаси Боже! — воскликнулъ Берже, точно это предположеніе крайне оскорбляло его гостиницу. — Мосье Фишеръ умеръ на какой-то квартирѣ, которую онъ, оказывается, снималъ въ городѣ... Но объ этомъ вамъ, безъ сомнѣнія, сообщитъ самъ слѣдователь, я ничего не знаю. Могу ли я доложить господину слѣдователю, что вы готовы немедленно къ нему явиться?

— Разумѣется... Я сейчасъ приду, — сказалъ Браунъ, помолчавъ. — Черезъ нѣсколько минутъ.

— Благодарю васъ. Такъ, пожалуйста, въ номеръ 67... Какое печальное происшествіе!.. До свиданья... И, пожалуйста, извините безпокойство...

Браунъ нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ, сѣлъ на диванъ, снова зашагалъ. Потомъ подошелъ къ зеркалу, смочилъ лобъ одеколономъ и вышелъ.

VI.

Въ раззолоченной гостиной большого номера изъ трехъ комнатъ, который занималъ въ бельэтажѣ гостиницы Паласъ умершій банкиръ Карлъ Фишеръ, за столомъ, у зажженной лампы, сидѣлъ слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, Николай Петровичъ Яценко, еще не старый, осанистый человѣкъ, съ очень пріятнымъ, умнымъ лицомъ. Онъ одновременно дѣлалъ два дѣла: просматривалъ бумаги, найденныя въ ящикахъ стола, и слушалъ стоявшаго передъ нимъ Антипова.

Слѣдователь Яценко былъ человѣкъ либеральныхъ взглядовъ; онъ читалъ «Русскія Вѣдомости», состоялъ въ оппозиціи высшимъ реакціоннымъ кругамъ министерства и былъ хорошъ съ самыми передовыми представителями адвокатуры. Обще-

ство сыщика было непріятно Яценко, — онъ чуть-чуть гордился тѣмъ, что оно ему непріятно. Не нравился ему и тонъ Антипова, какъ будто оффиціально почтительный, но вмѣстѣ и нѣсколько фамильярный, даже чуть-чуть шутливый, точно Антиповъ все время намекалъ на что-то забавное. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ тоновъ Антипова, тонъ, усвоенный имъ въ обращеніи со слѣдственными властями. Онъ такъ привыкъ къ переодѣваніямъ и къ ролямъ, что ему никакого труда не составляло совершенно измѣнять манеру, въ зависимости отъ того, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

— Ну, что-жъ, — сказалъ, подумавъ, Яценко, — продолжайте наблюденіе за этимъ Загряцкимъ. Улики противъ него довольно серьезныя и, если допросъ не разсѣетъ подозрѣній, я его, конечно, арестую.

— Разрѣшу себѣ информировать Ваше Превосходительство, — сказалъ Антиповъ, слегка улыбаясь. Яценко получилъ недавно чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Несмотря на его передовые взгляды, именованіе «Ваше Превосходительство» было пріятно Николаю Петровичу. Онъ вопросительно смотрѣлъ на сыщика.

— Ну-съ? — спросилъ онъ холодно.

— Разрѣшу себѣ доложить, что отказываться отъ немедленнаго ареста намъ форменно нѣтъ разсчета. Конечно, этотъ типъ уже могъ кое-что уничтожить изъ слѣдовъ криминала. Но узусъ показываетъ, что преступники не всегда уничтожаютъ тотчасъ все. Обо всемъ сразу вѣдь и не догадаешься. Было бы много лучше, если бы мы его форменно заарестовали и произвели настоящій обыскъ немедленно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ, хмурясь отъ «мы», слѣдователь. — Подозрѣваемый еще не есть виновный, а между тѣмъ арестъ по подозрѣнію въ

убійствѣ вещь серьезная. Улики пока недостаточны.

— Слушаю-съ, — сказалъ Антиповъ, блестя наглыми глазами. — Имѣю честь...

Онъ откланялся.

Яценко нагнулся надъ бумагами и сталъ писать, больше для того, чтобы не подать сыщику руки. Антиповъ весело на него поглядѣлъ и вышелъ изъ комнаты, по дорогѣ оглядѣвъ себя въ зеркало и оправивъ галстухъ.

Черезъ минуту въ дверь постучали, и на порогѣ появился Браунъ. Слѣдователь посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ахъ, вы докторъ Браунъ? — сказалъ онъ, вставая и протягивая руку. — Очень радъ познакомиться... Жаль, что по такому непріятному поводу... Пожалуйста, садитесь. Разрѣшите прямо перейти къ дѣлу. Банкиръ Карлъ Фишеръ, какъ вамъ уже вѣрно сказали, сегодня былъ найденъ мертвымъ на какой-то странной квартирѣ, въ весьма подозрительной обстановкѣ.

Онъ изложилъ, какъ и гдѣ было найдено тѣло Фишера. Браунъ слушалъ, не говоря ни слова.

— Мы еще ждемъ медицинской и химической экспертизы. Но есть всѣ основанія подозрѣвать, что Фишеръ сталъ жертвой убійцъ. Таковы первые результаты дознанія. Директоръ «Паласъ Отеля», изъ живущихъ въ гостиницѣ лицъ, которыя знали Фишера, назвалъ мнѣ васъ. Поэтому я позволилъ себѣ васъ побезпокоить. Не знаете-ли вы чего-либо, что могло бы пролить свѣтъ на дѣло и облегчить задачи слѣдствія? Нѣтъ ли у васъ какихъ-либо мыслей и подозрѣній, относящихся къ этому дѣлу?

— Никакихъ, — отвѣтилъ Браунъ. — Никакихъ подозрѣній.

— Вы давно знаете Фишера?

— Нѣтъ, не очень давно.

— Когда видѣли вы его въ послѣдній разъ?

— Кажется, вчера утромъ, — сказалъ, подумавъ, Браунъ. — Я видѣлъ его въ ресторанѣ гостиницы...

— Вы не замѣтили въ немъ ничего особеннаго?

— Ничего не замѣтилъ.

— Не говорилъ ли онъ вамъ о своихъ предположеніяхъ на вчерашній день?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Не извѣстно ли вамъ, — могла ли вчера находиться при Фишерѣ значительная сумма денегъ?

— Это мнѣ неизвѣстно.

Слѣдователь помолчалъ.

— Знаете ли вы также семью Фишера?

— Я встрѣчался заграницей съ его дочерью, она слушала мои лекціи. Его жена теперь, кажется, въ Крыму.

— Ей послана телеграмма. Съ нею вы не были знакомы?

— Я изъ ихъ семьи былъ знакомъ только съ банкиромъ и съ его дочерью.

— А съ нѣкіимъ Загряцкимъ?

— Развѣ онъ принадлежитъ къ семьѣ?

Слѣдователь усмѣхнулся.

— Видите ли, — сказалъ онъ, — я, въ отличіе отъ многихъ моихъ коллегъ, не считаю обязательной для слѣдователя чрезмѣрную скрытность... Отъ васъ, вѣроятно, не составляетъ секрета, что семья Фишера не блистала патріархальными добродѣтелями. Я докладывалъ вамъ, въ какой обстановкѣ умеръ банкиръ. Полицейское дознаніе уже успѣло выяснить, что при его супругѣ въ качествѣ признаннаго друга дома состоялъ Загряцкій. Древнее изреченіе вамъ извѣстно: Is fecit cui prodest. Мы обязаны подозрѣвать всѣхъ тѣхъ, кому могла быть выгодна смерть Фи-

шера. Если хотите, это съ моей стороны даже не подозрѣніе, а, такъ сказать, выполненіе формальной служебной обязанности. Розыскъ, кстати, сообщаетъ дурныя свѣдѣнія о Загряцкомъ: человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, съ сомнительнымъ прошлымъ, хотя и хорошей семьи, картежникъ, кутила и мотъ, жившій на счетъ Фишеровъ и очень хорошо жившій... Вы его знаете?

— Я встрѣчался съ нимъ у Фишера.

— Совпадаютъ ли ваши свѣдѣнія или хотя бы ваше впечатлѣніе съ той характеристикой Загряцкаго, которую даетъ розыскъ?

— Не берусь вамъ отвѣтить, я слишкомъ мало его знаю... Я съ большимъ трудомъ повѣрилъ бы, что онъ способенъ на убійство.

— Но все же повѣрили бы?

— Какъ повѣрилъ бы о комъ-угодно другомъ.

Слѣдователь посмотрѣлъ на Брауна.

— Такъ-съ... Ну, немного же вы мнѣ сообщили. Не знаете ли вы, кто изъ друзей или знакомыхъ семьи Фишеровъ могъ бы разсказать намъ побольше?

— Фишера знали очень многіе. Тысячи людей знали его такъ, какъ я. Изъ близкихъ же... Позвольте подумать... Нѣтъ, никого не могу вспомнить. Конечно, дочь. Но она живетъ заграницей и не идетъ въ счетъ...

Въ дверь постучали, въ комнату вошелъ мосье Берже. Онъ приблизился къ слѣдователю и сказалъ ему вполголоса:

— Одинъ персонъ желайтъ ситшасъ видѣть господинъ судья.

— Кто такой? — спросилъ Яценко.

— Son Excellence Monsieur Fedossieff, — сказалъ значительно управляющій гостиницы.

На лицѣ слѣдователя изобразилось удивленіе.

— Федосьевъ? — проговорилъ онъ. — Пожалуйста, просите...

Онъ всталъ и сказалъ поднявшемуся тоже Брауну:

— Вы меня извините. Его Превосходительство мосье Fedossieff (онъ съ ироніей произнесъ эти слова) желаетъ меня видѣть... Впрочемъ, нашъ дѣловой разговоръ конченъ. Можетъ быть, мнѣ придется еще разъ васъ потревожить, можетъ быть, и не придется: вы вѣдь ничего не знаете о дѣлѣ... Очень радъ былъ съ вами познакомиться...

Браунъ пожалъ ему руку и вышелъ. По освѣщенному электричествомъ корридору гостиницы, въ сопровожденіи мосье Берже и какихъ-то людей подозрительнаго вида, быстро шелъ высокій сѣдоватый, чуть сгорбленный человѣкъ, въ шубѣ съ большимъ бобровымъ воротникомъ, въ мѣховой шапкѣ. Это былъ Сергѣй Васильевичъ Федосьевъ, извѣстный всей Россіи, — извѣстный не самъ по себѣ (о личности его почти никто ничего не зналъ), а по той должности, которую онъ занималъ: по должности этой онъ вѣдалъ политической полиціей Имперіи. Федосьевъ шелъ, нервно оглядываясь по сторонамъ. Проходя мимо Брауна, онъ окинулъ его поспѣшнымъ подозрительнымъ взглядомъ, вдругъ остановился и спросилъ негромкимъ голосомъ:

— Если не ошибаюсь, Александръ Михайловичъ Браунъ?

Браунъ молча наклонилъ голову.

— Не знаю, помните ли вы меня? Мы когда-то учились вмѣстѣ въ университетѣ... Я Федосьевъ.

— Я помню васъ.

Федосьевъ быстрымъ, не вполнѣ увѣреннымъ, жестомъ протянулъ ему руку.

— Мы не встрѣчались лѣтъ двадцать пять,—сказалъ онъ, любезно улыбаясь и не спуская холод-

ныхъ глазъ съ Брауна. — Но я слѣдилъ за вашей карьерой, слышалъ, читалъ. О васъ много писали два года тому назадъ, когда вы получили медаль имени Дэви...

— Вы помните и это?

— Какъ видите. Очень горжусь тѣмъ, что былъ университетскимъ товарищемъ знаменитаго ученаго.

Браунъ развелъ слегка руками. Отвѣтить комплиментомъ было мудрено: карьеру Федосьева хорошо знала вся Россія.

— Слышалъ, что вы давно поселились въ Парижѣ: у насъ, по глупости нашего правительства (онъ особенно отчетливо произнесъ эти слова), у насъ не сумѣли васъ оцѣнить. Знаю и то, что вы недавно вернулись въ Россію и работаете въ тылу и на фронтѣ на пользу химической обороны государства. Былъ бы искренно радъ встрѣтиться съ вами и побесѣдовать? — полувопросительно добавилъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Очень, очень хочу, — проговорилъ Федосьевъ. — Вы здѣсь изволите жить?.. До скораго свиданія. Я позвоню вамъ по телефону. Весьма радъ встрѣчѣ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Брауну. Дверь номера 67 открылась. На порогѣ показался съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Яценко. Онъ съ достоинствомъ поклонился Федосьеву и пропустилъ его въ дверь. Мосье Берже и подозрительнаго вида люди остались въ корридорѣ.

VII.

Яценко понималъ, что неожиданное посѣщеніе Федосьева имѣло отношеніе къ дѣлу объ убійствѣ Фишера. Это было непріятно слѣдователю. Онъ

считалъ отрицательнымъ явленіемъ самое существованіе особой, самостоятельной и полновластной политической полиціи. Ея вмѣшательство, хотя бы и отдаленное, въ дѣла судебнаго слѣдствія представлялось ему нарушеніемъ основныхъ идей и традицій реформы шестидесятыхъ годовъ.

Николай Петровичъ съ оффиціальной учтивостью поздоровался съ Федосьевымъ и слегка придвинулъ ему кресло. Этотъ хозяйскій жестъ долженъ былъ дать почувствовать посѣтителю, что въ номерѣ Фишера распоряжается онъ, Яценко. Федосьевъ, однако, не обратилъ, повидимому, никакого вниманія на смыслъ жеста и даже на самый жестъ. Любезно, какъ со старымъ знакомымъ, поздоровавшись съ Яценко (котораго онъ едва зналъ), онъ, не садясь, неторопливо и внимательно сталъ осматриваться въ комнатѣ. Хотя это продолжалось недолго, слѣдователь успѣлъ два раза кашлянуть, — второй разъ съ легкимъ раздраженіемъ. Онъ еще тронулъ кресло, предназначенное для посѣтителя, а затѣмъ отошелъ по другую сторону письменнаго стола.

— Вашему Превосходительству угодно было меня видѣть? — сухо произнесъ онъ.

— Такъ точно... Прошу Ваше Превосходительство извинить безпокойство, — сказалъ Федосьевъ. — Николай Петровичъ? — полуспросилъ онъ, садясь.

Слѣдователь кивнулъ головой. Его смягчилъ тонъ Федосьева и то, что гость зналъ его имя-отчество. Самъ онъ, однако, продолжалъ обращаться къ Федосьеву оффиціально.

— Какъ вы догадываетесь, Николай Петровичъ, — неторопливо и гладко, негромкимъ голосомъ заговорилъ Федосьевъ, — я рѣшился побезпокоить васъ въ связи съ тѣмъ дѣломъ, которое находится въ вашемъ производствѣ. Узнавъ о

происшествіи съ Фишеромъ, я утромъ позвонилъ по телефону въ министерство, и мнѣ оттуда сообщили, что дѣло поступило къ вамъ. Разумѣется, я былъ искренно этому радъ: вашъ опытъ и энергія мнѣ, какъ всѣмъ, хорошо извѣстны (Яценко молча поклонился). И я подумалъ, чѣмъ писать всякія бумаги, гораздо проще непосредственно обратиться къ вамъ, для выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ этого дѣла.

— Ваше Превосходительство предполагаете, что дѣло Фишера можетъ быть не чуждо политическаго элемента?

— О, нѣтъ, я ничего не предполагаю, Николай Петровичъ, — сказалъ Федосьевъ. — Или, вѣрнѣе, я a priori допускаю возможность политическаго элемента во всякомъ дѣлѣ такого рода.

— «Какого рода?» — спросилъ себя Яценко. Федосьевъ понялъ его мысль.

— Банкиръ Фишеръ, — произнесъ онъ неохотно, — былъ крупный дѣлецъ международнаго масштаба, неопредѣленной національности, съ нѣмецкой фамиліей. Наше вѣдомство обязано хоть издали слѣдить за подобными людьми, особенно въ грозное военное время. А если такой человѣкъ умираетъ въ загадочной обстановкѣ, то я былъ бы просто нерадивъ въ исполненіи своихъ обязанностей, когда не освѣдомился бы объ обстоятельствахъ этого дѣла.

— Такимъ образомъ, я долженъ предположить, что Ваше Превосходительство желаете получить свѣдѣнія о порученномъ мнѣ дѣлѣ, такъ сказать, въ частномъ порядкѣ?

Федосьевъ взглянулъ на слѣдователя.

— О да, въ частномъ порядкѣ, только въ частномъ порядкѣ, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ проговорилъ онъ. — Если бъ я хотѣлъ идти путемъ оффиціальнымъ, я сказалъ бы объ этомъ

N (Федосьевъ назвалъ по имени-отчеству предсѣдателя совѣта министровъ), онъ обратился бы къ министру юстиціи, министръ юстиціи къ прокурору палаты, а прокуроръ палаты истребовалъ бы справку у товарища прокурора, который наблюдаетъ за вашимъ слѣдствіемъ... Согласитесь, что не стоитъ безпокоить столько занятыхъ людей. Я поэтому въ частномъ порядкѣ прошу васъ изложить мнѣ ваши свѣдѣнія и предположенія о дѣлѣ, — сказалъ онъ, подчеркивая слово «прошу».

— Я къ вашимъ услугамъ, — сухо проговорилъ слѣдователь. — Такъ вотъ, видите ли, банкиръ Карлъ Фишеръ былъ сегодня въ 6 часовъ утра найденъ мертвымъ въ квартирѣ на...

Федосьевъ прервалъ его мягкимъ жестомъ руки.

— Обстоятельства, при которыхъ было обнаружено убійство, — сказалъ онъ, — мнѣ извѣстны. Я самъ какъ разъ пріѣхалъ сюда изъ той квартиры...

«Однако!» — подумалъ слѣдователь.

— Такъ, чтобы вамъ не утруждаться, Николай Петровичъ, будьте добры сообщить мнѣ лишь данныя, добытыя первыми шагами дознанія, а также тѣ предположенія и подозрѣнія, которыя у васъ могутъ быть.

— Очень хорошо. Дѣло о смерти Фишера поступило ко мнѣ лишь нѣсколько часовъ тому назадъ и вполнѣ оформленной гипотезы у меня, разумѣется, еще быть не можетъ. До медицинскаго вскрытія тѣла и до производства химическаго изслѣдованія невозможно даже съ точностью удостовѣрить, что Фишеръ умеръ насильственной, а не естественной смертью, хотя, конечно, всѣ данныя говорятъ именно объ убійствѣ. Предположенія же и подозрѣнія, какъ вы изволили замѣтить, у меня точно есть. Начну съ того, что на Фи-

шерѣ оказались въ сохранности золотые часы и бумажникъ, — правда, только съ 70-ю рублями. Это, повидимому, исключаетъ предположеніе объ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Можно, конечно, допустить, что въ бумажникѣ была гораздо большая сумма, которой и воспользовался убійца, оставивъ 70 рублей для отвода глазъ. Но для этого предположенія нѣтъ основаній. Затѣмъ грабитель едва ли могъ воспользоваться ядомъ, какъ способомъ убійства. Такимъ образомъ гипотеза грабежа мало вѣроятна... Слѣдовательно, надо искать убійцу среди людей, которымъ могла быть выгодна смерть Фишера.

Онъ остановился. Федосьевъ молча на него смотрѣлъ.

— Жена умершаго Фишера, — сказалъ слѣдователь, — была въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкіимъ господиномъ Загряцкимъ. Личность эта, по даннымъ, добытымъ розыскомъ, весьма сомнительныхъ моральныхъ качествъ, («кому говорю?» — мелькнула мысль у Яценко). Этотъ господинъ прокутилъ состояніе, унаслѣдованное отъ отца, служилъ, потомъ ушелъ со службы или его ушли. Въ послѣднее время онъ жилъ, повидимому, на средства Фишера, съ которымъ состоялъ въ самыхъ лучшихъ по внѣшности отношеніяхъ. Зналъ ли Фишеръ о связи Загряцкаго съ женой, мнѣ пока неизвѣстно. Но ихъ часто видали вмѣстѣ. Фишеръ занимался своими аферами днемъ, а вечеромъ постоянно посѣщалъ всякаго рода увеселительныя мѣста и притоны. Квартира, въ которой онъ умеръ, была мѣстомъ настоящихъ оргій. Ѣздилъ онъ туда въ обществѣ очень молодыхъ женщинъ, вѣрнѣе было бы сказать, дѣвочекъ, — убитый былъ, повидимому, человѣкъ весьма развращенный, — вставилъ Яценко. — Почти всегда его туда сопровождалъ какой-то мужчина или мужчи-

ны. Въ обществѣ мужчины его видѣлъ мелькомъ дворникъ дома, въ которомъ снята была Фишеромъ квартира. Но было это вечеромъ, на дворѣ, и лица спутника Фишера дворникъ не разглядѣлъ... Далѣе: по всей видимости, никакой другой мужчина не могъ быть заинтересованъ въ смерти Фишера. Заинтересованы могли быть, предполагая худшее, двѣ женщины: его жена и его дочь. Но онѣ обѣ, по даннымъ розыска, находятся внѣ Петербурга. Госпожа Фишеръ теперь въ Крыму, — ей послана телеграмма, — а дочь заграницей. Со смертью Фишера значительная часть его огромнаго богатства, очевидно, переходитъ къ женѣ. Можно предположить, что отъ Загряцкаго зависѣло бы на ней жениться или просто отобрать у нея деньги. Это все, разумѣется, только гипотеза. Но вотъ и нѣчто другое: факты.

Слѣдователь опять помолчалъ.

— Въ ящикѣ этого письменнаго стола, — началъ онъ снова, — при произведенномъ мною бѣгломъ разборѣ бумагъ Фишера — ихъ, кстати, оказалось очень немного — нашлись: во-первыхъ, шестимѣсячный вексель, выданный Загряцкимъ на имя Фишера, на сумму пять тысячъ рублей. Срокъ этому векселю истекаетъ черезъ двѣ недѣли. Во-вторыхъ, записка, посланная Фишеру Загряцкимъ, въ которой онъ обѣщаетъ быть «тамъ, гдѣ всегда» въ 10 часовъ вечера... Записка числомъ не помѣчена. Угодно вамъ взглянуть? — спросилъ онъ, показывая рукой на кучу бумагъ.

Федосьевъ сдѣлалъ отрицательный жестъ, закрывъ на секунду глаза.

— Въ-третьихъ, розыскъ установилъ путемъ опроса прислуги того дома, гдѣ живетъ Загряцкій, что онъ ушелъ вчера изъ дому около пяти часовъ вечера, вернулся поздно, а утромъ, часовъ въ девять, опять ушелъ изъ дому, чего обыч-

но не дѣлалъ. Я, разумѣется, не думаю, что онъ скрылся, — это значило бы себя выдать. Но до сихъ поръ я не могъ его розыскать и допросить. Наконецъ, въ-четвертыхъ, квартира, гдѣ умеръ Фишеръ, отпирается особымъ никкелированнымъ ключомъ довольно сложной формы. Сыскной полиціи удалось отыскать, по сосѣдству съ квартирой, слесаря, у котораго этотъ ключъ былъ заказанъ. Слесарь утверждаетъ, что сдѣлалъ въ свое время два такихъ ключа, сдѣлалъ по заказу господина, примѣты котораго совпадаютъ съ примѣтами Загряцкаго. Вотъ пока все. За квартирой Загряцкаго ведется наблюденіе. Если этотъ господинъ на допросѣ не установитъ безусловнаго alibi, я его арестую... Ваше Превосходительство видите, что въ дѣлѣ трудно предположить наличность политическаго элемента.

— Послѣ Фишера осталось завѣщаніе? — спросилъ Федосьевъ, не поднимая глазъ и барабаня пальцами по столу.

— Здѣсь, въ номерѣ, завѣщанія не оказалось, — отвѣтилъ нѣсколько удивленный слѣдователь. — Но мы нашли ключъ отъ сейфа въ банкѣ. Можетъ быть, завѣщаніе тамъ или у нотаріуса... Это выяснится не сегодня-завтра.

— Я вамъ буду чрезвычайно обязанъ, если вы дадите мнѣ объ этомъ знать, когда это выяснится. Объ этомъ, а также обо всемъ, что будетъ найдено въ сейфѣ. Весьма вамъ буду благодаренъ за любезное освѣдомленіе... Въ нѣсколько часовъ вы установили очень многое. Кому порученъ розыскъ по этому дѣлу? Антипову?

— Да, Антипову.

— Желаю вамъ успѣха. Онъ пускалъ полицейскихъ собакъ?

— Нѣтъ еще.

— Это иногда — далеко не всегда, впрочемъ, — достигаетъ цѣли. Я нисколько, разумѣется, не настаиваю, это ваше дѣло. Мое дѣло только быть въ курсѣ. Надѣюсь, будете меня освѣдомлять и дальше... Еще разъ васъ благодарю и прошу извинить, что побезпокоилъ... понапрасну.

Онъ всталъ и простился. Слѣдователь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, провожая его къ выходу. У двери Федосьевъ остановился и спросилъ:

— А что же Александръ Михайловичъ Браунъ? Его вы, собственно, почему къ себѣ вызывали? Я встрѣтилъ его, входя къ вамъ...

— Онъ живетъ въ этой гостиницѣ и былъ хорошо знакомъ съ Фишеромъ, я разсчитывалъ коечто у него узнать.

— И что же, узнали что-нибудь?

— Почти ничего... Ваше Превосходительство его знаете?

— Мы учились одновременно въ университетѣ, правда, по разнымъ факультетамъ и курсамъ.

— Онъ по происхожденію изъ нѣмцевъ?

— Не могу вамъ сказать. Вѣроятно, изъ обрусѣвшихъ инородцевъ.

— Интересное лицо... Онъ знакомъ также и съ Загряцкимъ.

— Да? У нашего знаменитаго ученаго странныя знакомства... Не у Загряцкаго ли онъ научился пить вино съ утра?..

Федосьевъ негромко засмѣялся и вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Hall гостиницы Паласъ, ярко освѣщенный люстрами, былъ переполненъ. Столики сіяли бѣлоснѣжными скатертями, серебромъ. Скрипачъ,

толстый румынъ, съ потнымъ оливковаго цвѣта лицомъ и черно-синими волосами, на бойкой руладѣ оборвалъ модную пѣсенку и, радостно оглядѣвъ публику, заигралъ румынскій гимнъ. Никто не поднялся. Послышался смѣхъ. Скрипачъ раздулъ черныя ноздри и возвелъ глаза къ люстрѣ. Но, повидимому, не слишкомъ обидѣлся и принялъ смѣхъ, какъ должное.

По лѣстницѣ, въ шубѣ, опираясь на палку, спустился Браунъ и прошелъ мимо hall'я. Мальчикъ въ курточкѣ съ золочеными пуговицами повернулъ передъ нимъ вертящуюся дверь. Подуло сырымъ холоднымъ вѣтромъ.

На мачтѣ Зимняго Дворца вѣтеръ трепалъ штандартъ. У колоннъ по сторонамъ отъ главныхъ воротъ замерли великаны часовые. Браунъ приблизился ко дворцу и пошелъ къ Зимней Канавкѣ. Снѣжная пыль, какъ стая мошекъ, вилась вдали вокругъ фонаря. Капли воды тоскливо обрывались съ краевъ герба, съ фигуръ и вазъ на карнизахъ, со сводовъ галлереи. На набережной было темно и пустынно. Свистѣлъ осенній вѣтеръ. Браунъ подошелъ къ периламъ и наклонился надъ водой. Затѣмъ торопливо вынулъ изъ кармана никкелированный ключъ, осмотрѣлся и швырнулъ его въ воду.

IX.

У извѣстнаго адвоката Семена Исидоровича Кременецкаго на большомъ пріемѣ должны были сойтись не только присяжные повѣренные, составлявшіе его обычное общество, но также профессора, артисты, писатели, общественные дѣятели. Обѣщало пріѣхать и нѣсколько второстепен-

ныхъ сановниковъ, склонявшихся къ оппозиціи съ 1915 года. Къ Кременецкому, несмотря на его радикальные взгляды и на еврейское происхожденіе (онъ, впрочемъ, еще въ ранней молодости принялъ лютеранскую вѣру), относились благосклонно многіе сановники, не исключая стараго сенатора Медвѣдева, грозы всѣхъ адвокатовъ Россіи. Болѣе умные изъ сановниковъ находили, что либеральныя убѣжденія почти такъ же обязательны при общественномъ положеніи Кременецкаго, какъ умѣренно-консервативные взгляды въ ихъ собственномъ положеніи. Долженъ былъ прибыть на пріемъ и видный членъ британской миссіи въ Петербургѣ, майоръ Вивіанъ Клервилль, съ которымъ недавно познакомился Кременецкій. Присутствіе представителя союзныхъ армій, какъ думалъ хозяинъ дома, сообщало особый характеръ вечеру, какъ бы намѣчая ту платформу, на которой объединялись теперь сановники съ радикальной интеллигенціей.

Кременецкій былъ сторонникомъ войны до полной побѣды, хотя и не слишкомъ вѣрилъ въ полную побѣду. Онъ смолоду учился въ Гейдельбергскомъ университетѣ и вывезъ оттуда, кромѣ обязательнаго для всѣхъ бывшихъ гейдельбержцевъ запаса однихъ и тѣхъ же анекдотовъ о Куно Фишерѣ, еще и увѣренность въ несокрушимой мощи Германіи. Но онъ придерживался союзной оріентаціи, нѣмцевъ недолюбливалъ и считалъ ихъ всѣхъ мѣщанами, судя о нихъ, главнымъ образомъ, по своимъ квартирнымъ хозяйкамъ.

На пріемѣ предполагалось и музыкальное отдѣленіе, съ участіемъ передового композитора и пѣвца, тенора частной оперы. Композиторъ игралъ безплатно, — онъ вездѣ и всегда былъ радъ исполнять свои произведенія, а тѣмъ болѣе на вечерѣ у Кременецкаго, который и въ музыкѣ при-

держивался передовыхъ взглядовъ: говорилъ, что для него музыка начинается съ Дебюсси. Пѣвецъ же получалъ за свое выступленіе четыреста рублей, уже отложенныхъ хозяйкой въ конвертъ (его предполагалось всунуть послѣ ужина пѣвцу незамѣтно, хотя сумма эта была заранѣе точно установлена по телефону не безъ полушутливаго торга, — пѣвецъ хотѣлъ пятьсотъ).

По случаю большого пріема обѣдъ былъ поданъ раньше обычнаго и продолжался очень недолго. Послѣ обѣда хозяинъ, очень высокій, грузный и рыхлый блондинъ, походившій на актера-любимца дамъ, второй разъ въ этотъ день выбрился въ своей маленькой спальнѣ передъ огромнымъ трехстворчатымъ зеркаломъ. Затѣмъ онъ надѣлъ, морщась, туго накрахмаленную бѣлую рубашку и смокингъ. Надѣвая брюки, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что пуговицы сошлись на животѣ не очень легко, хотя смокингъ былъ сшитъ недавно. «Послѣ войны сейчасъ же надо будетъ съѣздить въ Маріенбадъ», — подумалъ онъ. — «Хлѣба, говорятъ, нужно ѣсть меньше»...

Несмотря на то, что скоро могли появиться первые гости, Кременецкій еще сѣлъ за работу, — онъ работалъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году по десять часовъ въ день регулярно, — чѣмъ крайне огорчалъ жену и наводилъ трепетъ на помощниковъ. Семенъ Исидоровичъ прошелъ въ свой кабинетъ, обставленный въ строгомъ дѣловомъ стилѣ. Вдоль стѣнъ тянулись шкапы съ книгами преимущественно юридическаго и политическаго содержанія, въ темныхъ переплетахъ съ иниціалами С. К. внизу на корешкахъ. На шкапахъ и на огромномъ письменномъ столѣ были разставлены фотографіи виднѣйшихъ судебныхъ и политическихъ дѣятелей съ посвященіями хозяину. Позади письменнаго стола, надъ длинной полкой съ

«Энциклопедическимъ Словаремъ», зажатымъ между двумя бронзовыми львами, висѣлъ портретъ госпожи Кременецкой работы извѣстнаго художника, а на противоположной стѣнѣ огромная фотографія, изображавшая босого Толстого. Низенькая, заклеенная обоями, незамѣтная дверь вела въ канцелярію (Кременецкій такъ называлъ комнату, гдѣ работали его помощники и переписчица).

Въ кабинетѣ ничто не было измѣнено въ связи съ предстоящимъ пріемомъ, — онъ и въ обычное время содержался въ образцовомъ порядкѣ. Только на каминѣ стояли подносы съ рюмками и нѣсколько бутылокъ. Это было сдѣлано по настоянію Кременецкаго, — его жена находила, что незачѣмъ подавать гостямъ спиртные напитки до ужина. «Это, если хочешь, даже и дурной тонъ», — сказала Тамара Матвѣевна. Семенъ Исидоровичъ не вмѣшивался въ хозяйственную сторону вечера, всецѣло полагаясь на жену, которая имѣла довольно большой опытъ. Кременецкій, зарабатывавшій до ста тысячъ рублей въ годъ, былъ уже нѣсколько лѣтъ вполнѣ обезпеченнымъ, даже почти богатымъ человѣкомъ. На спиртныхъ напиткахъ онъ, однако, настоялъ.

— Дурной или не дурной тонъ, — сказалъ онъ не безъ раздраженія, — а безъ алкоголя оживленія не бываетъ и въ самомъ лучшемъ обществѣ. Сдѣлай, золото мое, какъ я говорю.

Его желаніе было, какъ всегда, тотчасъ исполнено. Тамара Матвѣевна боготворила своего мужа и считала его первымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Семенъ Исидоровичъ сѣлъ за столъ и придвинулъ папку, заключавшую въ себѣ документы по громкому дѣлу, по которому онъ долженъ былъ выступить въ судѣ черезъ два дня. Кременецкій часто велъ политическіе процессы, выступалъ

иногда и по гражданскимъ дѣламъ, но настоящей его спеціальностью, по общему мнѣнію адвокатовъ, были «дѣла на романической подкладкѣ». Таково было и это дѣло. Семенъ Исидоровичъ внимательно перелисталъ документы. Онъ всегда очень добросовѣстно готовился къ процессамъ, почти не дѣлая разницы въ этомъ отношеніи между богатыми и бѣдными кліентами. Своей карьерой онъ былъ обязанъ не только таланту, но и порядочности и корректности во всемъ. Читая записку своего помощника, Кременецкій тотчасъ замѣтилъ, что въ ней не хватало ссылки на важное сенатское рѣшеніе. «Охъ, ужъ этотъ Никоновъ», — подумалъ онъ, — «миляга парень, но звѣздъ съ неба не хватаетъ»... Семенъ Исидоровичъ, для примѣра помощнику, разыскалъ нужную справку и самъ съ особеннымъ удовольствіемъ вписалъ ее въ дѣло полностью. Хотя сенатскія рѣшенія обычно составлялись людьми враждебныхъ ему взглядовъ, Кременецкій относился къ этимъ рѣшеніямъ съ большимъ уваженіемъ, даже съ любовью: онъ вообще страстно любилъ все связанное съ судомъ. Созданный для адвокатской профессіи, онъ и жить безъ нея не могъ бы.

Вписавъ справку, Семенъ Исидоровичъ сталъ мысленно воспроизводить свою рѣчь, уже почти готовую. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и не заучивалъ рѣчей наизусть, но нѣкоторыя наиболѣе эффектныя мѣста для громкихъ процессовъ подготовлялъ и отдѣлывалъ заранѣе. Рѣчью своей онъ на этотъ разъ былъ очень доволенъ. Кременецкій вполголоса, но выразительно прочелъ ея послѣднія фразы.

«Господа присяжные засѣдатели! Вамъ извѣстенъ великій завѣтъ, которымъ такъ справедливо гордится наша родина: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ...» (онъ помолчалъ, затѣмъ

заговорилъ снова проникновенно): «Священныя слова, господа присяжные! Увы, слишкомъ часто намъ, при исполненіи труднаго, но и отраднаго долга защиты, слишкомъ часто намъ приходится просить у васъ милости для людей, ввѣрившихъ намъ свою судьбу и жизнь. И въ милости, какъ извѣстно, никогда не отказываетъ великодушный народъ русскій, сочувствующій всѣмъ несчастнымъ, всѣмъ страждущимъ, всѣмъ угнетеннымъ... (онъ опять помолчалъ). Но въ этомъ дѣлѣ, господа судьи, господа присяжные, намъ нужна не милость, а правда, одна правда и только правда! Ибо женщина, которая вонъ съ той деревянной скамьи со страстной надеждой и горячей мольбою взираетъ на васъ, неповинна въ инкриминируемомъ ей преступленіи. Эту женщину за что-то неумолимо преслѣдуетъ фатумъ, мойра древнихъ грековъ, рокъ, таинственную и жестокую поступь котораго великой совѣстью своей такъ чутко понялъ и безсмертнымъ перомъ такъ вдохновенно описалъ нашъ геніальный правдолюбецъ и правдоискатель Достоевскій. Господа присяжные засѣдатели, вы протянете этой женщинѣ руку помощи!.. Судьи народной совѣсти, властью, данной вамъ Богомъ и людьми, вы защитите отъ злого рока несчастную!»

«Плевако, Лабори лучше не сказали бы», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ. За этимъ мѣстомъ явно должны были послѣдовать бурныя рукоплесканія публики и угроза предсѣдателя очистить залъ засѣданія. Кременецкій успокоенно отложилъ папку, взглянулъ на стѣнные часы, — было девять, — и развернулъ лежавшую на столѣ вечернюю газету. Онъ началъ читать сообщеніе генеральнаго штаба, но какъ разъ внизу страницы слѣва (хоть онъ вовсе туда и не смотрѣлъ) ему бросилась въ глаза его собственная фамилія съ ини-

ціалами имени-отчества. Семенъ Исидоровичъ мгновенно оставилъ сообщеніе ставки. Рѣчь шла объ юбилеѣ одного изъ его товарищей по сословію, старика безъ большой практики, котораго всѣ любили и неизмѣнно выбирали въ совѣтъ за старость, честность и представительную наружность. Въ числѣ адвокатовъ, вошедшихъ въ комитетъ по устройству чествованья, былъ названъ С. И. Кременецкій, но его фамилія стояла на седьмомъ мѣстѣ. «Можетъ, по алфавиту?» — безпокойно спросилъ себя Семенъ Исидоровичъ и сталъ провѣрять, припоминая порядокъ буквъ. Однако выходило не по алфавиту: П. Я. Меннеръ былъ названъ на третьемъ мѣстѣ. «Странная вещь», — подумалъ съ неудовольствіемъ Семенъ Исидоровичъ, — «ну, Якубовичъ могъ быть, пожалуй, названъ раньше меня, если не по алфавиту, но ужъ никакъ не этотъ карьеристъ»... Въ той же газетѣ Семена Исидоровича недавно назвали «виднымъ адвокатомъ» — и этотъ эпитетъ чувствительно задѣлъ Кременецкаго; обычно его въ печати называли «извѣстнымъ»; а въ одной провинціальной газетѣ, въ городѣ, куда онъ выѣзжалъ для выступленія въ судѣ, было даже сказано «нашъ знаменитый петербургскій гость». Семенъ Исидоровичъ, хмурясь, вернулся къ сообщеніямъ съ фронтовъ и быстро пробѣжалъ весь отдѣлъ «Война». Бои шли на Стоходѣ и у Крево... Вновь замѣчено употребленіе турками разрывныхъ пуль... Подпоручикъ Шнемеръ сбилъ двадцать третій нѣмецкій аэропланъ... Въ общемъ на фронтѣ ничего особеннаго не случилось... Кременецкій вспомнилъ, что въ скоромъ времени предстоялъ его собственный двадцатипятилѣтній юбилей. «Это, конечно, какъ считать... Подогнать можно къ сезону»... Семенъ Исидоровичъ зналъ, что юбилеи почти никогда не организуются сами собой,

по иниціативѣ почитателей, и что заботиться о нихъ необходимо либо самому юбиляру, либо его семьѣ, — мѣняется же только маскировка, отъ очень дипломатичной до очень грубой. — «Ну, еще много времени», — подумалъ онъ и перевернулъ страницу газеты. На второй страницѣ два столбца были отведены новымъ свѣдѣньямъ объ убійствѣ Фишера. Сообщалось въ довольно туманныхъ выраженіяхъ, что задержанъ нѣкій Загряцкій. Противъ него были серьезныя улики. Кременецкій прочелъ все очень внимательно. Онъ былъ знакомъ съ Фишеромъ, какъ со всѣми въ Петербургѣ. Смерть банкира оставила его совершенно равнодушнымъ: Кременецкій былъ не молодъ и не старъ, — успѣлъ привыкнуть къ чужимъ смертямъ и еще не очень думалъ о собственной. Но ему страстно хотѣлось получить это дѣло. «Если ужъ не мнѣ, то хоть бы Якубовичу досталось, а не Меннеру и не другимъ шарлатанамъ», — подумалъ онъ. Мысль эта взволновала Семена Исидоровича. Онъ всталъ и вышелъ изъ кабинета.

X.

Гостиная, купленная за большія деньги въ Вѣнѣ послѣ одного дѣла, на которомъ Кременецкій заработалъ сразу тридцать тысячъ рублей, рѣзко отличалась отъ кабинета по стилю. Въ этой огромной комнатѣ былъ и американскій бѣлый рояль, и голубой диванъ съ придѣланными къ нему двумя узенькими книжными шкапами, и этажерки съ книгами, и круглый столъ, заваленный художественными изданіями, толстыми журналами. На стѣнахъ висѣли рисунки Сезанна, не очень давно вошедшіе въ моду у петербургскихъ цѣнителей. Была и коллекція старинныхъ рисунковъ,

на одинъ изъ которыхъ хозяинъ обращалъ вниманіе гостей, замѣчая вскользь, что это подлинный Николай Зафури. Еще въ другомъ родѣ былъ будуаръ, расположенный между кабинетомъ и гостиной. Здѣсь все было чрезвычайно уютное и нѣсколько миніатюрное: небольшія шелковыя кресла, низенькіе пуфы, качалка въ маленькой нишѣ, крошечная полка съ произведеніями поэтовъ, горка русскаго фарфора и портретъ Генриха Гейне въ золотой рамкѣ вѣнкомъ, искусно составленнымъ изъ лавровъ и терній. Мебели вообще было много и, по разсчету хозяевъ, они могли принимать до ста человѣкъ, перенося въ парадныя комнаты лучшіе стулья изъ другихъ частей квартиры. Впрочемъ, такіе большіе пріемы устраивались чрезвычайно рѣдко, а баловъ, по случаю войны, не давалъ никто.

Въ хрустальной люстрѣ была зажжена половина лампочекъ. Поджидая хозяевъ, два помощника Кременецкаго, свои люди въ домѣ, вели между собой вѣчный разговоръ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ — о размѣрахъ практики разныхъ знаменитостей адвокатскаго міра и объ ихъ сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Одинъ изъ помощниковъ, Никоновъ, былъ во фракѣ, другой, Фоминъ, служившій въ Земскомъ Союзѣ, въ темнозеленомъ френчѣ, съ тремя звѣздочками на погонахъ.

— Что же вы думаете, коллега, о дѣлѣ Фишера? Убилъ, конечно, Загряцкій, — сказалъ Никоновъ.

— Позвольте, во-первыхъ, не доказано, что Фишеръ былъ убитъ. Экспертизы еще не было.

— Какое же можетъ быть сомнѣніе? Безъ причины люди не умираютъ...

— Умираютъ на шестомъ десяткѣ отъ тѣхъ «petits jeux», которыми занимался Фишеръ... А, во-вторыхъ, почему Загряцкій?

— Кто же другой? Другому некому.

— Позвольте, дорогой коллега, вы разсуждаете не какъ юристъ. Onus probandi лежитъ на обвиненіи, разумѣется, если вы ничего противъ этого не имѣете.

— Да что onus probandi, — сказалъ Никоновъ. — Загряцкій убилъ, какой тутъ onus probandi! А вотъ, что это дѣло отъ Семы не уйдетъ, — это фактъ.

— Бабушка на двое сказала, и даже, passez moi le mot, не на двое, а на трое или больше: если вамъ все равно, есть еще и Якубовичъ, и Меннеръ, и Гердъ, и Матвѣевъ, не говоря о dii minores.

— Нѣтъ, это дѣло не для нихъ. Меннеръ хорошъ въ военномъ. Якубовичъ, — да, пожалуй, при разборѣ уликъ, Якубовичъ, конечно, на высотѣ. А все-таки, гдѣ ядъ, кинжалъ, револьверъ, сѣрная кислота, тамъ Сема незамѣнимъ. Онъ вамъ и народную мудрость зажаритъ, онъ и стишокъ скажетъ, онъ и Грушеньку, и Настасью Филипповну запуститъ.

— Достоевскаго знаетъ, собака, какъ сенатскія рѣшенія, — съ уваженіемъ подтвердилъ Фоминъ.

— Если на антеллегентныхъ присяжныхъ, да со слезой, никто, какъ Сема. Развѣ изъ Москвы Керженцева выпишутъ.

— Керженцевъ меньше чѣмъ за пять не пріѣдетъ. Ему на славу наплевать. Il s'en fiche.

— Ну, и три возьметъ. Съ Ляховскаго, помните, всего двѣ тысячи содралъ.

— Позвольте, вѣдь это когда было? De l'histoire ancienne. Теперь, Григорій Ивановичъ, цѣны не тѣ...

— А вотъ, помяните мое слово, Семѣ достанется дѣло, и онъ выиграетъ какъ захочетъ.

— Ораторъ Божьей милостью...

— Да, только ужасно любитъ «нашего могучаго русскаго языка»...

Фоминъ сдѣлалъ ему знакъ глазами. Въ гостиную вошла Муся, дочь Кременецкаго, очень хорошенькая двадцатилѣтняя блондинка въ модной короткой robe chemise, розоваго шелка, открывавшей почти до колѣнъ ноги въ серебряныхъ туфляхъ и въ чулкахъ тѣлеснаго цвѣта. Фоминъ звякнулъ по военному шпорами и зажмурилъ отъ восхищенія глаза.

— Марія Семеновна, pour Dieu, pour Dieu, чья это création? — сказалъ онъ, неожиданно картавя. — Какая прелесть!..

Муся, не отвѣчая, повернула выключатель, зажгла люстру на всѣ лампочки и подошла къ зеркалу.

«Какой сладенькій голосокъ» — подумала она. — «И надоѣли его французскія фразы»...

У нея былъ дурной день. Наканунѣ, часовъ въ десять вечера, она возвращалась домой пѣшкомъ (ее только недавно стали отпускать изъ дома одну); къ ней присталъ какой-то господинъ, и долго, съ шуточками вполголоса, преслѣдовалъ ее по пустынной набережной, такъ что ей стало страшно. Она «сдѣлала каменное лицо» и зашагала быстрѣе, Господинъ, наконецъ, отсталъ. И вдругъ, когда его шаги замолкли далеко позади нея, ей мучительно захотѣлось пойти съ нимъ — въ таинственное мѣсто, куда онъ могъ ее повести,—захотѣлось узнать, что будетъ, испытать то страшное, что онъ съ ней сдѣлаетъ... Она плохо спала, у ней были во снѣ видѣнія, въ которыхъ она не созналась бы никому на свѣтѣ. Встала она, какъ всегда, въ двѣнадцатомъ часу, и не выходила цѣлый день

изъ дому, хотя это должно было къ вечеру отразиться на цвѣтѣ лица; то играла «Баркароллу» Чайковскаго, то читала знакомый наизусть романъ Колеттъ, то представляла себѣ, какъ пройдетъ для нея вечеръ. Впрочемъ, отъ этого пріема Муся ничего почти не ожидала.

— Который часъ? — спросила она, не оборачиваясь и поправляя прядь только что завитыхъ волосъ. «Лучше было бы розу въ волосы», — подумала она.

Фоминъ съ удовольствіемъ взглянулъ на простые черные часы, которые онъ сталъ носить на браслетѣ, надѣвъ военный мундиръ.

— Neuf heures tapant, — отвѣтилъ онъ, незамѣтно оглядывая и себя черезъ плечо Маріи Семеновны. Онъ очень себѣ нравился въ мундирѣ. Въ зеркалѣ отразилась фигура входившаго Кременецкаго. Онъ ласково потрепалъ дочь по щекѣ и сказалъ разсѣянно: «Молодцомъ, молодцомъ... Очень славное платьице...» Никоновъ и Фоминъ улыбались. Семенъ Исидоровичъ дружески съ ними поздоровался.

— Ранній гость вдвойнѣ дорогъ... Благодарствуйте, — сказалъ онъ (Кременецкій любилъ это слово и часто говорилъ то «благодарствую», то «благодарствуйте»).

— Мы о дѣлѣ Фишера толковали, Семенъ Исидоровичъ, — сказалъ Фоминъ. — Вѣрно, вамъ придется защищать?

Выраженіе безпокойства промелькнуло по лицу адвоката.

— Почему вы думаете? — быстро спросилъ онъ. — Я давеча читалъ... Будетъ, кажется, интересное дѣльце.

— По моему, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что убилъ Загряцкій, — сказалъ Никоновъ. — Всѣ улики противъ него.

Кременецкій и Фоминъ стали возражать. Газеты говорятъ о Загряцкомъ, но настоящихъ уликъ нѣтъ.

— Дѣло ведетъ нашъ милѣйшій Николай Петровичъ Яценко, очень дѣльный слѣдователь, — сказалъ Кременецкій. — Онъ у насъ нынче будетъ, жаль, что нельзя взять его за бока.

— Le secret professionnel, — торжественно произнесъ Фоминъ, поднимая указательный палецъ кверху.

— Когда выпьетъ крюшонцу, забудетъ про secret professionnel.

— Ну, онъ питухъ не изъ важнецкихъ. Другой, когда выпьетъ, забудетъ, какъ маму звали, — сказалъ Семенъ Исидоровичъ.

XI.

Браунъ, нѣсколько отставшій заграницей отъ петербургскихъ обычаевъ, пріѣхалъ на вечеръ въ десятомъ часу. Тѣмъ не менѣе гостей уже было не такъ мало: въ военное время жизнь стала проще. На порогѣ кабинета Брауна встрѣтилъ хозяинъ. Видъ у Кременецкаго былъ праздничный. Онъ встрѣтилъ гостя чрезвычайно любезно и, не помня его имени-отчества, особенно радушно назвалъ Брауна дорогимъ докторомъ, крѣпко пожимая ему руку.

— Надѣюсь, вы теперь будете знать къ намъ дорогу, — сказалъ Кременецкій. Онъ съ давнихъ поръ неизмѣнно говорилъ эту фразу всѣмъ болѣе или менѣе почетнымъ гостямъ, впервые появлявшимся у него въ домѣ. Но обычно онъ говорилъ ее въ концѣ вечера, при ихъ уходѣ, а теперь сказалъ въ разсѣянности, глядя въ сторону передней, откуда появился еще гость. На лицѣ у адвоката

промелькнуло неудовольствіе: гость былъ сѣровато-почетный, членъ редакціи журнала «Русскій умъ», но явился онъ на вечеръ въ пиджакѣ и въ мягкомъ воротникѣ. «Нѣтъ, все-таки мало у насъ европейцевъ», — подумалъ Кременецкій.

— Я не зналъ, что у васъ парадный пріемъ, — сказалъ гость, со смущенной улыбкой. — Ужъ вы меня, ради Бога, извините...

— Ну, вотъ, Василій Степановичъ, какой вздоръ! — отвѣтилъ хозяинъ, смѣясь и пожимая обѣими руками руку гостя. — Вы, конечно, знакомы?.. Ну-съ, что скажете хорошенькаго?

— Хорошенькаго словно и мало, судя по послѣднимъ газетамъ...

— Вздоръ, вздоръ!.. Помните у Чехова: черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо-прекрасна... — Кременецкій выпустилъ руку гостя. — Вотъ что, судари вы мои, я здѣсь на часахъ и отойти никакъ не смѣю. А вамъ совѣтую прослѣдовать туда, къ моей женѣ, и потребовать у нея чашку горячаго чаю. Тамъ больше молодежь, поэты есть, — сказалъ онъ, закрывая глаза съ выраженіемъ шутливаго ужаса. — Василій Степановичъ, вы свой человѣкъ... Докторъ, пожалуйста...

Василій Степановичъ, горбясь и потирая руки, прошелъ дальше. У раскрытыхъ дверей будуара онъ остановился и сталъ пропускать впередъ Брауна.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ, пожалуйста, вы, — говорилъ онъ, нервно смѣясь слабымъ смѣхомъ, точно за дверью ихъ долженъ былъ окатить холодный душъ. — Ужъ вы первый, пожалуйста...

Браунъ вошелъ въ будуаръ, чувствуя по обыкновенію острую тоску отъ всего: отъ тона адвоката, отъ расшаркиванья передъ дверью съ Василіемъ Степановичемъ, отъ яркаго свѣта комнатъ,

отъ того, чѣмъ былъ густо заставленъ столъ въ будуарѣ, отъ привѣтливой улыбки хозяйки и отъ портрета Гейне въ затѣйливой рамкѣ, — Браунъ механически все замѣчалъ взоромъ профессіональнаго наблюдателя. Разговоръ у стола, видимо, довольно оживленный, на мгновенье прервался. Собравшіеся, съ нетерпѣніемъ и легкимъ недоброжелательствомъ, ждали конца представленій. Хозяйка упорно называла всѣхъ полнымъ именемъ.

... — Анна Сергѣевна Михальская... Софья Сергѣевна Михальская... Глафира Генриховна Бернсенъ... Моя дочь Муся... Молодые люди, знакомьтесь, пожалуйста, сами съ нашимъ знаменитымъ ученымъ, — улыбаясь добавила она, давая понять молодымъ людямъ, что они имѣютъ дѣло съ важнымъ гостемъ.

— Мы какъ разъ говорили объ умномъ, это у насъ бываетъ, — громко сказала Муся, съ любопытствомъ глядя на Брауна. Она всегда говорила съ новыми людьми такъ, точно давно и близко ихъ знала. — Ставится вопросъ: какія книги вы взяли бы съ собой, отправляясь на долгіе годы на необитаемый островъ... Предполагается, что на необитаемомъ островѣ нѣтъ библіотеки...

— Просятъ только не говорить, что вы взяли бы съ собой «Голубой фарфоръ», ибо авторъ его здѣсь, — сказалъ Никоновъ.

— И онъ воплощенная скромность, — добавила Муся, обратившись къ некрасивому блѣдному юношѣ съ необыкновеннымъ проборомъ по правой сторонѣ головы.

— Я говорю, я взяла бы Гете и Пушкина, — сказала хозяйка. — Какъ хотите, вы можете считать меня отсталой или глупой, а я остановилась на классикахъ и въ вашихъ декадентахъ ничего не понимаю. Пушкина понимаю, а ихъ не понимаю... Вамъ съ лимономъ, Василій Степановичъ?

— Мама, вы ошибаетесь, это, напротивъ, всѣ говорятъ: Гете и Пушкина. C'est très bien porté.

— Я, пожалуй, голосовалъ бы за Данте, — сказалъ негромко, точно про себя, Василій Степановичъ. Онъ взялъ у хозяйки стаканъ и окончательно сконфузился, проливъ нѣсколько капель на блюдечко и на скатерть.

— А вы?

— Я былъ убѣжденъ, что слѣдуетъ говорить: Розанова, — отвѣтилъ Браунъ.

— Я взялъ бы Ната Пинкертона, — мрачно сказалъ съ разстановкой Беневоленскій, авторъ «Голубого фарфора».

— Ну, ужъ это ахъ оставьте, ужъ вы-то, дядя, навѣрное, взяли бы полное собраніе своихъ твореній, — возразилъ Никоновъ.

Никоновъ былъ душой общества, собиравшагося въ будуарѣ госпожи Кременецкой. Говорилъ онъ все съ чрезвычайной энергіей въ выраженіи и всегда въ шутливой или полушутливой формѣ. Эта вѣчная шутливость, незамѣтное порожденіе застарѣлой неврастеніи, нѣсколько утомляла. Однако, при его появленіи всѣ изображали на лицахъ привѣтливую улыбку, что его еще болѣе утверждало въ безсознательно принятой имъ, не измѣнившейся за пятнадцать лѣтъ, роли живого юноши и души общества. Женщинамъ Никоновъ нравился чрезвычайно, особенно при первомъ знакомствѣ. Онъ зачѣмъ-то издавна дѣлалъ видъ, будто влюбленъ въ Мусю. Она прекрасно знала, что онъ и не влюбленъ ни въ кого, и ни одной молодой женщины не можетъ видѣть равнодушно. Но тонъ его ей нравился. Ея отвѣтной манерой была рѣзкость, которая была бы неприличной, если бы съ самаго начала Мусей не было установлено, что ей все позволено.

Хозяйка любезно разспрашивала Брауна: давно ли онъ въ Петербургѣ? Надолго ли пріѣхалъ? Вѣрно, нигдѣ заграницей нѣтъ такой отвратительной осени? Муся, не безъ безпокойства глядя на мать, прислушивалась къ ихъ разговору.

— Ахъ, вы остановились въ «Паласѣ»? У насъ будетъ сегодня еще гость оттуда. Можетъ быть, вы его встрѣчали: майоръ Клервилль изъ англійской военной миссіи...

— Да, я его знаю...

— Вы съ нимъ знакомы? Я его видѣла въ ресторанѣ Паласа, — сказала Муся .— Онъ былъ въ штатскомъ. Какой очаровательный!

— Очаровательный.

— Правда ли, что онъ шпіонъ? Я обожаю шпіоновъ, ну, просто съ ума схожу!..

— Муся, перестань говорить глупости...

— Мама, что мнѣ дѣлать, если я непремѣнно хочу выйти замужъ за шпіона...

— Всѣ англичане шпіоны, — подтвердилъ медленно поэтъ. — Шекспиръ тоже былъ шпіономъ.

— Заткните фонтанъ, дядя. Шпіонъ не шпіонъ, а, должно быть, присматривается къ тому, что у насъ дѣлается, какъ же иначе? — сказалъ Никоновъ. — Англичане поклялись воевать съ нѣмцами до послѣдней капли русской крови.

— Охъ, Господи, всѣ слышали эту шутку сто разъ, — сказала Муся, затыкая уши.

— Напротивъ, майоръ Клервилль обожаетъ Россію, — сказалъ Браунъ. — Онъ вѣдь самъ изъ intelligentsia, — это теперь у англичанъ модное слово. Прежде они изъ русскихъ словъ знали только zakouski и progrom, теперь знаютъ еще intelligentsia. Все равно, какъ у насъ всѣ знаютъ: если англичанинъ, значитъ контора и футболъ. Въ дѣйствительности, англичане самый путаный народъ на свѣтѣ. И майоръ Клервилль — самая

настоящая интеллигенція, съ сомнѣньями, съ исканьями, съ проклятыми вопросами, со всѣмъ, что полагается. Онъ сомнѣвается почти во всемъ... Ну, не во всемъ, конечно: въ побѣдѣ Англіи, навѣрное, не сомнѣвается, и въ томъ, что Индіи не надо давать независимости, — въ этомъ, вѣроятно, также не сомнѣвается... Но во всемъ остальномъ...

Хозяйка улыбалась, кивая одобрительно головой.

— А вѣдь слово интеллигенція выдумалъ почтеннѣйшій Боборыкинъ, — сказалъ негромко Василій Степановичъ.

— Ничего подобнаго, оно встрѣчается въ «Аннѣ Карениной», — возразилъ Никоновъ.

— Нельзя говорить: «ничего подобнаго», — поправила Муся.

— Оставьте, пожалуйста, отлично можно... И потомъ, помните, еще Столыпинъ сказалъ, что это только инородцевъ интересуетъ, какъ можно и какъ нельзя говорить: мой языкъ, какъ хочу, такъ и говорю.

— Ну вотъ, вы извѣстный антисемитъ, — нѣсколько озадаченно сказала Муся.

— Я антисемитъ на нѣмцевъ... Знаете, кстати, почему у меня репутація антисемита? Меня одна барышня спрашиваетъ: «Григорій Ивановичъ, вы женились бы на еврейкѣ?» — «Смотря на какой», — говорю. Вотъ за это меня ославили антисемитомъ. Что-жъ, по вашему, я обязанъ жениться на всякой еврейкѣ?

— И все неправда! Никакая барышня васъ ни о чемъ такомъ не спрашивала... Этотъ анекдотъ я въ Москвѣ слышала два года тому назадъ. И «антисемитъ на нѣмцевъ» тоже слышала...

— Лопни мои глаза!.. Отсохни у меня руки и ноги!.. Чтобъ я тутъ на этомъ самомъ мѣстѣ провалился!..

— Господи! Григорій Ивановичъ! — страдальчески улыбаясь, сказала хозяйка.

Поэтъ, загадочно глядя на шею своей сосѣдки Анны Сергѣевны, спросилъ вслухъ самъ себя, какое слово лучше передаетъ ощущеніе женской кожи: peau veloutée или peau satinée. Изъ передней слышались звонки. Изъ кабинета доносился радостный голосъ хозяина. Хозяйка поддерживала разговоръ, слѣдя за чаемъ и косясь въ сторону столовой. Тамъ, за дверьми, нанятые клубные лакеи дѣлали свое дѣло, съ презрѣніемъ глядя на напуганныхъ горничныхъ хозяевъ.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ такъ красивъ, этотъ англичанинъ? — спросила Мусю вполголоса Глафира Генриховна.

— Прямо на выставку англичанъ! — сказала Муся, закатывая глаза. — Онъ похожъ на памятникъ Николая I... А фракъ, фракъ!.. Григорій Ивановичъ, отчего на васъ такъ не сидитъ фракъ?

— Это вамъ такъ кажется, потому знаете, что лордова порода, — обиженно сказалъ Никоновъ. — Вѣрно, фракъ какъ фракъ.

— А зовутъ его Вивіанъ... Григорій Ивановичъ, отчего васъ не зовутъ Вивіанъ?

— Оттого, что разумный человѣкъ не можетъ такъ называться, несерьезное имя. Вотъ послушайте: Гри-горій Ивановичъ, какъ это хорошо звучитъ: серьезно, солидно, пріятно... Я очень доволенъ... Только кретиническій лордъ можетъ себѣ позволить быть Вивіаномъ.

— Развѣ онъ лордъ? — спросила Анна Сергѣевна.

— Кажется, нѣтъ... Впрочемъ, не знаю... Знаю только, что я погибла.

— Я знаю изъ вѣрнаго источника, что онъ не лордъ и не аристократъ, — сказала желтолицая Глафира Генриховна, которая все знала изъ вѣрнаго источника.

— Вѣшать шпіонское отродье! — сказалъ Никоновъ и сдѣлалъ страшные глаза.

XII.

Въ одиннадцатомъ часу гостиная и кабинетъ стали быстро наполняться; звонки слѣдовали почти безпрерывно. Среди гостей были люди съ именами, часто упоминавшимися въ газетахъ. Были и богатые кліенты, которыхъ Кременецкій награждалъ за дѣла знакомствомъ съ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи (это и у него, и у нихъ выходило почти безсознательно, однако банкиры и промышленники цѣнили связи своего юрисконсульта, а иныхъ извѣстныхъ людей изъ его салона заполучали и въ свои). Прибылъ и англійскій майоръ. Его пріѣздъ произвелъ маленькую сенсацію. Онъ явился въ походномъ мундирѣ, — почему-то это доставило удовольствіе хозяину. Еще пріятнѣе было то, что англичанинъ понималъ русскую рѣчь и даже, видно, любилъ говорить по-русски: по крайней мѣрѣ, онъ на первую же, заранѣе приготовленную, фразу Кременецкаго, начинавшуюся со слова «аншанте», отвѣтилъ: «О, я очень радъ дѣйствительно» съ такой любезной улыбкой, что Кременецкій сразу растаялъ. «Въ самомъ дѣлѣ красавецъ, хоть картину пиши», — подумалъ онъ, — «недаромъ Муська о немъ три дня трещитъ»... Англійскаго гостя Кременецкій проводилъ въ гостиную, познакомилъ его тамъ съ Тамарой Матвѣевной и усадилъ рядомъ съ Мусей. Она устроилась такъ, что возлѣ нея какъ разъ

оказался свободный стулъ. Разговоръ у нихъ сразу покатился какъ по рельсамъ, и Кременецкій счелъ возможнымъ оставить англичанина въ гостиной, хотя большинство видныхъ гостей-мужчинъ находилось въ кабинетѣ.

Майоръ Клервилль былъ очень доволенъ тѣмъ, что попалъ на вечеръ къ адвокату, у котораго, какъ онъ зналъ, собиралась передовая петербургская интеллигенція. Его въ первую минуту немного удивило то, что на русскомъ вечерѣ почти все было, какъ на англійскихъ вечерахъ. Развѣ только, что въ передней шубы не клались на стулья, а вѣшались; да еще одинъ изъ гостей былъ въ пиджакѣ, а не во фракѣ и не въ костюмѣ, который здѣсь, какъ, впрочемъ, вездѣ на континентѣ, именовался неяснымъ англичанину, хотя и англійскимъ, словомъ смокингъ. Мужчины вообще были одѣты хуже, а дамы лучше, чѣмъ въ Англіи. Среди дамъ было много хорошенькихъ, — больше, чѣмъ было бы на англійскомъ вечерѣ. Особенно понравилась Клервиллю та барышня, рядомъ съ которой его посадили: она была именно такова, какой должна была быть, по его представленіямъ, дѣвушка, стоящая въ центрѣ петербургской передовой интеллигенціи. Правда, заговорила она для начала не о серьезныхъ предметахъ, но говорила такъ умно и мило-кокетливо, что майоръ Клервилль просто заслушался и самъ не торопился перейти къ серьезнымъ предметамъ.

«Ну, что-жъ, теперь, съ Божьей помощью, можно загнуть и музыкальное отдѣленіе», — подумалъ Кременецкій и незамѣтно показалъ женѣ глазами на рояль. Тамара Матвѣевна чуть наклонила утвердительно голову. Кременецкій обмѣнялся любезными фразами съ барышнями, поговорилъ съ Никоновымъ, съ Беневоленскимъ.

— Вѣрно, вы сейчасъ творите, — ужъ такой у васъ вдохновенный видъ!.. Что-жъ, можетъ быть, когда-нибудь въ вашей біографіи будетъ упомянуто, что вы у насъ задумали шедевръ, — сказалъ онъ шутливо поэту и вышелъ очень довольный. — «Отлично идетъ вечеръ, потомъ ужинъ, отъ шампанскаго еще лучше станетъ»,—подумалъ Семенъ Исидоровичъ.

— Кого я вижу!.. Не стыдно вамъ, что такъ поздно? — воскликнулъ онъ радостно, протягивая впередъ руки. Ему навстрѣчу шли новые гости, Яценко съ женой, высокой, энергичнаго вида дамой; за ними слѣдовалъ юноша въ черномъ узенькомъ пиджакѣ. «Это еще кто такое?» — съ недоумѣніемъ спросилъ себя Кременецкій и вспомнилъ, что его жена, бывшая три дня тому назадъ въ гостяхъ у Яценко, съ чего-то пригласила на вечеръ также ихъ сына, воспитанника Тенишевскаго училища. Съ такого мальчика и смокинга требовать было невозможно.

— Все вы молодѣете и хорошѣете, Наталья Михайловна, — сказалъ Семенъ Исидоровичъ, цѣлуя руку дамѣ. — Зачѣмъ такъ поздно, ай, какъ нехорошо, Николай Петровичъ!.. Это вашъ сынокъ? Очень радъ познакомиться, молодой человѣкъ... Васъ какъ зовутъ?

— Викторъ...

— Значитъ, Викторъ Николаевичъ... Прошу насъ любить и жаловать.

— Ну, вотъ еще, какой тамъ Викторъ Николаевичъ! Ужъ сдѣлайте милость, не портите его, — сказала Наталья Михайловна. — Витя онъ, а никакой не Викторъ Николаевичъ.

— Да, пожалуйста, — произнесъ мальчикъ. «Очень любезный человѣкъ», — подумалъ онъ. Витя въ первый разъ выѣзжалъ въ свѣтъ. Приглашеніе госпожи Кременецкой и поразило его, и

испугало, и обрадовало. Онъ готовился къ вечеру всѣ три дня. Особенно его безпокоилъ костюмъ. Мундира въ Тенишевскомъ училищѣ не полагалось, и отношеніе къ гимназическому мундиру у Тенишевцевъ было вполнѣ отрицательное. Витя сдѣлалъ завѣдомо безнадежную попытку добиться того, чтобы ему былъ заказанъ смокингъ: ихъ портной брался сшить въ три дня. Но изъ этого ничего не вышло.

— Вотъ еще, шестнадцатилѣтнему мальчишкѣ смокингъ, — сказала возмущенно Наталья Михайловна, убавляя годъ сыну. — Только людей насмѣшишь... Да и твой черный пиджакъ совсѣмъ подъ смокингъ сшитъ, издали и отличить нельзя...

Черный пиджакъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на смокингъ, но только издали. Пришлось, однако, надѣть пиджакъ, украсивъ его новенькимъ моднымъ галстухомъ, купленнымъ за три рубля въ лучшемъ магазинѣ. Витя взволнованно вошелъ въ гостиную, — онъ всего больше боялся покраснѣть. Гости, повидимому, отнеслись равнодушно къ его костюму. У хозяевъ по лицу тоже ничего нельзя было замѣтить. Первая минута, самая страшная, сошла благополучно. «Кажется, совсѣмъ не покраснѣлъ», — облегченно подумалъ Витя садясь. Для его рукъ нашлось вполнѣ надежное мѣсто подъ столомъ. Къ тому же, въ ту самую минуту, какъ они вошли въ гостиную, тамъ начиналось музыкальное отдѣленіе, и хозяйка могла только улыбкой показать Натальѣ Михайловнѣ, что привѣтствія и разговоры откладываются: уже слышались звуки рояля. Часть гостей на цыпочкахъ перешла изъ кабинета въ гостиную. Передъ роялемъ, граціозно опершись на его край лѣвой рукой и держа въ правой ноты, стоялъ пѣвецъ, толстый, величественнаго вида, человѣкъ съ тщательно прилизанными волосами. За роялемъ

сидѣла Муся. Предполагалось, что музыкальное отдѣленіе вечера составилось само собой, неожиданно, и потому аккомпаніатора не пригласили. Муся, съ улыбкой, выражавшей крайнее смущенье, предупредила пѣвца, что будетъ аккомпанировать «не просто плохо, а ужасно». Она очень хорошо играла. Пѣвецъ снисходительно улыбался, выпячивая грудь колесомъ.

— А ноты кто будетъ перелистывать? — спросила Муся.

— Витя, садись ты... Онъ очень музыкаленъ и отлично играетъ, — сказала Наталья Михайловна.

— Ахъ, пожалуйста...

— Что вы, мама!.. Я, право...

— Ну, чего ломаешься, садись: видишь, дамы просятъ.

Викторъ Яценко, замирая, усѣлся сбоку отъ Муси, чуть позади нея. Въ передней послышался слабый звонокъ. Хозяинъ на цыпочкахъ поспѣшно вышелъ изъ гостиной. Пѣвецъ выпятилъ грудь и торжествующимъ взоромъ обвелъ публику.

«Время измѣнится», — сказалъ онъ, когда движеніе въ залѣ улеглось совершенно. Англичанинъ, сидѣвшій противъ Муси, удовлетворенно кивнулъ головою: за время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ разъ пять слышалъ «Время измѣнится». Муся улыбнулась ему глазами и опустила руки на клавиши. Витя, упершись руками въ колѣни, смотрѣлъ на ноты черезъ ея плечо. Кровь прилила у него къ головѣ. Муся, на мгновенье повернувшись, увидѣла его взволнованное, еще почти дѣтское лицо. Ей сразу стало смѣшно и весело. Она нарочно стерла съ лица улыбку и изобразила строгость. «Тотъ чурбанъ тоже хорошъ», — подумала она, поглядывая на пѣвца. Ей сбоку были видны его богатырская грудь, неестественно подобранный животъ, цѣпочка, протянутая изъ

кармана брюкъ. Изъ передней слышался негромкій звукъ голосовъ. Хозяйка строго смотрѣла въ сторону двери. Туда-же невольно смотрѣли и гости. Дверь открылась. По гостиной пробѣжалъ легкій, тотчасъ подавленный гулъ. Пѣвецъ побагровѣлъ. Въ сопровожденіи радостно-взволнованнаго хозяина въ гостиную вошелъ Шаляпинъ. Онъ на мгновенье остановился на порогѣ, чуть наклонивъ свою гигантскую фигуру, приложилъ палецъ къ губамъ и сѣлъ на первый стулъ у двери. Это заняло лишь нѣсколько секундъ. Всякій другой, войдя въ гостиную во время пѣнія, сдѣлалъ бы то же самое. Однако, бывшій среди гостей знаменитый художникъ Сенявинъ подумалъ, что этотъ входъ въ гостиную — подлинное произведеніе искусства, въ своемъ родѣ почти такое-же, какъ выходъ царя Бориса или появленіе Грознаго въ «Псковитянкѣ». Онъ подумалъ также, что каждое движеніе этого человѣка Божій подарокъ художнику. — «Вре-мя измѣнится, ту-ча разсѣется», — пѣлъ пѣвецъ нѣсколько ниже тономъ. — «И грудь у него ужъ не такимъ колесомъ выпячивается», — подумала Муся. Теноръ, наконецъ, кончилъ, послышались апплодисменты, довольно дружные. Шаляпинъ, не апплодируя, направился къ хозяйкѣ. Всѣ на него смотрѣли, не сводя глазъ. Въ гостиной появились еще гости. Простая вѣжливость требовала, чтобъ и онъ похлопалъ хоть немного. Но онъ, видимо, не могъ этого сдѣлать. Кременецкій подошелъ, улыбаясь и апплодируя, къ пѣвцу и горячо просилъ его продолжать. Пѣвецъ смущенно отказывался. Хоть ему было заплачено за выступленіе, хозяинъ не настаивалъ.

— Чудно, великолѣпно, дорогой мой, — сказалъ онъ. — Очаровательно!

XIII.

Въ кабинетѣ, въ одной изъ наиболѣе оживленныхъ группъ, шелъ передъ ужиномъ политическій разговоръ. Въ немъ участвовали Василій Степановичъ, молодой либеральный членъ Думы князь Горенскій и два «представителя магистратуры», какъ мысленно выражался донъ-Педро. Прихлебывая коньякъ изъ большой рюмки, донъ-Педро сообщалъ разныя новости. Въ этомъ салонѣ, въ который онъ попалъ съ трудомъ, донъ-Педро одновременно наслаждался всѣмъ: и коньякомъ, и своими новостями, и собесѣдниками, въ особенности же тѣмъ, что онъ былъ правѣе князя и въ спорѣ съ нимъ выражалъ государственно-охранительныя начала.

— Это ужъ начало конца... Нѣтъ, право, такихъ людей надо сажать въ сумасшедшій домъ,— — сказалъ возмущенно князь, имѣя въ виду министра, о разныхъ дѣйствіяхъ котораго разсказывалъ донъ-Педро.

— Disons: надо-бы уволить въ отставку съ мундиромъ и пенсіей, — сказалъ Фоминъ.

— Можно и безъ пенсіи...

— Въ такое время, подумайте, въ такое время! — укоризненно произнесъ донъ-Педро. — Когда всѣ живыя силы страны должны всемѣрно приложиться къ дѣлу обороны. Эти люди ведутъ прямехонько къ революціи!

— И слава Богу! Не вѣчно же Федосьевымъ править Россіей. Моя формула: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, — сказалъ Горенскій.

— Да, но подождемъ конца войны... Во время войны не устраиваютъ революцій.

— Ахъ, развѣ война когда-нибудь кончится, полноте!

— Война кончится тогда, когда соціалистамъ воюющихъ странъ будетъ дана возможность собраться на международную конференцію, — сказалъ убѣжденно Василій Степановичъ, который въ кабинетѣ за серьезнымъ политическимъ разговоромъ чувствовалъ себя много свободнѣе, чѣмъ съ дамами въ гостиной.

— Что-же они сдѣлаютъ? Объявятъ ничью?

— Да ужъ тамъ видно будетъ.

— Ну, съ сотворенія міра войны въ ничью не бывало. Неужели, однако, князь, можно защищать сухановщину? — освѣдомился донъ-Педро, съ особенной любовью произнося слово «князь».

— Позвольте, при чемъ здѣсь сухановщина? Я не пораженецъ.

— Къ тому же сухановщина весьма неопредѣленное понятіе, Ленинъ излагаетъ тѣ же въ сущности мысли гораздо послѣдовательнѣе, — замѣтилъ Василій Степановичъ.

— Кто это Ленинъ? — спросилъ одинъ изъ представителей магистратуры.

— Ленинъ эмигрантъ, глава такъ называемаго большевистскаго и пораженческаго теченія въ россійской соціалъ-демократіи, — снисходительно пояснилъ Василій Степановичъ. — Какъ ни какъ, выдающійся человѣкъ.

— Его настоящая фамилія Богдановъ, правда? — спросилъ донъ-Педро.

— Нѣтъ, Богдановъ другой. Фамилія Ленина, кажется, Ульяновъ.

— Ахъ да, Ульяновъ... Не скрою отъ васъ, князь, — сказалъ донъ-Педро, — я къ пораженчеству и ко всей этой сухановщинѣ вообще отношусь довольно отрицательно.

— А къ милюковщинѣ какъ относитесь? Положительно?

— Вы хорошо знаете, Василій Степановичъ, что я значительно лѣвѣе Павла Николаевича,—нѣсколько обиженно сказалъ донъ-Педро. — Но не въ этомъ дѣло.

— Война до полной побѣды? Дарданеллы?.. Слышали...

— Ахъ, гдѣ же ее взять, полную побѣду? — замѣтилъ со вздохомъ донъ-Педро. Онъ хотѣлъ разсказать о томъ, что Гинденбургъ готовитъ прорывъ двѣнадцатью дивизіями. Но его прервалъ Фоминъ.

— Позвольте, наши доблестные союзники уже взяли домъ паромщика, — сказалъ онъ.

Кто-то засмѣялся. Къ разговаривавшимъ подошелъ хозяинъ. Его лицо такъ и сіяло.

— Ну, что? — сказалъ онъ восторженно. — Вѣдь это геній! Другого слова нѣтъ!..

— Шаляпинъ? — переспросилъ донъ-Педро.— Да, міровая величина... Удивительно, что онъ согласился спѣть: онъ больше не поетъ въ частныхъ домахъ.

— Ужъ и приготовили вы гостямъ сюрпризъ...

— Помилуйте, это для меня перваго былъ полный сюрпризъ! Я въ мысляхъ не имѣлъ просить его пѣть. Развѣ можно просить объ этомъ Шаляпина!

— Это все равно, что попросить человѣка подарить вамъ три тысячи рублей, — сказалъ донъ-Педро.

— Вотъ именно, — засмѣялся Кременецкій. — Нѣтъ, онъ самъ пожелалъ: видно нашло... Спѣлъ и уѣхалъ! Даже не уѣхалъ, а отбылъ, — о короляхъ надо говорить «отбылъ».

— Однако, отчего онъ поетъ такія заигранныя вещи? — спросилъ Горенскій. — «Два гренадера», «Заклинаніе цвѣтовъ»... Вѣдь это банальщина! Не

хватало только «Спите, орлы боевые»!.. И почему «Фауста» пѣть по итальянски?

— Vous êtes difficile, prince, — сказалъ Фоминъ. — Мнѣ французы говорили, что они «Марсельезу» стали понимать лишь тогда, когда услышали, какъ Шаляпинъ поетъ «Два гренадера»...

— Да, морозъ по кожѣ деретъ отъ его «Марсельезы»... Вы, видно, не очень любите музыку, князь, — сказалъ не безъ неудовольствія Кременецкій и отошелъ къ другой группѣ. У камина, заставленнаго бутылками, Яценко разговаривалъ съ Никоновымъ. Григорій Ивановичъ выпилъ и былъ еще веселѣе обыкновеннаго. Около нихъ въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ Браунъ. Здѣсь же, при отцѣ, находился и Витя.

— Николай Петровичъ нѣмъ, точно золотая рыбка, — сказалъ Кременецкому Никоновъ. — Я, видите ли, хочу взять его за цугундеръ, какъ говорилъ одинъ мой гомельскій кліентъ. Нескромнѣйшимъ образомъ пристаю къ Николаю Петровичу по дѣлу Фишера: кто убилъ? зачѣмъ убилъ? почему убилъ? Просто сгораю отъ любопытства!..

Кременецкій съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Яценко. Семену Исидоровичу фамиліарный тонъ его помощника показался весьма неумѣстнымъ въ отношеніи пожилого человѣка съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, какъ слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ. Но Николай Петровичъ былъ въ благодушномъ настроеніи и нисколько не казался обиженнымъ, — его, повидимому, забавлялъ выпившій Никоновъ, котораго онъ давно зналъ.

— И что же Николай Петровичъ? — спросилъ Кременецкій.

— Молчитъ, потому Фемида.

Никоновъ, улыбаясь, налилъ себѣ большую рюмку ликера. Семенъ Исидоровичъ невольно

слѣдилъ за движеніями его руки, слегка дрожавшей надъ бархатнымъ покрываломъ камина.

— Скажите, Фемида, будьте такія миленькія, кто убилъ Фишера? Cur? quomodo? quibus auxiliis?

— Да, право же, я самъ ничего не знаю, господа. Вы читали въ вечернихъ газетахъ: задержанъ нѣкто Загряцкій. Но я его еще не допрашивалъ.

— А вы допросите. Нѣтъ такого закона, чтобы людямъ сидѣть подъ арестомъ, не зная за что и почему... Хотя, конечно, онъ убилъ...

— Завтра допрашиваю... Его задержала полиція, въ порядкѣ 257-ой статьи устава уголовнаго судопроизводства. Вы бы прочли эту книжку, Григорій Ивановичъ, полезная, знаете, для юриста книжка.

— Вотъ еще, стану я всякія глупости читать. Статья архаическая.

— Развѣ у насъ есть habeas corpus? — спросилъ, краснѣя, Витя Яценко.

— Я знаю только то, что напечатано въ газетахъ, — сказалъ серьезно Кременецкій.—Насколько по газетамъ можно судить, настоящихъ уликъ противъ Загряцкаго нѣтъ.

— Это какой-же Загряцкій? — освѣдомился подошедшій Фоминъ. — Мой покойный отецъ, сенаторъ, знавалъ одного Загряцкаго. Они встрѣчались у Лили, у графини Геденбургъ... Не изъ тѣхъ ли Загряцкихъ?

— Не знаю, вѣрно не изъ тѣхъ. Кажется, попросту опустившійся человѣкъ, — сказалъ нехотя слѣдователь. — Вмѣстѣ развлекались съ Фишеромъ.

— А развлеченія были забавныя? Разскажите, Николай Петровичъ. Не слушайте, молодой человѣкъ.

— Отчего же? Впрочемъ, если я лишній, — сказалъ, вспыхнувъ, Витя и хотѣлъ было отойти, но отецъ засмѣялся и удержалъ его за руку.

— Однако, вполнѣ ли доказано, что Фишеръ убитъ? — спросилъ Фоминъ.

— Экспертиза будто бы установила отравленіе растительнымъ ядомъ, — пояснилъ Кременецкій. — Но вы знаете, хуже экспертовъ врутъ только статистики. Да и наши газетчики любятъ подпускать андрона, не въ обиду будь сказано милѣйшему донъ-Педро, — добавилъ онъ вполголоса, оглядываясь. — Вотъ вы, докторъ, — обратился онъ изъ вѣжливости къ Брауну, который молча слушалъ разговоръ. — Вы что намъ можете разъяснить по сему печальному случаю?

— Да, вѣдь правда, здѣсь великій химикъ...

— Я не видалъ данныхъ анализа и ничего не могу разъяснить.

— Однако, если я не ошибаюсь, химическая экспертиза не всегда можетъ вполнѣ точно установить фактъ отравленія?

— Вы не ошибаетесь, — холодно проговорилъ Браунъ. Почему-то всѣ, кромѣ Никонова, почувствовали себя неловко.

— Позвольте, герръ докторъ, — сказалъ Никоновъ, — я, конечно, не химикъ свинячій... Тысяча и одно извиненіе, это изъ Чехова... Я, конечно, профанъ, но въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ, что химическій анализъ можетъ обнаружить одну тысячную или даже десятитысячную миллиметра яда...

Витя звонко расхохотался. За нимъ засмѣялись всѣ.

— А? Въ чемъ дѣло? Виноватъ, я хотѣлъ сказать миллиграмма. Самъ читалъ въ газетахъ. И даже не «въ газетахъ», а въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

— Въ газетахъ, можетъ быть, — произнесъ съ усмѣшкой Браунъ. — Впрочемъ, иногда, въ самомъ дѣлѣ, анализъ обнаруживаетъ и десятитысячную, но не всегда и не при всякихъ условіяхъ. Въ человѣческомъ организмѣ химическія реакціи идутъ сложнѣе, чѣмъ въ стеклянномъ сосудѣ.

— Какъ же насъ лечатъ разными медикаментами? — спросилъ Яценко.

— Плохо лечатъ.

— Слышите, вотъ, — сказалъ Никоновъ, забывая то, что доказывалъ.

— А вы говорите: купаться, — произнесъ весело Кременецкій.

— Я и не говорю: купаться... Нѣтъ, право, господа; я ничего пока не знаю, — сказалъ Яценко, рѣшительной интонаціей отклоняя продолженіе разговора.

Кременецкій подмигнулъ Никонову.

— Францъ-Іосифъ-то каковъ, а? — сказалъ онъ.—Поцарствовалъ, поцарствовалъ, да и умеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, всего какихъ нибудь семьдесятъ лѣтъ поцарствовалъ и умеръ, чудакъ этакой! — подхватилъ Яценко.

— Шибко сталъ умирать народъ! Вотъ и Направникъ скончался. Кого мнѣ жаль, это Сенкевича...

— Зато я, господа, твердо рѣшилъ: буду жить еще пятьдесятъ шесть лѣтъ и три мѣсяца, — заявилъ Никоновъ, подливая всѣмъ ликера.

XIV.

Стоя на площадкѣ передъ открытой дверью, Семенъ Исидоровичъ провожалъ послѣднихъ гостей, все повторяя полушопотомъ:

— Спокойной ночи, дорогая моя... Спасибо... Слѣва дверь внизу, постучите швейцару, да онъ, вѣрно, не спитъ.... До свиданья, Николай Марковичъ, нижайшій привѣтъ матушкѣ, скажите, чтобъ поправлялась поскорѣе... До завтра, Григорій Ивановичъ, благодарствуйте...

Внизу, наконецъ, тяжело стукнула дверь. Кременецкій погасилъ свѣтъ на лѣстницѣ, и заперъ дверь квартиры.

— Уфъ, кончено! — сказалъ онъ радостно, входя въ кабинетъ. — Правда, все сошло отлично?

— Отлично или не отлично, а до весны отдохнемъ, — отозвалась Тамара Матвѣевна, брезгливо глядя на пепелъ, просыпавшійся по ковру кабинета. — Кажется, штукъ десять пепельницъ имъ разставили, нѣтъ же, все на коверъ...

— Оставь, Маша завтра уберетъ... Право, было очень хорошо. Муся, ты какъ находишь?

— Да, папа, — устало отозвалась Муся.

Тамара Матвѣевна повернула выключатель, оставивъ зажженной только одну лампочку въ люстрѣ.

— Скоро пятый часъ... Наши милые петербургскіе обычаи!..

— Очень устала, золото мое? — спросилъ Кременецкій, цѣлуя жену въ волосы. Она вспыхнула отъ удовольствія и быстро оглянулась на Мусю.

— Всякая усталость проходитъ, когда я подумаю, что со всѣми расквитались, со всѣми. Больше ни передъ кѣмъ не свиньи.

— Ни передъ кѣмъ... Развѣ передъ Михайловыми? Жаль все-таки, что они не пришли.

— Это мнѣ все равно: была бы честь предложена...

— Разумѣется. Не устраивать же для нихъ особый раутъ...

— Благодарю покорно... Муся, ты бы спать пошла, ты такъ утомилась, бѣдная.

— А ты? Неужто ты будешь еще порядокъ наводить, въ пятомъ часу?

Тамара Матвѣевна только взглянула иронически на мужа и махнула рукой.

— Порядокъ наводить! Здѣсь намъ съ Машей и Катей завтра часа на три работы.

— Лакеи ушли?

— Сейчасъ же послѣ ужина ушли... Я имъ дала по два рубля на чай, кажется, были очень довольны... Надо бы серебро пересчитать...

— Ну что ты, клубные лакеи... Нѣтъ, серьезно, все сошло прекрасно... Шампанскаго не маловато было за ужиномъ?

— Оставь, пожалуйста. У твоихъ Михайловыхъ даютъ по бутылкѣ на десять человѣкъ, мнѣ ихъ француженка говорила, лакеямъ велятъ на аршинъ поднимать бутылку надъ бокалами, чтобъ больше было пѣны — и ничего. А у насъ маловато!

— Такъ то Михайловы: по Ивашкѣ рубашка... А шампанское, правда, можно было смѣло все взять русское, это ты была права... Написано «Grand Champagne», и все равно никто не умѣетъ различать, какое русское, какое французское. На слѣдующій раутъ возьмемъ все русское.

— Охъ, ради Бога, не говори о слѣдующемъ раутѣ, дай передохнуть... Муся, ты, конечно, узнала платье Глафиры Генриховны? Это та самая модель Бризакъ, только ихняя Степанида сдѣлала воротникъ крепдешиновый вмѣсто point de Venise, я сейчасъ узнала... И такой же поясъ съ камеей. По моему, такъ себѣ, а? А Анна Сергѣевна совсѣмъ невѣстой разрядилась для своего Скворцова, только онъ на нее и не смотритъ, со стороны совѣстно.

— Бросьте говорить о тряпьѣ и косточки дамамъ перемывать... Какой молодецъ Шаляпинъ!.. Это очень удачно вышло, я и думать не смѣлъ, что онъ будетъ пѣть. Онъ нигдѣ не поетъ... Вѣдь мiровая величина!.. Три тысячи за спектакль пожалуйте. А у того, бѣднаго, голосъ маленькiй, но препоганенькiй.

— Это твоя была выдумка. Жаль четырехсотъ рублей.

— Не деньги насъ, а мы ихъ нажили. Ничего, всѣ были очень довольны, гораздо легче съ музыкальнымъ отдѣленiемъ. А англичанинъ произвелъ страшный эффектъ, я видѣлъ... Хорошо, подлецъ, форму носитъ, на Фоминѣ земгусарскiй мундиръ сидитъ хуже...

— Мусенька, у тебя глаза слипаются, иди спать, моя милая. Впечатлѣнiя завтра...

— Да, я иду... Спокойной ночи...

— А поцѣловать маму?.. Спокойной ночи, мой ангелъ...

— И не оставайся долго въ ваннѣ, Мусенька, это нездорово... А ты еще посидишь со мной, золото, я папиросу докурю?.. Ты знаешь, я окончательно убѣдился, что Николай Марковичъ просто недалекiй человѣкъ. Вообрази...

— Большое открытiе: я всегда говорила, что онъ дуракъ...

Муся прошла въ свою комнату и, не зажигая свѣта (лампочка горѣла въ корридорѣ), сѣла на край кушетки. Ея комната тоже была приведена въ полный порядокъ, — на случай, если-бъ сюда во время прiема пожелала заглянуть какая-либо гостья. Пахло земляникой, — отъ крема, которымъ пользовалась «маникюрша». Муся такъ сидѣла нѣсколько минутъ, затѣмъ встала, сняла платье, вытянувъ вверхъ руки, и открыла шкафъ, изъ

котораго пахнуло духами. Муся хотѣла было повѣсить платье, но остановилась передъ такой затратой энергіи и бросила платье на стулъ, затѣмъ занялась своимъ сложнымъ дамскимъ хозяйствомъ. Она распустила волосы, зажгла свѣтъ надъ туалетнымъ столикомъ. Хрустальные флаконы на столикѣ вспыхнули разноцвѣтными огнями. Освѣтилась мебель бѣлаго дерева, крытая бѣлымъ атласомъ, кровать съ бѣлымъ кружевнымъ одѣяломъ, яркіе переплеты книгъ на этажеркѣ, маленькое піанино въ углу. Муся очень любила свою комнату, — но піанино ей подарили родители ко дню рожденія уже два года тому назадъ, туалетный столикъ съ хрустальнымъ приборомъ годомъ раньше, а бѣлая мебель была заказана еще тогда, когда они только стали богатѣть и выходить въ люди. Мусѣ вдругъ захотѣлось плакать. «Нѣтъ, положительно, я глупѣю»... — подумала она. — «Вѣдь, ничего рѣшительно не случилось: ничегошеньки, какъ говоритъ папа. Только еще одинъ безрезультатный вечеръ»... Она сквозь слезы улыбнулась газетному слову «безрезультатный».— «Какой же могъ быть результатъ? Сто такихъ вечеровъ было и еще сто будетъ. Не изъ-за этого же плакать... Да, но такъ дальше продолжаться не можетъ, я больше не могу такъ жить съ ними...»

Она обрызгала себя духами изъ пульверизатора, оглянулась на холодную нарядную постель, — ей не хотѣлось ложиться. Муся подошла къ піанино и безшумно подняла крышку. Нечего было и думать о томъ, чтобы играть въ такой часъ. Муся порылась въ нотахъ, отыскала «Заклинаніе цвѣтовъ» и однимъ пальцемъ почти неслышно тронула нѣсколько клавишей. «E voi — o fiori, — dall' olezzo sottile, — она мысленно переводила итальянскія слова, — Vi-faccia-tutti-aprire —La mia man

maledetta»... «Какая-то дьявольская сила изъ него лилась, когда онъ это пѣлъ, мурашки пробѣгали. И смотрѣть на него было страшно... Настоящій демонъ»... Въ ту минуту, когда Шаляпинъ пѣлъ знаменитую фразу (ему согласился аккомпанировать передовой композиторъ), рядомъ съ Мусей находился Клервилль. Позади нихъ, немного сбоку, откинувшись на спинку стула, сидѣлъ Александръ Браунъ. Она почувствовала на себѣ его взглядъ, оглянулась и почему-то вздрогнула. «La mia man maledetta», — повторила негромко Муся. «Англичанинъ красавецъ, но глупостей я изъ-за него не сдѣлала бы... Впрочемъ, это только въ романахъ барышни дѣлаютъ глупости... Во всякомъ случаѣ, не у насъ... Такъ видно и проживу безъ глупостей и безъ ivresse, — а объ ivresse буду читать у Колеттъ... Тотъ мальчишка, кажется, въ меня влюбился», — вспомнила она съ внезапно выступившей улыбкой. — «Вотъ это побѣда: его еще въ уголъ ставятъ... Посмотрѣть бы на него въ углу... Мальчишка хорошенькій... Да, безрезультатный вечеръ», — подумала Муся и опустила крышку піанино.

XV.

— Въ сотый разъ говорю: не засиживаться такъ поздно, самой себя стыдно, ей Богу, — сказала Наталья Михайловна, какъ только полуодѣтый швейцаръ, не смягченный полтинникомъ Николая Петровича, сердито закрылъ за ними дверь.

— Что-жъ, было очень пріятно, они все-таки хорошіе люди, — лѣниво отозвался Яценко, поднимая воротникъ.

— Папа, вы, кажется, мало дали швейцару.

— Ты сколько далъ? Полтинникъ? Предостаточно. Этакъ отъ всѣхъ ему сколько набѣжитъ...

Тебѣ когда завтра на службу? Въ которомъ часу проклятый допросъ?

— Днемъ. Успѣю выспаться, — нехотя отвѣтилъ Яценко, недовольный тѣмъ, что жена его вмѣшивалась въ служебныя дѣла.

— А ужъ тебѣ, Витя, совсѣмъ ни къ чему ложиться съ пѣтухами. Вотъ вѣдь завтра опять въ училище не пойдешь...

— Что?.. Да... Ничего, мама, — сказалъ разсѣянно Витя.

Онъ былъ очень взволнованъ. «Неужели влюбился? Неужели это такъ можетъ быть?» — спрашивалъ онъ себя. Муся на прощанье крѣпко пожала ему руку и спросила, приметъ ли онъ участіе въ ихъ любительскомъ спектаклѣ, если спектакль состоится. — «Я буду счастливъ!» — сказалъ Витя и въ самомъ дѣлѣ вспыхнулъ отъ радости. «Неужели будетъ спектакль? Тогда на репетиціяхъ будемъ видѣться постоянно»... Витя чувствовалъ себя къ концу вечера побѣдителемъ, отъ его смущенья не оставалось и слѣда. Этотъ вечеръ начиналъ его карьеру свѣтскаго человѣка.

— Извозчикъ! — закричалъ Яценко. — Извозчикъ!.. Помѣстимся на одномъ?

— Вы съ мамой поѣзжайте, а я пѣшкомъ приду... Хочется пройтись...

— Ну вотъ, оставь, пожалуйста! Незачѣмъ тебѣ въ шестнадцать лѣтъ одному прохаживаться ночью по улицамъ...

Сзади блеснулъ свѣтъ, дверь снова открылась, на улицу вышелъ Браунъ, за нимъ Клервилль. «Кажется, не могли услышать», — тревожно подумалъ Витя. Яценко приподнялъ мѣховую шапку въ отвѣтъ на ихъ поклонъ и сказалъ «Мое почтенье». Витя сорвалъ съ себя картузъ и высоко помахалъ имъ въ воздухѣ. Англичанинъ раскуривалъ папиросу. Витя почти весь вечеръ, съ отъ-

ѣзда Шаляпина, съ восторженной завистью слѣдилъ за майоромъ Клервиллемъ. Онъ никогда не видѣлъ такихъ людей. Фигура англичанина, его увѣренныя точныя движенія, его мундиръ съ открытымъ воротникомъ и съ галстухомъ защитнаго цвѣта, все казалось Витѣ необыкновеннымъ и прекраснымъ. Онъ вообразилъ себя было англійскимъ офицеромъ, — не вышло, да и извозчикъ подъѣхалъ. Николай Петровичъ помогъ женѣ сѣсть въ дрожки. Витя покорно полѣзъ за ними и кое-какъ помѣстился посрединѣ. «Точно на рукахъ»... — скользнула у него непріятная мысль. Онъ вдругъ пересталъ сознавать себя свѣтскимъ человѣкомъ и почувствовалъ еще большую, чѣмъ обычно, зависть къ взрослымъ свободнымъ людямъ. «Можетъ, они вовсе и не домой теперь, а куда-нибудь въ такое мѣсто»...

— По Пантелеймоновской прямо, — сказалъ извозчику Николай Петровичъ.

— Любите ли вы этотъ вечеръ? — спросилъ майоръ Клервилль, продолжая говорить по русски, какъ въ теченіе всего пріема.

Англичанинъ былъ въ возбужденно-радостномъ настроеніи, почти въ такомъ же, какъ Витя.

— Люблю, — мрачно отвѣтилъ Браунъ.

— Этотъ человѣкъ Шаляпинъ! Я восхищаюсь его... Идемъ пѣшкомъ въ отель!

— Что? Что вы говорите? — вздрогнувъ, спросилъ Браунъ, точно просыпаясь.

Англичанинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я говорю, можетъ быть, намъ немного гулять пѣшкомъ?

— Нѣтъ, я усталъ, пожалуйста, извините меня, — отвѣтилъ Браунъ по англійски. — Я поѣду.

Они простились.

Ночь была лунная, свѣжая и холодная. Клервилль, съ папиросой во рту, шелъ быстрымъ крупнымъ шагомъ, упруго приподнимая на носкахъ свое усовершенствованное мощное тѣло. Онъ самъ не зналъ, отчего былъ такъ бодръ и веселъ: отъ шампанскаго ли, оттого ли, что шла великая, небывалая война за правое дѣло, въ которой онъ, англійскій офицеръ, съ достоинствомъ принималъ участіе на трудномъ, отвѣтственномъ посту, или оттого, что ему такъ нравились снѣгъ, морозная ночь и весь этотъ изумительный городъ, непохожій ни на какой другой. «Та дѣвочка безспорно очень мила. Quite a charming girl she is, too»... Здѣсь что-то было, впрочемъ, не совсѣмъ въ порядкѣ въ мысляхъ майора Клервилля, но ему было не вполнѣ ясно, что именно. «Шаляпинъ пѣлъ изумительно, другого такого артиста нѣтъ на землѣ», — Клервилль былъ радъ, что видѣлъ вблизи Шаляпина и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. «Докторъ Браунъ явно не въ духѣ и даже не слишкомъ любезенъ, однако онъ замѣчательный человѣкъ... Хозяева очень милы, особенно эта барышня... Но вѣдь Биконсфильдъ тоже былъ еврей и графъ Розбери женатъ на еврейкѣ», — неожиданно отвѣтилъ майоръ Клервилль на то, что было не совсѣмъ въ порядкѣ въ его мысляхъ. Онъ остановился пораженный и громко расхохотался: такъ смѣшна ему показалась мысль, что онъ можетъ жениться на русской барышнѣ, да еще на еврейкѣ, да еще во время міровой войны. «Что сказали бы въ Bachelor'ѣ?» — спросилъ себя весело Клервилль. Слѣва отъ него, подъ фонаремъ, у воротъ, на уступѣ странно загибавшейся здѣсь улицы, два человѣка въ военной формѣ, вытянувшись, смотрѣли на него съ изумленіемъ. Майоръ нахмурился, отдалъ честь и прошелъ дальше. Открылась широкая рѣка. За мостомъ было пусто и

мрачно. Сбоку темнѣли огромные дворцы. «Fontanka gate», — тотчасъ призналъ майоръ, останавливаясь снова и вынимая изо рта папиросу. Слѣва, чуть поодаль, въ одномъ изъ дворцовъ кое-гдѣ таинственно свѣтились въ окнахъ огни. Клервиль слышалъ, что это какой-то историческій дворецъ, притомъ, кажется, съ недоброй славой, вродѣ Warwick Castle или Holyrood Palace. Но что именно здѣсь происходило когда-то, что было здѣсь теперь, — этого Вивіанъ Клервилль не помнилъ и съ любопытствомъ вглядывался въ красные огоньки дворца.

XVI.

Яценко остановился передъ аптекой, свѣтившейся красивыми желтыми огнями, разстегнулъ шубу и не безъ труда вытащилъ изъ жилетнаго кармана часы. До начала допроса оставалось еще часа полтора. «Что-же теперь дѣлать?.. Домой идти не стоитъ», — сказалъ себѣ Николай Петровичъ. За стекломъ радовали глазъ огромныя бутыли съ синей и темнорозовой водою. «Есть въ этомъ какая-то таинственность, даже поэзія», — нерѣшительно подумалъ Николай Петровичъ: онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что въ витринѣ аптеки можно находить поэзію. Но многочисленныя сверкавшія огнемъ склянки, трубки, баночки, и особенно эти огромныя бутыли странной формы и непостижимаго назначенія шевелили пріятныя представленія въ душѣ Николая Петровича. «Гематогенъ доктора Гомеля»... — разсѣянно прочелъ Яценко. «Что-то вчера разсказывалъ смѣшное этотъ чудакъ Никоновъ... Ахъ, да, его гомельскій кліентъ... «Formol»...—Николай Петровичъ вдругъ поморщился, точно вновь услышалъ запахъ фор-

малина, карболки и чего-то еще, стоявшій въ анатомическомъ театрѣ во время вскрытія тѣла Фишера. Яценко отогналъ отъ себя это воспоминаніе. Дама съ озабоченнымъ видомъ вышла изъ аптеки, неестественно держа въ рукѣ пузырекъ, завернутый въ бѣлую бумагу съ торчащей лентой рецепта. За аптекой начинался длинный хвостъ людей, тянувшійся къ лавкѣ съѣстныхъ припасовъ. Стоявшая послѣдней въ хвостѣ, плохо одѣтая женщина, съ усталымъ и наглымъ лицомъ, смотрѣла исподлобья на даму, на барина въ шубѣ. «Да, имъ еще хуже нашего, все меньше становится продуктовъ», — подумалъ, отходя, слѣдователь.

У Яценко не было никакого состоянія; онъ жилъ исключительно на жалованье, и сводить концы съ концами становилось все труднѣе. Хотя Николай Петровичъ нисколько не былъ скупъ, съ женой, съ Витей уже бывали разговоры о расходахъ и о необходимости соблюдать строгую экономію. Отъ этихъ разговоровъ Яценко испытывалъ чувство униженія, которое тщетно пытался самъ себѣ объяснить. «Конечно, бѣдность не порокъ, это и повторять смѣшно... Но все-таки неловко, нѣтъ, хуже, чѣмъ неловко: прямо стыдно, что я, сѣдой человѣкъ, за двадцать пять лѣтъ, работая какъ каторжникъ, не скопилъ ровно ничего... Тысячъ пятнадцать, пожалуй, можно было скопить, если-бъ жить разсчетливѣй»... Впрочемъ, Николай Петровичъ всегда жилъ достаточно разсчетливо; да и трудно было жить иначе при его четырехтысячномъ жалованіи. «Теперь Наташа во всемъ себѣ отказываетъ, ни туалетовъ, ни драгоцѣнностей, ничего у нея нѣтъ», — подумалъ печально Яценко, — «вчера у Кременецкихъ всѣ были наряднѣе, чѣмъ она... Да и Витя не очень-то роскошествуетъ на пять рублей въ мѣсяцъ»... Самъ Николай Петровичъ цѣлый годъ не заказы-

валъ себѣ платья, не покупалъ больше книгъ и старался быстрѣе проходить мимо витринъ книжныхъ магазиновъ. Вернувшись осенью съ дачи, Наталья Михайловна предложила мужу отпустить горничную, а кухарку сдѣлать «одной прислугой». Это предложеніе означало бы предѣлъ бѣдности, и Николай Петровичъ велѣлъ женѣ «не выдумывать». Но цѣны все росли, жалованья не прибавляли, и теперь Яценко ждалъ, что жена опять объ этомъ заговоритъ. Онъ тяжело вздохнулъ. «Развѣ къ антиквару зайти, отсюда два шага», — пришла мысль Николаю Петровичу. У антиквара Яценко не боялся соблазновъ, — такъ все тамъ было недоступно для него по цѣнамъ. Но ему неловко было часто заходить въ магазинъ, гдѣ онъ никогда ничего не покупалъ.

Магазинъ этотъ въ послѣднее время вошелъ въ моду. Въ двухъ густо заставленныхъ комнатахъ было все: гравюры, картины, фарфоръ, бездѣлушки, книги. Всего больше было старинной мебели. Спросъ на все старинное росъ безпрерывно. «Журналъ красивой жизни» имѣлъ въ обществѣ огромный успѣхъ, и люди, желавшіе красиво жить, собирали трубки, табакерки, миніатюры, фарфоръ, коробочки, первыя изданія книгъ, и дѣлали на толкучемъ рынкѣ самыя изумительныя находки. Не было ни одного хорошаго дома, ни одного моднаго романа безъ корельской березы, рѣзного дуба, «пузатыхъ комодовъ» и «золоченой гарнитуры» (полагалось говорить въ женскомъ родѣ: гарнитура). Двѣ мастерскія спѣшно изготовляли старинную мебель и наводили на нее «патину времени». Старыя доски обрабатывались щелокомъ, хромовыми солями, твердой щеткой и точильнымъ камнемъ, щели засыпались грязью, рваныя полосы шелка, выставленнаго надолго подъ дождь, прибивались ржавыми гвоздями, — и

Александровскія кресла, Екатерининскіе пуфы, Елизаветинскіе диваны радовали сердца любителей.

Въ магазинѣ у Яценко оказались знакомые, которыхъ онъ наканунѣ видѣлъ на пріемѣ у Кременецкаго: помощникъ присяжнаго повѣреннаго Фоминъ и князь Горенскій. Молодой адвокатъ, то отступая на шагъ, то приближаясь, разсматривалъ висѣвшій на стѣнѣ портретъ красивой дамы въ блѣднозеленомъ платьѣ.

— Не плохая, не плохая штучка... По моему, это Иванъ Никитинъ поздняго періода, — говорилъ Фоминъ. — Есть въ этой фигурѣ какая-то пасторальная взволнованность Louis XV, правда, князь?.. Я голову на отсѣченье дамъ, что это временъ Анны Іоанновны...

Фоминъ считалъ Людовика XV сыномъ Людовика XIV, а Анну Іоанновну нѣмкой, не то курляндской, не то какой-то другой. Однако онъ собиралъ старинныя вещи и считался ихъ знатокомъ. Кременецкій въ салонныхъ разговорахъ, при случаѣ, рекомендовалъ Фомина, какъ «взыскателя старины, страстно въ нее влюбленнаго»... Семенъ Исидоровичъ и своего Николая Зафури купилъ по совѣту Фомина. Мебель у Кременецкаго была style moderne, но онъ отдавалъ должное духу времени и, услышавъ отъ помощника о Николаѣ Зафури, сразу по интонаціи почувствовалъ, что, если такую штуку предлагаютъ за двѣсти пятьдесятъ рублей, нужно, не разговаривая, выложить деньги.

— Есть, есть взволнованность, — подтвердилъ князь, впрочемъ, вполнѣ равнодушно.

— А, Николай Петровичъ, — сказалъ Фоминъ, увидѣвъ входившаго Яценко. — Тоже бываете въ этой обираловкѣ?

— Меня не очень-то оберутъ, — отвѣтилъ, улыбаясь, слѣдователь. — Картины покупаете, Платонъ Ивановичъ?

— Платонъ Михайловичъ...

— Простите, Платонъ Михайловичъ... Это вѣдь въ «Горѣ отъ ума» Платонъ Михайловичъ?.. Картины покупаете? — повторилъ Николай Петровичъ.

— Нынче ничего не куплю. А вотъ на дняхъ купилъ, и за гроши, за триста рублей, Андрея Матвѣева, ni plus ni moins! Entre nous soit dit, j'ai roulé le bonhomme, — сказалъ Фоминъ, показывая глазами на подходившаго антиквара. Николай Петровичъ нахмурился: онъ никогда не слышалъ объ Андреѣ Матвѣевѣ, и триста рублей для него отнюдь не были грошами. Впрочемъ, онъ догадывался, что это не гроши и для Фомина. Молодой адвокатъ очень не нравился Николаю Петровичу. «И очень ужъ изъ себя плюгавый, какъ, кажется, почти всѣ они, эстеты», — неожиданно обобщилъ Яценко.

— Ваше Превосходительство, давно къ намъ не захаживали, — сказалъ слѣдователю хозяинъ, сутуловатый и кривой человѣкъ въ запыленномъ пиджакѣ, съ узенькимъ, съѣхавшимъ на бокъ чернымъ галстукомъ.

— Что жъ у васъ время отнимать? Вѣдь вы знаете, я ничего не покупаю: не по карману.

— Зачѣмъ покупать? Покупать не обязательно. Всегда рады такому гостю. Иной разъ намъ и продавать не хочется. Вотъ Платону Михайловичу все чуть не даромъ отдаю...

— Знаемъ мы васъ, — сказалъ Фоминъ, очень довольный.

На лицѣ у хозяина появилась хитрая улыбка.

— Какъ Ваше Превосходительство заняты сейчасъ однимъ дѣломъ, въ газетахъ пишутъ, — ска-

залъ онъ, — то разрѣшите обратить вниманіе на эту штучку.

Онъ снялъ съ полки тяжелый серебряный канделябръ и не безъ труда поставилъ его на столъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Это шандалъ изъ того дома, гдѣ былъ, сказываютъ газеты, убитъ господинъ Фишеръ. Домъ этотъ принадлежалъ господамъ Баратаевымъ, угасшій дворянскій родъ. Я купилъ шандалъ на аукціонѣ, года четыре будетъ тому назадъ, у послѣдняго въ родѣ по женской линіи. Какъ этотъ домъ достался купцу, тотъ этажъ надстроилъ и весь домъ разбилъ на квартиры, такъ что отъ него, проще говоря, ничего не осталось. А прекраснѣйшій былъ домъ...

— Вотъ какъ,—съ удивленіемъ сказалъ Яценко.

— Это какіе же Баратаевы? — озабоченно спросилъ князя Фоминъ. — Баратаевы, какъ Фомины, есть настоящіе и не настоящіе...

— А кто ихъ знаетъ, я его пачпорта не видѣлъ, — сказалъ князь. Фоминъ подумалъ, что слово «пачпортъ» нужно будетъ усвоить: князь, какъ его предки, говорилъ «пачпортъ», «гошпиталь», «скрыпка».

— Теперь Баратаевыхъ больше никакихъ нѣтъ, — пояснилъ хозяинъ.

— Интересное это дѣло Фишера и характерное, — сказалъ князь. — Характерное для упадочной эпохи и для строя, въ которомъ мы живемъ.

— Я нашъ строй не защищаю, — сказалъ Яценко, — но при чемъ же онъ, собственно, въ этомъ дѣлѣ?

— Какъ при чемъ? На правительственный гнетъ страна отвѣчаетъ паденіемъ нравовъ. Такъ всегда бывало, вспомните хотя бы Вторую Имперію. Повѣрьте, общество, живущее въ здоровыхъ полити-

ческихъ условіяхъ, легко бы освободилось отъ такихъ субъектовъ, какъ Фишеръ.

Яценко не сталъ спорить. На него вдобавокъ, какъ почти на всѣхъ, дѣйствовалъ громкій трещащій голосъ Горенскаго, его рѣзкая манера разговора и та глубокая увѣреность въ своей правотѣ, которая чувствовалась въ рѣчахъ князя даже тогда, когда онъ высказывалъ мысли, явно ни съ чѣмъ несообразныя.

— Нашъ Сема спитъ и во снѣ видитъ, какъ бы заполучить это дѣльце, — сказалъ Фоминъ, слушавшій князя съ тонкой усмѣшкой.

Николай Петровичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ не любилъ шуточекъ надъ людьми, въ домѣ которыхъ бывалъ. «Этотъ хлыщъ всѣмъ обязанъ Кременецкому», — подумалъ Яценко не безъ раздраженія.

— А книгъ у васъ, вѣрно, прибавилось?—спросилъ Николай Петровичъ хозяина и, простившись со знакомыми, направился во вторую комнату магазина.

— Обратите вниманіе, тамъ чудесный Мольеръ изданія 1734 года, — сказалъ ему вдогонку Фоминъ. — Знаете, т о изданіе, ну просто прелесть.

Николай Петровичъ кивнулъ головой и скрылся за дверью. Во второй комнатѣ отъ вещей было еще тѣснѣе, чѣмъ въ первой. Яценко взялъ со стола фарфоровую дѣвицу съ изумленно-наивнымъ выраженіемъ на лицѣ, погладилъ ее по затылку, бѣгло взглянулъ на марку и поставилъ дѣвицу назадъ. Перелисталъ гравюры въ запыленной папкѣ, затѣмъ раскрылъ наудачу одну изъ книгъ. Это было старое изданіе стиховъ Баратынскаго, — его недавно кто-то вновь открылъ. Николай Петровичъ прочелъ:

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ...

«Какъ же это понимать?» — спросилъ себя Николай Петровичъ, не сразу схватившій смыслъ стиховъ. «Думамъ покориться или снамъ?... Да, по улыбчивымъ снамъ и жить бы, а не вскрывать разлагающіяся тѣла»...

Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Насъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ...

Слово «очесъ» тронуло Николая Петровича; стихи его взволновали. «Въ самомъ дѣлѣ поѣхать бы туда, подъ сострадательныя небеса, въ Испанію, что ли?» Яценко никогда не бывалъ въ Испаніи и представлялъ ее себѣ больше по «Карменъ» въ Музыкальной Драмѣ. Но Ривьеру онъ видалъ и любилъ. Въ памяти Николая Петровича проскользнули жаркій свѣтъ, кактусы, бусовыя нити вмѣсто дверей, малиновое мороженое съ вафлями, женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, въ купальныхъ костюмахъ — полная свобода, отъ заботъ, отъ дѣлъ, отъ семьи... Наталья Михайловна и Витя вдругъ куда-то исчезли. Яценко побывалъ въ Монте-Карло года за два до войны, проигралъ тамъ семьдесятъ пять рублей и былъ очень недоволенъ собою. Наталья Михайловна придумывала для игорнаго дома самыя жестокія сравненія: называла его и позоромъ цивилизаціи, и раззолоченнымъ притономъ, и болотнымъ растеніемъ, и пышнымъ махровымъ цвѣткомъ, — почему «махровымъ», — этого она, вѣроятно, не могла бы объяснить. Но теперь, на разстояніи, и раззолоченный притонъ былъ пріятенъ Яценко. Ему вспом-

нились сады изъ непривычно-прекрасныхъ змѣистыхъ растеній, зданія нѣжнаго желтовато-розоваго тона, съ голубыми куполами, съ причудливыми окнами, балконами, статуями, въ томъ стилѣ, надъ которымъ принято было смѣяться, какъ надъ вполнѣ безвкуснымъ, и который Николай Петровичъ въ душѣ находилъ пріятнымъ и своеобразнымъ. «Хоть книгу купить и на досугѣ вечеромъ почитать стихи»... На переплетѣ изнутри была написана карандашомъ цѣна: 20, съ какой-то развязной скобочкой. «Четырехмѣсячное жалованье Вити, всѣ развлеченья мальчика за треть года»,—подумалъ со вздохомъ Николай Петровичъ. Онъ положилъ книгу на мѣсто и вышелъ изъ магазина.

XVII.

Швейцаръ у вѣшалки перваго этажа радостно-почтительно привѣтствовалъ Николая Петровича. Осанистый, дородный адвокатъ съ нетерпѣніемъ на нихъ поглядывалъ. Только повѣсивъ шубу Яценко и убравъ въ стойку его калоши съ отскочившей вкось буквой «Я», швейцаръ обратился къ адвокату. Монументальный адвокатъ оставлялъ на чай щедрѣе, чѣмъ слѣдователь, но швейцаръ дѣлалъ поправку на огромную разницу въ ихъ средствахъ. Мелкіе служащіе суда отлично все знали, кто сколько зарабатываетъ и на какомъ кто счету.

Яценко неторопливо поднялся по лѣстницѣ, ровно-любезно здороваясь со знакомыми. Въ ярко освѣщенномъ зданіи суда было очень много людей. На площадкѣ второго этажа слѣдователя задержали сослуживцы, выходившіе изъ гражданскаго отдѣленія. Пребываніе въ судѣ, гдѣ всѣ его

очень уважали, было неизмѣнно пріятно Николаю Петровичу. Онъ любилъ судъ, считалъ общій тонъ его чрезвычайно порядочнымъ и джентльменскимъ, дорожилъ корпоративнымъ духомъ и возмущался нападками на судей, попадавшимися и въ передовой, и въ реакціонной печати. Поговоривъ съ пріятелями, Николай Петровичъ поднялся въ прокурорскій корридоръ, гдѣ находился его кабинетъ, и поздоровался со своимъ письмоводителемъ, Иваномъ Павловичемъ.

— Владиміръ Ивановичъ звонилъ, что никакъ не можетъ нынче быть, просилъ его не ждать, — сказалъ письмоводитель. Яценко кивнулъ головою. Владиміръ Ивановичъ былъ товарищъ прокурора, наблюдавшій за дѣломъ Фишера, — Николай Петровичъ предпочиталъ вести допросъ безъ свидѣтелей. Онъ обычно обходился даже безъ письмоводителя и самъ отстукивалъ показанія допрашиваемыхъ на пишущей машинѣ. Это было его нововведеніемъ, котораго письмоводитель не одобрялъ. Теперь Ивану Павловичу особенно хотѣлось присутствовать при допросѣ.

— Здѣсь васъ этотъ ждетъ, Антиповъ, — пренебрежительно сообщилъ письмоводитель. — Если правду говорить, сыскное отдѣленіе могло бы поручить розыскъ по такому дѣлу чиновнику для порученій: вѣдь Антиповъ безъ всякаго образованія человѣкъ, простой надзиратель... Для научнаго розыска необходимы люди съ извѣстной научной дисциплиной.

— Онъ у нихъ, говорятъ, новое свѣтило. Пожалуйста, позовите его.

Сыщикъ вошелъ съ веселой улыбочкой, окинулъ быстрымъ взглядомъ комнату и поклонился.

— Честь имѣю кланяться, — сказалъ онъ.

«Говоритъ: честь имѣю кланяться, а такъ нагло-фамиліарно, точно «наше вамъ съ кисточкой», — сразу раздраженно подумалъ Яценко.

— Здравствуйте, — сухо отвѣтилъ онъ. — Что скажете?

— Презумпція остается прежняя: не иначе, какъ тотъ типъ Загряцкій эту штучку сдѣлалъ. Больше некому...

— Есть новыя данныя?

— Я такъ скажу, учитывая факты: дѣвочекъ на этотъ разъ у Фишера не было, не вышелъ номеръ. Та баба, Дарья Петрова, прямо говоритъ: не было и не было. Когда бывали, то часамъ къ девяти пріѣзжали, и она всегда видѣла: бабье любопытство, извѣстное дѣло, — вставилъ игриво сыщикъ. — А теперь, нѣтъ, не видала. И другую прислугу въ домѣ я спрашивалъ, никто не видалъ.

— Да вѣдь, Дарья Петрова Загряцкаго тоже не видала, и думала, что Фишеръ ушелъ... Что же это доказываетъ? Она могла и не замѣтить, какъ пришли женщины.

— Насчетъ Фишера она, Ваше Превосходительство, потому такъ полагала, что ночью всегда можно незамѣтно уйти; надо вѣдь учитывать, что ночью люди простого положенія спятъ. А вечеромъ за женщинами она всегда слѣдила... Не было женщинъ! — рѣшительно сказалъ Антиповъ. — И по комнатѣ видно, что не было. Не успѣлъ, значитъ, онъ ихъ вызвать, какъ тотъ фруктъ его прихлопнулъ.

— Онъ ихъ какъ вызывалъ? По телефону?

— Должно быть, что по телефону... Никто какъ Загряцкій убилъ, Ваше Превосходительство. И грабежа тутъ никакъ быть не могло. Я въ гостиницѣ и по ресторанамъ информировался: никогда Фишеръ денегъ при себѣ не держалъ, развѣ

сотню-другую. Онъ и въ гостиницѣ чеками платилъ.

— Однако, писемъ госпожи Фишеръ вы у Загряцкаго не нашли. Слѣдовательно, наглядныхъ доказательствъ ихъ связи нѣтъ. А безъ этого мотивъ преступленія непонятенъ.

— Про мотивъ, Ваше Превосходительство, и безъ писемъ извѣстно. У кого хотите въ ихъ кварталѣ спросите: жилъ онъ съ ней? Всякій скажетъ: а то какъ же? понятное дѣло, жилъ. Онъ съ ней и въ Крымъ ѣздилъ... Это надо учитывать.

— Дактилоскопическіе снимки съ бутылки готовы?

— Обѣщали въ сыскномъ къ шести приготовить, да вѣрно надуютъ, — съ внезапной злобой сказалъ Антиповъ. — Я сейчасъ туда иду. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, не отпускайте вы этого фрукта...

— Я уже сказалъ вамъ, что арестъ будетъ зависѣть отъ результатовъ допроса. Точно вы не знаете закона...

Антиповъ выслушалъ слова о законѣ съ унылымъ выраженіемъ на лицѣ, ясно говорившимъ: ни къ чему эти пустяки.

— Вдругъ онъ докажетъ, что былъ въ моментъ преступленія въ другомъ мѣстѣ? Какъ же я его арестую?

— Алиби! — оживился Антиповъ. — Не докажетъ, Ваше Превосходительство, Антиповъ вамъ говоритъ: не докажетъ. Я послѣдній дуракъ буду, если докажетъ...

— А не докажетъ, такъ мы посмотримъ... Вы сейчасъ идете въ сыскное отдѣленіе? Прошу васъ прямо оттуда вернуться сюда, навѣрное нужно будетъ провѣрить его показанія. Иванъ Павловичъ, какъ только господинъ Антиповъ вернется, дайте мнѣ знать...

— Слушаю-съ.

Антиповъ удалился. Письмоводитель съ улыбкой глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Хорошій они тоже народъ, — сказалъ онъ. — А вѣдь Загряцкій будетъ упираться, Николай Петровичъ?

— Что?.. Да, вѣроятно, — отвѣтилъ разсѣянно Яценско.

— Трудное положеніе, — сказалъ письмоводитель, интересовавшійся психологіей. — Заграницей, я слышалъ, ихъ изморомъ берутъ: круглые сутки допрашиваютъ, напролетъ, пока не сознается. Сами смѣняются, а ему спать не даютъ.

— Не знаю, какъ заграницей, не думаю, чтобы это такъ было, хоть и я такіе разсказы слышалъ. У насъ во всякомъ случаѣ эти способы не допускаются — и слава Богу.

— Я потому говорю, что здѣсь сложное и показательное психологическое явленіе: въ самомъ дѣлѣ, какъ быть, если онъ упрется, не хочу показывать, усталъ, завтра приходите. Вѣдь тогда слѣдователь будетъ въ дуракахъ: не пытать же его... А между тѣмъ, факты свидѣтельствуютъ, преступники этого не говорятъ. Или расцѣните, Николай Петровичъ, явленіе сходнаго порядка: военноплѣнныхъ. Въ газетахъ мы постоянно читаемъ: плѣнные показали то-то и то-то, гдѣ у нихъ какія части стоятъ. Почему они показываютъ? Вѣдь не измѣнники же они и не ребята, и пытать ихъ тоже не пытаютъ.

— Да, непонятная вещь, — сказалъ со вздохомъ слѣдователь.

— Я думаю, психологическій аффектъ, — объяснилъ письмоводитель. — Очень показательны факты, наблюдаемые въ Америкѣ: тамъ слѣдователь сидитъ наверху, а преступникъ внизу, — и

долженъ смотрѣть вверхъ. Это тоже оказываетъ психологическій эффектъ.

— Какой вздоръ! — сказалъ Николай Петровичъ. Онъ не вѣрилъ въ театральные пріемы, не вѣрилъ ни въ высокое кресло, ни въ лампу, которую ставятъ такъ, что ярко освѣщается лицо допрашиваемаго, а допрашивающій остается въ тѣни. Но разговоръ, поднятый письмоводителемъ, былъ непріятенъ Николаю Петровичу. Яценко имѣлъ большой опытъ въ своемъ дѣлѣ и пользовался репутаціей превосходнаго слѣдователя. Тѣмъ не менѣе никакой теоріи допроса обвиняемаго у него не было. Читая «Преступленіе и Наказаніе», онъ находилъ, что въ Порфиріи Петровичѣ все выдумано: и слѣдствіе такъ, по домашнему, никогда не ведется, и слѣдователя такого не могло быть, даже въ дореформенное время. Однако, самому Яценко случалось при допросахъ сбиваться на тонъ Порфирія Петровича; онъ видѣлъ въ этомъ лишь доказательство того, какъ прочно засѣли книги великихъ писателей въ душѣ образованныхъ людей. Методъ же пристава слѣдственныхъ дѣлъ въ «Преступленіи и Наказаніи» Яценко считалъ совершенно неправильнымъ. У Николая Петровича въ ящикѣ письменнаго стола уже больше года лежала тетрадь съ начатой работой «Проблема гуманнаго допроса». Онъ предполагалъ прочесть на эту тему докладъ въ Юридическомъ Обществѣ, но все не могъ подвинуть работу, — какъ ему казалось, по недостатку времени, на самомъ же дѣлѣ потому, что никакого отвѣта на проблему гуманнаго допроса у него не было. Законъ прямо запрещалъ слѣдователю домогаться сознанія обвиняемаго при помощи разныхъ ухищреній. Однако долгій опытъ говорилъ Николаю Петровичу, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, при запирательствѣ преступника,

слѣдователь долженъ прибѣгать къ ухищреніямъ. Жизнь научила Николая Петровича устраивать допрашиваемымъ ловушки; но признать ихъ гуманнымъ способомъ допроса ему не позволяла совѣсть. Опытъ говорилъ ему также, что въ большинствѣ случаевъ, при нѣкоторомъ умѣ и ловкости, для преступника гораздо выгоднѣе упорное запирательство, чѣмъ чистосердечное признаніе вины. Между тѣмъ, по своей должности, Яценко вынужденъ былъ внушать преступникамъ обратное. Это, конечно, оправдывалось интересами правосудія и общества, но Яценко въ такихъ случаяхъ всегда чувствовалъ себя непріятно.

— Записывать сами будете, Николай Петровичъ? — спросилъ для вѣрности письмоводитель, замѣтивъ, что слѣдователь пододвинулъ къ себѣ бумаги. — Такъ я вамъ пока не нуженъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Пожалуйста, дайте мнѣ знать, какъ только приведутъ Загряцкаго.

Оставшись одинъ, Яценко взялъ листъ бумаги и написалъ слѣдующее письмо:

«Довѣрительно.

Ваше Превосходительство,
Милостивый государь,
Сергѣй Васильевичъ.

Согласно желанія Вашего Превосходительства, честь имѣю сообщить, что мною сего числа произведенъ осмотръ сейфа, принадлежавшаго Карлу Фишеру. При этомъ выяснилось, что завѣщанія Фишера тамъ не имѣется, какъ не имѣется и никакихъ другихъ бумагъ. Въ сейфѣ оказались лишь различныя драгоцѣнныя вещи и золотая монета на сумму двѣнадцать тысячъ шестьсотъ (12.600) рублей.

Равнымъ образомъ увѣдомляю Ваше Превосходительство, что сего же числа въ Военно-Меди-

цинской Академіи въ моемъ присутствіи полицейскимъ врачомъ произведено вскрытіе тѣла Фишера. Вскрытіе это выяснило съ несомнѣнностью, что смерть послѣдовала отъ отравленія ядомъ. Химическій анализъ внутренностей, а равно и жидкостей, найденныхъ на столѣ въ комнатѣ, въ которой было обнаружено тѣло, еще не законченъ. Протоколъ вскрытія, составленный мною съ пріобщеніемъ спеціальнаго протокола врача, можетъ быть предъявленъ Вашему Превосходительству, буде Ваше Превосходительство усмотрите въ этомъ необходимость.

Прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности».

Яценко прочелъ про себя письмо и остался доволенъ. Тонъ былъ вполнѣ оффиціальный. Это подчеркивалось родительнымъ падежомъ послѣ «согласно» и особенно словомъ «буде». «Буде», можетъ быть, и слишкомъ», — подумалъ Николай Петровичъ. Онъ немножко пожалѣлъ, что вставилъ въ заключительную фразу слово «преданность». Было достаточно и «совершеннаго уваженія». Но переписывать письмо Николаю Петровичу не хотѣлось. Яценко запечаталъ конвертъ, надписалъ адресъ, затѣмъ снялъ клеенчатый чехолъ съ пишущей машины и бережно придвинулъ ее къ себѣ. Онъ очень любилъ свой Ремингтонъ и содержалъ его въ большой чистотѣ: все въ машинѣ такъ и блестѣло. Николай Петровичъ досталъ изъ ящика новую синюю папку съ черной четырехугольной каемкой. На ней было напечатано: «Дѣло судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Петербургскаго окружнаго суда № ....». Яценко не безъ труда ввелъ папку подъ валикъ и, подогнавъ каретку, проставилъ на точкахъ, за

7 Алдановъ

значкомъ №, число 16, затѣмъ, тремя строчками ниже, простучалъ большими буквами:

Убійство Карла Фишера.

Буква ш была слегка засорена. Николай Петровичъ заботливо прочистилъ ее иголкой, вынулъ папку изъ-подъ валика и вложилъ въ нее всѣ скопившіяся по этому дѣлу бумаги, начиная съ прокурорскаго предложенія, которымъ ему передавалось дѣло. При этомъ Николай Петровичъ еще разъ пробѣжалъ нѣкоторыя изъ бумагъ. Онъ къ труднымъ допросамъ готовился серьезно, и планъ всегда вырабатывалъ заранѣе. На этотъ разъ планъ у него былъ уже готовъ. Для памяти Яценко намѣтилъ на клочкѣ бумаги пять основныхъ пунктовъ допроса:

Отнош. съ Фиш. Векс.
" " женой Фиш.
«Тамъ гдѣ всегда».
Ключъ.
Alibi.

Порядокъ этихъ пунктовъ былъ не вполнѣ ясенъ Николаю Петровичу. Впрочемъ, онъ имѣлъ обыкновеніе вначалѣ вести допросъ «начерно», не углубляясь въ отвѣты, и лишь потомъ сосредоточивалъ вниманіе на главныхъ пунктахъ. Но и для допроса начерно нужна была система.

Въ дверь постучали.

— Привели, — взволнованно сказалъ письмоводитель.

— Отлично. Пусть войдетъ. И вотъ что еще, Иванъ Павловичъ: это письмо, будьте добры, сейчасъ отправьте съ курьеромъ по адресу.

— Слушаю-съ.

Письмоводитель взялъ письмо, прочелъ адресъ на конвертѣ и, повторивъ не безъ удивленія «слушаю-съ», вышелъ изъ кабинета.

XVIII.

Въ комнату быстрыми, небольшими шажками вошелъ хорошо одѣтый, средняго роста человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ мелкими чертами желтаго лица, бритый, плѣшивый, съ поднятыми кверху черными усиками. Онъ гордо и какъ-то неестественно поклонился слѣдователю, хотѣлъ что-то сказать и оглянулся на вошедшаго съ нимъ городового. И въ ту же минуту Николаю Петровичу стало совершенно ясно, что передъ нимъ находится преступникъ.

Яценко не обладалъ врожденной способностью проникновенія въ чужую душу. Какъ добрый и благожелательный человѣкъ, онъ видѣлъ въ людяхъ преимущественно добро, то, что обычно выставляютъ на показъ, а скрываютъ гораздо рѣже. Зло, которымъ люди гордятся сравнительно не часто, было ему менѣе доступно. Но постоянно въ теченіе долгихъ лѣтъ имѣя дѣло съ преступниками, Яценко все же многому научился, былъ чутокъ въ профессіональной работѣ и вѣрилъ собственному впечатлѣнію, «первому шоку», какъ онъ любилъ говорить. Здѣсь первый шокъ былъ рѣзкій, мгновенный, опредѣленный: въ обликѣ вошедшаго человѣка было что-то и хищное, и подленькое, и преступное.

— Садитесь, пожалуйста, господинъ Загряцкій, — учтиво произнесъ слѣдователь, показывая рукой на стулъ. — Вы подождите въ корридорѣ, — обратился онъ къ полицейскому, взявъ «препроводительную» и расписавшись въ разносной книгѣ.

Николай Петровичъ говорилъ «вы» даже городовымъ.

— Господинъ слѣдователь, что же это такое? — повышеннымъ тономъ, хотя и не очень громко, произнесъ, не садясь, Загряцкій, какъ только дверь за городовымъ закрылась. — Разрѣшите спросить васъ, что же это такое? Ни съ того, ни съ сего полиція хватаетъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, объявляетъ ему, что его подозрѣваютъ въ убійствѣ! И не ему одному объявляетъ, что онъ убійца, а всѣмъ въ его домѣ: хозяину, швейцару, дворнику!.. Что же это въ самомъ дѣлѣ такое? Я жаловаться буду, у меня, слава Богу, найдутся связи... Дѣло не въ допросѣ, — здѣсь, очевидно, какое-то странное недоразумѣніе, которое тотчасъ выяснится. Но въ какомъ, позвольте спросить, положеніи я буду теперь у себя дома? Вѣдь на меня каждая торговка будетъ пальцами показывать! Извольте ей объяснять, что здѣсь было недоразумѣніе и что вы распорядились меня задержать раньше, чѣмъ нашли возможнымъ со мной объясниться... Кажется, я никуда бѣжать не собирался...

«И негодованіе наигранное», — подумалъ Яценко. — «Такъ въ кинематографѣ у оскорбленныхъ актрисъ высоко поднимается грудь. Вѣрно, онъ часто бываетъ въ кинематографѣ, это всегда сказывается на людяхъ...»

— Пожалуйста, садитесь, — спокойно повторилъ слѣдователь.

Загряцкій сѣлъ.

— Я не отдавалъ распоряженія о вашемъ арестѣ, — сказалъ Яценко. — Полиція имѣетъ право задерживать въ извѣстныхъ случаяхъ, оговоренныхъ закономъ. Я же васъ допрашиваю, какъ свидѣтеля. Пока какъ свидѣтеля, — повторилъ онъ, подчеркнувъ слово «пока». — Прошу васъ

поэтому не волноваться и отвѣчать на вопросы, которые я вамъ буду ставить.

— Но я не могу не волноваться, когда меня позорятъ!

— Увѣряю васъ, что никакое пятно на вашу честь безъ вины не ляжетъ... Я буду записывать ваши показанія. Разумѣется, я предъявлю вамъ запись послѣ допроса. Если я въ чемъ ошибусь, вы будете имѣть полную возможность внести поправку. Ваша фамилія Загряцкій. Имя-отчество?

— Вячеславъ Фадѣевичъ.

— Вячеславъ Фадѣевъ, — повторилъ слѣдователь, и это слово «Фадѣевъ» холодкомъ ударило по Загряцкому. Яценко застучалъ на машинкѣ. Загряцкій уставился на него, полуоткрывъ ротъ. Николай Петровичъ задавалъ первые, формальные вопросы, продолжая писать.

— Такъ-съ... Полиція вамъ сообщила, — сказалъ онъ, отрываясь отъ машинки, — полиція вамъ сообщила, что задержаніе ваше связано со смертью Карла Фишера. Что вамъ извѣстно по этому дѣлу? Предупреждаю васъ, что на вопросы, которые могли бы васъ уличать, вы отвѣчать не обязаны.

— Но мнѣ рѣшительно ничего не извѣстно по этому дѣлу, господинъ слѣдователь, — опять повышеннымъ тономъ сказалъ Загряцкій.—Уличать меня! Въ чемъ уличать, Господи!..

— Ничего не извѣстно? — протянулъ Яценко, глядя на волосатую тонкую, украшенную огромнымъ ониксовымъ перстнемъ, руку Загряцкаго.

— Ничего. Рѣшительно ничего.

— Такъ-съ... — Николай Петровичъ помолчалъ. — Вы были близко знакомы съ Фишеромъ?

— Это какъ сказать... Очень близко не былъ. Я былъ съ нимъ знакомъ.

— Имѣли съ Фишеромъ дѣла?

— Нѣтъ, дѣлъ не имѣлъ.
— Никакихъ?
— Никакихъ.
«Что же, онъ о векселѣ забылъ? Какъ будто не изъ очень сильныхъ малый», — съ легкимъ разочарованіемъ подумалъ Яценко. Николай Петровичъ быстро застучалъ на машинкѣ. Загряцкій смотрѣлъ на него такъ же напряженно.
— На какой почвѣ состоялось ваше знакомство?
— Простите, я не понимаю вопроса. На той же почвѣ, на какой я знакомъ со всѣмъ Петроградомъ.
— Вы часто встрѣчались съ Фишеромъ?
— Нѣтъ, не очень.
— Примѣрно, какъ часто?
— Случалось, и разъ въ недѣлю, и два. Случалось, и подолгу не видѣли другъ друга.
— А въ послѣднее время?
— И въ послѣднее время точно такъ же.
— Гдѣ вы встрѣчались съ Фишеромъ?
— Да въ разныхъ мѣстахъ. Въ увеселительныхъ заведеніяхъ... Былъ и въ той квартирѣ, въ которой онъ умеръ... Мнѣ сказали, гдѣ онъ умеръ...
— Были и въ той квартирѣ? Къ этому мы вернемся... Когда вы его видѣли въ послѣдній разъ?
— Когда? Боюсь ошибиться, — сказалъ съ разстановкой Загряцкій. — Одну минуту...
— Постарайтесь не ошибиться. Это очень важно, — съ угрозой въ голосѣ произнесъ слѣдователь. Загряцкій сердито пожалъ плечами, точно услышалъ невообразимый вздоръ, на который не стоитъ возражать.
— Кажется, я его видѣлъ въ послѣдній разъ три дня тому назадъ.
— Кажется или навѣрное?

— Да, навѣрное, три дня тому назадъ.
— Гдѣ именно это было?
— Въ hall'ѣ «Паласа».
— Въ которомъ часу?
— Днемъ. Часовъ въ пять.
— Благодарю васъ... Такъ-съ... Записано... Знаете ли вы, господинъ Загряцкій, жену Фишера?
— Знаю.
— Близко знаете?
— Да. Мы хорошо знакомы.
Слѣдователь немного помолчалъ.
— По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, вы были въ связи съ госпожей Фишеръ.
— Это неправда.
— Вы это отрицаете?
— Самымъ категорическимъ образомъ.
— Напрасно. У меня имѣются доказательства. Было бы лучше, если бы вы не отрицали факта.
«...Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ насъ ласкающихъ очесъ...» — неожиданно промелькнули стихи въ памяти Николая Петровича. Онъ нахмурился и нервно перевелъ каретку Ремингтона.
— Я рѣшительно это отрицаю. Если у васъ есть доказательства, скажите, какія.
— Вы это узнаете въ свое время. Такъ вы отрицаете?
— Самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаю.
Яценко съ неудовольствіемъ отстучалъ нѣсколько строкъ.
— Такъ-съ, отрицаете... Теперь потрудитесь разсказать о квартирѣ, на которой было найдено тѣло Фишера. Такъ вы бывали на этой квартирѣ?
— Бывалъ.
— Много разъ?
— Не то, чтобы много, но бывалъ.
— Съ Фишеромъ бывали?

— Ну да, съ Фишеромъ, всегда тамъ бывалъ съ нимъ.

— Когда вы тамъ были въ послѣдній разъ?

— Въ понедѣльникъ.

— Въ понедѣльникъ. Для чего вы бывали въ этой квартирѣ?

Загряцкій подумалъ съ минуту.

— Господинъ слѣдователь, — сказалъ онъ, — вы должны знать, какая это была квартира и для чего Фишеръ ее снялъ. Я не аскетъ и за аскета себя не выдаю. Я бывалъ тамъ для того же, для чего и Фишеръ. Онъ приглашалъ туда знакомыхъ, приглашалъ и меня, и я принималъ его приглашенія. Хорошаго тутъ мало, я не спорю. Но не я первый, не я послѣдній.

— На этой квартирѣ происходили оргіи. Вы въ нихъ участвовали?

— Оргіи, оргіи! Это пышное слово, господинъ слѣдователь.

— Предлагаю вамъ, господинъ Загряцкій, не уклоняться отъ вопросовъ и точно отвѣчать на нихъ.

— Я не могу отвѣчать на такой вопросъ. Онъ касается частной интимной жизни, и я отвѣчать не буду. Въ этой области откровенничать не обязательно.

— Въ какой области?

— Ну да, въ этой, сексуальной, что ли... Вы и сами, вѣрно, не отшельникъ.

— Меня потрудитесь оставить въ покоѣ, — сказалъ, вспыхнувъ, Яценко. — Такъ вы отказываетесь отвѣчать на этотъ вопросъ?

— Объ оргіяхъ? Отказываюсь.

— Въ вашихъ интересахъ отвѣчать со всей откровенностью.

— Я поступаю такъ, какъ мнѣ велитъ совѣсть.

— Такъ-съ... Бывалъ ли на этой квартирѣ еще кто-нибудь?

— Вѣроятно, бывали многіе.

— «Вѣроятно»? Вы встрѣчали тамъ много людей?

— Нѣтъ, кромѣ Фишера и дѣвицъ, я никого тамъ больше не видалъ. Фишеръ любилъ тамъ бывать вдвоемъ.

— Имена бывавшихъ тамъ женщинъ вамъ извѣстны?

— Развѣ можно всѣхъ запомнить? Столько ихъ тамъ перебывало, онѣ мѣнялись каждый разъ... Одна изъ нихъ, вѣрно, и привела туда убійцу.

— Слѣдствіе это выяснитъ, вамъ незачѣмъ указывать ему путь... Въ вашей квартирѣ полиція нашла ключъ отъ этой квартиры. Какимъ образомъ онъ у васъ оказался?

— Мнѣ далъ его Фишеръ.

— Почему?

— Потому, что прислуги въ этой квартирѣ не было и открывать дверь было некому, да и ему не хотѣлось безпокоиться.

— Вы, однако, сказали, что пріѣзжали туда всегда съ Фишеромъ?

— Вы ошибаетесь, господинъ слѣдователь: я не говорилъ, что пріѣзжалъ туда всегда съ Фишеромъ, я сказалъ, что бывалъ тамъ съ Фишеромъ, это не одно и то же. Мы иногда назначали тамъ свиданіе другъ другу и являлись туда изъ разныхъ мѣстъ. Случалось, я пріѣзжалъ раньше, чѣмъ онъ, такимъ образомъ мнѣ необходимо было имѣть ключъ... Я самъ этотъ ключъ и заказалъ слесарю, по образцу, который получилъ отъ Фишера, такъ какъ прежде въ квартирѣ было всего два ключа. Имени этого слесаря я не помню, но

мастерскую могу разыскать, если вамъ понадобится...

— Не трудитесь, слесарь, у котораго вы заказывали ключъ, уже найденъ, — сказалъ Николай Петровичъ. Въ глазахъ Загряцкаго пробѣжало торжество.

— Вотъ какъ! Очень радъ, что самъ вамъ объ этомъ сказалъ.

— Откуда же вамъ такъ хорошо извѣстно, что въ квартирѣ было два ключа? — спросилъ какъ бы невнимательно Яценко, мѣняя бумагу въ машинкѣ.

— Не помню, откуда извѣстно. Вѣрно, мнѣ Фишеръ сказалъ.

— Итакъ вы признаете, что по порученію Фишера заказали еще ключи?

— Признаю, отчего же мнѣ этого не признать? Пожалуйста, занесите въ протоколъ, что я самъ вамъ объ этомъ сказалъ.

— Не безпокойтесь, занесу. Вы сказали, что не были близки съ Фишеромъ. Однако, исполняли такого рода его порученія?

— Я, кажется, не говорилъ, что не былъ близокъ... Впрочемъ, что такое «былъ близокъ»? Это очень неопредѣленно. Да и ничего дурного въ томъ порученіи не было.

— Сколько ключей вы заказали?

— Три.

Яценко поднялъ голову отъ машины.

— Слесарь утверждаетъ, что вы заказали два ключа.

— Два? Нѣтъ, помнится, три. Да, именно три. Я оставилъ одинъ себѣ, а остальные отдалъ Фишеру.

— Вы твердо помните, что заказали три ключа?

— Право, вы меня смутили... Нѣтъ, конечно, три. Я помню, что отдалъ Фишеру два ключа. Впрочемъ, я думаю, это не существенно.

— Вы напрасно такъ думаете. Это очень существенно. Итакъ, вы настаиваете, что заказали три ключа?

— Нѣтъ, если это такъ важно, я не рѣшаюсь настаивать: можетъ быть, и два, — сказалъ Загряцкій.

— Очень хорошо... Такъ и запишемъ.

— Такъ, пожалуйста, и запишите.

— Хорошо-съ... Записано... Вы сказали, что въ послѣдній разъ были на квартирѣ съ Фишеромъ въ понедѣльникъ, правда?

— Такъ точно.

— Вѣроятно, тогда же вы условились и о слѣдующей встрѣчѣ?

— Нѣтъ, мы не уславливались.

— Когда вы предполагали снова развлекаться съ Фишеромъ?

— Это зависѣло отъ него: онъ посылалъ мнѣ приглашеніе, когда хотѣлъ устроить сеансъ.

— Ахъ, это называется сеансомъ? Такъ... Приглашеніе всегда исходило отъ него? — небрежно спросилъ слѣдователь.

— Разумѣется. Вѣдь его была квартира, онъ все и устраивалъ.

— Такъ что вамъ никогда не случалось проявлять иниціативу, т. е. приглашать Фишера на сеансъ, какъ вы изволите выражаться?

— Никогда.

— Вы говорите неправду, господинъ Загряцкій, — быстро, рѣзкимъ голосомъ произнесъ Яценко.

— Я никогда не говорю неправды, господинъ слѣдователь.

— Ваши слова находятся въ полномъ противорѣчіи съ тѣми данными, которыми я располагаю. У меня имѣется записка, которой вы приглашаете Фишера быть вечеромъ тамъ, гдѣ всегда. Вотъ она...

— «Кажется, подѣйствовало», — подумалъ Яценко.

Лицо Загряцкаго покрылось пятнами. Онъ наклонился надъ запиской, которую, не выпуская изъ рукъ, показывалъ ему слѣдователь. Но Яценко не далъ ему прочесть то, что въ ней было сказано.

— Это ваша подпись? — спросилъ онъ.

— Да, моя. Я забылъ объ этой запискѣ... Правда, былъ такой случай, когда я предложилъ Фишеру прійти на квартиру... Я просто забылъ объ этомъ случаѣ.

— Или же вы не предполагали, что Фишеръ сохраняетъ такія записки?.. Когда это было?

— Недѣли три тому назадъ.

— Это опять невѣрно. Квартира была снята Фишеромъ всего мѣсяцъ съ лишнимъ тому назадъ. Между тѣмъ въ запискѣ вы предлагаете встрѣтиться «тамъ, гдѣ всегда». Это не могло быть сказано черезъ недѣлю послѣ снятія квартиры, особенно, если вы устраивали сеансы не часто, какъ вы сами утверждаете.

— Въ первую недѣлю мы тамъ встрѣчались чаще.

— Сказать можно что угодно. Я совѣтовалъ бы вамъ однако быть откровеннѣе, господинъ Загряцкій.

— Я и такъ говорю вполнѣ откровенно... Покорнѣйше благодарю за совѣтъ...

Съ минуту они смотрѣли другъ на друга злыми глазами въ упоръ. Слѣдователь сдержался.

— Такъ-съ... Теперь потрудитесь сообщить мнѣ, что вы дѣлали позавчера.

— Съ самаго утра что дѣлалъ?

— Да, пожалуй, начните съ самаго утра.

— Я всталъ около десяти часовъ...

— Виноватъ, вы обычно встаете въ это время?

— Да, обычно. Затѣмъ, напившись кофе, я отправился къ воинскому начальнику. Видите-ли, я бѣлобилетчикъ, — у меня плохое зрѣніе, — и насъ скоро должны подвергнуть переосвидѣтельствованію. Я заходилъ за справкой, въ присутствіи могутъ подтвердить, что я былъ у нихъ утромъ. Я довольно долго разговаривалъ съ чиновникомъ... Бѣлобрысый такой чиновникъ, онъ сидитъ въ первой комнатѣ, слѣва отъ входа. Вы можете у него узнать, я назвалъ свою фамилію и онъ, навѣрное, помнитъ.

«Увѣренно какъ говоритъ: къ alibi, видно, подготовился», — подумалъ Яценко.

— Это не существенно, — сказалъ онъ сухо.— Затѣмъ что дѣлали?

— Потомъ я отправился завтракать къ Пивато.

— Всегда тамъ завтракаете?

— Нѣтъ, не всегда, завтракаю, гдѣ попадется. Но лакеи у Пивато меня знаютъ и въ лицо, и по фамиліи, они подтвердятъ, что я тамъ былъ.

— Послѣ завтрака что дѣлали?

— Послѣ завтрака я вернулся домой и прилегъ отдохнуть, у меня отъ присутствія разболѣлась голова. Спалъ часовъ до шести. Затѣмъ пошелъ къ Рейтеру, — знаете, кофейня на Невскомъ, — тамъ встрѣтилъ знакомыхъ, сначала смотрѣлъ, какъ играютъ въ шахматы, затѣмъ самъ сыгралъ партію съ нѣкіимъ Левичемъ... Это биржевикъ, онъ живетъ на Большомъ Проспектѣ, номера не помню, но вы его легко найдете.

— До какого часа вы играли въ шахматы?

— Кажется, до семи или семи съ четвертью... Затѣмъ я поужиналъ. Рейтеръ не ресторанъ, но тамъ всегда можно получить дежурное блюдо, а я по вечерамъ мало ѣмъ. Я спросилъ сосиски съ картофелемъ и бутылку пива. Но, право, не знаю, долженъ ли я вамъ это сообщать, господинъ слѣдователь, — добавилъ съ улыбкой Загряцкій, — вѣдь это подводитъ кофейню: спиртные напитки теперь запрещены. Мнѣ по знакомству даютъ пиво... Надѣюсь, вы не сдѣлаете изъ этого исторіи...

— Долго ужинали?

— Нѣтъ, минутъ двадцать.

— Такъ... Дальше? — разсѣянно спросилъ Яценко, перебирая бумаги въ папкѣ и какъ бы потерявъ интересъ къ предмету разговора.

— Затѣмъ я отправился въ кинематографъ.

— Въ кинематографъ?—повторилъ Яценко. — Въ какой именно?

— Въ «Солей».

— Такъ-съ. Оставались тамъ до конца спектакля?

— До самаго конца. Я всегда остаюсь до конца, хоть и глупо, конечно, смотрѣть всю эту дребедень. Но я люблю, отдыхаешь все-таки.

— Когда кончился спектакль?

— Думаю, такъ въ половинѣ двѣнадцатаго или еще немного позже.

— Вѣрно, вы и въ кинематографѣ встрѣтили знакомыхъ?

— Знакомыхъ? — переспросилъ Загряцкій и задумался. — Нѣтъ, тамъ знакомыхъ не встрѣтилъ.

— Жаль, именно тамъ важно было бы кого-нибудь встрѣтить. Никого не встрѣтили?

— Къ сожалѣнію, никого.

— Жаль... Но, можетъ быть, васъ видѣли служащіе? Вы билетъ взяли при входѣ?

— Разумѣется... Только едва ли кассирша могла меня видѣть. Она изъ-за своей сѣтки ни на кого не смотритъ, занята билетами и сдачей.

— Какъ же вы напередъ знаете, что она васъ не видѣла? Но если не кассирша, то ужъ, вѣрно, капельдинеръ васъ видѣлъ, показывая вамъ мѣсто?

— Можетъ быть... Впрочемъ, я нѣсколько опоздалъ къ началу и вошелъ, когда въ залѣ было темно.

— Экая досада! Такъ и капельдинеръ не видѣлъ?.. Какой билетъ вы взяли?

— Кресло, въ рубль двадцать. Это въ среднемъ пролетѣ.

— Вы твердо помните цѣну?

— Да, я всегда беру въ рубль двадцать.

— Значитъ, вы часто бываете въ этомъ кинематографѣ?

— Да, довольно часто.

— Довольно часто, — повторилъ Яценко, удовлетворенный тѣмъ, что подтвердилась его догадка, впрочемъ не имѣвшая отношенія къ дѣлу. — Такъ... Въ антрактахъ между картинами залъ освѣщается, вы, вѣрно, замѣтили, съ кѣмъ вы сидѣли рядомъ?

— Кажется, слѣва былъ какой-то господинъ съ сѣдой бородой. А съ другой стороны никого не было: я сидѣлъ у прохода.

— Вы не разговаривали съ вашими сосѣдями?

— Нѣтъ. Кто же разговариваетъ съ незнакомыми?

— Отчего, бываетъ, могли обмѣняться нѣсколькими словами. Можетъ, съ тѣми, кто сидѣлъ спереди или сзади васъ? Тамъ какіе люди сидѣли?

— Не помню, какіе. Кажется, впереди и вообще никого не было.

— Такъ вы за весь вечеръ ни съ кѣмъ не обмѣнялись словомъ? Ну, можетъ быть, толкнули кого-нибудь и извинились? Можетъ, было что-либо такое, что дало бы намъ возможность вызвать вашихъ сосѣдей посредствомъ публикаціи въ газетахъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего такого не было.

— Очень жаль. Это чрезвычайно досадно.

— Согласитесь, однако, господинъ слѣдователь, я не могъ предвидѣть, что на слѣдующій день меня заподозрятъ въ убійствѣ и что мнѣ придется устанавливать alibi.

— Разумѣется, но согласитесь и вы, что это довольно странное стеченіе обстоятельствъ: весь день, съ утра, вы были на людяхъ, вы помните точно все расписаніе дня по часамъ... Даже удивительно, правду сказать, до чего вы точно это помните: вѣдь для васъ это былъ самый обыкновенный день, такой же, какъ другой, а вы всѣ часы и минуты такъ хорошо помните... Право, можно было бы подумать, будто вы знали заранѣе, что надо будетъ все это сказать точно.

— Позвольте, позвольте, господинъ слѣдователь, я никакихъ минутъ не называлъ! Я указалъ только часы и, разумѣется, лишь приблизительно. Это было позавчера, я могу помнить, что позавчера дѣлалъ. А если бы я не помнилъ и не могъ указать часовъ, то ужъ это вы, навѣрное, обернули бы противъ меня. Что-жъ это такое получается!..

— Я хочу сказать, что вы твердо помните все расписаніе дня и можете удостовѣрить свидѣтельскими показаніями, гдѣ вы были до самаго вечера. Вездѣ васъ знаютъ и въ лицо и по фамиліи, а гдѣ не знаютъ, какъ, напримѣръ, въ воинскомъ присутствіи, тамъ вы по случайности называете фамилію. Но вотъ вечеромъ, какъ разъ въ часы, когда

былъ убитъ Фишеръ, васъ рѣшительно никто не видѣлъ и вы никого не видѣли. Это странно... Впрочемъ, можетъ быть, вы напрасно думаете, что никто васъ тамъ не видалъ. Вы какъ были одѣты?

— Такъ же, какъ сейчасъ.

— А господинъ съ сѣдой бородой какъ былъ одѣтъ?

— Кажется, тоже въ темномъ пальто.

— Точно не помните?

— Нѣтъ, не помню.

— Въ какомъ ряду вы сидѣли?

— Я сидѣлъ въ среднемъ пролетѣ, а ряда не знаю: въ кинематографахъ ряды не обозначаются.

— Мы разспросимъ служащихъ кинематографа и дадимъ публикацію въ газеты... Когда вы вышли отъ Рейтера, какая была погода?

— Скверная...

— Вы, вѣроятно, взяли извозчика? Можетъ, онъ васъ признаетъ?

— Нѣтъ, я пошелъ пѣшкомъ. «Солей» помѣщается въ Пассажѣ, это очень близко отъ Рейтера.

— Ахъ, «Солей» въ Пассажѣ... Да, да... Позвольте, вы сказали, что кончили игру въ шахматы въ семь часовъ... Ужинали минутъ двадцать, — видите, вы указывали и минуты... А къ началу спектакля въ кинематографѣ вы опоздали, хотя до Пассажа отъ Рейтера въ самомъ дѣлѣ очень близко. Когда же начинается представленіе въ «Солей»? Мнѣ кажется, что въ кинематографахъ спектакль начинается значительно позднѣе? Это легко будетъ удостовѣрить.

Загряцкій вдругъ поблѣднѣлъ. Слѣдователь не спускалъ съ него глазъ.

— Я не помню, я могу ошибиться въ минутахъ. Кажется, я еще прошелся по Невскому.

— Въ такую дурную погоду?

— У меня, какъ я вамъ сказалъ, съ утра болѣла голова

— Я думалъ, головная боль у васъ прошла. Или вы играли въ шахматы съ головной болью?.. Ну-съ, хорошо... Что давалось въ этотъ день въ кинематографѣ?

— Давалась кино-драма «Вампиры».

— Какіе артисты въ ней участвуютъ?

— Что?.. Сейчасъ вамъ скажу. Въ главной роли Наперковская, а изъ мужчинъ Марсель Левенъ и Жанъ Эмъ.

— Еще кто?

— Еще?.. Другихъ не помню... Запоминаются только имена главныхъ актеровъ.

— Да... И въ газетныхъ объявленіяхъ печатаютъ тоже только имена главныхъ актеровъ. Потрудитесь разсказать мнѣ содержаніе этой кинодрамы.

— Вы серьезно?

— Очень серьезно. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы разсказывать, благоволите написать мнѣ содержаніе этихъ «Вампировъ»... Вотъ вамъ перо и бумага.

— Сдѣлайте одолженіе.

«Къ этому, видно, приготовился... Можетъ, накануне былъ въ этомъ кинематографѣ», — подумалъ Яценко. — «Нѣтъ, ловкая бестія»...

— Пожалуйста, напишите возможно точнѣе и подробнѣе, — добавилъ, вставая, Николай Петровичъ.

Онъ открылъ дверь. Городовые вскочили и вытянулись. Яценко позвалъ письмоводителя.

— Иванъ Павловичъ, господинъ Загряцкій долженъ кое-что написать. Посидите, пожалуйста, здѣсь. Мнѣ необходимо позвонить по телефону.

— Только что какъ разъ Антиповъ пришелъ,— сказалъ тихо письмоводитель.

— А, пришелъ! Очень кстати...

XIX.

Николай Петровичъ быстро прошелъ по корридору до дверей, затѣмъ нервно повернулъ назадъ, самъ не зная, зачѣмъ. Онъ находился въ возбужденномъ состояніи. Яценко не былъ удовлетворенъ результатами допроса начерно. Онъ прекрасно понималъ, что матеріала для обвиненія допросъ далъ пока немного, несмотря на провалы въ показаніяхъ допрашиваемаго. Загряцкій занялъ ту позицію, которая была для него всего выгоднѣе: свою связь съ женой убитаго онъ отрицалъ рѣшительно; это обстоятельство давало его показаніямъ нѣкоторый оттѣнокъ рыцарства и, главное, лишало самое обвиненіе основы. По вопросу о ключѣ объясненія Загряцкаго могли быть признаны удовлетворительными. Записка, найденная у Фишера, почти ничего сама по себѣ не доказывала. Въ запасѣ у Николая Петровича еще оставался, правда, вексель, но этой уликѣ онъ самъ придавалъ второстепенное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе въ виновности Загряцкаго еще выросло у Николая Петровича. «Однако, если alibi не будетъ опровергнуто и дактилоскопія ничего не дастъ, пожалуй, придется его отпустить... Да, ловкій, ловкій человѣкъ... Сразу схватилъ положеніе», — сердито сказалъ себѣ Яценко, обдумывая планъ дальнѣйшаго допроса. Онъ испытывалъ почти такое же ощущеніе, какъ разсказчикъ, который уже сообщилъ слушателямъ смѣшную часть анекдота и видитъ, что они не смѣются, а ждутъ чего-то еще. «Теперь надо будетъ занять-

ся его денежными дѣлами», — подумалъ слѣдователь. Онъ остановился, вспоминая, куда и зачѣмъ идетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Николай Петровичъ увидѣлъ насмѣшливое лицо Антипова. «Да, провѣрить alibi»...

— Ну, что?

— Какъ Антиповъ сказалъ, такъ и есть, Ваше Превосходительство: не готовы снимки, — отвѣтилъ сыщикъ. — Говорятъ, завтра будутъ, къ пяти часамъ...

— Хорошо... Вотъ что, надо въ срочномъ порядкѣ провѣрить показанія Загряцкаго. Онъ говоритъ, что былъ въ кинематографѣ «Солей»...

Николай Петровичъ далъ Антипову точную инструкцію, затѣмъ направился къ канцеляріи прокурора суда, въ которой находилась телефонная будка. Въ это время изъ пріемной вошелъ въ прокурорскій корридоръ донъ-Педро.

— Здравствуйте, Николай Петровичъ... А я къ вамъ... Только на пару словъ...

— Здравствуйте... Что прикажете?

— Не прикажу ничего, Ваше Превосходительство, — шутливо сказалъ журналистъ. — И не пугайтесь: даже ничего не попрошу... Развѣ сами сообщите, что слышно новенькаго?

Онъ лукаво показалъ глазами въ сторону двери, у которой стояли городовые.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините.

— Я шучу, развѣ я не знаю? — тотчасъ согласился донъ-Педро. — Вѣдь вы и другимъ ничего не скажете, правда? Никифорову, напримѣръ, это очень прилипчивый субъектъ... Кое-какія свѣдѣнія, каюсь, я получилъ окольнымъ путемъ: какъ, это мой секретъ... Но я васъ хотѣлъ побезпокоить по другому дѣлу.

— Къ вашимъ услугамъ, но не теперь: я занятъ...

— Всего одну минуту и я уйду... Видите ли, я устраиваю для «Зари» анкету: объ англо-русскихъ отношеніяхъ и о вліяніи англійской культуры на русскую въ настоящемъ, прошломъ и будущемъ, — скороговоркой сказалъ донъ-Педро, видно ужъ не въ первый разъ произнося эту сложную фразу. — Хочу просить и васъ, — добавилъ онъ съ пріятной улыбкой. — Надѣюсь, вы не откажете подѣлиться со мной вашими мыслями на эту животрепещущую тему? Не здѣсь, конечно, — я пока зондирую почву, анкета еще не организована.

— При чемъ же здѣсь я? Объ этомъ надо спросить у политическихъ дѣятелей.

— У меня намѣчены и политическіе дѣятели, и писатели, и ученые, и представители магистратуры. Вы одинъ изъ виднѣйшихъ нашихъ судебныхъ дѣятелей, и я къ вамъ обращаюсь какъ къ таковому...

— Право, я не знаю. По моему, никому не интересно, что я думаю...

— Объ этомъ ужъ позвольте судить мнѣ, — мягко сказалъ донъ-Педро.

— Папа, я къ вамъ... — вдругъ произнесъ молодой голосъ. Яценко обернулся и увидѣлъ Витю. Веселое оживленное лицо его радостно поразило слѣдователя послѣ мрачнаго допроса, и онъ съ особенной силой вдругъ почувствовалъ, какъ любитъ сына.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? Ничего не случилось?

— Ничего не случилось... Я васъ ждалъ тамъ, потомъ думаю, зайду-ка сюда... Здравствуйте, господинъ Певзнеръ, не узнаете меня? Мы съ вами встрѣчались въ обществѣ, — гордо сказалъ Витя.

— Какъ же, вчера у Кременецкихъ... Отлично узнаю.

— Папа, мама просила меня заѣхать къ вамъ и сказать, что обѣдъ васъ будетъ ждать хоть до

ночи и чтобъ вы ни за что не шли въ ресторанъ... Это мама такъ говоритъ. Я на вашемъ мѣстѣ непремѣнно пошелъ бы въ ресторанъ, у насъ сегодня обѣдъ на три съ минусомъ...

— Да я какъ разъ хотѣлъ позвонить мамѣ по телефону, что очень опоздаю, — сказалъ съ улыбкой Николай Петровичъ. — Больше ничего?.. А ты куда такимъ франтомъ?

— Я въ оперу, развѣ вы не помните? До свиданья, папа, я и такъ опоздалъ... Прощайте, господинъ Певзнеръ.

— Какой славный юноша вашъ сынъ, — сказалъ со вздохомъ донъ-Педро. Онъ не имѣлъ дѣтей и страстно желалъ имѣть ихъ. — Не въ гимназіи?

— Тенишевецъ...

— А, тенишевецъ... Ну, не буду отнимать вашего драгоцѣннаго времени... Такъ я твердо разсчитываю, что вы и другимъ газетамъ ничего не сообщите?

— Будьте спокойны. Никому ничего не скажу и права на то не имѣю...

— Я понимаю... Развѣ я не понимаю? — подхватилъ, откланиваясь, донъ-Педро.

XX.

— Вотъ, пожалуйста, получите: я написалъ содержаніе «Вампировъ», — старательно ироническимъ тономъ сказалъ Загряцкій, протягивая слѣдователю бумагу. — Можетъ, въ чемъ и ошибся, эта дребедень въ памяти не остается: ходишь такъ, отдохнуть...

— Благодарю васъ... Теперь мы перейдемъ къ другому вопросу. Вы имѣете средства?

— Я теперь человѣкъ небогатый. Прежде было приличное состоянiе, но его, увы, больше нѣтъ. Однако на жизнь мнѣ хватаетъ.

— Мнѣ нужны болѣе точныя свѣдѣнiя. У васъ есть наличный капиталъ? Или домъ, или, быть можетъ, имѣнiе?

— Нѣтъ, ни капитала, ни дома, ни имѣнiя у меня нѣтъ.

— Значитъ, вы живете своимъ трудомъ?

— Да, живу своимъ трудомъ.

— Насколько я могу понять, вы ведете свѣтскiй образъ жизни. Это стоитъ недешево. Сколько приблизительно вы зарабатываете въ годъ?

— Точно затрудняюсь вамъ сказать, мой заработокъ сильно колеблется.

— А въ среднемъ?

— Въ среднемъ, я думаю, тысячи три.

— А проживаете сколько?

— Столько же примѣрно и проживаю.

— При свѣтскомъ образѣ жизни, съ ресторанами и съ увеселительными мѣстами? Не болѣе того?

— Не болѣе того. Все это стоитъ не такъ дорого. Конечно, иногда приходится туго. У меня есть и долги.

— Есть и долги? Какiе же именно?

— Я долженъ портному нѣсколько сотъ рублей, еще кое-кому... Да вотъ я и Фишеру былъ долженъ.

На лицѣ слѣдователя промелькнуло неудовольствiе.

— И Фишеру были должны? Какую сумму?

— Кажется, пять тысячъ.

— «Кажется»? Вы точно не помните?

— Да, пять тысячъ. Я выдалъ ему вексель.

— Вы, однако, сказали, что не имѣли съ Фишеромъ никакихъ дѣлъ?

— Это не дѣла. Просто я взялъ у него взаймы.

— Почему же онъ далъ вамъ взаймы столь крупную сумму?

Загряцкій презрительно улыбнулся.

— Это не крупная сумма. Для Фишера пять тысячъ ровно ничего не значили, онъ былъ страшно богатъ.

— Но для васъ это крупная сумма: она превышаетъ вашъ годовой доходъ. Да и богатые люди не такъ ужъ швыряютъ деньгами... Вы и отъ другихъ лицъ получали подобныя суммы?

— Я не ко всѣмъ обращался, господинъ слѣдователь, да и не всѣ такъ богаты, какъ Фишеръ. Онъ къ тому же не подарилъ мнѣ эти деньги, а далъ взаймы.

— Вы, значитъ, предполагали ему отдать эти пять тысячъ?

— Разумѣется, предполагалъ отдать.

— Когда именно?

— Ну, при первой возможности.

— При первой возможности... Векселя, однако, имѣютъ срокъ. Когда наступалъ платежъ по этому векселю?

— Точно не помню.

— Я могу вамъ напомнить. Вашъ вексель найденъ въ бумагахъ Фишера. Его срокъ истекаетъ черезъ двѣ недѣли.

— Что съ того?.. Я рѣшительно васъ не понимаю, господинъ слѣдователь!.. Вы сказали, что будете допрашивать меня, какъ свидѣтеля. Но вѣдь, слава Богу, я не ребенокъ. Я самъ по образованію юристъ... Вы самымъ серьезнымъ образомъ меня подозрѣваете въ убійствѣ Фишера... Клянусь вамъ, господинъ слѣдователь, вы жестоко заблуждаетесь. Ваше слѣдствіе идетъ по ложному пути...

— Объ этомъ предоставьте судить мнѣ. Я пока ничего и не утверждаю.

— Увѣряю васъ честью... Вы первый будете смѣяться надъ своей ошибкой...

— Нѣтъ, господинъ Загряцкій, смѣяться я не буду и вамъ не совѣтую. Здѣсь дѣло не шуточное. Здѣсь убійство, господинъ Загряцкій...

Николай Петровичъ замолчалъ. Загряцкій обмахивалъ шапкой свое потное, изрѣдка дергавшееся лицо. Онъ волновался все сильнѣе.

— Такъ вы признаете, что по векселю должны были заплатить Фишеру пять тысячъ черезъ двѣ недѣли?

— Я признаю... То-есть, что же именно мнѣ признавать? Ну, предположимъ, я не заплатилъ бы Фишеру, — я и въ самомъ дѣлѣ не могъ бы, вѣроятно, ему заплатить въ срокъ: что-жъ вы думаете, онъ описалъ бы мое имущество? Платье мое продалъ бы съ молотка, что ли?.. Вѣдь это курамъ на смѣхъ, господинъ слѣдователь. Надо было знать Фишера, — для него пять тысячъ были все равно, что для меня пять рублей. Скорѣе всего онъ просто забылъ бы о срокѣ моего векселя. А въ крайнемъ случаѣ потребовалъ бы, чтобъ я вексель переписалъ. И то больше по коммерческой привычкѣ потребовалъ бы... Только и всего... Наконецъ, отъ смерти Фишера вексель вѣдь законной силы не теряетъ, вотъ вѣдь вы его нашли... Я васъ прямо спрашиваю, господинъ слѣдователь, что вы собственно хотите доказать?

— Объ этомъ мы пока не говоримъ. Сейчасъ мнѣ отъ васъ нужны болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о вашихъ средствахъ. Вы сказали, что проживаете около трехъ тысячъ въ годъ. Меня удивляетъ, какъ вы могли сводить концы съ концами при этомъ доходѣ и при томъ образѣ жизни,

который вы, насколько я могу судить, ведете. Вы за квартиру сколько платите?

— Шестьсотъ рублей въ годъ.

— Имѣете прислугу?

— Имѣю, недорогую.

— Значитъ, на жизнь вамъ въ мѣсяцъ остается меньше двухсотъ рублей. Вы обѣдали въ дорогихъ ресторанахъ...

— Не всегда въ дорогихъ... Столъ мнѣ не стоитъ и ста рублей въ мѣсяцъ. Къ тому же, меня часто приглашаютъ.

— Сто рублей въ мѣсяцъ на столъ... Значитъ, на все остальное остается примѣрно столько-же? Сюда входятъ и увеселительныя мѣста, и развлеченья, и платье, — вы хорошо одѣты, — и все? Лѣтомъ вы никуда не ѣздили?

— Ѣздилъ въ Крымъ.

— Вотъ и въ Крымъ ѣздили. Это все на сто рублей въ мѣсяцъ?

— Я бухгалтеріи, господинъ слѣдователь, не веду... Мнѣ трудно вамъ представить точный бюджетъ, да еще сразу, безъ подготовки... Надо вспомнить и сообразить...

— Да, необходимо вспомнить, господинъ Загряцкій, это важный вопросъ... Когда вы съ Фишеромъ посѣщали рестораны и увеселительныя мѣста, вы за себя платили?

— Иногда платилъ... Чаще за все платилъ онъ. Это такъ естественно при его богатствѣ и моихъ скромныхъ средствахъ.

— Чаще онъ, но иногда платили и вы... Тоже, очевидно, изъ тѣхъ ста рублей?

— Я не скрываю, это бывало рѣдко.

— Можетъ быть, даже и никогда не бывало?

— Вы хотите сказать, что я жилъ на средства Фишера? Это невѣрно, господинъ слѣдователь...

И потомъ, если я жилъ на его средства, зачѣмъ же было мнѣ желать его смерти?

— Вы говорите, что ѣздили лѣтомъ въ Крымъ. Вы тамъ были одинъ?

— Я не понимаю вопроса. У меня въ Ялтѣ было много знакомыхъ.

— Я говорю не о знакомыхъ... Госпожа Фишеръ была въ то время въ Ялтѣ?

— Господинъ слѣдователь, я категорически заявляю, что о госпожѣ Фишеръ я говорить не намѣренъ и отвѣчать на инсинуаціи не буду.

— Я просилъ бы васъ быть сдержаннѣе въ выраженіяхъ, — сказалъ рѣзко Яценко. — Вы говорите съ должностнымъ лицомъ и васъ допрашиваютъ по дѣлу объ убійствѣ, господинъ Загряцкій.

— Вы однако сказали, что допрашиваете меня какъ свидѣтеля! Сказали вы это, господинъ слѣдователь? Что-жъ это?

— Предлагаю вамъ прямо отвѣтить на вопросъ, была ли госпожа Фишеръ въ Ялтѣ одновременно съ вами?

— Ну да, была. Что съ того?

— Вы жили въ одной гостиницѣ?

— Да, въ одной, — и съ нами еще сто человѣкъ.

— Вы вмѣстѣ обѣдали?

— Иногда и вмѣстѣ.

— Иногда и вмѣстѣ...

Эти повторенія послѣднихъ словъ допрашиваемаго, не то въ утвердительномъ, не то въ полувопросительномъ тонѣ, входили въ обычай Яценко: онъ замѣчалъ, что они, какъ и небольшія остановки послѣ отвѣта, дѣйствуютъ на допрашиваемыхъ.

— Когда вы обѣдали вдвоемъ, платила тоже чаще всего госпожа Фишеръ?

— Это неправда... Это невѣрно.

— Мы постараемся это выяснить... Оставимъ вопросъ о вашихъ расходахъ и перейдемъ къ вашимъ доходамъ. Итакъ вы зарабатываете около трехъ тысячъ въ годъ. Потрудитесь указать, какъ вы зарабатываете эти деньги.

— Коммерческими дѣлами.

— Какими именно?

— Разными... Я былъ посредникомъ, получалъ куртажныя...

— Какія именно сдѣлки вы совершали и для кого?

— Я такъ сразу не могу отвѣтить на такой вопросъ. Надо вспомнить...

— Вы не помните, чѣмъ вы занимались?

— Вамъ угодно играть словами, господинъ слѣдователь. Я сказалъ, что занимался посредническими дѣлами, а назвать сразу всѣ сдѣлки, это не то же самое. Это не значитъ: не помнить того, чѣмъ занимался.

— Но имена людей, которые вамъ давали работу, вы, я полагаю, помните?

— Я работалъ для разныхъ лицъ... Для Фишера...

— Вы сказали, что не имѣли съ Фишеромъ никакихъ дѣлъ.

— Я позабылъ... Да это вѣдь небольшія дѣла, просто онъ давалъ мнѣ заработокъ.

— Вы говорите: для разныхъ лицъ. Кто еще вамъ поручалъ дѣла, кромѣ Фишера, который умеръ?.. Можетъ, и изъ живыхъ людей кого-либо назовете?

— Сейчасъ не могу вспомнить... Я очень взволнованъ, господинъ слѣдователь... Наконецъ, это коммерческій секретъ... Только у насъ въ Россіи существуетъ такое неуваженіе къ человѣку!..

— Для слѣдствія нѣтъ коммерческихъ секретовъ... Не можете вспомнить?

— Сейчасъ не могу... Я вспомню позже, — упавшимъ голосомъ сказалъ Загряцкій.

— Или придумаете отвѣтъ... Какія сдѣлки вы совершали для Фишера?

— Я продавалъ и покупалъ для него бумаги.

— Какія?

— Разныя... Акціи банковъ... Мальцевскія...

— Такія сдѣлки обычно совершаются черезъ банки или черезъ профессіоналовъ. Не назовете ли вы людей, которые могли бы подтвердить, что вы совершали эти сдѣлки для Фишера?

— Я сейчасъ ничего не могу указать... Вы меня оглушили этимъ нелѣпымъ обвиненіемъ... Я плохо себя чувствую и не могу вообще отвѣчать.

— Кромѣ посредническихъ сдѣлокъ у васъ были еще какіе-либо источники дохода?

— Нѣтъ... Были кое-какія сбереженія.

— Въ какомъ приблизительно размѣрѣ?

— Сумма мѣнялась... Я постепенно тратилъ... Одно время было нѣсколько тысячъ.

— Гдѣ они находились? Въ банкѣ?

— Нѣтъ, у меня дома.

— Вы безъ нужды хранили дома нѣсколько тысячъ?

— Да, дома... Прислуга у меня надежная... Да и деньги небольшія... Банки платятъ ничтожный процентъ...

— Откуда же у васъ собралось нѣсколько тысячъ? Значитъ, у васъ прежде были дѣла покрупнѣе, чѣмъ теперь?

— Очевидно...

— Очевидно?.. А какія, вы не помните?

Раздался легкій стукъ въ дверь. «Вай-дите... В-вай-дите!..» — сказалъ съ раздраженіемъ Яценко. Въ комнату вошелъ письмоводитель. Онъ приблизился на цыпочкахъ къ слѣдователю и сказалъ ему на ухо:

— Антиповъ хочетъ васъ видѣть, говоритъ, для важнаго сообщенія.

Яценко кивнулъ головой. Онъ записалъ послѣднія показанія Загряцкаго.

— Посидите, пожалуйста, здѣсь опять, Иванъ Павловичъ, до моего прихода, — сказалъ онъ и вышелъ.

Николай Петровичъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ. Онъ прошелъ къ столу и занялъ прежнее мѣсто. Лицо у него было торжественное и мрачное. Загряцкій вдругъ на него уставился глазами.

Письмоводитель хотѣлъ выйти изъ комнаты. Яценко удержалъ его знакомъ.

— Вы сказали, — началъ слѣдователь новымъ, безстрастнымъ тономъ, глядя на дрожавшій слегка ониксовый перстень Загряцкаго, — вы сказали, что позавчера вечеромъ, въ день убійства Карла Фишера, вы были въ кинематографѣ «Солей», въ Пассажѣ на Невскомъ Проспектѣ и оставались тамъ до конца спектакля?

— Такъ точно, — сказалъ негромко Загряцкій, не сводя съ него глазъ.

— Вы сказали также, что знакомыхъ въ кинематографѣ не встрѣтили... Давалась пьеса «Вампиры», содержаніе которой вы по памяти изложили письменно?

— Да, я изложилъ...

— Господинъ Загряцкій, вы сказали неправду и случайности суждено было выдать васъ, — поднявъ голову, произнесъ торжественно и печально слѣдователь. — Въ этотъ вечеръ драма «Вампиры» была замѣнена другой картиной.

Письмоводитель вздрогнулъ, быстро взглянулъ на допрашиваемаго и опустилъ глаза. Загряцкій, все больше блѣднѣя, откинувшись на

спинку стула, смотрѣлъ остановившимися глазами на слѣдователя. На лицѣ Загряцкаго былъ написанъ страхъ, точно онъ ждалъ удара.

— Я боленъ и не то говорю... Я не могу теперь отвѣчать, — наконецъ едва слышно произнесъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ допросъ переносится на завтра. Но отнынѣ вы, Загряцкій, будете допрашиваться въ качествѣ обвиняемаго. По 1454-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ, вамъ предъявляется обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ Карла Фишера... Иванъ Павловичъ, — сказалъ, вставая, Яценко, — составьте бумагу о принятіи арестованнаго Загряцкаго въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

XXI.

Оливковый скрипачъ, съ необыкновенно радостной улыбкой, игралъ забытую парижскую пѣсенку, вернувшуюся въ Петербургъ изъ Букареста. Въ углу переполненнаго зала сидѣлъ Браунъ, уставившись на скрипача своимъ непріятнымъ безжизненнымъ взглядомъ...

Въ мірѣ В.

«...Мертвые люди смѣются, ведутъ веселые разговоры. Скелеты, постукивая костями, подносятъ къ челюстямъ чашки. Самый мертвый изъ мертвецовъ предпочитаетъ заниматься глупымъ анализомъ подъ звуки веселенькой музыки, чувствуя себя какъ на необитаемомъ островѣ въ hall'ѣ гостиницы «Паласъ». Онъ презираетъ людей — на людяхъ. Презрѣнье не мѣшало ему жить съ оглядкой: не испортилось бы фальшивое, дешевое, никому ненужное клише. Можно жить на фиктивные про-

центы съ несуществующаго духовнаго капитала. Въ редакціяхъ газетъ заготовлены статьи на случай похоронъ. Двадцать пять организацій пришлютъ вѣнки — Жрецу... Борцу... Мудрецу... «...Онъ умеръ, но его идеи живы... Его больше нѣтъ, но духъ его витаетъ надъ нами!..»

Капиталъ, впрочемъ, не такъ великъ. Саморекламой не занимался, частью по брезгливости, частью по неумѣнію, — быть можетъ, больше по неумѣнію, чѣмъ по брезгливости. Холодный, равнодушный человѣкъ никогда никого не любилъ. Была привычка къ джентльмэнству — какъ привычка къ ежедневной ваннѣ. Обманъ былъ такъ же проченъ, какъ дешевъ. Самообмана на пятомъ десяткѣ не хватило. Вѣрованія не растеряны: ихъ въ дѣйствительности никогда и не было. На сорокъ седьмомъ году жить оказалось нечѣмъ и не для чего... Долга и мучительна жизнь, какъ ночь тяжело больного... Вдобавокъ «грубыя страсти» пришли въ столкновеніе съ клише. Вотъ, вотъ чего ему хотѣлось на самомъ дѣлѣ!.. Борецъ увидѣлъ свое изображенье въ зеркалахъ квартиры Фишера. Мудрецъ испугался: двадцать пять организацій не пришлютъ вѣнковъ»...

«...Ma Ton-qui-qui — Ma Ton-qui-qui — Ma Ton-qui-noi-se», — хихикала музыка.

«Скелетъ въ смокингѣ играетъ на скрипкѣ. Мертвецъ въ мундирѣ подпѣваетъ... Позади духовное кладбище, впереди кладбище настоящее. Сколько времени еще шататься межъ двухъ кладбищъ? Я раньше, они позднѣе, — совершенно все равно. Жалѣть больше не о чемъ и слава Богу! Le grand Peut-être не за горами. Чѣмъ еще порадуетъ подъ конецъ жизнь? Въ послѣднюю ночь осужденнаго сторожа играютъ съ нимъ въ карты... Откажемся же отъ прощальныхъ радостей и развлеченій! Оставимъ безъ сожалѣнія и то един-

ственное, для чего, быть можетъ, стоило жить послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молодости: мысль, правдивую, безстрашную мысль»...

XXII.

Анкета объ англо-русскихъ отношеніяхъ была счастливой находкой донъ-Педро. Главный редакторъ «Зари» отнесся къ ней весьма одобрительно и предложилъ Альфреду Исаевичу не стѣсняться мѣстомъ.

— Моментъ выбранъ очень удачно, — сказалъ редакторъ. — Эта проблема въ самомъ дѣлѣ является въ настоящее время одной изъ центральныхъ, и ваша анкета несомнѣнно вызоветъ въ обществѣ большой интересъ... Неправда ли, Федоръ Павловичъ? — обратился онъ къ секретарю редакціи, съ мнѣніемъ котораго всѣ въ газетѣ очень считались.

— Большого интереса ни у кого ни къ чему нѣтъ, — угрюмо отвѣтилъ старикъ секретарь, отрываясь отъ сырыхъ гранокъ и раздавливая о пепельницу докуренную папиросу.

— Ну, какъ, не говорите... Читатель къ тому же вообще любитъ анкеты, — увѣренно сказалъ редакторъ. — А эта анкета можетъ обратить на себя вниманіе и въ Англіи.

Федоръ Павловичъ только мрачно на него посмотрѣлъ. Онъ почти пятьдесятъ лѣтъ работалъ въ газетахъ, страстно любилъ свое дѣло и превосходно его зналъ. Къ публикѣ онъ относился приблизительно такъ, какъ рыболовъ къ рыбѣ. Слово «читатель» Федоръ Павловичъ произносилъ съ довольно сложной смѣсью чувствъ: сюда входила и любовь, и ненависть, и благодушное презрѣніе, и суевѣрный страхъ передъ чуждымъ, непостижи-

мымъ явленіемъ. За пятьдесятъ лѣтъ работы Федоръ Павловичъ не рѣшилъ вопроса о томъ, для чего читаетъ газеты читатель и почему онъ имъ вѣритъ. Сказать же, что читатель любитъ, представлялось ему почти невозможнымъ дѣломъ: онъ зналъ зато твердо, чего читатель не любитъ, и сюда въ первую очередь относилъ статьи самого редактора, считая ихъ, впрочемъ, зломъ совершенно неизбѣжнымъ: во всѣхъ газетахъ, въ которыхъ онъ работалъ, были политическіе дѣятели, ничего не понимавшіе въ газетномъ дѣлѣ и писавшіе скучныя, ненужныя читателю и вредныя для газеты статьи, которыя необходимо было печатать.

— Больше семидесяти строкъ на каждаго изъ этихъ рекламистовъ я вамъ не дамъ, — мрачно сказалъ онъ Альфреду Исаевичу, когда главный редакторъ удалился.

Донъ-Педро только вздохнулъ: онъ хорошо зналъ, — все будетъ такъ, какъ рѣшитъ Федоръ Павловичъ, что бы ни говорилъ главный редакторъ.

— Но хоть семьдесятъ дадите?

— Семьдесятъ дамъ. Вы съ кого изъ вашихъ пріятелей начнете?

— Да я у разныхъ буду. Вотъ мнѣ какъ разъ сегодня нужно зайти къ двумъ человѣчкамъ... Изъ адвокатовъ я, кстати, думаю взять Кременецкаго, онъ теперь въ модѣ... Разумѣется, его въ числѣ другихъ и подъ конецъ, — поспѣшилъ добавить донъ-Педро, увидѣвъ раздраженіе на лицѣ секретаря.

— Я такъ и зналъ! Рубятъ лѣса, фабрикуютъ бумагу, стучатъ ротаціонки, издатель тратитъ сумасшедшія деньги, я не сплю ночами, для того, чтобъ этотъ болванъ могъ высказаться объ англо-русскихъ отношеніяхъ!.. И это потому, что онъ васъ позвалъ на свой вечеръ!.. Кременецкому больше

пятидесяти строкъ не дамъ, — категорически заявилъ секретарь, съ раздраженіемъ вытирая платкомъ испачканные корректурой, желтые отъ табаку пальцы.

— Съ портретомъ?

— Хоть съ бюстомъ... Когда начнете? Вѣдь вы до праздниковъ будете тянуть вашу проклятую анкету?

— Сколько найдете нужнымъ. Я полагалъ бы, однако, лучше начать теперь же, — мягко сказалъ Альфредъ Исаевичъ, зная, чѣмъ можно взять секретаря. — Говорятъ, въ «Утрѣ» тоже подумываютъ о политической анкетѣ. Какъ бы не перехватили тему, а?

— Сейчасъ же и начинайте, — поспѣшно сказалъ Федоръ Павловичъ. Онъ былъ страстнымъ патріотомъ той газеты, которой руководилъ, и вполнѣ искренно ненавидѣлъ всѣ соперничавшія съ ней изданія, независимо отъ ихъ направленія. Мысль донъ-Педро объ анкетѣ онъ тотчасъ оцѣнилъ по достоинству и ворчалъ больше по привычкѣ. — Я завтра же помѣщу замѣтку.

Федоръ Павловичъ взялъ узкую полосу бумаги и написалъ, не задумавшись ни на секунду:

Наша анкета.

«Въ ближайшіе дни на страницахъ нашей газеты начнетъ печататься большая анкета объ англо-русскихъ отношеніяхъ въ настоящемъ, прошломъ и будущемъ. Цѣлый рядъ виднѣйшихъ дѣятелей политики, литературы, науки, какъ въ Россіи, такъ и въ Великобританіи, съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись къ нашей инициативѣ и съ полной готовностью отозвались на предложеніе сотрудника «Зари» высказаться по этому важному и жгучему вопросу современности».

Онъ подчеркнулъ краснымъ карандашемъ нѣсколько словъ въ замѣткѣ, затѣмъ проставилъ въ лѣвомъ углу какіе-то таинственные значки. Донъ-Педро съ удовольствіемъ читалъ замѣтку, наклонившись надъ приподнятымъ правымъ плечомъ Федора Павловича. По просьбѣ Альфреда Исаевича, секретарь, послѣ словъ «сотрудника «Зари», вставилъ еще «донъ-Педро».

— А теперь проваливайте, господинъ, — сказалъ онъ со своей обычной угрюмой шутливостью, которая не вызывала никакого раздраженія въ ближайшихъ сотрудникахъ: всѣ они цѣнили самоотверженный трудъ, талантъ, опытъ Федора Павловича и безропотно склонялись передъ его рѣшеніями.

Донъ-Педро, очень довольный, спустился въ первый этажъ и по телефону снесся съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ Семеномъ Исидоровичемъ. Кременецкій тотчасъ изъявилъ готовность откликнуться на анкету.

— Вы знаете, дорогой Альфредъ Исаевичъ, что я всегда къ услугамъ прессы вообще, а близкихъ мнѣ органовъ... Барышня, пожалуйста, не прерывайте, мы разговариваемъ... А близкихъ мнѣ по направленію органовъ печати въ частности... Вы дѣлаете большое дѣло... Но я не знаю, можетъ ли мое скромное сужденіе представлять общественный интересъ...

— Объ этомъ ужъ позвольте судить мнѣ, — сказалъ и ему съ той же пріятной интонаціей донъ-Педро. — Такъ я на дняхъ къ вамъ пріѣду?

— На дняхъ? Боюсь, что я долженъ буду уѣхать изъ Петрограда. Да вотъ, хотите, сегодня, сейчасъ я какъ разъ свободенъ... Куй желѣзо, пока горячо...

— Что?.. Не слышу... Что горячо?

— Я говорю: куй желѣзо, пока горячо... Великолѣпно... Да, можно и черезъ полчаса. Я васъ жду... До скораго свиданья.

«Еще бы не горячо», — подумалъ, отходя отъ телефона, Альфредъ Исаевичъ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что всѣ люди, за самыми рѣдкими исключеніями, жаждутъ попасть въ газету. По взглядамъ донъ-Педро, это стремленіе было столь же естественнымъ, какъ погоня за деньгами, за женщинами, за властью. Альфредъ Исаевичъ разсматривалъ включеніе въ свой анкетный списокъ почти какъ подарокъ, и награждалъ имъ тѣхъ, къ кому относился благосклонно или кого считалъ нужнымъ за что-либо отблагодарить. Были, правда, при каждой анкетѣ участники необходимые, — ихъ нельзя было обойти, не ослабивъ значенія самой анкеты. Но Кременецкій къ такимъ обязательнымъ участникамъ не принадлежалъ.

«Отъ адвокатуры возьму человѣкъ пять-шесть», — подумалъ донъ-Педро, садясь за столъ для составленія списка. «Собственно, есть много адвокатовъ поважнѣе Семы. Ну, да ничего, сойдетъ. Отъ литературы... Кого же отъ литературы? Можетъ быть, Короленко сейчасъ въ городѣ... Политиковъ возьму штукъ десять, по партіямъ... Отъ магистратуры уже обѣщано. Яценко хорошій человѣкъ и не черносотенникъ... Но безъ фотографіи: его мало знаютъ... Надо еще кого-нибудь»... Донъ-Педро перебралъ мысленно десятка два извѣстныхъ людей и тотчасъ нѣкоторыхъ забраковалъ: одни не подходили, другимъ онъ не желалъ дѣлать одолженіе. «Отъ финансистовъ Нещеретовъ... А отъ науки? Никого какъ будто нѣтъ такого. Придется въ Москву телефонировать Тимирязеву»... Журналистамъ Альфредъ Исаевичъ не удѣлилъ мѣста въ анкетѣ: онъ недо-

любливалъ извѣстныхъ журналистовъ. «Ну, а гдѣ же тутъ Великобританія?.. Бьюкененъ не дастъ... Развѣ того офицера попросить, что былъ у Кременецкаго?.. Что жъ, это будетъ очень хорошо»...

Составивъ списокъ, донъ-Педро покинулъ редакцію и на извозчикѣ отправился къ Кременецкому.

Семенъ Исидоровичъ ждалъ гостя въ своемъ кабинетѣ. Вечерній пріемъ еще не начался. Сидя въ креслѣ передъ каминомъ, у столика, на которомъ были приготовлены портвейнъ и сигары, Кременецкій читалъ книгу въ кожаномъ переплетѣ. Дверь кабинета была полуоткрыта: Тамара Матвѣевна предполагала слушать изъ будуара отвѣты мужа.

— Старика Софокла перечитываю, — сказалъ гостю адвокатъ, кладя книгу на столикъ, — люблю, знаете, классиковъ. Читаешь, и такъ и хочется воскликнуть: «вы, нынѣшніе, нутка!»...

— Н-да, конечно, — протянулъ неувѣренно Альфредъ Исаевичъ. — Ухъ, холодно становится...

— Темь какая... Позвольте вамъ предложить портвейну, дражайшій Альфредъ Исаевичъ... Ну-съ, такъ что же именно вы желали бы отъ меня услышать?

— По моей иниціативѣ, — началъ донъ-Педро, — газета «Заря» задалась цѣлью выяснить отношеніе русскаго общественнаго мнѣнія, въ лицѣ его виднѣйшихъ представителей, какъ политиковъ, такъ равно юристовъ, писателей, ученыхъ, къ проблемѣ англо-русскихъ отношеній въ ея культурно-политическомъ разрѣзѣ. Значеніе этой жгучей проблемы въ текущій моментъ мнѣ вамъ, конечно, объяснять не приходится. Но аспектомъ даннаго вопроса и его, такъ сказать, рамками, мы васъ, разумѣется, не стѣсняемъ и, если вы предпочитаете высказаться объ Англіи и объ ея культу-

рѣ вообще, то я тоже буду радъ довести ваши воззрѣнія до свѣдѣнія русскаго общества.

Донъ-Педро вынулъ книжку, открылъ стилографъ и съ значительнымъ видомъ взглянулъ на Семена Исидоровича.

— Что я могу сказать объ Англіи? — сказалъ со вздохомъ Кременецкій. — Англія дала міру свободу и Шекспира, этимъ, собственно, все сказано (стилографъ донъ-Педро побѣжалъ по бумагѣ; Семенъ Исидоровичъ остановился и далъ возможность записать свое изреченіе). Лично я, какъ гражданинъ, воспитанъ... на идеалахъ британскаго конституціоннаго строя... Какъ криминалистъ, я еще въ стѣнахъ нашей alma mater... твердо запомнилъ слово глубокочтимаго учителя моего, профессора Фойницкаго («И. Я. Фойницкаго», — продиктовалъ онъ): «современное уголовное право есть продуктъ правотворчества двухъ великихъ народовъ: англійскаго и французскаго»... Это слово маститаго ученаго, твердо запавшее въ душу... намъ, безусымъ юнцамъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Россіи... въ столицу учиться праву и гражданственности... не разъ вспоминалось мнѣ и теперь въ связи съ трагическими событіями... свидѣтелями коихъ намъ суждено было стать... въ связи съ пламенемъ Лувена и развалинами Реймскаго Собора... Замѣтьте, я не принадлежу къ огульнымъ хулителямъ германской культуры... Мнѣ довелось совершенствоваться въ наукѣ... въ семинарахъ такихъ людей, какъ Куно Фишеръ и Еллинекъ... и никто не скорбѣлъ искреннѣе, нежели я, о томъ... что Германія Канта подъ пятой Гогенцоллерновъ стала Германіей Круппа... Ничто не чуждо мнѣ болѣе, чѣмъ человѣконенавистничество... и въ мщеніи Канту за дѣла Круппа я вижу хулу на духа святаго: Кантъ есть тотъ же Реймскій Соборъ! — сказалъ Семенъ Исидоровичъ и съ

торжествомъ взглянулъ на все быстрѣе писавшаго журналиста... — Нѣтъ, я воздаю Кесарево Кесарю, но я не могу не думать и о томъ... что въ классической странѣ неизбывныхъ принциповъ права не могло быть сказано... святотатственное слово канцлера Бетмана-Гольвега о «клочкѣ бумаги»...

Въ будуарѣ, сидя въ креслѣ сбоку отъ полуоткрытой двери, Тамара Матвѣевна вышивала по шелку, съ наслажденіемъ и гордостью слушая слова мужа.

Муся, въ котиковой шубкѣ, съ горностаевыми шапочкой и муфтой, вошла въ будуаръ. Мать быстро сдѣлала ей знакъ, показывая глазами на дверь.

— Кто у папы? — спросила Муся, прислушиваясь къ голосу отца.

— Интервьюеръ отъ газеты «Заря», — значительно поднявъ брови, отвѣтила шопотомъ Тамара Матвѣевна. Муся изобразила на лицѣ ужасъ и восхищеніе.

— В-видалъ миндалъ? — сказала она. Муся какъ разъ наканунѣ слышала это выраженіе отъ молодого поэта. — Что ему нужно?

— Вліяніе англійской культуры на русскую въ настоящемъ, прошломъ и будущемъ, — однимъ духомъ прошептала Тамара Матвѣевна.

— Господи! Да вѣдь папа объ этомъ знаетъ столько же, сколько я... Ужъ лучше я дамъ ему интервью, я хоть по англійски говорю.

Мать строго на нее посмотрѣла. Муся вздохнула.

...«повелительнымъ образомъ указываетъ намъ... сближеніе съ великими демократіями запада»... — донесся изъ кабинета медленно диктующій голосъ адвоката.

— Мама, я ѣду кататься, мы условились съ Глашей... Ахъ, да это донъ-Педро у папы, что же вы не сказали?.. Развѣ онъ пишетъ въ «Зарѣ»? Мама, можно зайти къ нимъ послушать? Я помогу папѣ.

— Да ты съ ума сошла! Разумѣется, нельзя.

На порогѣ будуара показался Семенъ Исидоровичъ. У него былъ сдержанно-взволнованный видъ.

— Mesdames, — громко сказалъ онъ шутливымъ тономъ. — Нельзя ли разыскать какую-нибудь мою фотографію? Газета «Заря», видите ли, зачѣмъ-то желаетъ увѣковѣчить мои черты... Дай, золото, предпослѣднюю, Буасона, — тихо добавилъ онъ женѣ. Тамара Матвѣевна вспыхнула отъ радости.

— Я сейчасъ достану, — сказала она и поспѣшно поплыла къ двери.

— Возьмите, мама, ту карточку, гдѣ мы сняты съ папой въ Кисловодскѣ, — посовѣтовала Муся, — я хочу, чтобы и меня помѣстили въ «Зарѣ». Нельзя, папа?.. Донъ-Педро! — вдругъ пропѣла она. — О, донъ-Педро, покажитесь, ради Бога, о, донъ-Педро...

На порогѣ комнаты, сіяя улыбкой, появился Певзнеръ.

— Тамара Матвѣевна... Мадмуазель, — сказалъ онъ, расшаркиваясь.

— Здравствуйте, донъ-Педро. Я хочу дать вамъ интервью о вліяніи англійской культуры. Этотъ вопросъ давно меня волнуетъ... Въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ... Вы помѣстите, да? Но непремѣнно съ портретомъ.

— Мадмуазель, ничто не могло бы лучше украсить нашу газету, — галантно сказалъ донъ-Педро. Кременецкій снисходительно улыбался.

— Вотъ развѣ эту взять? — сказала Тамара Матвѣевна, появляясь вновь въ будуарѣ и показывая большую фотографію, въ которой Кременецкій былъ снятъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, съ босымъ Толстымъ на фонѣ.

— Ну, и ладно, эту, такъ эту, — небрежно замѣтилъ Кременецкій. — Разрѣшите вамъ презентовать сію картинку, Альфредъ Исаевичъ...

— Семена Исидоровича уже снимали разъ для «Огонька» къ юбилею судебныхъ уставовъ... — начала было Тамара Матвѣевна. Кременецкій съ неудовольствіемъ взглянулъ на жену: она никакъ не должна была помнить объ «Огонькѣ», точно помѣщеніе его фотографіи въ печати было для нихъ событіемъ.

— Тогда ужъ позвольте васъ просить, Семенъ Исидоровичъ, сдѣлать надпись.

— Съ радостью... Но вѣдь это для печати? Развѣ на оборотѣ надписать?

— Да, пожалуйста, на оборотѣ.

— Охотно...

— Донъ-Педро, я вамъ скажу, къ кому вы должны поѣхать за интервью, — сказала Муся. — Къ майору Клервиллю. Онъ живетъ въ «Паласѣ».

— Это тотъ офицеръ, который былъ на вашемъ раутѣ, мадмуазель? Я самъ о немъ думалъ... Онъ живетъ въ «Паласѣ»? Такъ я прямо отъ васъ къ нему и поѣду.

— Нѣтъ, правда? Послушайте, донъ-Педро, ангелъ, можно мнѣ ѣхать съ вами? Я буду отлично себя вести... Я буду вамъ переводить... Папа, нельзя? Отчего нельзя?.. Отчего мнѣ не быть журналисткой, что тутъ такого? Ну, такъ я васъ довезу до «Паласа», если вы меня не хотите. Меня какъ разъ ждетъ внизу экипажъ. Можно, мама?

Кременецкій, помахивая въ воздухѣ фотографіей, улыбался нѣсколько натянуто.

— Разумѣется, можно, — отвѣтила съ безпокойной улыбкой Тамара Матвѣевна.

— Ахъ, Боже мой, мадмуазель, вы меня чрезвычайно обяжете, — сказалъ донъ-Педро. — Но я не хотѣлъ бы васъ безпокоить.

— Для васъ я готова на любое безпокойство... Если-бъ вы знали, какую поклонницу вы во мнѣ имѣете!.. Мама, правда? Что я вамъ говорила на прошлой недѣлѣ о статьѣ донъ-Педро? Папа, ваша надпись высохла. Идемъ... До свиданья...

— Мусенька, застегнись, очень холодно. И скажи Степану не гнать... Прощайте, Альфредъ Исаевичъ, не забывайте насъ.

— Благодарствуйте, Альфредъ Исаевичъ... Не забывайте же къ намъ дорогу, — сказалъ Семенъ Исидоровичъ. Онъ проводилъ гостя до передней, затѣмъ изъ окна посмотрѣлъ, какъ они садились въ экипажъ. Видъ его гнѣдой пары все еще доставлялъ ему удовольствіе: Кременецкій только въ прошломъ году обзавелся экипажемъ.

— Знаешь, золото, — сказалъ онъ женѣ, — Муся, конечно, очень мила, но тонъ у нея временами немножко фривольный. Это не принято и не очень мнѣ нравится. Вѣдь она почти не знаетъ этого Певзнера... Ты бы ее побранила.

— Да, иногда съ ней такое бываетъ, — отвѣтила со вздохомъ Тамара Матвѣевна. — Всегда она скромная, такая воспитанная, но вдругъ точно муха ее укуситъ: я сейчасъ у ней по лицу вижу. Ахъ, надо ей найти жениха!..

— Найдемъ, найдемъ... Не засидится у насъ Муська, — увѣренно сказалъ Кременецкій. Онъ былъ радостно настроенъ по случаю интервью и не хотѣлъ думать о непріятныхъ предметахъ.

Муся въ экипажѣ озабоченно разспрашивала донъ-Педро о Клервиллѣ. Но Альфредъ Исаевичъ ничего о немъ не зналъ.

— Нѣтъ, вы просто не хотите сказать, — говорила сердито Муся. — Не знаете, шпіонъ ли онъ, не знаете, кто его любовница, да вы ничего не знаете! Какой же вы послѣ этого журналистъ?

— Мадмуазель... — сказалъ донъ-Педро. — Клянусь вамъ, я этого не знаю!

— За что же вамъ деньги платятъ, если вы ничего не знаете? Нѣтъ, правда, не можетъ быть, чтобы вы не знали, какъ зовутъ его нынѣшнюю даму? Послушайте, а можетъ быть, онъ любитъ мальчиковъ?.. Да? да?

Альфредъ Исаевичъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза. «Нѣтъ, что это за барышни пошли? — спрашивалъ онъ себя. — Въ такомъ хорошемъ семействѣ!..»

— Помилуйте, мадмуазель, — растерянно сказалъ донъ-Педро, — откуда же я могу знать такія вещи?.. Согласитесь, это было бы странно, честное слово...

— А къ Брауну вы не зайдете за интервью? Онъ тоже въ «Паласѣ».

— Какой это Браунъ? Ахъ, да. Можетъ быть, я о немъ забылъ. Вы мнѣ подаете мысль, мадмуазель.

«Въ самомъ дѣлѣ можно взять его въ представители науки», — подумалъ Альфредъ Исаевичъ. «Говорятъ, онъ замѣчательный ученый. А то годами одни и тѣ же: Тимирязевъ, Мечниковъ, Мечниковъ, Тимирязевъ, — это всѣмъ надоѣло»...

XXIII.

«Хорошая штучка!» — подумалъ донъ-Педро, шаркнувъ калошами и раскланявшись съ отъѣз-

жавшей въ колясkѣ Мусей. «Говорятъ, Сема хочетъ ее выдать за Нещеретова... Тоже нашелъ дурака... Сейчасъ Нещеретовъ на ней возьметъ и женится»...

Альфредъ Исаевичъ направился по скользкому, плохо засыпанному пескомъ тротуару къ дверямъ гостиницы Паласъ. Человѣкъ въ поддевкѣ, почтительно снявъ шапку, украшенную павлиньими перьями, толкнулъ передъ нимъ вертящуюся дверь. Донъ-Педро кивнулъ головой и вошелъ. Его обдало жаромъ и свѣтомъ. Альфредъ Исаевичъ, скрывая легкую робость подъ особенно самоувѣреннымъ видомъ, направился къ длинному столу, за которымъ стояли два человѣка въ черныхъ сюртукахъ.

— Майоръ Клервилль у себя?

Человѣкъ въ сюртукѣ оторвался отъ лежавшей передъ нимъ огромной книги, оглянулся на доску съ ключами и взялся за ручку одного изъ телефонныхъ аппаратовъ.

— Какъ доложить?

— Не надо докладывать, меня ждутъ, — поспѣшно отвѣтилъ Альфредъ Исаевичъ. Узнавъ, что Клервилль живетъ въ 103-мъ номерѣ, а Браунъ въ 264-омъ, донъ-Педро кивнулъ головой и солидной походкой направился къ лѣстницѣ, съ любопытствомъ осматриваясь по сторонамъ. Все въ «Паласѣ» очень нравилось Альфреду Исаевичу: и яркое освѣщеніе, и комфортъ, и хорошо одѣтые люди, и въ особенности окружающая посѣтителей атмосфера почета... Альфредъ Исаевичъ вдругъ поспѣшно снялъ мѣховую шапку и поклонился: по hall'ю, въ сопровожденіи почтительнаго управляющаго гостиницы, быстро шелъ, размахивая руками, высокій, по актерски гладко выбритый, человѣкъ. Это былъ тотъ богачъ Нещеретовъ, о которомъ только что думалъ донъ-Педро.

Съ Нещеретовымъ изъ-за столиковь hall'я учтиво раскланялось, привставая, еще нѣсколько гостей. Онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ Альфреда Исаевича, слегка ему кивнулъ и остановился, хлопнувъ себя по карману шубы.

— Эхъ, бѣда!.. Перчатки забылъ, — сердито сказалъ онъ.

Управляющій бросился за перчатками, и даже донъ-Педро преодолѣлъ въ себѣ желаніе какъ-либо помочь въ бѣдѣ богачу. Альфредъ Исаевичъ ничего не ждалъ отъ Нещеретова, но самый видъ человѣка, владѣвшаго десятками милліоновъ, приводилъ его въ легкое волненье. Лакей уже подбѣгалъ съ перчатками къ Нещеретову. Онъ кивнулъ головой, взялъ перчатки и быстро пошелъ къ выходу. «Да, хорошо живутъ», — подумалъ Альфредъ Исаевичъ. — «Князей встрѣчаютъ хуже... А всего какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ его бы сюда на порогъ не пустили!..»

У лѣстницы мальчикъ открылъ передъ нимъ дверь подъемной машины. Хотя во второй этажъ было проще подняться по лѣстницѣ, Альфредъ Исаевичъ, подкупленный почтительностью мальчика, вошелъ въ лифтъ и вынулъ изъ большого чернаго кошелька засаленную марку военнаго времени. На стѣнѣ висѣла печатная надпись: «Просятъ не разговаривать по нѣмецки», съ полустертой добавкой карандашомъ: «и по турецки». Машина остановилась. Донъ-Педро сунулъ марку мальчику и вышелъ. Разыскавъ 103-ій номеръ, онъ постучалъ въ дверь и, не дожидаясь отвѣта, открылъ ее.

Майоръ Клервилль, сидѣвшій за столомъ спиной къ двери, поднялся, съ недоумѣніемъ глядя на вошедшаго безъ доклада посѣтителя. «Можетъ быть, у нихъ такъ принято», — тотчасъ подумалъ онъ. Лицо Альфреда Исаевича было ему знакомо,

но онъ рѣшительно не помнилъ, кто это, и испытывалъ оттого слегка непріятное чувство.

— Вы, вѣрно, меня не узнаете, господинъ майоръ, — началъ Альфредъ Исаевичъ, съ учтивой солидной улыбкой на лицѣ. — Пожалуйста, извините меня...

— О, я хорошо узнаю безъ сомнѣнія...

— Пожалуйста, извините, что посмѣлъ отнять ваше драгоцѣнное время, — сказалъ донъ-Педро. Онъ изложилъ свое дѣло, говоря такъ же изысканно, но нѣсколько медленнѣе и вразумительнѣе, чѣмъ обычно. Клервилль не все разобралъ въ его словахъ, но понялъ суть дѣла и по ней вспомнилъ, что этотъ человѣкъ былъ журналистъ, котораго онъ видѣлъ на вечерѣ у русскаго адвоката. Просьба донъ-Педро доставила удовольствіе майору Клервиллю, — къ нему еще никто никогда не обращался за интервью. Онъ, однако, съ любезной улыбкой отвѣтилъ, что, какъ офицеръ, интервью давать не въ правѣ.

Донъ-Педро съ сожалѣніемъ откинулъ голову, полузакрылъ глаза и слегка развелъ руками, свидѣтельствуя, что подчиняется рѣшенію своего собесѣдника, и отдаетъ должное его мотивамъ, хотя не раздѣляетъ ихъ. Майоръ поблагодарилъ гостя за честь и просилъ завѣрить русскихъ читателей, что, какъ всѣ англичане, онъ неизмѣнно восхищается русской арміей, Россіей, геніемъ страны, которая... Клервилль хотѣлъ сказать: страны, которая дала міру Толстого и Достоевскаго, — однако вспомнилъ, что Толстой былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, и рѣшилъ, что корректнѣе будетъ поэтому Толстого не называть. Объ отношеніи Достоевскаго къ русскому правительству майоръ ничего не помнилъ, но съ однимъ Достоевскимъ, безъ Толстого, фраза не выходила. Клервилль въ общей формѣ ска-

залъ о геніи страны, давшей міру столько великихъ людей... «Съ сердцемъ такъ широкимъ, какъ эти русски степи», — добавилъ, подумавъ, майоръ.

Альфредъ Исаевичъ выслушалъ его съ удовольствіемъ, — онъ былъ искреннимъ патріотомъ, — и рѣшилъ, что слова англичанина въ сущности вполнѣ могли замѣнить интервью, если ихъ подать соотвѣтственнымъ образомъ, на пятьдесятъ строкъ, съ описаніемъ обстановки и съ портретомъ. Донъ-Педро крѣпко пожалъ Клервиллю руку, какъ бы благодаря его за Россію, и попросилъ дать для газеты фотографическую карточку. Это майоръ могъ сдѣлать, не нарушая своего долга. Увидѣвъ фотографію, донъ-Педро просіялъ: какъ ни хорошъ былъ въ дѣйствительности Клервилль, на карточкѣ, въ парадномъ мундирѣ довоеннаго времени, онъ былъ еще лучше.

— Не смѣю васъ больше безпокоить, господинъ майоръ, — сказалъ, вставая, Альфредъ Исаевичъ. — Сердечно васъ благодарю... Вы знаете, что въ лицѣ нашей газеты ваша великая страна всегда имѣла вѣрнаго друга. Въ этомъ вся наша редакція вполнѣ солидарна.

— О, да, я знаю хорошо, — отвѣтилъ, тоже съ искреннимъ удовольствіемъ, Клервилль. Онъ проводилъ гостя до дверей, и они разстались, очень довольные другъ другомъ.

«Вотъ и не потерялъ времячко», — удовлетворенно подумалъ Альфредъ Исаевичъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ третій этажъ. Помимо того, что сто строкъ отъ двухъ интервью составляли двадцать рублей (донъ-Педро, сверхъ жалованья, получалъ еще построчную плату), самый процессъ составленія интервью очень нравился Альфреду Исаевичу. Въ минуты особенно горячей влюбленности въ себя, онъ называлъ себя «журналистомъ

Божьей милостью». И дѣйствительно любовь къ газетному дѣлу была въ немъ сильна и неподдѣльна. Особенно онъ любилъ все, что имѣло отношеніе къ высшей политикѣ, въ частности къ иностранной. Донъ-Педро въ дѣйствіяхъ великихъ державъ неизмѣнно усматривалъ скрытый, маккіавелическій смыслъ, который почему-то чрезвычайно его радовалъ: онъ и говорилъ о тайныхъ замыслахъ разныхъ европейскихъ правителей всегда съ радостной, почти торжествующей улыбкой. Альфреду Исаевичу нравилось, что европейскіе правители были такіе хитрецы и что онъ тѣмъ не менѣе проникалъ въ ихъ тайные замыслы, — въ отличіе отъ другихъ людей, которые простодушно имъ вѣрили. Анкета все больше увлекала донъ-Педро. «Можно даже считать, четвертная въ карманѣ: это дудки, будто Федюша на Кременецкаго больше пятидесяти строкъ не дастъ... Когда прочтетъ, что я напишу, дастъ сколько влѣзетъ»...

Альфредъ Исаевичъ направился налѣво по менѣе ярко освѣщенному корридору третьяго этажа и вдругъ, свернувъ за уголъ, увидѣлъ Брауна, который, въ шубѣ и шапкѣ, опустивъ голову, быстро шелъ къ лѣстницѣ. «Чудная шубка», — подумалъ донъ-Педро. — «Котикъ не котикъ, а выхухоль, теперь за восемьсотъ рублей не сошьешь».

— Здравствуйте, господинъ профессоръ, — сказалъ онъ вкрадчиво.

Браунъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Здравствуйте...

— А я шелъ къ вамъ... На одну минутку, только на одну минутку... Можно?

— Простите меня, я очень спѣшу, — сказалъ Браунъ, останавливаясь съ видимымъ нетерпѣніемъ. — Чѣмъ могу служить?

Альфредъ Исаевичъ изложилъ свою просьбу короче, чѣмъ въ разговорѣ съ Кременецкимъ и Клервиллемъ.

— Нѣтъ, меня, пожалуйста, увольте, — сухо прервалъ его Браунъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, и не дослушавъ объясненія. — Я не политикъ и никакихъ интервью не даю.

— Вы нашъ извѣстный ученый и въ качествѣ таковаго... — началъ было снова донъ-Педро.

— Прошу извинить. Дѣло это меня не касается и не интересуетъ... Мое почтеніе.

Онъ приподнялъ шапку и быстро пошелъ дальше.

«Однако порядочный нахалъ этотъ господинъ», — сказалъ себѣ оскорбленно Альфредъ Исаевичъ и включилъ мысленно Брауна въ черный списокъ людей, которымъ при случаѣ не мѣшало сдѣлать непріятность. «Слава Богу, ученыхъ и безъ него, какъ собакъ нерѣзанныхъ. Ему же честь предлагали»... Отсутствіе Брауна въ анкетѣ дѣйствительно не могло быть потерей въ газетномъ смыслѣ. «Странный господинъ!.. Вѣрно, не отъ міра сего»... Человѣкъ, отказавшійся отъ интервью, которое ему предлагали совершенно безплатно, не могъ быть отъ міра сего по представленію Альфреда Исаевича: онъ зналъ столько людей, готовыхъ заплатить за интервью немалыя деньги. «Ну, и Богъ съ нимъ! Возьмемъ другого»... Донъ-Педро направился дальше по корридору, чтобы не идти вслѣдъ за Брауномъ и чтобы тотъ не подумалъ, будто онъ нарочно для него пріѣзжалъ въ «Паласъ». Навстрѣчу Альфреду Исаевичу шелъ невзрачный человѣкъ въ пальто съ каракулевымъ воротникомъ. Онъ быстро окинулъ взглядомъ донъ-Педро. Альфредъ Исаевичъ, встрѣтившись съ нимъ глазами, почувствовалъ неловкость и даже легкій испугъ. Ему почему-то показалось,

что это «шпикъ», — донъ-Педро видалъ на своемъ вѣку немало сыщиковъ и имѣлъ наметанный взглядъ, чѣмъ иногда хвасталъ, разговаривая съ людьми революціоннаго образа мыслей. «Кажется, въ «Паласѣ» шпикамъ нечего дѣлать», — подумалъ онъ озадаченно. — «Хотя собственно въ наше милое время»... Альфредъ Исаевичъ посмотрѣлъ подозрительно вслѣдъ невзрачному человѣку и съ неудовольствіемъ ускорилъ шаги.

XXIV.

«Алкалоидъ рода белладонны», — хмурясь и морща лобъ, повторилъ вслухъ Яценко. Эти слова изъ лежавшей передъ нимъ бумаги ничего ему не объясняли. «Все принимаемъ на вѣру... Гроссъ рекомендуетъ слѣдователямъ запасаться спеціальными познаніями для того, чтобы входить во всѣ подробности судебно-медицинскаго и химическаго изслѣдованія. Да, конечно, противъ этого требованія нельзя возражать, но въ пятьдесятъ лѣтъ трудно начать изученіе химіи», — подумалъ онъ со вздохомъ.

Въ камерѣ Николая Петровича было нѣсколько спеціальныхъ руководствъ. Онъ взялъ одно изъ нихъ, заглянулъ въ алфавитный указатель и, разыскавъ нужную страницу, узналъ, что алкалоидами называются особыя твердыя или жидкія органическія вещества основного характера и сложнаго состава, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ видахъ растеній. Это было понятно, но недостаточно опредѣленно, — Николай Петровичъ думалъ, что въ химіи вещества классифицируются точнѣе. Онъ попробовалъ читать дальше, но тотчасъ пересталъ разбираться. Въ книгѣ говорилось о томъ, что громадное большинство алкалоидовъ

можно производить отъ пиридина, тогда какъ нѣкоторое ихъ число относится къ жирному ряду. О белладоннѣ Николай Петровичъ узналъ, что заключающійся въ ней атропинъ представляетъ собой тропиновый эфиръ альфа - фенилъ - бета - оксипропіоновой кислоты. Яценко вздохнулъ, закрылъ руководство по химіи и опять внимательно прочелъ заключеніе эксперта, рѣшившись всецѣло на него положиться.

Экспертъ пришелъ къ выводу, что смерть Фишера послѣдовала отъ отравленія растительнымъ ядомъ, повидимому, алкалоидомъ типа белладонны. Слово «повидимому» снова задѣло Николая Петровича. «Въ такихъ случаяхъ никакіе «повидимому» недопустимы», — подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, откладывая бумагу въ папку № 16.

Папка эта уже очень распухла отъ документовъ. Почти всѣ свидѣтели по дѣлу были допрошены; ихъ, впрочемъ, было не такъ много. Не хватало показанія госпожи Фишеръ, которая еще не прибыла въ Петербургъ. Ея допросу Яценко придавалъ большое значеніе.

Николай Петровичъ пробѣжалъ нѣсколько другихъ бумагъ и задумался. Онъ былъ не вполнѣ доволенъ ходомъ слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Фишера. Настоящихъ уликъ противъ Загряцкаго было недостаточно. Какъ человѣкъ чрезвычайно порядочный, Яценко нисколько не огорчался въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдственные матеріалы складывались въ пользу подозрѣваемаго, и даже радовался, если выяснялась его невиновность. Но въ этомъ дѣлѣ у Николая Петровича послѣ перваго же допроса сложилась твердая увѣренность, что Фишеръ былъ отравленъ Загряцкимъ. Въ недостаточности уликъ онъ видѣлъ не

свою неудачу, а побѣду преступнаго начала надъ справедливостью.

Яценко еще разъ перебралъ въ памяти основныя положенія слѣдствія. Самоубійства быть не могло. «Съ чего бы въ самомъ дѣлѣ Фишеръ сталъ кончать самоубійствомъ?» — въ десятый разъ мысленно себя спросилъ Николай Петровичъ. «Ни болѣзни, ни матеріальныхъ затрудненій у него не было. Кромѣ того, что же ему мѣшало, если пришла такая необъяснимая мысль, отравиться дома, въ «Паласѣ»? Женатый человѣкъ, дорожившій приличіями, не поѣхалъ бы кончать съ собой въ подозрительную квартиру... Да и самая обстановка, выраженіе лица Фишера, все говоритъ, что о самоубійствѣ рѣчи быть не можетъ... Нѣтъ, здѣсь не самоубійство, здѣсь убійство, хорошо обдуманное убійство»...

Система доводовъ, устанавливающихъ виновность Загряцкаго, уже сложилась у Николая Петровича. Въ этой системѣ многое еще могло измѣниться въ зависимости отъ показаній госпожи Фишеръ, отъ очной ставки между ней и ея любовникомъ. Кое-что съ минуты на минуту должны были внести данныя дактилоскопическаго изслѣдованія. Но общая аргументація слѣдствія была уже намѣчена и съ внѣшней стороны выходила довольно стройной. Однако Николай Петровичъ все яснѣе чувствовалъ въ ней слабыя мѣста. Онъ понималъ, что каждую улику въ отдѣльности опытный защитникъ сумѣетъ, если не разбить, то во всякомъ случаѣ сильно поколебать. «Впрочемъ, математической ясности никогда не бываетъ при запирательствѣ преступника», — подумалъ Яценко. — «Если не считать, конечно, уличенія посредствомъ дактилоскопіи»...

Въ дактилоскопію Николай Петровичъ вѣрилъ, — нельзя было не вѣрить, — но вѣрилъ не такъ

твердо, какъ, напримѣръ, въ химическое изслѣдованіе. Новѣйшая судебно-полицейская наука основывалась на дактилоскопіи, — Яценко прекрасно это зналъ. Однако въ глубинѣ души онъ чуть-чуть сомнѣвался въ томъ, что изъ милліона людей каждый имѣетъ свой отпечатокъ пальца и что нѣтъ двухъ такихъ отпечатковъ, которые были бы совершенно сходны одинъ съ другимъ. «Въ Чикаго недавно приговорили къ смерти преступника исключительно на основаніи дактилоскопической улики. Правда, этотъ приговоръ вызвалъ у многихъ возмущеніе... Что, если въ Чикаго была допущена ошибка?.. Въ Европѣ нѣтъ твердо установленной практики... У насъ тоже нѣтъ»... Яценко справедливо считалъ русскій судъ лучшимъ въ мірѣ.

Николай Петровичъ вынулъ изъ папки № 16 дактилограмму отпечатковъ, оставшихся на бутылкѣ и на стаканѣ въ комнатѣ, гдѣ было совершено убійство. Онъ еще разъ у лампы вглядѣлся въ отпечатокъ, проявленный свинцовыми бѣлилами. На листѣ бумаги довольно большой кружокъ былъ покрытъ сложнымъ овальнымъ узоромъ. Экспертъ отмѣтилъ номерами особенности узора: шесть вилокъ и четыре островка. Въ пояснительной запискѣ приводились какія-то дроби со ссылкой на систему Вуцетича. Снимокъ съ руки Загряцкаго еще не былъ готовъ и выводовъ потому быть не могло. Николай Петровичъ долго вглядывался въ фотографію. «Да, какъ будто все это убѣдительно... Однако — они въ Чикаго какъ хотятъ, а я на основаніи этихъ вилокъ и островковъ все таки не подведу человѣка подъ каторгу», — сказалъ онъ себѣ. — «Жаль, что со всѣхъ насъ не снимаютъ отпечатковъ. Надо бы, чтобы это было обязательно и чтобы всѣ снимки регистрировались. Тогда при любомъ пре-

ступленіи — взглянулъ въ каталогъ и сразу знаешь преступника... Но отчего же этого не вводятъ, если это такъ просто?» — опять съ сомнѣніемъ подумалъ Николай Петровичъ. — «Впрочемъ, здѣсь и безъ дактилоскопіи дѣло ясно: да, конечно, Загряцкій убилъ... Убилъ, чтобы къ его любовницѣ перешли богатства банкира»...

Николай Петровичъ еще лишь приблизительно разобрался въ томъ, какое именно наслѣдство оставилъ Фишеръ. Состояніе, по наведеннымъ справкамъ, было огромное, но запутанное: выразить его точной цыфрой слѣдователь пока не могъ. Надо было выяснить стоимость разныхъ акцій, непонятныя названія которыхъ постоянно попадались въ газетахъ. Названія эти зналъ и Николай Петровичъ, хоть и не слѣдилъ за биржевой хроникой, — все равно какъ онъ зналъ имена выдающихся артистовъ, несмотря на то, что мало посѣщалъ театры.

Стукъ въ дверь прервалъ мысли Николая Петровича.

— Къ Вашему Превосходительству, — сказалъ сторожъ, подавая визитную карточку.

— Попросите войти. Что, еще ничего мнѣ не приносили изъ сыскного отдѣленія?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство.

Въ комнату вошелъ докторъ Браунъ. Они любезно поздоровались, какъ старые знакомые.

— Очень радъ васъ видѣть, — сказалъ Яценко, крѣпко пожимая руку Брауну и пододвигая ему стулъ. — Вы ко мнѣ по дѣлу?

— Да, если позволите, — отвѣтилъ, садясь, Браунъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Я зашелъ къ вамъ, собственно, для очистки совѣсти. Видите-ли, у меня осталось такое впечатлѣніе, что слова, сказанныя мною вамъ о Заг-

ряцкомъ при нашемъ первомъ знакомствѣ, могутъ быть неправильно вами истолкованы. Надѣюсь, вы не поняли ихъ въ томъ смыслѣ, что я считаю Загряцкаго человѣкомъ способнымъ на убійство?..

Яценко смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Это было бы, разумѣется, невѣрно, — продолжалъ Браунъ. — Ничто въ моемъ знакомствѣ, правда, не близкомъ и не продолжительномъ, съ этимъ господиномъ не даетъ мнѣ основаній считать его способнымъ на преступленіе болѣе другихъ людей. Ничто, — повторилъ онъ. — Вотъ это я и хотѣлъ довести до вашего свѣдѣнія, на случай, если я тогда выразился не вполнѣ ясно.

— Вы ошибаетесь, — сказалъ Николай Петровичъ. — Я именно такъ и понялъ тогда ваши слова.

— Очень радъ. Въ такомъ случаѣ мое сегодняшнее посѣщеніе является излишнимъ. Но, видите ли, я въ газетахъ прочелъ, что Загряцкій арестованъ и что улики противъ него тяжелыя (онъ помолчалъ съ полминуты, какъ бы вопросительно глядя на слѣдователя). И я не хотѣлъ бы прибавлять что бы то ни было къ этимъ уликамъ, хотя бы одно только впечатлѣніе.

— Разумѣется, я понимаю ваши мотивы, — отвѣтилъ Яценко. — Долженъ, однако, вамъ сказать, что мы не сажаемъ людей въ тюрьму на основаніи впечатлѣній. У слѣдствія дѣйствительно есть очень серьезныя основанія думать, что Загряцкій отравилъ Фишера... Отравилъ растительнымъ ядомъ, природа котораго уже выяснена экспертизой.

— Вотъ какъ... Уже выяснена? — повторилъ Браунъ. — Такъ быстро?

— Да... Не имѣю права входить въ подробности слѣдственнаго матеріала. Однако газеты уже сообщили, что экспертиза констатируетъ отравленіе алкалоидомъ типа белладонны. Не знаю, какъ

журналисты все это узнают чуть ли не раньше меня, — добавилъ онъ, улыбаясь, — но это правда. Таково дѣйствительно заключеніе экспертизы: отравленіе растительнымъ ядомъ рода белладонны.

— У васъ очень хорошій экспертъ, — сказалъ съ насмѣшкой Браунъ. — Вѣроятно, врачъ, правда? Врачи, какъ журналисты, тоже все прекрасно знаютъ.

— Виноватъ?.. Я не совсѣмъ васъ понимаю?

— Я нѣсколько знакомъ съ токсикологіей и самъ въ этой области немало поработалъ. Долженъ сказать, это область довольно темная, и я потому удивленъ, что вашъ экспертъ такъ быстро и точно все выяснилъ и установилъ. Сложные анализы у насъ длятся часто долгія недѣли. Есть къ тому же немало алкалоидовъ, совершенно сходныхъ по дѣйствію. Повторяю, наши познанія въ этой области еще очень не точны... Но это не мое дѣло, не буду вамъ мѣшать, — сказалъ Браунъ, приподнимаясь. — Прошу меня извинить, что отнялъ у васъ время.

— Сдѣлайте одолженіе, — любезно произнесъ Николай Петровичъ. — То, что вы говорите, весьма интересно... Мнѣ казалось бы, однако.. Войдите!

— Вамъ, Николай Петровичъ, пакетъ, — сказалъ письмоводитель, слегка кланяясь Брауну и подавая слѣдователю большой конвертъ. — Изъ сыскного отдѣленія только что доставили, — добавилъ онъ и слегка покраснѣлъ, подумавъ, что въ присутствіи посторонняго человѣка лучше было бы не произносить нехорошо звучащихъ словъ «изъ сыскного отдѣленія»: онъ чувствовалъ, что это немного непріятно Николаю Петровичу.

— Благодарю васъ, — сказалъ поспѣшно Яценко. — Вы меня извините, — обратился онъ къ Брауну, распечатывая конвертъ ножомъ. Изъ пакета выпала фотографія. Слѣдователь бѣгло взглянулъ на Брауна. Тотъ сидѣлъ неподвижно. — Вы меня извините, — повторилъ Николай Петровичъ и быстро пробѣжалъ приложенную къ фотографіи бумагу... «Вполнѣ тождественнымъ признано быть не можетъ»... — бросилась ему въ глаза фраза, отпечатанная на машинкѣ въ разрядку.

— Очень неважная погода, — сказалъ смущенно Брауну письмоводитель.

— Очень неважная...

— Одно слово, Петроградъ.

Яценко, хмурясь, читалъ бумагу. Экспертъ докладывалъ, что основная форма узора, петлевая съ косымъ направленіемъ петель влѣво и съ одной дельтой справа, сходна въ обоихъ снимкахъ. Но вилокъ во второмъ снимкѣ было семь, островковъ пять, при чемъ двѣ вилки и одинъ островокъ на снимкахъ не вполнѣ совпадали по положенію. Выводъ эксперта заключался въ томъ, что, при несомнѣнномъ и большомъ сходствѣ отпечатковъ, они не могутъ быть признаны совершенно тождественными; нѣкоторое расхожденіе можетъ, однако, объясняться и недостаточной четкостью сохранившагося на бутылкѣ отпечатка. Николай Петровичъ пожалъ плечами.

— Распишитесь, пожалуйста за меня въ пріемѣ пакета, — сказалъ онъ письмоводителю.

Браунъ поднялся.

— Еще разъ прошу извинить, что васъ побезпокоилъ.

— Нисколько не побезпокоили, но удерживать не смѣю... Вы еще долго пробудете въ Петербургѣ?

— Вѣроятно, долго. Я заваленъ работой.

— Да, у васъ и видъ утомленный. Должно быть, и нашъ климатъ нелегко переносить послѣ Европы... Отвратительная осень, давно такой не было.

Они, уже стоя, немного поговорили о политикѣ, о Распутинѣ, о близкомъ и очень занимавшемъ всѣхъ открытіи сессіи Государственной Думы.

— Я получилъ билетъ въ ложу журналистовъ, вѣроятно, пойду, — сказалъ Браунъ.

— Какъ жаль, что я не могу пойти. Да, у насъ очень тяжелыя времена. Удивительна слѣпота нашей власти и этихъ безотвѣтственныхъ круговъ. Казалось бы, ребенку ясно, что мы катимся въ бездну.

— Катимся въ бездну, — глухо повторилъ Браунъ.

XXV.

Искры рвались за пролетомъ вокзала, прорѣзывая клубы дыма, черные у отверстія трубъ, понемногу свѣтлѣвшіе повыше. Изъ-подъ вагоновъ поѣзда съ непрерывнымъ свистомъ выходилъ бѣлый паръ и рѣдѣлъ, обволакивая вагоны. Пахло желѣзнодорожной гарью. По лоснящемуся черной слякотью перрону пробѣгали нервные пассажиры. Господинъ, съ большой коробкой въ рукѣ, догонялъ артельщика, быстро катившаго двухколесную телѣжку. Двѣ дамы растерянно обнялись передъ раскрытой дверью вагона второго класса. Слышались отчаянные свистки. По сосѣднему пути локомотивъ медленно надвигался заднимъ ходомъ на сверкавшій огнями вокзалъ. Человѣкъ съ лопатой въ рукахъ работалъ на полотнѣ, повернувшись къ поѣзду спиною. Мальчикъ изъ ок-

на съ радостнымъ ужасомъ смотрѣлъ на полотно. По крайнему перрону угрюмо, не въ ногу, шли солдаты.

Федосьевъ, опираясь на палку, оглядываясь по сторонамъ, вышелъ съ портфелемъ въ рукѣ, и направился впередъ къ вагону перваго класса. Шедшій навстрѣчу человѣкъ въ пальто съ каракулевымъ воротникомъ поровнялся съ Федосьевымъ и, не глядя на него, бросилъ вполголоса:

— Въ первомъ вагонѣ за машиной.

Федосьевъ дошелъ до конца поѣзда и поднялся на площадку вагона, уютно свѣтившагося тусклыми желтоватыми огоньками. Въ коридорѣ онъ столкнулся съ Брауномъ.

— Александръ Михайловичъ? Пріятный сюрпризъ, — сказалъ удивленнымъ тономъ Федосьевъ, здороваясь. — Тоже въ Царское?

— Нѣтъ, я въ Павловскъ.

— Значитъ, до Царскаго вмѣстѣ... Вы въ этомъ купе? Разрѣшите и мнѣ сѣсть здѣсь, благо никого нѣтъ...

— Сдѣлайте одолженіе... Я думалъ, вамъ полагается отдѣльное купе или даже отдѣльный вагонъ?..

— Ну, вотъ еще... Я никому на вокзалѣ и не говорилъ, что ѣду... Вамъ все равно — спиной къ локомотиву? — спросилъ Федосьевъ, кладя портфель на диванъ и садясь. — Такъ вы въ Павловскъ?

— Да, я туда ѣзжу по понедѣльникамъ и четвергамъ. Одно изъ нашихъ учрежденій по изготовленію противогазовъ помѣщается въ Павловскѣ.

— Вотъ вѣдь какая пріятная встрѣча, — повторилъ Федосьевъ. — А я звонилъ въ «Паласъ», да васъ дома не было... Мнѣ особенно интересно побесѣдовать съ человѣкомъ, прибывшимъ не-

давно изъ Европы. Вы курите? — спросилъ онъ, вынимая портсигаръ. — Я безъ папиросы не могу прожить часа... Такъ какъ же вы къ намъ изволили проѣхать? Черезъ Англію и Скандинавскія страны?

— Да, на Ньюкестль-Бергенъ.

— Значитъ, всякія видали государства, и воюющія, и нейтральныя... Вѣрно, и въ Стокгольмѣ задержались?

— Нѣсколько дней.

— Стокгольмъ да еще Лозанна теперь интереснѣйшіе города: гнѣзда всѣхъ агентуръ и контръ-агентуръ міра.

— Я недавно побывалъ и въ Лозаннѣ.

— Такъ-съ?.. Да, вы могли многое видѣть... Ну что, какъ тамъ, у нашихъ доблестныхъ союзниковъ?.. Замѣтьте, — вставилъ онъ съ улыбкой, — у насъ теперь ироническое обозначеніе «наши доблестные союзники» стало почти обязательнымъ. Казалось бы, почему? Вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ доблестные?..

— Да, у насъ, кажется, не даютъ себѣ отчета въ ихъ жертвахъ, особенно въ жертвахъ Франціи.

— Именно... А можетъ, тутъ природная русская насмѣшливость надъ всякой оффиціальной словесностью. Вѣдь вовсе не французы, а мы самый насмѣшливый въ мірѣ народъ... «Надъ чѣмъ смѣемся?..» Хоть и, правда, со стороны не совсѣмъ это понятно. Подумайте, вѣдь у нихъ на западномъ фронтѣ вся французская армія, вся англійская, вся бельгійская, да еще разныя вспомогательныя войска, канадскія, австралійскія, индусскія, алжирскія, — и все это противъ половины германской арміи. А мы одни, и противъ насъ другая половина нѣмцевъ, да три четверти австрійской арміи, да еще турки... Можетъ быть, если на дивизіи считать, это и не совсѣмъ такъ... Хоть

вѣрно почти такъ и на дивизіи... Но публика судитъ безъ цыфръ. Отсюда и пошло: «доблестные союзники», «домъ паромщика», и все такое.

— Зато у союзниковъ дѣла лучше, чѣмъ у насъ. У нихъ фронтъ крѣпкій.

— Да, да, конечно... Хоть и не такія ужъ у нихъ блестящія дѣла. Да и снарядовъ, и аэроплановъ у союзниковъ не то, что у насъ, какъ котъ наплакалъ. У нихъ могучая промышленность, флотъ, американская база, а у насъ ничего...

Послышались звонки, свистокъ кондуктора. Поѣздъ покачнулся, вокзалъ медленно поплылъ назадъ.

— И живемъ однако, — сказалъ, устало глядя въ окно, Браунъ.

— Дивны дѣла Твои, Господи, живемъ! Вотъ только долго ли проживемъ?..

— Вы думаете, недолго?

— Увы, не я одинъ думаю: всѣ мы смутно чувствуемъ, что дѣло плохо... И, замѣтьте, большинство очень радо: граціозно этакъ, на цыпочкахъ въ пропасть и спрыгнуть.

— Мнѣ все-таки нѣсколько странно это слышать отъ представителя власти.

— Я, Александръ Михайловичъ, не такъ ужъ типиченъ для представителя власти. Разумѣю нашу нынѣшнюю, съ позволенія сказать, власть, — сказалъ Федосьевъ, ускоряя рѣчь въ темпъ ускоряющемуся ходу поѣзда.

— Вотъ какъ: «съ позволенія сказать»?

— Да, вотъ какъ... Такого правительства даже у насъ никогда не бывало. Истиннымъ чудомъ еще и держимся. Кто это, Тютчевъ, кажется, сказалъ, что функціи русскаго Бога отнюдь не синекура?.. Впрочемъ, что-жъ говорить о нашемъ правительствѣ, — сказалъ онъ, нахмурившись. — О немъ нѣтъ двухъ мнѣній. А я отъ нашей лѣвой

общественности тѣмъ главнымъ образомъ и отличаюсь, что и въ нее нисколько не вѣрю... У насъ, Александръ Михайловичъ, военные по настроенію чужды милитаризму, юристы явно не въ ладахъ съ закономъ, буржуазія не вѣритъ въ свое право собственности, судьи не убѣждены въ моральной справедливости наказанія... Эхъ, да что говорить! — махнулъ рукой Федосьевъ. — Расползается русское государство, всѣ мы это чувствуемъ...

— Я, признаться, не замѣчалъ, чтобы всѣ это чувствовали въ Петербургѣ. Напротивъ...

— Я говорю о людяхъ умныхъ и освѣдомленныхъ... Умъ, конечно, отъ Бога, а вотъ освѣдомленности у людей моей профессіи, конечно, больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Намъ все виднѣе, чѣмъ другимъ, и многое мы такое знаемъ, Александръ Михайловичъ, — или хоть подозрѣваемъ, — вставилъ онъ, — о чемъ другіе люди не имѣютъ понятія. Тѣ же, которые понятіе имѣютъ, тѣ не догадываются, что мы это знаемъ...

Оба вздрогнули и быстро оглянулись на окно: по сосѣднему пути со страшной силой пронесся встрѣчный поѣздъ... Прошло нѣсколько мгновеній, ревъ и свистъ оборвались. Сверкнули огни, телеграфная проволока быстро поднялась и, подхваченная столбомъ, полетѣла внизъ. Впереди простоналъ свистокъ.

— Да, многое мы видимъ и знаемъ, — повторилъ Федосьевъ.

— Жаль однако, что ваше вѣдомство не даетъ болѣе наглядныхъ доказательствъ своей проницательности, — сказалъ Браунъ.

Федосьевъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Дадимъ, дадимъ.

— Исторіи оставите?

— Исторіи мы уже оставили.

— Это что же, если не секретъ?

— Теперь, пожалуй, больше не секретъ. Я разумѣю записку, года три тому назадъ поданную нашимъ человѣкомъ «въ сферы», какъ пишутъ лѣвыя газеты. Вы, вѣрно, о ней слышали: записка Петра Николаевича Дурново. Не слыхали? Объ этой запискѣ начинаютъ говорить — и не мудрено. Въ ней, Александръ Михайловичъ, все предсказано, рѣшительно все, что случилось въ послѣдніе годы. Предсказана война, предсказана съ мельчайшею точностью конфигурація державъ: съ одной стороны, говоритъ, будутъ Германія, Австрія, Турція, Болгарія, съ другой Англія, Россія, Франція, Италія, Сербія, Японія, — онъ еще, правда, указываетъ Соединенные Штаты, пока въ войну не вмѣшавшіеся. Предсказанъ ходъ войны, его отраженіе у насъ, тоже совершенно точно. А кончится все, по его словамъ, революціей и въ Россіи, и въ Германіи, причемъ русская революція, говоритъ Петръ Николаевичъ, неизбѣжно приметъ характеръ соціалистическій: Государственная Дума, умѣренная оппозиція, либеральныя партіи будутъ сметены и начнется небывалая анархія, результатъ которой предугадать невозможно... Вотъ какъ, Александръ Михайловичъ, предсказываетъ человѣкъ! Насчетъ войны сбылось... Вдругъ сбудется также о революціи, и будемъ мы вздыхать по плохому государству, оставшись вовсе безъ государства. Плохое, какъ никакъ, просуществовало столѣтья...

— Это всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ. Доводъ, извините меня, не изъ самыхъ сильныхъ.

— Будто? По моему, въ политикѣ только одно и нужно для престижа: продержаться возможно дольше... На этомъ пролетѣ, Александръ Михайловичъ, между Петербургомъ и Царскимъ, два вѣка дѣлается исторія... Не скажу, конечно, чтобъ

она дѣлалась очень хорошо. Но вѣдь еще какъ ее будутъ дѣлать революціонеры? Я, слава Богу, личный составъ революціи знаю: есть снобы, есть мазохисты, преобладаютъ несмыслеными.

— А то, вѣроятно, есть и убѣжденные люди?

— Да, есть, конечно, и такіе. Родились, можно сказать, старыми революціонерами... Немало и чистыхъ карьеристовъ: революція — недурная карьера, разумѣется, революція осторожная. Въ среднемъ, немного опаснѣе ремесло, чѣмъ, напримѣръ, военная служба, зато насколько же и выгоднѣе: вѣдь повышеніе идетъ куда быстрѣе. Вы, напримѣръ, съ молодымъ княземъ Горенскимъ не знакомы? Его всѣ знаютъ...

— Да, я съ нимъ встрѣчался.

— Значитъ, незачѣмъ вамъ доказывать, что это далеко не орелъ. А какую карьеру сдѣлалъ! Его общественное положеніе: лѣвый князь. Вѣдь не будь онъ лѣвымъ, быть бы ему секретаремъ миссіи гдѣ-нибудь въ Копенгагенѣ или корнетомъ въ гвардейскомъ полку. А теперь всероссійская величина!

— Тогда мнѣ не совсѣмъ ясно, отчего вы опасаетесь революціи. Что-жъ такой мелкоты бояться?

— Да вѣдь съ обѣихъ сторонъ мелкота! — быстро, съ силой въ голосѣ сказалъ Федосьевъ. — Мнѣ бы, пока не поздно, дали всю власть для послѣдней схватки, я не очень боялся бы, ужъ вы мнѣ повѣрьте!..

Онъ раздраженно сунулъ папиросу въ углубленіе подъ стекломъ окна и тотчасъ закурилъ другую. Браунъ съ любопытствомъ на него смотрѣлъ. Синій огонекъ спички пожелтѣлъ и расширился, освѣтивъ блѣдное лицо Федосьева.

— Я, Александръ Михайловичъ, своей среды не идеализирую, слишкомъ хорошо ее для этого

знаю. Но многое намъ какъ будто и вправду виднѣе. Вы, вѣрно, больше моего читали, — много ли вы знаете въ исторіи такихъ предсказаній? Согласитесь, это странно, Александръ Михайловичъ. Умные люди, ученые люди думали о томъ, куда идетъ міръ: думали и философы, и политики, и писатели, и поэты, правда? И всѣ «провидцы» попадали пальцемъ въ небо. Одинъ Марксъ чего стоитъ съ его предсказаньями, вы ихъ вѣрно помните?.. А вотъ не ученый человѣкъ, не мыслитель и не поэтъ, скажемъ кратко, русскій полицейскій дѣятель все предсказалъ какъ по писаному. Согласитесь, это странно: въ мірѣ слѣпыхъ, кривыхъ, близорукихъ, дальнозоркихъ, одинъ оказался зрячій: простой русскій охранитель!

— Да не миѳъ ли эта записка?

— Нѣтъ, Александръ Михайловичъ, не миѳъ: когда-нибудь прочтете... Я вдобавокъ и самъ не разъ то же слышалъ отъ Петра Николаевича... Зналъ я его недурно, если кто-либо его вообще зналъ... Немного онъ мнѣ напоминаетъ того таинственнаго, насмѣшливаго провинціала, отъ имени котораго Достоевскій любилъ вести разсказъ въ своихъ романахъ... Но умница былъ необыкновенный. Какъ и вашъ покорный слуга, онъ имѣлъ репутацію крайняго реакціонера, и заслуживалъ ее, быть можетъ, больше, чѣмъ вашъ покорный слуга. Однако въ частныхъ разговорахъ онъ не скрывалъ, что видитъ единственное спасеніе для Россіи въ англійскихъ государственныхъ порядкахъ. Хорошо?

— Недурно, въ самомъ дѣлѣ. Только тогда опять-таки я не совсѣмъ понимаю: какой же онъ зрячій въ мірѣ слѣпыхъ? Вѣдь слѣпые именно это и говорятъ, — правда, не въ частныхъ бесѣдахъ, а публично, — за что зрячіе иногда сажаютъ ихъ въ тюрьму... Со всѣмъ тѣмъ, не спорю,

вещь удивительная. Вождь реакціонеровъ — въ душѣ сторонникъ англійскаго конституціоннаго строя!.. Правду говорятъ, что Россія страна неограниченныхъ возможностей.

— Да, правду говорятъ... Я, Александръ Михайловичъ, иногда себя спрашиваю: возможенъ ли въ Россіи соціалистическій или анархическій строй? И по совѣсти долженъ отвѣтить: возможенъ, очень возможенъ. А то думаю другое: возможно ли въ Россіи возстановленіе крѣпостного права! И тоже вынужденъ честно отвѣтить: отчего бы и нѣтъ, вполнѣ возможно... Не все ли равно, какіе домики строить изъ песка? У насъ вѣдь все парадоксы... Мы и гибнемъ, если хотите, изъ-за парадокса... То, что сейчасъ политически необходимо, психологически совершенно невозможно, — миръ съ Германіей, — сказалъ Федосьевъ поспѣшно, точно не желая дать собесѣднику возможность вставить слово. — А лагерь нашей интеллигенціи весь живетъ въ обманѣ, хуже, въ самообманѣ, Александръ Михайловичъ. У насъ очень немногіе твердо и точно знаютъ, чего именно они хотятъ... Можетъ быть, Константинополя и проливовъ, а можетъ, соціалистической республики? Или соціалистической республики, но съ Константинополемъ и съ проливами? Каюсь, я не очень высоко ставлю нашу интеллигенцію. Могу о ней говорить правду: я самъ русскій интеллигентъ. Учился въ русской гимназіи, въ русскомъ университетѣ, читалъ въ свое время тѣ же книги, которыя всѣ читали... Паскаля не читалъ, а Николая-она читалъ... Вы смѣетесь? Не вѣрите, что читалъ? Даю вамъ слово — выписки дѣлалъ.

— Вполнѣ вѣрю. Но вѣдь русская интеллигенція никогда не возбраняла читать и Паскаля. Если кто возбранялъ что бы то ни было читать, то никакъ не она.

— Это, конечно, правильно, но очередь на книги устанавливала не власть, а именно интеллигенція. Паскаль, или, напримѣръ, Шопенгауэръ въ мое университетское время значились въ третьей очереди, если вообще гдѣ-либо значились. А вотъ Николай-онъ (его теперь и по фамиліи никто не помнитъ) или позже какой-нибудь Плехановъ, тѣхъ читать было такъ же обязательно, какъ, скажемъ, въ извѣстномъ возрастѣ познать любовь... Мы расшибали лбы, молясь на Николая-она!

— Не сами же все-таки расшибали?.. Можетъ-быть, намъ кто-нибудь расшибалъ?

— Да, можетъ быть, — разсѣянно повторилъ Федосьевъ, теребя мѣховую шапку, лежавшую у него на колѣняхъ. — Можетъ быть... Все было бы еще сносно, если-бъ Николай-онъ то хоть былъ настоящій. Боюсь, однако, когда-нибудь выяснится, что и Николай-онъ былъ поддѣлкой. Боюсь, выяснится, что все, чѣмъ жила столько десятилѣтій русская интеллигенція, все было обманомъ или самообманомъ, что не такъ она любила свободу, какъ говорила, какъ, быть можетъ, и думала, что не такъ она любила и народъ, и что миѳологія отвѣтственнаго министерства занимала въ ея душѣ немногимъ больше мѣста, чѣмъ, напримѣръ, премьера въ Художественномъ Театрѣ. Люди сто лѣтъ проливали свою и чужую кровь, не любя и не уважая по настоящему то, во имя чего это якобы дѣлалось. Повѣрьте, Александръ Михайловичъ, будетъ день, когда этотъ символическій Николай-онъ окажется поддѣлкой, самой замѣчательной поддѣлкой нашего времени. Будемъ мы тогда, снявши голову, плакать по волосамъ... Вѣрно и тогда преимущественно по волосамъ будемъ плакать...

— Не понимаю, — сказалъ Браунъ, пожимая плечами. — Люди хотятъ свободы, имъ ея не да-

ютъ, да еще возмущаются, что они любятъ свободу недостаточно... Извините меня, при чемъ тутъ символическій Николай-онъ? Допустимъ, въ одномъ лагерѣ знали только Николая-она. Да вѣдь и въ лагерѣ противоположномъ не все читали Шопенгауэра, — больше Каткова и «Московскія Вѣдомости»...

— Съ этимъ я нисколько и не спорю... У насъ, говорятъ, страна дѣлится: «мы» и «они». Что-жъ, если о н и знаютъ цѣну н а м ъ, то и мы еще лучше знаемъ цѣну имъ.

— Да вы вообще узко ставите вопросъ, ужъ если на то пошло, — сказалъ Браунъ. — Почему русскій интеллигентъ? Сказали бы въ общей формѣ: «человѣкъ есть животное лживое»... Толку, правда, немного отъ такихъ изреченій. Да и произносить ихъ надо непремѣнно по гречески или по латыни, иначе теряется эффектъ... Я, кстати, очень хотѣлъ бы знать, что такое русскій интеллигентъ? Точно главные ваши вожди къ интеллигенціи не принадлежатъ? Обычно русскую интеллигенцію дѣлятъ довольно произвольно, и каждый лагерь — вашъ въ особенности — беретъ то, что ему нравится. Казалось бы, всю рускую цивилизацію создала русская интеллигенція.

Федосьевъ опять засмѣялся.

— Петръ, напримѣръ? — спросилъ онъ. — Правда, типичный интеллигентъ? А онъ вѣдь принималъ участіе въ созданіи русской цивилизаціи... Любилъ ли онъ ее или нѣтъ, любилъ ли вообще Россію, твердо ли вѣрилъ въ нее и въ свое дѣло, — нашъ голландскій императоръ, — это другой вопросъ. Говорилъ, по должности, разныя хорошія слова, но... Я шучу, конечно, какое можетъ быть сомнѣніе въ самоотверженномъ патріотизмѣ Петра? Вамъ не приходилось читать его послѣдніе указы? Они удивительны... Въ нихъ такая

душевная тоска и невѣріе, чуть только не безнадежность... Подумайте, и этакій великанъ у насъ усталъ! Должно быть, у Петра подъ конецъ жизни немного убавилось вѣры... Во все убавилось, даже въ науку, которую онъ такъ трогательно любилъ. Вѣдь этотъ геніальный деспотъ былъ, собственно, первымъ человѣкомъ восемнадцатаго столѣтія, — пожалуй, больше, чѣмъ Вольтеръ... А вотъ на европейца все-таки не очень походилъ. Я думаю, его любимые голландцы на этого Саардамскаго плотника смотрѣли съ большой опаской... Переодѣваться въ чужое платье мы любили испоконъ вѣковъ. У насъ большинство великихъ людей, отъ Грознаго до Толстого, обожало духовные маскарады. Москвичей въ Гарольдовомъ плащѣ въ нашей исторіи не перечесть. Вотъ только мода на плащи мѣняется...

— Никакъ я не предполагалъ, — сказалъ Браунъ, — что у людей власти можетъ быть такъ развито чувство ироніи, какъ у васъ.

— Чувство ироніи? — переспросилъ Федосьевъ. — Не скажу, что это смѣхъ сквозь слезы, ужъ очень было бы плоско. Что дѣлать? И для смѣха, и для слезъ у насъ теперь достаточно основаній. Но для слезъ основаній много больше

Они помолчали.

— Только въ Россіи и можно понять, что такое рокъ, — сказалъ Браунъ. — Вы говорите, мы гибнемъ. Возможно... Во всякомъ случаѣ спорить не буду. Но отчего гибнемъ, не знаю. По совѣсти, я никакого раціональнаго объясненія не вижу. Такъ, въ свое время, читая Гиббона, я не могъ понять, почему именно погибъ великій Римъ... Должно быть, и передъ его гибелью люди испытывали такое же странное, чарующее чувство. Есть рѣдкое обаяніе у великихъ обреченныхъ цивилизацій. А наша — одна изъ величайшихъ, одна изъ самыхъ

необыкновенныхъ... На меня, послѣ долгаго отсутствія, Россія дѣйствуетъ очень сильно. Особенно Петербургъ... Я хорошо знаю самые разные его круги. Многое можно сказать, — очень многое, — а все же такой удивительной, обаятельной жизни я нигдѣ не видѣлъ. Вѣроятно, никогда больше и не увижу. Да и въ исторіи, думаю, такую жизнь знали немногія поколѣнія... Я порою представляю себѣ Помпею въ ту минуту, когда вдали, надъ краемъ кратера, показалась первая струя лавы.

— Съ той разницей однако, что изверженіе вулкана внѣ человѣческой воли и власти. У насъ еще, пожалуй, все можно было бы спасти...

— Чѣмъ спасти? Князь Горенскій, можетъ быть, и глупъ, но противопоставить ему у васъ, повидимому, нечего... Для власти всякій энтузіазмъ пригоденъ, кромѣ энтузіазма нигилистическаго. За Горенскаго, по крайней мѣрѣ, исторія... Вѣдь вы не думаете, что все можно было бы спасти «миѳологіей отвѣтственнаго министерства»?

— Какъ вамъ сказать? Я не отрицаю, что это одинъ изъ выходовъ. Однако, есть еще и другой... Трудно спорить, конечно, съ исторіей, съ міромъ. Но мой опытъ — по совѣсти, немалый — говоритъ мнѣ, что устрашеніемъ и твердостью можно добиться отъ людей всего, что угодно.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Отчего не добились?

Федосьевъ развелъ руками.

— Какая же у насъ твердость, Александръ Михайловичъ. Да у насъ и власти нѣтъ, у насъ не правительство, а пустое мѣсто!

— Плохо дѣло, вы правы... Фридрихъ-Вильгельмъ жаловался на Лейбница: «пустой человѣкъ, не умѣетъ стоять на часахъ!» Никто не требуетъ отъ нашихъ министровъ, чтобъ они были

непремѣнно Лейбницами. Но хоть бы на часахъ умѣли стоять!.. Впрочемъ, можетъ быть, васъ призовутъ въ послѣднюю минуту?

— Поздно будетъ, — сказалъ Федосьевъ. — Да и не призовутъ, Александръ Михайловичъ, — добавилъ онъ, помолчавъ, — вы напрасно шутите. Мое положеніе и то очень поколеблено, — у журналистовъ спросите. Не сегодня-завтра уволятъ...

Дверь открылась. Кондукторъ спросилъ билеты и съ поклономъ поспѣшно вышелъ.

— Ну, а какъ же на западѣ, Александръ Михайловичъ? — спросилъ Федосьевъ, взглянувъ на часы. — Иногда меня беретъ сомнѣніе: много ли прочнѣе и западъ? Вдругъ и въ Европѣ рѣшительно все возможно? Вы какъ думаете? Я Европу плохо знаю. Вѣдь и тамъ революціонныя партіи хорошо работаютъ?.. Вы ко всему этому не близко стояли?

— Къ чему?

— Къ работѣ революціонныхъ партій. Наблюдали?

Браунъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и съ насмѣшкой.

— Конечно, какъ тутъ отвѣтить? — пріятно улыбнувшись, сказалъ, послѣ недолгаго молчанія, Федосьевъ. — Если и стояли близко, то не для того, чтобъ объ этомъ разсказывать?

— Особенно государственнымъ людямъ, — съ такой же улыбкой произнесъ Браунъ.

— О, я вѣдь говорю только о наблюденіи, притомъ объ иностранныхъ революціонныхъ партіяхъ: ихъ дѣятельность меня мало касается... Не настаиваю, конечно... Не скрою отъ васъ впрочемъ, что нѣкоторые изъ вашихъ научныхъ сотрудниковъ меня интересовали и, такъ сказать, по дѣламъ службы... Да вотъ хотя бы дочь этого не-

счастнаго Фишера, о которомъ теперь такъ много пишутъ, она вѣдь у васъ работала, — быстро сказалъ Федосьевъ, взглянувъ на Брауна, и тотчасъ продолжалъ. — Приходилось мнѣ слышать и о вашемъ политическомъ образѣ мыслей, — вы изъ него не дѣлаете тайны... И, признаюсь, я нѣсколько удивлялся.

— Можно узнать, почему? Тайны я не дѣлаю никакой. Кое-что и писалъ... Не знаю, видѣли ли вы мою книгу «Ключъ»? Она была передъ войной напечатана, впрочемъ, лишь въ отрывкахъ.

— Я отрывокъ читалъ... Правда, это работа скорѣе философскаго характера? Надѣюсь, вы пишете дальше? Было бы крайне обидно, если-бъ такое замѣчательное произведеніе осталось незаконченнымъ... Не благодарите, я говорю совершенно искренно... Удивленъ же я былъ потому, что, хотя по должности я, кажется, не могу быть причисленъ къ передовымъ людямъ, но съ мыслями вашихъ статей согласенъ — не говорю, цѣликомъ, но, по меньшей мѣрѣ, на три четверти.

— Я очень радъ, — сказалъ, кланяясь съ улыбкой, Браунъ.—Поистинѣ это подтверждаетъ ваши слова о томъ, что въ Россіи юристы не вѣрятъ въ законъ, капиталисты—въ право собственности, и т. д. Впрочемъ, я всегда думалъ, что государственные люди позволяютъ себѣ роскошь имѣть два сужденія: въ политической работѣ и въ частной жизни. И ни одинъ искренній политическій дѣятель противъ этого возражать не будетъ...

— Вы думаете? Однако, возвращаюсь къ вамъ. Съ взглядами, изложенными въ вашихъ статьяхъ, конечно, трудно править государствомъ, но участвовать въ революціи, по моему, еще труднѣе.

Впереди прозвучалъ свистокъ локомотива. На лицѣ Федосьева скользнула досада. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Сквозь запотѣвшія стекла стали

чаще мелькать огни, показались вереницы пустыхъ вагоновъ.

— Вотъ и Царское, — сказалъ съ сожалѣніемъ Федосьевъ, протирая перчаткой запотѣвшее стекло. — Такъ и не удалось побесѣдовать съ вами... До другого раза, — добавилъ онъ полувопросительно и, переждавъ немного, спросилъ: — Не сдѣлаете ли вы мнѣ удовольствіе какъ-либо пообѣдать со мной или позавтракать?

— Къ вашимъ услугамъ. Спасибо.

— Вотъ и отлично... Вамъ все равно, у меня или въ ресторанѣ? Если, конечно, обѣдъ у меня не слишкомъ повредитъ вашей репутаціи, — сказалъ, улыбаясь, Федосьевъ.

— Мнѣ все равно.

— Очень хорошо... Я васъ предувѣдомлю заблаговременно...

Онъ всталъ, простился съ Брауномъ и, опираясь на палку, вышелъ на площадку вагона. Поѣздъ съ протяжнымъ свисткомъ остановился. Федосьевъ нетерпѣливо надавилъ ручку тяжело поддававшейся двери. Вѣтеръ рванулъ сбоку, слѣпя глаза Федосьеву. Онъ, ежась, надвинулъ плотнѣе мѣховую шапку и осторожно сошелъ по мерзлымъ ступенямъ на слабо освѣщенный перронъ. Шелъ снѣгъ крупными тающими хлопьями. Носильщикъ бѣжалъ вдоль поѣзда, вглядываясь въ выходившихъ пассажировъ. Въ окнахъ вокзала свѣтились рѣдкіе огни. Гдѣ-то впереди рвались красныя искры. За ними все утопало въ темнотѣ.

XXVI.

— Такъ ты заѣдешь къ Нещеретову? — значительнымъ тономъ спросила въ передней мужа Тамара Матвѣевна. — Пожалуйста, не забудь: въ

любой день, кромѣ среды на будущей недѣлѣ. Не забудь также сказать о нашемъ спектаклѣ... Можетъ быть, ему будетъ интересно...

— Да, да, я не забуду, — съ легкимъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Кременецкій, надѣвая шубу. Тамара Матвѣевна оправила на немъ воротникъ и поцѣловала мужа въ подбородокъ.

— Застегнись, ради Бога, ужасная погода. Теперь у всѣхъ въ городѣ гриппъ...

— Пустяки... До свиданья, золото...

Раздался звонокъ. Горничная открыла дверь и впустила людей, которые, тяжело ступая, внесли въ переднюю какую-то огромную деревянную штуку.

— Это еще что? — съ неудовольствіемъ спросилъ Семенъ Исидоровичъ, глядя на некланявшихся, угрюмыхъ носильщиковъ, топтавшихъ и пачкавшихъ мокрыми сапогами аккуратную дорожку на бобрикѣ передней.

— Ахъ, это рама, — заторопившись, сказала Тамара Матвѣевна. — Это для нашего спектакля. Пройдите, пожалуйста, туда... Маша, проводите же ихъ...

Семенъ Исидоровичъ слегка пожалъ плечами и направился къ двери, съ демонстративной досадой обходя носильщиковъ, какъ если-бы они совершенно загораживали выходъ. Спектакль устраивался съ разрѣшенія и даже съ благословенія главы дома; однако Кременецкій всегда въ подобныхъ случаяхъ принималъ такой тонъ, точно всѣ приготовленія очень ему мѣшали и были вдобавокъ совершенно ненужны: спектакль могъ отлично устроиться самъ собою. Семенъ Исидоровичъ слѣдовалъ этому тону больше по привычкѣ, но Тамара Матвѣевна невольно ему поддавалась и чувствовала себя виноватой.

Своей быстрой походкой энергичнаго дѣлового человѣка Кременецкій спустился по лѣстницѣ. На улицѣ онъ съ обычнымъ удовольствіемъ окинулъ хозяйскимъ взглядомъ лошадей, кивнулъ женѣ, смотрѣвшей на него изъ освѣщеннаго окна, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру:

— Съ Богомъ!..

Визитъ къ Нещеретову, котораго онъ долженъ былъ пригласить на обѣдъ, былъ не совсѣмъ пріятенъ Семену Исидоровичу. Донъ-Педро не ошибался: Кременецкій дѣйствительно подумывалъ о томъ, что хорошо было бы Мусѣ выйти замужъ за Нещеретова. Семенъ Исидоровичъ, однако, не подозрѣвалъ, что эти его тайные планы могутъ быть кому бы то ни было извѣстны. И вправду трудно было понять, откуда пошелъ о нихъ слухъ: ничего для осуществленія своей мысли Кременецкій еще не сдѣлалъ, да и самая мысль была довольно смутной. Семенъ Исидоровичъ въ глубинѣ души нѣсколько ея стыдился, хотя Нещеретовъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ блестящей партіей. Развѣ только по годамъ онъ не совсѣмъ подходилъ для Муси. Ему было лѣтъ тридцать восемь, а то и всѣ сорокъ. Но разница въ возрастѣ въ пятнадцать, даже въ двадцать лѣтъ между мужемъ и женой была довольно обычнымъ явленіемъ, и къ рано женящимся мужчинамъ въ Петербургѣ относились шутливо, особенно въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ Кременецкій. Сама Муся постоянно говорила, что для нея мужчины моложе тридцати лѣтъ «вообще не существуютъ»: она и называла ихъ пренебрежительно мальчишками. Семенъ Исидоровичъ отлично зналъ, что женитьба Нещеретова на Мусѣ вызвала бы въ ихъ кругу взрывъ зависти. Это было пріятно. Съ особеннымъ удовольствіемъ Кременецкій представлялъ себѣ лицо Меннера, когда онъ получитъ французскую кар-

точку съ извѣщеніемъ о помолвкѣ Муси. И все-таки Семену Исидоровичу было немного совѣстно.

«Человѣкъ съ положеніемъ Нещеретова не можетъ не имѣть враговъ и завистниковъ, все равно какъ я. Это болѣе чѣмъ естественно при его сказочномъ богатствѣ», — думалъ Кременецкій.—«Но ничего плохого никто о немъ сказать не можетъ»...

Нещеретовъ вышелъ въ большіе люди лишь въ послѣднее время, особенно со второго года войны, на которой онъ наживалъ огромныя деньги. Говорили, что онъ з а р а б а т ы в а л ъ не менѣе милліона рублей въ мѣсяцъ, — счетъ его доходамъ велся уже не по годамъ, а по мѣсяцамъ. Дѣла у него были самыя разнообразныя. Онъ изготовлялъ снаряды, пріобрѣталъ и перепродавалъ нефтяныя, суконныя, металлургическія предпріятія, скупалъ дома цѣлыми кварталами, имѣлъ въ какомъ-то банкѣ «контрольный пакетъ» (слова «контрольный пакетъ» произносились не очень освѣдомленными людьми съ нѣкоторымъ испугомъ, — совсѣмъ же неосвѣдомленные не сразу могли догадаться, что это такое). Каждый день приносилъ новыя извѣстія о Нещеретовѣ. Послѣднее изъ нихъ заключалось въ томъ, что онъ хочетъ играть политическую роль. Это, впрочемъ, особеннаго удивленія въ обществѣ не вызывало: какъ разъ въ то время чуть ли не всѣ петербургскіе банкиры и промышленники почему-то стали подумывать о политической роли, — открывали политическіе салоны, покупали газеты, финансировали разныя партіи или давали взаймы деньги вліятельнымъ людямъ.

— Для Нещеретова выбросить милліонъ-другой на газету все равно, что, напримѣръ, мнѣ, рабу Божьему, дать на общественное дѣло десять или двадцать тысячъ рублей,—скромно, но съ сознаніемъ собственнаго своего немалаго положенія, говорилъ накапунѣ въ обществѣ по поводу

этого слуха Семенъ Исидоровичъ. — Я знаю изъ достовѣрнаго источника, что онъ давно перевалилъ за пятьдесятъ милліоновъ. Скоро его и за сто не купишь. Время деньгу даетъ...

Слышавшій его слова старый финансовый тузъ немедленно изобразилъ на лицѣ насмѣшливую улыбку: давніе петербургскіе богачи вообще съ подчеркнутой ироніей относились къ Нещеретову, къ его дѣламъ и богатству.

— Помяните мое слово, — сказалъ довѣрительнымъ тономъ финансистъ, — этотъ блефферъ кончитъ крахомъ и страшнѣйшимъ скандаломъ. У него пассивъ превышаетъ активъ и, если какъ слѣдуетъ разобраться, то ни гроша за душою.

Семенъ Исидоровичъ однако ясно чувствовалъ, что его собесѣдникъ самъ не вполнѣ увѣренъ въ своей иронической улыбкѣ и что за ней скрывается тревожная мысль: «Чортъ его знаетъ, можетъ, блефферъ, а можетъ, и не блефферъ: вдругъ и въ самомъ дѣлѣ пятьдесятъ милліоновъ?.. Теперь все возможно»... (Фразу «теперь все возможно» по самымъ разнымъ поводамъ произносили въ последнее время всѣ). Люди, не принадлежавшіе къ финансовому міру, но тѣсно съ нимъ соприкасавшіеся, какъ Кременецкій, плохо вѣрили, что можно, не имѣя ни гроша, скупать десятками дома и заводы.

О Нещеретовѣ по столицѣ ходило много анекдотовъ. Въ прежнія времена ихъ охотно повторялъ и самъ Семенъ Исидоровичъ. Теперь это было ему непріятно и, слушая такіе разсказы, онъ снисходительно смѣялся, а затѣмъ увѣренно заключалъ: «Разумѣется, это вздоръ! Нещеретовъ культурнѣйшій человѣкъ, европеецъ въ полномъ смыслѣ слова. Однако, se non è vero»...

Нещеретовъ и въ самомъ дѣлѣ былъ европейцемъ. Происхожденія онъ былъ довольно темнаго,

но говорилъ прилично на трехъ языкахъ, прекрасно одѣвался, брилъ усы и бороду, занимался боксомъ, фехтованіемъ и другими видами спорта, мало принятыми въ Россіи. «Нѣтъ, плохого ничего нѣтъ. Это во всякомъ случаѣ человѣкъ съ большими достоинствами»...—неувѣренно думалъ Кременецкій. — «Да, конечно, онъ страшно богатъ, но, слава Богу, я не продаю Мусю... Мы выше злобствованій разныхъ клеветниковъ и завистниковъ, на нихъ нечего обращать вниманіе. Муся и сама не бѣдна. Хотя, конечно, что такое ея приданое по сравненію съ этимъ сказочнымъ богатствомъ»...

Кременецкій разсчитывалъ дать дочери въ приданое сто тысячъ рублей, а, если она выйдетъ еще не скоро, то и двѣсти, — разумѣется не такъ, просто, наличными на руки мужу, а закрѣпивъ и обезпечивъ за Мусей деньги. Это была немалая сумма, и доходъ съ нея могъ быть прекраснымъ подспорьемъ для молодой четы. Семенъ Исидоровичъ съ гордостью вспоминалъ, что самъ онъ женился, ничего не имѣя, на дѣвушкѣ безъ состоянія, — вначалѣ имъ приходилось довольно туго. «Да, прекрасное подспорье, но жить на это нельзя, по крайней мѣрѣ такъ, какъ Муся привыкла жить у меня»,—подумалъ онъ, хотя, собственно, Муся не могла привыкнуть у него къ роскошной жизни: Семенъ Исидоровичъ еще не очень давно былъ небогатымъ человѣкомъ; его образъ жизни лишь въ послѣдніе годы сталъ быстро мѣняться въ сторону все большей роскоши. Никоновъ острилъ даже, что къ сорокапятилѣтію Тамары Матвѣевны мужъ купилъ ей фамильное серебро, — эта шутка стоила бы должности Григорію Ивановичу, если-бъ стала извѣстна его патрону. «Для Нещеретова и сто, и двѣсти тысячъ ровно ничего не составляютъ. Ему, разумѣется, ничего не надо

было бы дать, просто смѣшно было бы», — сказалъ себѣ Кременецкій. Но это соображеніе не имѣло для него значенія: Семенъ Исидоровичъ не былъ скупъ. «Да, безспорно Нещеретовъ замѣчательный человѣкъ... Онъ будетъ когда-нибудь министромъ и, быть можетъ, скоро... Чѣмъ теперь чортъ не шутитъ!»

Нещеретовъ держался значительно болѣе правыхъ взглядовъ, чѣмъ Семенъ Исидоровичъ. Однако это обстоятельство было скорѣе пріятно Кременецкому. Онъ даже хотѣлъ бы, чтобы его зять дѣлалъ «бюрократическую карьеру». У нѣкоторыхъ людей, близкихъ по кругу и по взглядамъ Семену Исидоровичу, были родственники съ немалымъ служебнымъ и даже придворнымъ положеніемъ, но родство съ ними только увеличивало престижъ этихъ людей.

«Разумѣется, не въ деньгахъ счастье и Муся нуждаться у меня не будетъ... Главное, чтобъ они понравились другъ другу... Но развѣ такой ребенокъ, какъ Муся, можетъ знать цѣну людямъ, можетъ разбираться въ чувствахъ?.. И развѣ она понимаетъ, какъ скрашиваетъ жизнь богатство», — думалъ Кременецкій съ легкой, чуть-горькой, чуть-растроганной, улыбкой человѣка, который не отказался отъ идеаловъ молодости, но, умудренный жизнью, научился дѣлать къ нимъ поправки. Хотя Семенъ Исидоровичъ часто съ умиленіемъ говорилъ о золотыхъ дняхъ юности и о радужной веснѣ жизни, онъ былъ теперь гораздо самоувѣреннѣе и потому счастливѣе, чѣмъ въ молодые годы. Искренно любя дочь, Кременецкій не могъ не желать ей выйти замужъ за богача. «Конечно, все это въ сущности еще вилами по водѣ писано... Муся для него приличная партія и только. Можетъ, онъ княжну ищетъ», — съ непріязненнымъ чувствомъ подумалъ Семенъ Исидоровичъ. —

«Отъ обѣда онъ, конечно, не откажется... А вдругъ откажется?»—мелькнула у него тревожная мысль. Очень это досадно, что онъ какъ разъ уѣхалъ въ Москву, когда у насъ былъ раутъ... Нѣтъ, отъ обѣда онъ не можетъ отказаться»...

Эти соображенія и то, что въ связи съ ними требовалось дѣлать, были непріятны Кременецкому: такъ все это не походило на его обычныя мысли и занятія. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Тамара Матвѣевна знала о планахъ мужа, думала о нихъ точно такими же мыслями, какъ онъ, и умилялась, что столь замѣчательный человѣкъ входитъ въ дѣла, вполнѣ доступныя ея собственному разуму. Она первая и навела мужа на эти мысли, сказавъ ему вскользь послѣ какого-то вечера, что Муся, кажется, очень нравится Нещеретову. По настоящему они, однако, объ этихъ планахъ никогда не говорили.

Дня за два до того Кременецкимъ во время обѣда принесли отъ Нещеретова билеты на концертъ, устраиваемый въ пользу благотворительнаго общества, во главѣ котораго онъ стоялъ. Тамара Матвѣевна такъ поспѣшно и съ такимъ значительнымъ видомъ предложила послать двѣсти рублей, что Семенъ Исидоровичъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость. Обычно въ подобныхъ случаяхъ они давали отъ десяти до пятидесяти рублей, въ зависимости отъ того, кто присылалъ билеты. Кременецкій, однако, немедленно согласился съ женой, быстро перевелъ разговоръ на другой предметъ и послѣ завтрака, не глядя на Тамару Матвѣевну, далъ ей для отсылки двѣ сторублевыхъ ассигнаціи.

Муся лишь чуть замѣтно улыбнулась при этомъ разговорѣ. Ей родители о замужествѣ вообще никогда не говорили. У нихъ давно было рѣшено,

что, если заговорить съ Мусей о томъ, какъ выдать ее замужъ, то произойдетъ нѣчто страшное, — настолько далека дѣвочка отъ такихъ мыслей. Въ дѣйствительности Муся немедленно догадывалась о семейныхъ планахъ, но не показывала вида, что догадывается: такъ было удобнѣе и спокойнѣе. Она очень трезво съ разныхъ сторонъ обдумывала всякую намѣчавшуюся у родителей комбинацію. Нещеретовъ не нравился ей, и не былъ ей противенъ. Однако эти планы сразу показались Мусѣ несерьезными, и она почти не остановилась на нихъ въ воображеніи. Ей даже захотѣлось было сказать отцу, чтобы онъ не тратилъ даромъ времени. Но такое замѣчаніе очевидно открыло бы возможность разныхъ ненужныхъ и непріятныхъ разговоровъ и сразу вывело бы ее изъ удобной роли дѣвочки, стоящей безконечно далеко отъ подобныхъ дѣлъ. Муся ничего не сказала.

XXVII.

Сани съѣхали на мостъ, стукъ копытъ лошадей сталъ звучнѣе и отчетливѣе. Подуло холодомъ. Семенъ Исидоровичъ, ежась и прижимая руки къ груди, плотнѣе запахнулъ шубу и окинулъ взглядомъ сверкавшіе огнями дворцы, испытывая, какъ всегда, привычное петербуржцамъ чувство гордости столицей и Невою. Кременецкій жилъ въ большой квартирѣ, въ одной изъ хорошихъ частей города, но мечтой его было поселиться на набережной въ собственномъ домѣ. Лѣтъ черезъ пять эта мечта могла осуществиться: дѣла Семена Исидоровича шли все лучше. Мысли Кременецкаго перешли на новый предметъ, на дѣло о смерти Фишера, которое очень его занимало. До вру-

ченія Загряцкому обвинительнаго акта было далеко, вопросъ о защитникѣ еще и не ставился. Семенъ Исидоровичъ достаточно часто выступалъ въ сенсаціонныхъ процессахъ. Но почему-то это дѣло чрезвычайно его увлекало. Улики противъ Загряцкаго, извѣстныя Кременецкому изъ газетныхъ сообщеній, казались ему не слишкомъ тяжелыми. При чтеніи газетъ у Семена Исидоровича невольно складывался планъ защиты. Въ послѣдніе дни онъ не разъ подолгу возвращался мысленно къ этому дѣлу, точно Загряцкій уже пригласилъ его въ защитники. Въ жизни Кременецкаго, какъ у многихъ дѣловыхъ и занятыхъ людей, праздныя мечтанія занимали немало мѣста.

Большая публика, постоянно встрѣчая имя Кременецкаго въ газетахъ, относила Семена Исидоровича къ верхамъ столичной адвокатуры. Въ адвокатскихъ кругахъ, однако, знали, что онъ къ настоящимъ верхамъ не принадлежитъ и, конечно, никогда принадлежать не будетъ. Наиболѣе заслуженные, выдающіеся адвокаты считали его краснорѣчіе нѣсколько провинціальнымъ по тону и относились къ нему иронически. Но одно свойство его таланта, — мастерство и блескъ характеристикъ,— признавали всѣ второстепенные адвокаты. Семенъ Исидоровичъ очень любилъ свою признанную особенность и порою, въ застольныхъ рѣчахъ или въ разговорахъ, скромно вскользь упоминалъ о своихъ «судебныхъ характеристикахъ, къ которымъ такъ незаслуженно-благосклонно относятся товарищи, равно какъ и нѣкоторые наши виднѣйшіе судьи, мнѣніе которыхъ мнѣ особенно дорого». Или говорилъ о томъ, что онъ «обычно, — по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ дѣлахъ — исходилъ не столько изъ фактовъ, сколько изъ образовъ». Этихъ образовъ онъ собственно почти не выдумывалъ, онъ какъ-то безсознательно ихъ за-

имствовалъ изъ неизвѣстно кѣмъ составленной сокровищницы, къ которой имѣлъ доступъ.

Такъ и при первомъ знакомствѣ съ дѣломъ Загряцкаго образы у Семена Исидоровича намѣтились сами собой и мгновенно облеклись въ надлежащую словесную форму. Загряцкій былъ «выходецъ отжившаго класса, человѣкъ ушибленный жизнью, однако не лишенный благородныхъ зачатковъ, слабый, безвольный, безхарактерный тунеядецъ — да, если угодно, туне-ядецъ, господа присяжные, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого стараго, прекраснаго нашего слова, человѣкъ втунѣ вкушающій хлѣбъ, втунѣ коротающій никому ненужные дни, человѣкъ втунѣ живущій, не знающій цѣли жизни, чуждый ея высшимъ запросамъ, — но не убійца, нѣтъ, не убійца, кто угодно, что угодно, но не убійца, нѣтъ — и тысячу разъ нѣтъ, господа судьи, господа присяжные засѣдатели!»... Противоположностью Загряцкому былъ Фишеръ, «энергичный, самоувѣренный, боевой дѣлецъ, стрэгльфорлайферъ западной складки, европеизированный или точнѣе американизированный Колупаевъ, старый русскій Колупаевъ въ новомъ видѣ, выбритый, надушенный, отесанный, но зато и лишившійся того немногаго, что было цѣнно, что было привлекательно въ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, — ихъ здоровья, ихъ силы, происходящей отъ близости къ толщѣ народной, — да, надвигающійся на насъ, грозный, интернаціональный, я чуть было не сказалъ — космическій, Колупаевъ, скрывающій подъ безукоризненнымъ фракомъ, подъ бѣлоснѣжной манишкой гдѣ-то въ глубинѣ заложенный очагъ душевнаго гніенія»... Все это предполагалось ярко развить и разработать. Загряцкій былъ «чичероне Фишера въ вихрѣ столичнаго разгула, въ пьяномъ угарѣ кутежей, своего рода Виргилій при этомъ малопривлекательномъ

Данте», — съ горькой усмѣшкой говорилъ на судѣ Кременецкій, — «да проститъ мнѣ неподобающее сравненіе тѣнь великаго поэта»...

Здѣсь Семенъ Исидоровичъ предполагалъ нарисовать мрачную картину столичнаго притона, квартиры, въ которой былъ найденъ убитымъ Фишеръ, изобразить въ соотвѣтственныхъ тонахъ и въ допустимыхъ предѣлахъ то, что тамъ происходило и что, «словно въ насмѣшку надъ священной колыбелью человѣческой культуры, надъ сокровищницей свѣтлаго духа Эллады, называлось афинскими вечерами». Затѣмъ онъ переходилъ отъ образовъ къ разбору уликъ. Въ этой части его рѣчи тонъ долженъ былъ совершенно перемѣниться; онъ становился строго дѣловымъ и лишь порою негодующе-ироническимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало коснуться результатовъ слѣдствія. Разбирая одну за другой всѣ улики противъ Загряцкаго, Кременецкій отказывался заниматься вопросомъ, кто убилъ. Онъ только бросалъ самые общіе намеки. Убить Фишера могла въ порывѣ отчаянія одна изъ женщинъ, которыхъ онъ лишалъ образа и подобія человѣческаго, могъ убить его на почвѣ мести, ревности, денежныхъ разсчетовъ или шантажа сутенеръ, приведенный женщинами. «Что сдѣлало слѣдствіе въ этомъ направленіи, господа судьи? Ничего, ничего — и трижды ничего!..»

Наконецъ въ заключеніе Кременецкій хотѣлъ бы осторожно, но достаточно ясно коснуться общественно-политической стороны дѣла объ убійствѣ Фишера. «Эта бульварная драма могла разыграться лишь въ нездоровой общественной атмосферѣ, которою, увы! все больше живетъ, все тяжелѣе дышетъ градъ Петра и даже вся наша многострадальная родина, господа присяжные засѣдатели» (Семенъ Исидоровичъ имѣлъ въ виду

Распутинщину). Здѣсь явно нуженъ былъ особый ритмъ, мощный подъемъ рѣчи. Семенъ Исидоровичъ часто называлъ себя послѣдователемъ Плевако, что чрезвычайно раздражало людей, которые Плевако знали и слышали. Въ разговорахъ о своемъ «учителѣ» Кременецкій всегда закатывалъ глаза и называлъ его по имени-отчеству «Федоръ Никифоровичъ», — все равно какъ люди говорятъ просто «Левъ Николаевичъ». Ритмъ конца своей рѣчи Кременецкій намѣчалъ въ духѣ знаменитѣйшихъ рѣчей Плевако. Особенно нравилось ему: «Выше, выше стройте стѣны, дабы не видно было совершающихся за стѣнами дѣлъ!» — именно что-либо такое слѣдовало бы пустить и здѣсь. Но Семену Исидоровичу и въ мечтахъ еще было неясно, какія тутъ могли бы быть стѣны и кому собственно надлежало ихъ строить. Кромѣ того обличительное заключеніе рѣчи зависѣло и отъ того, кто будетъ предсѣдательствовать. «Если Горностаевъ, то не очень разговоришься», — подумалъ огорченно Кременецкій.

Замечтавшійся Семенъ Исидоровичъ вдругъ съ досадой вспомнилъ, что дѣла этого онъ еще не получилъ и, весьма возможно, не получитъ, — легко могла пропасть даромъ вся потраченная работа мысли и художественнаго инстинкта. Недовольно морща лобъ, Кременецкій взглянулъ на часы. Дни Семена Исидоровича были строго распредѣлены въ записной книжкѣ по часамъ, если не по минутамъ, и эта перегруженность дѣлами, приводившая въ отчаянье Тамару Матвѣевну, составляла одну изъ главныхъ радостей его жизни: лѣтомъ на курортахъ послѣ недѣли-другой отдыха онъ неизмѣнно начиналъ скучать.

Въ этотъ день Кременецкій не выступалъ ни въ судѣ, ни въ сенатѣ. Онъ все утро дома принималъ кліентовъ, затѣмъ послѣ завтрака долго работалъ

со своимъ помощникомъ Фоминымъ, котораго онъ цѣнилъ больше, чѣмъ Никонова. Семенъ Исидоровичъ былъ увѣренъ, что помощники боготворятъ его, и тонъ Фомина въ дѣловыхъ разговорахъ поддерживалъ въ Кременецкомъ эту увѣренность. Впрочемъ, Фоминъ дѣйствительно отдавалъ должное ораторскому таланту и познаніямъ Кременецкаго, а еще больше его умѣнію держать себя съ богатыми кліентами: Семенъ Исидоровичъ, часто выступая безплатно по дѣламъ бѣдныхъ людей, съ богатыхъ бралъ все, что можно было взять; но всегда выходило такъ, точно онъ оказывалъ имъ одолженіе, принимая на себя ихъ дѣла или становясь ихъ юрисконсультомъ.

Закончивъ работу съ Фоминымъ и по случайности располагая двумя часами свободнаго времени до вечерняго пріема, Семенъ Исидоровичъ и рѣшилъ сдѣлать нужный визитъ. Нещеретовъ жилъ въ отдаленной отъ центра части города, что очень огорчало многочисленныхъ маклеровъ, комиссіонеровъ и другихъ людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣла: онъ и свою контору помѣстилъ въ особнякѣ, въ которомъ жилъ. Это было не по европейски и не по американски, но и въ этомъ какъ бы чувствовалось могущество, сознаніе того, что къ нему всѣ пріидутъ куда угодно: не ему нужны люди, а онъ имъ нуженъ. То же ощущеніе большой силы Семенъ Исидоровичъ испыталъ при видѣ двухъэтажнаго дома, передъ которымъ стояло нѣсколько автомобилей и экипажей. «Совсѣмъ министерство, только будочниковъ не хватаетъ», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ. Въ домѣ былъ ярко освѣщенъ весь первый этажъ, въ которомъ помѣщалась контора. «Вѣрно, онъ еще за работой», — сказалъ себѣ Кременецкій, входя въ огромную стеклянную дверь. «Такъ и у Ротшильдовъ на банкѣ нѣтъ никакой вывѣски»...

Внутри тоже было какъ бы министерство: въ залахъ сложнаго устройства, за полированными, краснаго дерева, столами, работали десятки людей; другіе люди въ шубахъ и калошахъ, дожидаясь, сидѣли на скамьяхъ вокругъ мраморныхъ колоннъ; трещали телефоны, стучали пишущія машинки, мальчики пробѣгали изъ одного отдѣленія въ другое. Слѣва изъ-за рѣшетки, на которой была надпись: «Касса № 2», мимо Семена Исидоровича быстро куда-то проскользнула по длинной проволокѣ корзинка съ бумагами. Кассиръ сбоку сердито выкрикнулъ номеръ, такъ что Семенъ Исидоровичъ вздрогнулъ. Какая-то дама сорвалась со скамейки у колонны, взглянувъ на металлическую пластинку въ рукѣ, и поспѣшно направилась къ кассѣ. «А тотъ говоритъ: ни гроша за душою!» — подумалъ благодушно Кременецкій. Онъ спросилъ у служителя въ ливреѣ, какъ пройти въ кабинетъ Аркадія Николаевича, и узналъ, что Нещеретовъ принимаетъ у себя наверху.

— Только ежели вамъ не назначено, то принять не могутъ, — сказалъ швейцаръ, въ тонѣ котораго также чувствовалось могущество фирмы. Сѣдые бобры Кременецкаго, видимо, не произвели на него впечатлѣнія.

Въ это время одинъ изъ главныхъ служащихъ, немного знакомый съ Семеномъ Исидоровичемъ, увидѣвъ его, поспѣшно вышелъ изъ стеклянной камеры, любезно съ нимъ поздоровался и, узнавъ, что онъ по личному дѣлу къ Нещеретову, посовѣтовалъ послать наверхъ визитную карточку.

— Васъ, вѣроятно, Аркадій Николаевичъ приметъ, — сказалъ онъ. Мальчикъ взялъ карточку, которую не безъ тревоги вручилъ ему Кременецкій, и побѣжалъ съ ней изъ залы. Знакомый Кременецкаго, какъ оказалось, состоялъ вице-

директоромъ въ одномъ изъ предпріятій, помѣщавшихся въ этомъ зданіи.

— Да, у васъ настоящее министерство, — сказалъ, улыбаясь, Семенъ Исидоровичъ.

— Въ нынѣшней атмосферѣ лучше работать здѣсь, чѣмъ въ министерствѣ, — сказалъ вице-директоръ, пользуясь случаемъ для того, чтобы поговорить о политическомъ положеніи съ извѣстнымъ адвокатомъ. Слегка понизивъ голосъ, онъ разсказалъ, что на дняхъ собственными глазами видѣлъ записку Распутина, адресованную черезъ просителя одному изъ министровъ: «Милай сдѣлай Григорій».

— Вотъ какъ нынче дѣла дѣлаютъ! Хорошо, правда?

— Да, недурственно, — отвѣтилъ, пожимая плечами, Кременецкій.

Онъ вспомнилъ ходившіе по городу слухи, будто самъ Нещеретовъ не то завязалъ, не то хочетъ завязать связи съ Распутинымъ.

— Положительно надо удивляться слѣпотѣ этихъ людей,—сказалъ онъ.—Вѣдь дошутятся... Шутилъ Мартынъ и свалился подъ тынъ...

— Именно, — подхватилъ вице-директоръ. — Лично я вижу выходъ только въ отвѣтственномъ министерствѣ.

— Во всякомъ случаѣ безъ устраненія всей этой камарильи, безъ привлеченія живыхъ силъ страны... — началъ Семенъ Исидоровичъ, но къ нимъ какъ разъ подбѣжалъ мальчикъ, относившій карточку.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ.

Семенъ Исидоровичъ вздохнулъ съ облегченіемъ: ему было бы неловко и передъ вице-директоромъ, и передъ самимъ собой, если-бъ Нещеретовъ его не принялъ.

— Да, какъ бы не свалились подъ тынъ, ушибиться можно, — сказалъ онъ и, пожавъ руку своему собесѣднику, пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ. Они поднялись во второй этажъ по ярко освѣщенной лѣстницѣ, по сторонамъ которой стояли огромныя фигуры закованныхъ въ латы рыцарей.

XXVIII.

Лакей саженнаго роста по звонку встрѣтилъ съ поклономъ Кременецкаго наверху лѣстницы, проводилъ его въ гостиную, зажегъ огромную хрустальную люстру и попросилъ гостя немного подождать. Эта большая комната была обставлена старинной мебелью. Семенъ Исидоровичъ кивнулъ головой. Онъ твердо отстаивалъ свое право на style moderne, но зналъ, что старинная мебель все же считается выше, и догадывался, въ какія деньги влетѣли Нещеретову эти ободранныя кресла и диваны. Въ домѣ небогатаго человѣка рваный шелкъ, засаленные обюссоны показались бы Кременецкому просто рваными и засаленными; но у такого богача, какъ Нещеретовъ, не могло быть не-настоящей мебели, какъ не могло быть у него дешевыхъ, т. е. дурныхъ, картинъ на стѣнахъ. Семенъ Исидоровичъ старательно залюбовался одной «бержерой», которую безъ большой увѣренности отнесъ къ стилю Louis XVI. Эту «бержеру» онъ предполагалъ особенно выдѣлить и похвалить, если-бъ съ хозяиномъ зашелъ разговоръ о мебели. Кременецкій прошелся раза два по комнатѣ, осмотрѣлъ всѣ картины, подъ которыми можно было кое-какъ разобрать подпись, и затѣмъ сѣлъ въ менѣе ободранное кресло.

Настроеніе у Семена Исидоровича ухудшилось. Его заставляли ждать, отъ чего онъ нѣсколько от-

выкъ. Визитъ внезапно показался ему глупымъ, ненужнымъ, даже нѣсколько унизительнымъ и для него самого, и для Муси, — Кременецкій нѣжно любилъ дочь. «Ну, догадаться онъ, правда, не можетъ», — морщась, подумалъ Семенъ Исидоровичъ. — «Да и не о чемъ ему догадываться, какой вздоръ! Понравятся они съ Мусей другъ другу, — хорошо, а не понравятся, — слава Богу, и безъ Нещеретова проживемъ... Въ концѣ концовъ это все-таки разбогатѣвшій спекулянтъ и только. Торгуетъ Россіей оптомъ и въ розницу»... — сказалъ себѣ Кременецкій, думая съ раздраженіемъ, что ждетъ не менѣе пяти минутъ (на самомъ дѣлѣ онъ ждалъ минутъ десять). Дверь, наконецъ, открылась и на порогѣ появился хозяинъ, странно одѣтый не то въ бѣлый костюмъ, не то въ бѣлье необычнаго вида.

— Очень радъ, прошу меня извинить, — сказалъ онъ, чрезвычайно крѣпко пожимая руку гостю. — Я въ эти часы всегда занимаюсь гимнастикой... Пожалуйте сюда.

Они вошли въ ярко освѣщенную комнату. Семену Исидоровичу бросились въ глаза гири, шары, какія-то странныя сооруженія, и у одного изъ нихъ донъ-Педро, съ пріятной улыбкой протягивавшій Кременецкому обѣ руки. «Этотъ что здѣсь дѣлаетъ?» — съ усилившимся чувствомъ раздраженія подумалъ Семенъ Исидоровичъ. Видъ донъ-Педро былъ ему непріятенъ, — оттого ли, что его заставили ждать ради такого незначительнаго человѣка, или потому, что Альфредъ Исаевичъ былъ этому свидѣтелемъ. Кременецкій сухо поздоровался съ журналистомъ, ничего не отвѣтивъ на его слова: «Вотъ такъ пріятная встрѣча!»...

— Всегда въ эти часы занимаюсь гимнастикой, — повторилъ Нещеретовъ, показывая гостю на стулъ и садясь въ странное сооруженіе: это была

лодочка, поставленная на рельсы, которыя наклонно шли отъ пола почти до потолка комнаты. — Рекомендую и вамъ... Р-разъ!.. — Онъ налегъ на весла, лодочка высоко взлетѣла вверхъ по рельсамъ и затѣмъ плавно спустилась. Кременецкій смотрѣлъ на хозяина съ изумленіемъ. — Два! — съ удовольствіемъ сказалъ Нещеретовъ... — И три!..

Донъ-Педро даже крякнулъ отъ удовольствія. Гимнастика сама по себѣ мало его соблазняла, но ему все нравилось въ томъ, какъ живутъ богачи.

— Это, должно быть, очень здорово, — сказалъ онъ. — Ну, не буду вамъ мѣшать, — добавилъ онъ, вопросительно глядя на хозяина и, видимо, ожидая, что его пригласятъ остаться.

— Я е м у интервью далъ объ англо-русскихъ отношеніяхъ,—сказалъ съ усмѣшкой Нещеретовъ. — Пусть подработаетъ малость...

Непріятное чувство у Семена Исидоровича все росло. Ему было досадно, что донъ-Педро обратился за интервью къ Нещеретову: богатые люди безъ общественно-политическаго ценза не должны были вторгаться въ ту область, которая составляла достояніе верховъ интеллигенціи.

— И чрезвычайно интересное интервью, — подтвердилъ Альфредъ Исаевичъ. — Въ высшей степени конкретное, съ цыфрами и выкладками, ввозъ, вывозъ... Просто удивительно, какъ вы все это помните... Это будетъ интереснѣйшее интервью въ моей коллекціи... Вмѣстѣ съ вашимъ, Семенъ Исидоровичъ, — любезно добавилъ онъ.

— А, у н е г о уже были, — сказалъ Нещеретовъ и снова взлетѣлъ на лодочкѣ. «Однако, довольно неотесанный человѣкъ! Нѣтъ, я не допущу, чтобы Муся за него вышла», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ, точно кто-то другой убѣждалъ его согласиться на этотъ бракъ.—«Надо оставаться въ своемъ кругу... Онъ могъ бы кстати и

гимнастику свою отложить, и переодѣться. Невоспитанный человѣкъ!»

— Такъ я не буду вамъ мѣшать, господа, — повторилъ донъ-Педро. Онъ повернулся бокомъ, откинулъ назадъ голову и, слегка прищурившись, слабо толкнулъ кулакомъ черный резиновый шаръ для бокса, стоявшій на гибкомъ металлическомъ прутѣ. Шаръ отскочилъ, отскочилъ и Альфредъ Исаевичъ.

— Очень здорово, — подтвердилъ довольный донъ-Педро. — Ну, мнѣ пора въ редакцію. Еще разъ спасибо отъ имени нашей газеты.

— Только одно, ничего не привирать въ интервью, — сказалъ съ усмѣшкой Нещеретовъ. — Отъ себя что хотите, а за меня ужъ, пожалуйста, собственными моими словами.

Альфредъ Исаевичъ слегка засмѣялся. Видимо, и его немного покоробило это замѣчаніе.

— Будьте спокойны. Точность информаціи принадлежитъ къ лучшимъ традиціямъ нашей газеты.

Онъ простился и вышелъ почему-то на цыпочкахъ, плотно притворивъ за собой дверь.

— Хорошъ гусь! — сказалъ хозяинъ, выходя изъ лодочки и вытирая лобъ полотенцемъ. — Они-то создаютъ репутаціи... Такъ онъ и у васъ былъ за интервью?

— Да, полчаса отнялъ, злодѣй. Но какъ отъ нихъ отдѣлаешься?

— Шестая держава, — подтвердилъ хозяинъ, садясь. — Вы меня, пожалуйста, извините, что такъ васъ принимаю. Я человѣкъ привычекъ. Чаю не прикажете ли? Ваша супруга какъ изволитъ поживать?

— Тамара Матвѣевна? Слава Богу, здорова, — отвѣтилъ Семенъ Исидоровичъ.

— А Марья Семеновна все хорошѣетъ, — сказалъ, улыбаясь, Нещеретовъ. — Имѣлъ удовольствіе ее видѣть въ театрѣ, на «Борисѣ Годуновѣ». Хорошъ Шаляпинъ, охъ, хорошъ!

— Федоръ Иванычъ? — небрежно вставилъ Семенъ Исидоровичъ. — Да, другого такого днемъ съ огнемъ не сыщешь. Здѣсь въ искусствѣ предѣлъ, его же не прейдеши. Онъ у насъ на дняхъ былъ и пѣлъ, пѣлъ, какъ сорокъ тысячъ сиренъ. Жаль, что васъ не было въ Питерѣ.

— Да, я въ Москву уѣзжалъ. Оппозицію всю московскую видѣлъ, будущее наше правительство. Что-жъ, дай имъ Богъ! Дѣло говорятъ люди... Не во всемъ, разумѣется...

Чувство обиды у Семена Исидоровича понемногу прошло, особенно послѣ того, какъ Нещеретовъ сразу и очень охотно принялъ приглашеніе на обѣдъ. Разговоръ сталъ весьма пріятнымъ. Семенъ Исидоровичъ нашелъ случай вскользь и кстати упомянуть о близкомъ своемъ знакомствѣ съ извѣстнѣйшими политическими дѣятелями, давъ понять, какъ высоко они его цѣнятъ. Нещеретовъ, внимательно его слушавшій, тоже зналъ этихъ людей. Его замѣчанія о нихъ показались Кременецкому неожиданными, но вѣрными и мѣткими. «Очень неглупый все-таки человѣкъ, надо ему отдать справедливость», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ. Онъ замѣтилъ, что объ этихъ дѣятеляхъ, лѣвыхъ и правыхъ, Нещеретовъ говоритъ не совсѣмъ такъ, какъ о большинствѣ своихъ знакомыхъ. Въ тонѣ его звучало уваженіе,—быть можетъ относившееся къ тому, что людей этихъ нельзя было купить при всемъ богатствѣ Нещеретова. Разговоръ коснулся войны, общаго политическаго положенія. Кременецкій неожиданно перешелъ на роль слушателя, — это съ нимъ въ обществѣ рѣдко случалось. Нещеретовъ говорилъ

такъ умно, хорошо и интересно, что Семенъ Исидоровичъ просто заслушался. «Нѣтъ, право, умница», — сказалъ онъ себѣ. — «Если его отшлифовать, какъ слѣдуетъ, будетъ фигура»... Кременецкій и не замѣтилъ, какъ въ разговорѣ прошло полчаса. Онъ раза два приподнимался, чтобы уйти, но Нещеретовъ все просилъ посидѣть еще, — во второй разъ онъ могъ этого не дѣлать, и Семенъ Исидоровичъ, уже вполнѣ растаявшій, оцѣнилъ любезность хозяина.

— Да, тяжелыя времена. Народъ нашъ говоритъ: «Дай-то, Боже, чтобы все было гоже», — сказалъ со вздохомъ Кременецкій и всталъ въ третій разъ, окончательно. — Нѣтъ, мнѣ недосугъ: у меня вечерній пріемъ... Пожалуйста, не трудитесь меня провожать, я найду дорогу. — Семенъ Исидоровичъ не былъ увѣренъ, что хозяинъ его проводилъ бы безъ этой просьбы. — Такъ вы не забудете про обѣдъ? Въ семь часовъ, пожалуйста.

Нещеретовъ, чуть прищурившись, смотрѣлъ на него съ той же вновь выступившей усмѣшкой.

— Забыть едва ли забуду, а для вѣрности въ тотъ день не полѣнитесь, протелефоньте мнѣ, — произнесъ онъ и внезапно что-то въ его усмѣшкѣ, въ сказанной имъ фразѣ, въ словѣ «протелефоньте» опять кольнуло Кременецкаго. Нещеретовъ проводилъ его до лѣстницы, и Семенъ Исидоровичъ уѣхалъ, вполнѣ довольный визитомъ: собственный экипажъ вдобавокъ всегда успокаивалъ его нервы. «Да, странный человѣкъ, но умница, настоящій самородокъ», — думалъ онъ на обратномъ пути.

Нещеретовъ одѣлся, вышелъ въ свой рабочій кабинетъ и, усѣвшись за огромный письменный столъ, сталъ внимательно просматривать приго-

товленные ему секретаремъ документы, — отчетъ и уставъ намѣченнаго къ покупкѣ сахарнаго завода въ одной изъ южныхъ губерній. Онъ никогда не видалъ этого завода, да и не предполагалъ его осматривать, зная, что заводъ останется въ его владѣніи очень недолго. Главнымъ источникомъ обогащенія для Нещеретова въ пору войны была покупка и перепродажа разныхъ предпріятій, которымъ онъ въ короткое время умѣлъ придавать двойную, а то и тройную цѣну. Нещеретовъ читалъ отчетъ, какъ командующій войсками въ ставкѣ читаетъ донесенія подчиненныхъ съ фронтовъ. Цыфры, раздѣлы отчета, слова «амортизаціонный капиталъ», «запасный капиталъ», «резервный фондъ» (означавшія для обыкновенныхъ людей собственно одно и то же) вполнѣ замѣняли ему ознакомленіе съ дѣломъ на мѣстѣ. При заводѣ было имѣніе, лѣсъ, мельница, — все находилось явно въ запущенномъ состояніи. Продавецъ, безтолковый балтійскій баронъ, ни изъ чего не умѣлъ извлечь выгоду. Нещеретовъ предполагалъ въ теченіе весны и лѣта выстроить при заводѣ рафинадное отдѣленіе, при имѣніи спичечную фабрику и создать производство химическихъ продуктовъ первой необходимости, которые изъ-за войны съ Германіей дорожали съ необыкновенной быстротой. Бывшія при заводѣ механическія мастерскія можно было расширить и взять большой заказъ на стаканы для шрапнелей.

Безъ карандаша, въ умѣ, Нещеретовъ прикинулъ нѣсколько цыфръ и пришелъ къ выводу, что продажа этого предпріятія черезъ годъ дастъ ему не менѣе трехъ милліоновъ чистой прибыли, если рубль и не обезцѣнится еще больше. Онъ этого обезцѣненія не желалъ, хотя отъ паденія цѣнности рубля выгода сдѣлки должна была очень увеличиться: Нещеретовъ не предполагалъ вкла-

дывать въ дѣло собственныя деньги. При своихъ связяхъ онъ увѣренно разсчитывалъ получить подъ заказъ на стаканы для шрапнелей большой авансъ отъ Военно-Артиллерійскаго Управленія. Деньги на химическую фабрику долженъ былъ дать Военно-Промышленный Комитетъ. Самая же покупка сахарнаго завода производилась на средства банка, въ которомъ у него былъ контрольный пакетъ. Эта покупка контрольнаго пакета была самымъ счастливымъ дѣломъ Нещеретова. По настоящему онъ именно послѣ нея сталъ магнатомъ дѣлового міра. Въ силу финансовой механики, которую тоже не такъ легко было понять обыкновеннымъ людямъ, Нещеретовъ, затративъ четыре милліона на покупку акцій банка, получилъ возможность распоряжаться десятками милліоновъ для другихъ своихъ предпріятій.

Онъ читалъ отчетъ и чувствовалъ себя приблизительно такъ, какъ за гимнастикой во время высокаго взлета лодки. Подъ нимъ въ первомъ этажѣ дома полнымъ ходомъ работала созданная имъ огромная машина. Все было ему теперь открыто и доступно, — впереди больше не было предѣловъ: сто, двѣсти, триста милліоновъ состоянія, — эти цыфры въ его мысляхъ уже не имѣли фантастическаго характера: во всякомъ случаѣ къ нимъ было теперь неизмѣримо ближе, чѣмъ къ тому, изъ чего онъ вышелъ. Но не одна нажива увлекала Нещеретова. Самая работа его мощной машины доставляла ему подлинное наслажденіе. Онъ видѣлъ, что его труды въ общемъ итогѣ идутъ на пользу государству, и это сознаніе тоже что-то задѣвало по настоящему въ душѣ Нещеретова, хотя онъ не любилъ говорить о своемъ патріотизмѣ. Онъ работалъ, правда, чаще всего на чужія деньги, но безъ него, безъ его размаха и таланта, деньги ничего не могли бы создать. Что

бы ни утверждалъ тотъ сердитый революціонеръ-литераторъ въ никкелированныхъ очкахъ, смѣшавшій въ ихъ недавнемъ разговорѣ коксъ съ торфомъ, — именно ему, Нещеретову, много больше, чѣмъ работавшимъ у него инженерамъ и рабочимъ, Россія могла быть благодарной и за спички, и за химическіе продукты, и за рафинадъ, и за стаканы для шрапнелей, и за все, о чемъ онъ думалъ безпрестанно, у себя въ рабочемъ кабинетѣ, на гимнастикѣ, за обѣденнымъ столомъ, даже въ постели, въ безсонныя, тревожныя ночи...

«Ну, здѣсь они приврали: не стоитъ, вѣрно, ихъ «ремanентъ» такихъ денегъ», — подумалъ Нещеретовъ, улыбаясь при чтеніи этого страннаго слова «реманентъ». Отчетъ въ общемъ былъ близокъ къ истинѣ, и возможныя неправильности, собственно, не имѣли значенія сравнительно съ выгодой дѣла. Окончательно рѣшивъ купить заводъ, Нещеретовъ снялъ трубку съ домашняго телефона и приказалъ секретарю вызвать на слѣдующее утро главнаго юрисконсульта фирмы. При этомъ Нещеретовъ подумалъ, что, вѣроятно, и Кременецкій хочетъ получить у него должность юрисконсульта. «Поэтому такъ любезничаетъ и на обѣды зоветъ... Что-жъ, посмотримъ»... Его правиломъ было: жить самому и давать жить другимъ, но такъ, чтобы другіе это чувствовали, цѣнили и показывали, что цѣнятъ.

Нещеретовъ привсталъ, чтобъ положить трубку домашняго телефона, и вдругъ почувствовалъ колющую боль въ правомъ боку. Онъ слегка поблѣднѣлъ, быстро положилъ трубку на столъ и застылъ, закусивъ губу. «Опять это раздраженіе?..» — тревожно спросилъ себя онъ, осторожно подавливая бокъ рукою и кривясь все больше. «Можетъ, это отъ гимнастики? Ужъ не правъ ли въ самомъ дѣлѣ Тихоницкій?..»

Изъ двухъ извѣстныхъ врачей, которые слѣдили за его организмомъ, одинъ предписалъ Нещеретову гимнастику въ виду его перегруженности умственнымъ трудомъ и сидячаго образа жизни, а другой гимнастику запретилъ вслѣдствіе появлявшихся иногда у паціента болей не вполнѣ яснаго происхожденія. Нещеретовъ послѣдовалъ указанію перваго врача, такъ какъ гимнастика ему доставляла и физическое, и душевное удовлетвореніе. Онъ посидѣлъ минуты двѣ неподвижно. Боль прошла. Нещеретовъ нащупалъ пульсъ и сталъ считать, внимательно глядя на часы. Пульсъ былъ какъ-будто нормальный. Для вѣрности онъ посчиталъ еще разъ. «Да, нормальный... Вѣрно, просто мускульная боль», — съ нѣкоторымъ облегченіемъ подумалъ Нещеретовъ. Онъ взялъ трубку другого телефона — городского, — и уже безъ помощи секретаря вызвалъ профессора, разрѣшившаго ему гимнастику.

— Да, сегодня, если можно, Иванъ Юрьевичъ, — сказалъ онъ не обычнымъ для него, просительнымъ тономъ. — Благодарю васъ, такъ я въ девять буду ждать... И, пожалуйста, никому ни слова: боюсь визитовъ и звонковъ, ужъ это, знаете, мнѣ участіе! — пояснилъ онъ.

Почему-то (однако не изъ-за визитовъ и знаковъ участія) онъ не желалъ освѣдомлять людей о своемъ нездоровьи, точно подозрѣвая, что оно доставитъ имъ удовольствіе.

XXIX.

«Охъ, кліенты по мою душу», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ, подъѣзжая къ дому, въ которомъ онъ жилъ. Окна его пріемной были ярко освѣщены. «Какъ бы Никоновъ не наболталъ пу-

стяковъ, мастеръ врать малый»... На вечернемъ дѣловомъ пріемѣ у Кременецкаго ему, по заведенному порядку, помогалъ Никоновъ. Семенъ Исидоровичъ, несмотря на брюшко, довольно бойко выскочилъ изъ саней и бросилъ «Можно распрягать» (онъ старался не говорить кучеру ни ты, ни вы). Онъ взошелъ на крыльцо, поскребъ о желѣзную сѣтку калошами, поднялся по хорошо освѣщенной, крытой ковромъ лѣстницѣ въ бельэтажъ и позвонилъ своимъ звонкомъ, — одинъ разъ довольно продолжительно, затѣмъ тотчасъ вторично, коротко. Тамара Матвѣевна встрѣтила его въ передней, — ей всегда становилось спокойнѣе при этомъ звонкѣ.

— Ну, что, засталъ? — не безъ волненія спросила она вполголоса. — Какъ онъ тебя принялъ?

— Какъ принялъ? Что за вопросъ? Прекрасно, разумѣется. Какъ же онъ могъ меня принять? Разсыпался въ любезностяхъ.

— Онъ понимаетъ, конечно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Слава Богу, тебя всѣ достаточно знаютъ!.. Тутъ одна дама ждетъ, — добавила еще тише Тамара Матвѣевна, показывая глазами на дверь пріемной. Въ голосѣ и въ глазахъ Тамары Матвѣевны вдругъ проскользнула легкая тревога, и по ней Семенъ Исидоровичъ сразу понялъ, что дама красивая. Безпричинная, тщательно и плохо скрываемая ревность жены всегда немного забавляла Кременецкаго, а съ нѣкотораго времени ему и льстила.

— Хорошенькая? — спросилъ Семенъ Исидоровичъ, игриво подмигнувъ женѣ.

— Ничего, такъ себѣ, я издали видѣла. Она въ траурѣ, плохо видно. Да, скорѣе красивая, — старательно-равнодушно отвѣтила Тамара Матвѣевна. — Зубы очень длинные... Такъ онъ пріѣдетъ обѣдать?

— Кто? Ахъ, Нещеретовъ... Разумѣется, пріѣдетъ. Въ четвергъ на той недѣлѣ. Онъ былъ такъ радъ... Очень вамъ кланялся... Она давно ждетъ?

— Дама? Минутъ десять. Никонова, конечно, еще нѣтъ. Маша ей передала, что ты будешь въ шесть. Она сказала, что подождетъ...

— Надо будетъ въ самомъ дѣлѣ серьезно поговорить съ Никоновымъ. Это становится невозможнымъ.

Семенъ Исидоровичъ прошелъ въ свой кабинетъ, выровнялъ на полкѣ слишкомъ глубоко вдвинувшіеся томы «Энциклопедическаго словаря», бѣгло оглянулъ себя въ зеркало и, подтянувъ брюшко, чуть выпятивъ грудь, открылъ дверь пріемной.

— Сударыня, — сказалъ онъ, кланяясь.

Съ дивана, стоявшаго наискось, особнякомъ, какъ ставится мебель на сценѣ, поднялась высокая дама въ траурѣ и поспѣшно направилась къ Кременецкому. Семенъ Исидоровичъ пододвинулъ ей тяжелое кресло.

— Пожалуйста, садитесь... Съ кѣмъ имѣю честь?.. — спросилъ онъ, также садясь и вглядываясь въ даму. Она въ самомъ дѣлѣ была хороша собой и очень элегантно одѣта. Даже траурная вуаль на ней, опущенная черезъ плечо, съ бѣлой полоской у лба, была особенная. «Эффектная женщина! Ужъ не артистка ли?» — подумалъ Кременецкій. Дама на него взглянула, затѣмъ опустила глаза, видимо, преодолѣвая волненіе.

— Я Елена Фишеръ, — сказала она тихо.

Что-то дрогнуло въ лицѣ и въ душѣ Семена Исидоровича.

— Госпожа Фишеръ? — повторилъ онъ. — Вы не супруга ли... не вдова человѣка, такъ трагически погибшаго на дняхъ?

— Да, это я, — прошептала дама.

Семенъ Исидоровичъ приподнялся въ креслѣ и крѣпко пожалъ руку госпожѣ Фишеръ.

— Я немного зналъ вашего покойнаго мужа, — глубокимъ негромкимъ голосомъ сказалъ онъ. — Разрѣшите выразить вамъ мое искреннее сочувствіе и соболѣзнованіе...

Дама низко наклонила голову. Семенъ Исидоровичъ помолчалъ съ минуту изъ участія.

— Могу ли я быть вамъ чѣмъ-либо полезенъ? Повѣрьте, все, что въ моихъ силахъ...

— Да... Я хотѣла просить васъ... Мнѣ посовѣтовали обратиться къ вамъ. Разумѣется, я и прежде о васъ слышала... Мнѣ посовѣтовали обратиться къ вамъ за руководствомъ. Въ этомъ дѣлѣ... — Голосъ ея дрогнулъ. — Въ этомъ ужасномъ дѣлѣ мнѣ придется... Я хотѣла просить васъ быть моимъ представителемъ... Гражданскимъ истцомъ...

Что-то неясное въ душѣ Семена Исидоровича слегка отравило переполнявшую его радость. Мысль его заработала напряженно. Но это длилось лишь мгновенье. Семенъ Исидоровичъ вдругъ словно повернулъ въ себѣ ключъ. Теперь онъ смотрѣлъ на даму съ неподдѣльнымъ участіемъ, съ жалостью, почти съ нѣжностью. Всѣ лучшія свойства Кременецкаго тотчасъ въ немъ пробуждались, когда кліентъ ввѣрялъ ему свою участь. Въ кабинетѣ наединѣ съ кліентомъ, все равно какъ на засѣданіи суда, Кременецкій становился талантливымъ, чуткимъ, многое понимающимъ человѣкомъ. Въ немъ проявлялась и всѣми признанная за Семеномъ Исидоровичемъ безукоризненная корректность, и благородство тона, отсутствовавшее у не-

го въ обыденной жизни. Его интересы всецѣло сливались съ интересами кліента. Тщеславіе отходило на второй планъ, а соображенія денежной выгоды и всегда были для него второстепенными. Кременецкій недаромъ такъ любилъ свое дѣло и такъ гордился судомъ.

— Сударыня, — сказалъ онъ мягко... — Простите, ваше имя-отчество? Елена Федоровна... Мое — Семенъ Исидоровичъ... Елена Федоровна, я могу сказать вамъ лишь то, что отвѣчаю всегда, всѣмъ, ко мнѣ обращающимся: разскажите мнѣ ваше дѣло. Только узнавъ его въ деталяхъ, я могу дать вамъ отвѣтъ.

Кременецкій говорилъ искренно, — онъ нерѣдко отказывался отъ выгодныхъ дѣлъ, а дѣлъ грязныхъ не принималъ совершенно. Однако онъ чувствовалъ, что отъ этого дѣла едва ли откажется.

— Я поняла васъ, Семенъ Сидоровичъ, — отвѣтила госпожа Фишеръ значительнымъ тономъ, точно онъ сказалъ нѣчто весьма загадочное. — Но я право не знаю, какъ начать, какъ все передать... Извините меня, ради Бога... Вы поймете мое волненье, это несчастье свалилось на меня такъ неожиданно...

— Несчастья всегда неожиданны, Елена Федоровна, — со вздохомъ, какъ выстраданную мысль, произнесъ Кременецкій первое, что пришло ему въ голову. — Тогда не разрѣшите ли вы мнѣ предлагать вамъ вопросы? Можетъ быть, такъ вамъ будетъ легче...

— Да, пожалуйста, — поспѣшно сказала госпожа Фишеръ.

— Вы давно замужемъ?

— Восемь лѣтъ... Съ 1908 года.

— Заранѣе прошу извинить, если я коснусь тяжелыхъ сторонъ жизни и воспоминаній. Но

это необходимо... Вы были счастливы въ супружеской жизни?

Елена Федоровна помолчала.

— Счастлива? Нѣтъ... Нѣтъ, я не была счастлива. Мой несчастный мужъ былъ гораздо старше меня. Онъ велъ вдобавокъ такой образъ жизни... Это вы, впрочемъ, знаете.

— Его образъ жизни вызывалъ протесты съ вашей стороны?

— Вначалѣ да, потомъ я махнула рукой. Любви между нами все равно больше не было.

— Такъ, я понимаю. А прежде была любовь?

— Была... Съ его стороны, — сказала, вспыхнувъ, Елена Федоровна, и ея смущенье еще больше тронуло Кременецкаго.

— Дѣтей у васъ не было?

Госпожа Фишеръ взглянула на него съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, не было, — отвѣтила она.

— Я понимаю, — повторилъ Семенъ Исидоровичъ и тотчасъ съ неудовольствіемъ подумалъ, что здѣсь эти слова, собственно, были не совсѣмъ умѣстны. — Теперь разрѣшите спросить васъ, — продолжалъ онъ, показывая интонаціей, что переходитъ къ самому больному вопросу. — Вы давно знаете того человѣка, который арестованъ по подозрѣнію въ убійствѣ вашего мужа? Этого Загряцкаго?

— Да, давно, два года, — рѣзко сказала дама.

Семенъ Исидоровичъ замолчалъ, поглаживая большой ножъ изъ слоновой кости. Онъ слегка волновался, несмотря на многолѣтнюю привычку къ разговорамъ на самыя мрачныя темы. По долгому опыту онъ зналъ, что вопросы въ подобныхъ случаяхъ надо ставить осторожно. Для общей картины дѣла характеръ отношеній между госпожей Фишеръ и Загряцкимъ имѣлъ, конечно,

огромное значеніе. Но Кременецкій былъ адвокатомъ, а не судьей и не слѣдователемъ, и часто говорилъ, что, кромѣ интересовъ правосудія, для него существуютъ еще интересы кліента. Полная откровенность обвиняемаго не всегда ему была выгодна, а защитника порою ставила въ тяжелое положеніе. Поэтому Семенъ Исидоровичъ, въ разговорахъ съ подзащитными, неизмѣнно начиная съ предложенія разсказать все, старался не доводить ихъ до полнаго сознанія, если только по обстоятельствамъ дѣла не считалъ сознаніе на судѣ наиболѣе выгоднымъ для своего кліента. Здѣсь, впрочемъ, онъ имѣлъ дѣло не съ обвиняемымъ, а съ потерпѣвшимъ. Но и въ этомъ случаѣ очень многое зависѣло отъ признаній госпожи Фишеръ. Быстро соображая обстоятельства дѣла, Кременецкій рѣшилъ предоставить иниціативу кліенткѣ. Онъ ждалъ не менѣе минуты, внимательно глядя на Елену Федоровну. Она, однако, молчала, не сводя глазъ съ босого Толстого.

— Когда вы видѣли Загряцкаго въ послѣдній разъ?

— Мы въ іюнѣ съ нимъ вмѣстѣ уѣхали изъ Петербурга въ Ялту.

— Такъ, такъ, — произнесъ Кременецкій, точно находя это сообщеніе совершенно естественнымъ. Онъ постучалъ о бюваръ головой Наполеона, составлявшей ручку ножа. — Разрѣшите прямо васъ спросить: считаете ли вы Загряцкаго виновникомъ смерти вашего мужа?

— Этого я не знаю. Но я считаю его низкимъ, на все способнымъ человѣкомъ, — съ энергіей въ голосѣ сказала госпожа Фишеръ.

— На чемъ же основано такое ваше мнѣніе?

— На знакомствѣ съ Вячеславомъ Фадѣевичемъ.

— Вячеславъ Фадѣевичъ это Загряцкій? Такъ... Но есть ли у васъ какія-либо свѣдѣнія или хотя бы предположенія, которыми еще не располагаетъ слѣдствіе?

— Объ этомъ я сегодня уже все сказала...

— Кому?

— Слѣдователю, господину Яценко.

— Ахъ, такъ вы уже были у слѣдователя? Тогда, пожалуйста, изложите мнѣ содержаніе вашей бесѣды съ нимъ. О чемъ онъ васъ разспрашивалъ?

— О моихъ отношеніяхъ съ Вячеславомъ Фадѣевичемъ. Я сказала ему, что онъ ошибается, какъ ошибались еще раньше многіе другіе... Тяжело, Семенъ Сидоровичъ, говорить обо всемъ этомъ... — Она приложила къ глазамъ платокъ. — Я совершенно измучена.

— Ради Бога, успокойтесь, Елена Федоровна. Если вамъ слишкомъ тяжело, мы можемъ отложить нашъ разговоръ...

— Нѣтъ, ничего... Слѣдователь ошибается... Загряцкій ухаживалъ за мною, какъ ухаживали многіе... Я себя не обѣляю и не оправдываю, Семенъ Сидоровичъ. Но этотъ мосье Яценко ошибается. Вячеславъ Фадѣевичъ провожалъ меня въ Ялту съ согласія моего мужа, даже по его просьбѣ.

— Такъ, такъ, я понимаю... Когда же вы съ нимъ разстались?

— Мы поссорились съ нимъ... Я потомъ все вамъ разскажу... Я поймала его на томъ, что онъ читалъ мои письма. Разумѣется, я вспылила, и мы разстались. Онъ вернулся въ Петроградъ еще въ іюлѣ.

— И съ тѣхъ поръ вы его не видали?

— Нѣтъ.

— Значитъ, съ тѣхъ поръ у васъ съ нимъ были дурныя отношенія?

— Да, дурныя... Никакихъ отношеній. Я больше не хотѣла его знать.

Кременецкій смотрѣлъ на нее удивленно.

— Въ такомъ случаѣ позвольте... — началъ онъ и остановился, не зная, какъ поставить вопросъ. Неудобно было спросить: «Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ему было убивать вашего мужа?» Семенъ Исидоровичъ зналъ и по газетамъ, и по ходившимъ разсказамъ, что цѣлью убійства считается желаніе Загряцкаго завладѣть богатствомъ, которое должно было достаться его любовницѣ. Онъ положилъ ножъ на бюваръ и откинулся на спинку кресла.

— Еще разъ извините мою настойчивость, Елена Федоровна, но я не вполнѣ понимаю... Думаете ли вы, что у Загряцкаго были основанія желать смерти вашего мужа?

— Вы мнѣ задаете тѣ же вопросы, что слѣдователь, — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ въ тонѣ сказала госпожа Фишеръ. — Основанія? Можетъ быть, и были. Даже навѣрное были.

— Какія же именно?

— Этого я, конечно, не знаю.

Семенъ Исидоровичъ только вздохнулъ: онъ привыкъ къ безтолковости кліентокъ.

XXX.

— ...Состояніе вашего мужа теперь перешло къ вамъ?

— Я надѣ... Я предполагаю, — тотчасъ поправилась Елена Федоровна. — У моего мужа есть дочь отъ перваго брака, но она не можетъ наслѣдовать...

— Почему?

— Дочь моего мужа крайняя соціалистка и живетъ заграницей. Революціонерка, — значительнымъ тономъ пояснила госпожа Фишеръ.

— Она лишена правъ состоянія?

— Не знаю, лишена ли... Но она неблагонадежная, эмигрантка и, значитъ, ничего не получитъ.

— Ну, это еще ничего не значитъ, — сказалъ, слегка улыбнувшись, Кременецкій. Послѣдніе отвѣты госпожи Фишеръ чуть-чуть измѣнили его тонъ.

— Мой мужъ отъ нея совершенно отказался въ послѣднее время. Она живетъ въ Парижѣ, участвуетъ въ какихъ-то кружкахъ и занимается, кажется, химіей у одного русскаго, у профессора Брауна.

— Вотъ какъ, у Александра Михайловича? Онъ теперь здѣсь. Мы съ нимъ пріятели... Вѣдь завѣщанія вашъ мужъ, кажется, не оставилъ?

— Слѣдователь мнѣ сказалъ, что не оставилъ, но этого не можетъ быть. Мужъ всегда говорилъ, что все останется мнѣ. Навѣрное гдѣ-нибудь есть завѣщаніе, надо только поискать хорошенько. Я такъ и сказала слѣдователю. Но онъ такой тяжелый человѣкъ, этотъ мосье Яценко. Если-бъ вы знали, какъ онъ меня измучилъ своими вопросами.

Она говорила о слѣдствіи, какъ о дѣлѣ, имѣвшемъ цѣлью ее потревожить и разстроить.

— Во всякомъ случаѣ, будетъ ли найдено завѣщаніе или нѣтъ, я не вижу, какую выгоду могъ извлечь Загряцкій изъ убійства вашего мужа?

Дама молчала. Кременецкій смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Вы изволили сказать, — терпѣливо началъ онъ снова, — что считаете его способнымъ на убійство и что у него могли быть для убійства ос-

нованія. Я вынужденъ къ этому возвратиться. Какіе именно мотивы могли быть у Загряцкаго? Быть можетъ, мотивы не матеріальнаго характера? Ненависть, напримѣръ, или, предположимъ, ревность?

— Да, можетъ быть, и ревность, — отвѣтила быстро госпожа Фишеръ.

— Онъ читалъ ваши письма къ мужу?

— Да... И рылся въ моемъ чемоданѣ... Вообще я убѣдилась въ томъ, что это человѣкъ недостойный.

— Понимаю. Но есть ли у васъ какія-либо соображенія, которыя можно было бы привести въ доказательство того, что онъ убилъ вашего мужа?

— Доказательствъ у меня нѣтъ, я такъ и сказала слѣдователю. Но разныя косвенныя доказательства могутъ быть, — отвѣтила дама, видимо съ удовольствіемъ употребляя слово «косвенныя».

— Ахъ, этого мало, Елена Федоровна, — сказалъ съ сожалѣніемъ Семенъ Исидоровичъ. — О косвенныхъ уликахъ существуетъ классическій афоризмъ нашего великаго адвоката Спасовича: «сколько бы бѣленькихъ барашковъ вы ни привели, изъ нихъ одной бѣлой лошади не сдѣлаете». Впрочемъ, и косвенныя доказательства могутъ, конечно, имѣть большое значеніе. Не будете ли вы добры изложить мнѣ ваши соображенія?

— Ради Бога, не теперь, — сказала Елена Федоровна. — Если-бъ вы знали, какъ меня измучилъ этотъ слѣдователь. Все это на меня обрушилось такъ ужасно... Я предполагала вернуться въ Петроградъ въ самый разгаръ сезона. То есть, сезонъ мнѣ, конечно, не нуженъ, вы сами понимаете. Но это такой неожиданный ударъ. Теперь это слѣдствіе... Эта камера...

Она опять поднесла платокъ къ глазамъ и на этотъ разъ заплакала по настоящему. Семенъ

Исидоровичъ разстроенно на нее смотрѣлъ. Образъ кліентки выходилъ менѣе привлекательнымъ, чѣмъ хотѣлось бы Кременецкому; однако она вызывала въ немъ искреннее участіе. «Птичка Божія», — подумалъ онъ, и сразу на это опредѣленіе у него стали нанизываться мысли, слова, ораторскія фигуры.

Тутъ только Семенъ Исидоровичъ ясно понялъ, что именно было ему непріятно въ предложеніи госпожи Фишеръ. Непріятна была теперь та работа мысли, которую онъ продѣлалъ, представляя себя защитникомъ Загряцкаго. Образы, очевидно, были намѣчены неправильно. «До ознакомленія съ дѣломъ во всей полнотѣ я, конечно, ни къ чему не могъ прійти, да и теперь еще далеко не пришелъ», — тотчасъ успокоилъ себя Семенъ Исидоровичъ. Къ тому же рѣшительно никто не могъ знать о работѣ его воображенія, — мало ли что, не выливаясь наружу, проходитъ въ мысляхъ самаго порядочнаго человѣка. Семенъ Исидоровичъ вообще предпочиталъ выступать защитникомъ, чѣмъ гражданскимъ истцомъ. Но онъ чувствовалъ, что въ этомъ дѣлѣ и въ роли гражданскаго истца сумѣетъ показать чудеса. Интересы его кліентки, ея судьба и репутація были въ надежныхъ рукахъ. «Настало время для Вячеслава Загряцкаго дать отчетъ Богу и людямъ въ темныхъ его дѣлахъ и дѣлишкахъ», — вдругъ откуда-то выскочила фраза въ умѣ Семена Исидоровича. И одновременно передъ нимъ мелькнуло лицо Меннера, — который, конечно, дорого далъ бы, чтобы получить это дѣло. «Развѣ Загряцкій пригласитъ его въ защитники?.. Нѣтъ, врядъ ли... Вѣрно Якубовичу достанется. Будетъ борьба титановъ», — подумалъ удовлетворенно Кременецкій.

— Пожалѣйте себя, успокойтесь, Елена Федоровна, — сказалъ онъ, перегибаясь че-

резъ уголъ стола и прикасаясь къ рукѣ госпожи Фишеръ. — Вамъ тяжело, и это такъ естественно. Отложимъ нашъ разговоръ на завтра. Я тѣмъ временемъ наведу въ частномъ порядкѣ кое-какія справки.

— Такъ я могу на васъ разсчитывать, Семенъ Сидоровичъ, — сказала дама почти спокойнымъ голосомъ, отнимая платокъ отъ глазъ и, видимо, изъявляя согласіе пожалѣть себя.

— Я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ послѣ ознакомленія съ дѣломъ во всѣхъ подробностяхъ. Но въ принципѣ, по тому, что я вижу, я радъ принять на себя защиту вашихъ интересовъ. Я полагаю, что денегъ вы съ Загряцкаго не ищете?

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, никакихъ денегъ, — съ жаромъ сказала Елена Федоровна. — Мнѣ отъ него ничего не нужно... Да у него ничего и нѣтъ. Я хочу только выясненія истины.

— Я именно такъ васъ и понялъ. Въ такомъ случаѣ мы заявимъ искъ въ какой-нибудь ничтожной суммѣ. Ваши права истицы совершенно безспорны: нашъ законъ не даетъ прямого опредѣленія понятія объ убыткахъ при взысканіи гражданскаго иска, однако онъ отнюдь не имѣетъ въ виду только имущественный ущербъ... Вы пока вызваны на слѣдствіе въ качествѣ свидѣтельницы, нужно будетъ указать, что вы намѣрены заявить искъ. Слѣдователь просилъ васъ, вѣроятно, явиться къ нему еще разъ?

— Да, это такъ ужасно. Онъ сказалъ, что устроитъ мнѣ очную ставку. Можно подумать, что онъ и меня подозрѣваетъ!.. Не могу сказать, какъ все это тяжело.

— Надо взять себя въ руки, Елена Федоровна. Вы можете быть, впрочемъ, вполнѣ спокойны: Николай Петровичъ Яценко немного формалистъ, какъ они всѣ, но это честнѣйшій, благороднѣйшій

человѣкъ, и традиціи нашего суда стоятъ очень высоко. Огорченія могутъ быть причинены вамъ желтой печатью. Что-жъ дѣлать, ваша частная жизнь стала на время достояніемъ улицы. Но это надо въ себѣ преодолѣть, вы выше этого, Елена Федоровна.

Госпожа Фишеръ на него взглянула съ благодарностью.

— Я вамъ вѣрю, — прошептала она.

— Да, вѣрьте, — отвѣтилъ проникновенно Кременецкій.

«Настало время для Вячеслава Загряцкаго»... — снова побѣдно пропѣла фраза въ душѣ Семена Исидоровича.

Въ канцеляріи Никоновъ съ отвращеніемъ писалъ какую-то бумагу. Онъ всю ночь напролетъ игралъ въ карты, сначала въ винтъ, потомъ съ разсвѣта въ покеръ, проигралъ восемьдесятъ рублей — почти все, что у него было, выкурилъ полсотни папиросъ и выпилъ стакановъ пять крѣпкаго чаю, чуть ли не пополамъ съ коньякомъ. Днемъ онъ спалъ и одѣлся лишь въ шестомъ часу. У него болѣла голова, во рту было нехорошо. Дѣло, которое онъ дѣлалъ, какъ и жизнь вообще, представлялось ему совершенно ничтожнымъ, скучнымъ и нелѣпымъ. Григорій Ивановичъ опоздалъ къ пріему, ждалъ непріятнаго разговора съ Кременецкимъ и чувствовалъ себя школьникомъ-мальчишкой.

«Лучше всего было бы сегодня же сказать Семѣ, что, къ большому сожалѣнію, вынужденъ отказаться отъ должности его помощника», — думалъ онъ, какъ всегда успокаивая самого себя искусственно-шутливымъ тономъ мысли. — «Григорій Ивановичъ, вы меня не такъ поняли, я очень сожалѣю...» — «Я тоже сожалѣю,

Семенъ Исидоровичъ, но это неизбѣжно и я ухожу вовсе не вслѣдствіе нашего разговора, а просто, эта работа не по мнѣ». Тутъ хорошо было бы сказать, что мнѣ предлагаютъ должность редактора «Вопросовъ философіи и психологіи», или консультанта въ Художественномъ Театрѣ, или что-нибудь еще въ такомъ родѣ. Да ничего подлецы не предлагаютъ и дѣться будетъ некуда, если отъ Семы уйти... Что это Тамарочка мѣста себѣ не находитъ, все по корридору шлепаетъ?.. Да, надо было бы перемѣнить жизнь. По утрамъ работать, читать, напримѣръ, діалоги Платона, — греческій языкъ можно возстановить въ памяти. Хотя все забылъ, ни черта не помню. Шляпа былъ нашъ Дивишекъ, бапто эбафенъ. Надо бы подучиться и французскому языку, а то передъ Мусей неловко. Фоминъ нарочно всегда съ ней заговариваетъ по французски, зная, что я не умѣю. Взять вечеромъ, вмѣсто картъ, какого-нибудь Стендаля и читать со словаремъ, — въ два мѣсяца очень насобачишься... И брюки тоже надо чаще утюжить... Ногти опять заросли, этотъ особенно... Та полненькая маникюрша была, право, мила. Съ ней бы поѣхать куда-нибудь въ Италію или на Кавказъ, лучше было бы, чѣмъ писать эту идіотскую справку для очередного шедевра Семы... Эхъ, тотъ томъ сенатскихъ рѣшеній остался у него въ кабинетѣ, безъ него ничего путнаго все равно не напишу... Собственно, Сема правъ, нельзя систематически опаздывать и его подводить. Человѣкъ онъ не плохой, но какъ онъ, право, можетъ жить по часамъ, скука какая! Вѣдь однимъ тщеславіемъ живетъ, чудакъ, ему и деньги уже дѣвать некуда»... — Состояніе Кременецкаго казалось предѣломъ богатства Григорію Ивановичу: для него и сотни, и даже десятки тысячъ были собственно астрономическими числами.—«Восьмидесяти рублей

жаль,—все тотъ проклятый Флешъ-ройяль подвелъ. Но счастливѣе отъ восьмидесяти рублей я не сталъ бы. Все равно когда-нибудь помру. Самъ Сема и тотъ помретъ со всѣми своими деньгами. Некрологи какіе шикарные будутъ въ газетахъ, не то, что по мнѣ, грѣшномъ. Одинъ Альфредъ Исаевичъ въ память о ликерахъ что накатаетъ! Жить бы да жить послѣ такихъ некрологовъ, а вотъ Сема, бѣдный, и не прочтетъ. Зато Тамарочка будетъ надъ ними заливаться слезами... Вотъ она опять, неприкаянная... Да, въ карманѣ пустовато, но во вторникъ можно будетъ сорвать съ Сергѣева. Перебьюсь какъ-нибудь... Самое главное, конечно, связать себя съ какимъ-нибудь большимъ идейнымъ дѣломъ... Надо, наконецъ, выяснить, могу ли я жить, писать эту справку и играть въ покеръ безъ отвѣтственнаго министерства?.. Отвѣтственнаго передъ народомъ и передъ Семой... Какъ это въ самомъ дѣлѣ Сема еще не въ Думѣ?.. Къ эсэрамъ развѣ примкнуть? Нѣтъ, всѣ помощники присяжныхъ повѣренныхъ примыкаютъ къ эсэрамъ. Пусть къ нимъ примыкаетъ Фоминъ. Онъ, впрочемъ, не примкнетъ, потому дворянство не позволяетъ, да и сто вторая статья опять же... А, вотъ и Сема. Ишь ты, какая эффектная кліентка... Кто бы это?»

Семенъ Исидоровичъ, провожая госпожу Фишеръ, только бросилъ недовольный взглядъ на своего помощника. Задержавшаяся въ дверяхъ Тамара Матвѣевна не успѣла скрыться. Вопреки своему обычаю, Кременецкій познакомилъ кліентку съ женой. Елена Федоровна гордо кивнула головой, — обѣ дамы, видимо, не знали, что сказать другъ другу. Тамара Матвѣевна не сразу сообразила, кто эта кліентка и какъ важенъ ея визитъ.

— Разрѣшите вамъ представить и одного изъ моихъ помощниковъ. Григорій Ивановичъ Нико-

новъ... Елена Федоровна Фишеръ... Позвольте вамъ помочь, Елена Федоровна... Извозчики стоятъ справа за угломъ, всегда найдете.

— Меня ждетъ автомобиль. Благодарю васъ... Такъ до завтра...

— Такъ точно...

«Елена Фишеръ! Матушки!» — подумалъ Никоновъ. — «Ай да Сема! Что я говорилъ?.. Ну, теперь и безъ Сергѣева обойдемся. Дуракъ я буду, если съ Семы сегодня не получу впередъ за январь. За декабрь, кажется, все взялъ? Да, конечно, взялъ, всѣ сто двадцать пять», — припомнилъ печально Григорій Ивановичъ.

XXXI.

Будильникъ прозвонилъ, какъ ему полагалось, въ три четверти восьмого. Это было точно разсчитано на основаніи многолѣтняго опыта: если послѣ звонка пролежать въ постели еще пять минутъ, — но ни одной минутой болѣе, — и затѣмъ достаточно быстро продѣлать все, что требовалось, то можно было, не прибѣгая къ извозчику, попасть въ училище безъ опозданія: уроки на старшихъ семестрахъ начинались безъ пяти девять.

Витя растерянно оторвалъ голову отъ подушки, вытаращилъ глаза, повернулъ спросонья выключатель и, мигая съ болѣзненной гримасой, уставился на будильникъ. Вытянутый треугольникъ длинной стрѣлки уже выходилъ изъ чернаго пятнышка надъ цыфрой IX. Хотя Витя еще ничего ясно не понималъ, положеніе стрѣлки вызывало въ его сознаніи нѣчто печально-привычное: три четверти восьмого. Онъ злобно надавилъ пружинку. Отвратительный трескъ прекратился. Ви-

тя опустилъ снова голову на подушку, закрылъ глаза и, морщась, рукавомъ заслонилъ ихъ отъ матовой лампочки, насмѣшливо свѣтившей всѣми своими шестнадцатью свѣчами. Двѣ жизни еще боролись въ его мозгу. Но на смѣну той, уже непонятной, быстро и неумолимо приходила другая, въ которой все было ясно и отвратительно: и будильникъ, — его тиканіе вдругъ стало слышнымъ, —и ночной столикъ, и стулъ съ платьемъ у стѣны подъ утыканной флажками большой географической картой. Всего отвратительнѣе былъ, конечно, сложенный листокъ бумаги на ночномъ столикѣ. Этотъ листокъ былъ въ обѣихъ жизняхъ, но въ т о й что-то какъ-то его скрашивало, — к а к ъ именно скрашивало, Витя уже съ трудомъ могъ вспомнить. Еще нѣсколько мгновеній назадъ все тамъ было ясно и логично. Теперь немногое, что еще вспоминалось, поражало нелѣпостью: Муся Кременецкая не могла имѣть никакого отношенія къ письменному по тригонометріи, Анатэма еще менѣе. «Ахъ, да, Анатэма», — радостно вспомнилъ Витя и улыбнулся. Онъ отвелъ руку, зѣвнулъ и широко раскрылъ глаза, вызывающе взглянувъ на матовую лампочку.

Сомнѣній быть не могло. Желтый томикъ Леонида Андреева, лежавшій на коврикѣ у постели, былъ такой же дѣйствительностью, какъ листокъ съ тригонометрическими формулами. Жизнь была сложна, и непріятности вродѣ письменнаго, къ счастью, не сплошь ее заполняли. «Ну, мы еще поборемся!» — рѣшительно сказалъ себѣ Витя. Онъ даже подумалъ было, не пожертвовать ли борьбѣ остающимися тремя минутами. Но это было все-таки слишкомъ обидно. Будильникъ непріятно тикалъ. Кончикъ стрѣлки, упорно ползшій къ цыфрѣ X, только переползалъ на средину третьей черточки. Витя повернулъ голову къ ок-

ну. Тамъ, надъ порванной кистью, гдѣ немного отставали шторы, было совершенно черно. «Холодъ, вѣрно, отчаянный», — содрогаясь, подумалъ Витя. Въ его комнатѣ, по гигіеническимъ соображеніямъ родителей, по утрамъ тоже было холодно, градусовъ десять. «Да надо еще многое обдумать... Значитъ, рѣшено: удрать послѣ пятаго урока... Затѣмъ въ библіотеку, оттуда къ Альберу... Это очень кстати, что Маруся заболѣла... Денегъ достаточно... Въ ресторанъ, пожалуй, въ голландкѣ не пустятъ, значитъ, надѣть пиджакъ... Ну, да, конечно, могутъ скалить зубы, сколько имъ угодно». Въ классѣ всѣхъ, мѣнявшихъ «голландку» на платье взрослыхъ, обычно встрѣчали оваціей. Стрѣлка надвинулась на пятнышко цыфры X, — Витя откинулъ одѣяло и, дрожа отъ холода, сталъ одѣваться. Теперь самое непріятное было позади.

Умывшись, одѣвшись, продѣлавъ гимнастическія упражненія, нужныя для развитія мускуловъ и силы воли, Витя на цыпочкахъ прошелъ въ полутемную столовую. Горничная подтвердила, что кухарка больна и что настоящаго обѣда, вѣрно, не будетъ, — барыня велѣли купить ветчины и яицъ. Витя поручилъ горничной сказать, что онъ плотно закуситъ въ училищѣ и чтобъ его къ обѣду не ждали. Затѣмъ онъ вошелъ въ свою комнату, развернулъ лежавшій на ночномъ столикѣ листокъ и, закрывъ рукой правую сторону, принялся себя провѣрять. На тангенсѣ 2а онъ сбился и пришлось заглянуть въ правую сторону листка. «Да, конечно, два тангенсъ а, дѣленное на единицу минусъ тангенсъ квадратъ а... Теперь буду помнить», — бодро утѣшилъ себя Витя. Онъ тщательно сложилъ листокъ въ крошечный квадратикъ, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ былъ карманъ на голландкѣ, и не безъ гордости вспомнилъ, что на немъ пиджакъ. Витя спряталъ листокъ въ

жилетный карманъ. Впрочемъ, онъ предполагалъ этимъ листкомъ воспользоваться только въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ, вопреки школьнымъ традиціямъ, считалъ это не вполнѣ честнымъ. «Развѣ ужъ если затменіе найдетъ, какъ тогда передъ третьей четвертью»...

Онъ сложилъ книги и тетради въ портфель (въ Тенишевскомъ училищѣ ранцевъ не полагалось, что составляло предметъ зависти гимназистовъ), сосчиталъ деньги въ кошелькѣ, — было три рубля девяносто копеекъ, — и вышелъ въ переднюю. Въ кабинетѣ Николая Петровича изъ-подъ двери уже свѣтился огонь. «Много работаетъ папа, все больше въ послѣднее время», — огорченно подумалъ Витя.—«Вѣрно, дѣло Фишера» (дѣло это очень занимало и тревожило мысли Вити). Передъ уходомъ Витя заглянулъ въ почтовый ящикъ, — нѣтъ ли для него писемъ? (хоть получалъ онъ письма раза два въ годъ). Въ ящикѣ ничего не оказалось, кромѣ «Рѣчи» и «Русскихъ Вѣдомостей». Витя хотѣлъ было пробѣжать оффиціальное сообщеніе, но махнулъ рукою: времени больше не оставалось, да и оффиціальныя сообщенія теперь были все не интересныя. Онъ и флажковъ давно не переставлялъ на картѣ, — въ первые мѣсяцы войны дѣлалъ это съ необычайнымъ интересомъ и зналъ фронты не хуже главнокомандующаго.

У Вити въ самомъ дѣлѣ былъ занятой день. Наканунѣ ему позвонила по телефону Муся и просила его прійти къ нимъ вечеромъ на совѣщаніе о любительскомъ спектаклѣ. Наталья Михайловна поворчала; что-жъ это, ходить въ гости каждый день, когда же уроки готовить? — но, благодаря протекціи Николая Петровича, Витю отпустили.

Пришелъ онъ къ Кременецкимъ именно такъ,

какъ слѣдовало, съ небольшимъ, тонко разсчитаннымъ опозданіемъ, чтобы не быть — избави Боже! — первымъ. Муся вышла къ нему навстрѣчу и крѣпко, съ очевидной радостью, пожала ему руку.

— Я очень, очень рада, что вы согласились играть, — сказала она, медленно вскинувъ на него глаза, какъ дѣлаютъ въ «первомъ планѣ» кинематографическія артистки. Витя такъ и вспыхнулъ отъ счастья и отъ гордости. На Мусѣ было зеленое, расшитое золотомъ, закрытое платье со стоячимъ мѣховымъ воротникомъ и съ мѣховыми маншетами, — его замѣтили всѣ гости, а Глафира Генриховна была имъ, видимо, потрясена. Это въ самомъ дѣлѣ было въ осенній сезонъ ударнымъ платьемъ Муси: портниха Кременецкихъ скопировала послѣднюю модель Ворта, еще никому неизвѣстную въ Петербургѣ.

Совѣщаніе происходило въ будуарѣ. Гостей собралось немного. Преобладала молодежь. Былъ, однако, и князь Горенскій, принятый молодежью, какъ свой. Въ плотномъ, красивомъ, очень хорошо одѣтомъ человѣкѣ, сидѣвшемъ на диванѣ подъ портретомъ Генриха Гейне, Витя съ радостнымъ волненіемъ узналъ извѣстнаго актера Березина, котораго онъ зналъ по сценѣ и по газетамъ, но вблизи видѣлъ впервые. Этимъ знакомствомъ можно было похвастать: Березинъ, несмотря на молодые годы, считался однимъ изъ лучшихъ передовыхъ артистовъ Петербурга.

— Сергѣя Сергѣевича, вы, конечно, знаете? Сергѣй Сергѣевичъ согласился руководить нашимъ спектаклемъ, — сообщила Витѣ Муся.

— Ахъ, я вашъ поклонникъ, какъ всѣ, — сказалъ комплиментъ Витя. Онъ потомъ долго съ удовольствіемъ вспоминалъ это свое замѣчаніе. Березинъ снисходительно улыбнулся, склонивъ го-

лову на бокъ. Признанный молодежью актеръ былъ со всѣми ласковъ, точно заранѣе благодаря за восхищеніе, которое онъ долженъ былъ вызывать у людей, въ особенности у дамъ.

Вслѣдъ за Витей въ будуаръ вошелъ медленными шагами, съ высоко поднятой головою, со страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ, поэтъ Беневоленскій, авторъ «Голубого фарфора».

— Ну, теперь, кажется, всѣ въ сборѣ, — сказала, здороваясь съ нимъ, Муся. — Мы какъ разъ были заняты выборомъ пьесы. Платонъ Михайловичъ Фоминъ предлагаетъ «Флорентійскую трагедію» Уайльда. Но Сергѣй Сергѣевичъ находитъ, что она намъ будетъ не по силамъ. Я тоже такъ думаю.

— Трудно намъ будетъ, — подтвердилъ, качая головой, Березинъ.

— Не трудно, а просто невозможно.

— Alors, je n'insiste pas... Со мной какъ съ воскомъ, — сказалъ Фоминъ.

— А что бы вы сказали, господа, объ «Анатолѣ» Шницлера? — освѣдомился князь Горенскій.

— Играть нѣмецкую пьесу? Ни за что!

— Ни подъ какимъ видомъ!

— Господа, стыдно! — возмущенно воскликнулъ князь. — Тогда ставьте «Позоръ Германіи»!

— Давайте, сударики, сыграемъ съ Божьей помощью «Медвѣдя» или «Предложеніе», — сказалъ Никоновъ своимъ обычнымъ задорнымъ тономъ горячаго юноши. Фоминъ пожалъ плечами.

— Лучше «Хирургію», — язвительно произнесъ поэтъ, видимо страдавшій отъ всѣхъ тѣхъ пошлостей, которыя ему приходилось слушать въ обществѣ.

— Мы не въ Чухломѣ.

— Вы бы въ самомъ дѣлѣ еще предложили «Меблированныя комнаты Королева», — набросилась на Никонова Муся.

— И расчудесное дѣло!..

— Перестаньте дурачиться... Господа, я предлагаю «Бѣлый ужинъ»...

— Rostand? — спросилъ Фоминъ. — Хорошая мысль. Но тогда, разумѣется, по французски?

— Разумѣется, по русски, что за вздоръ!

— Есть прекрасный переводъ въ стихахъ.

— Стихи Ростана! — тихо простоналъ Беневоленскій.

— Конечно, по русски.

— По русски, такъ по русски, со мной какъ съ воскомъ...

— Я нахожу, что Ростанъ...

Березинъ постучалъ стальнымъ портсигаромъ по столу.

— Господа, — произнесъ онъ съ ласковой улыбкой, — на нѣкоемъ сборищѣ милыхъ дамъ предсѣдательница, открывая засѣданіе, сказала: «Mesdames, времени у насъ мало, а потому прошу всѣхъ говорить сразу». — Онъ переждалъ минуту, пока смѣялись слушатели, тихо посмѣялся самъ и продолжалъ: — Такъ вотъ, чтобъ не уподобиться оной предсѣдательницѣ и оному собранію, рекомендую ввести нѣкій порядокъ и говорить поочередно.

— Я присоединяюсь...

— Я предлагаю избрать предсѣдателя, — сказала Глафира Генриховна.

— Сергѣя Сергѣевича... Сергѣй Сергѣича...

— Ну, разумѣется.

— Сергѣй Сергѣевичъ, берите бразды правленія.

— Слушаю-съ: беру...

— Прошу слова по личному вопросу, — сказалъ князь Горенскій. — Господа, если вы выберете пьесу въ стихахъ, честно говорю заранѣе: я пасъ. Воля ваша, я зубрить стихи не намѣренъ.

— Ну, вотъ еще!

— Князь, вы прозаикъ, — пошутилъ Фоминъ.

— Никакіе личные отказы не принимаются, — заявила Муся. — Сергѣй Сергѣевичъ, предложите всѣмъ высказаться о «Бѣломъ ужинѣ»... Викторъ Николаевичъ, вы самый младшій... Вѣдь въ Думѣ всегда начинаютъ съ младшихъ, правда, князь?

— То есть, ничего похожаго!

— Я предлагаю предварительно выработать нашъ наказъ, — воскликнулъ Никоновъ.

— И сдать его въ комиссію для обсужденія.

— Господа, безъ шутокъ, ваше остроуміе и такъ всѣмъ извѣстно... Я начинаю съ младшихъ. Викторъ Николаевичъ, вы за или противъ «Бѣлаго ужина»?

— Я не знаю этой пьесы, — сказалъ, вспыхнувъ, Витя и счелъ себя погибшимъ человѣкомъ.

Березинъ опять постучалъ по столу.

— Господа, я съ сожалѣніемъ констатирую, что Марья Семеновна узурпируетъ мои функціи.

— Это возмутительно!

— Призвать ее къ порядку!

— Ахъ, ради Бога! Я умолкаю...

— Молодой человѣкъ правъ, — продолжалъ Березинъ. — Никто не обязанъ помнить «Бѣлый ужинъ». Насколько я помню, пьеса вполнѣ подходящая. У насъ, вдобавокъ, есть чудесная Коломбина, — сказалъ онъ, комически-торжественно кланяясь Мусѣ. — Но вѣдь «Бѣлый ужинъ» вещица очень короткая?

— Помнится, два акта, — сказала Глаша.

— Даже одинъ, если вамъ все равно, — поправилъ Фоминъ.

— Этого, разумѣется, мало. Какія есть еще предложенія?.. Нѣтъ предложеній? Тогда я даю слово самому себѣ... Господа, я буду говорить безъ шутокъ. — Лицо его внезапно стало серьезнымъ, Муся тоже сразу приняла серьезный видъ. — Господа, это очень хорошо поставить милый, изящный французскій пустячокъ, но ограничиться ли намъ этимъ? Я знаю, у насъ любительскій спектакль, пусть! Однако всякій спектакль, не осіянный подлиннымъ искусствомъ, это — вы извините меня, господа, — балаганъ! Пусть мы неопытные актеры, все же я прямо скажу: для меня въ служеніи искусству нѣтъ разницы между любительскимъ спектаклемъ и большой сценой!..

— Браво! Браво!

— Я предлагаю поэтому, господа, въ дополненіе къ «Бѣлому ужину», взять что-либо свое, настоящее, полноцѣнное! — съ силой сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— «Балаганчикъ»? — озабоченно спросила Муся.

— Да, хотя бы «Балаганчикъ»... Впрочемъ, я выбралъ бы другое. Господа, что вы скажете объ «Анатэмѣ»?

— «Анатэма» Андреева?

— Вы не шутите?

— Но вѣдь это длиннѣйшая вещь!

— Это очень vieux jeu, «Анатэма», старо! — возразилъ пренебрежительно Фоминъ. Березинъ быстро къ нему повернулся.

— Старо, можетъ быть, — отчеканилъ онъ, — но я за послѣднимъ словомъ не гонюсь: было бы подлинное искусство!

— Браво!

— Все это хорошо, однако, кто изъ насъ рѣшится играть Анатэму послѣ Качалова? — спро-

силъ Горенскій. Березинъ на него покосился. Но Муся тотчасъ загладила неловкость князя.

— Какъ кто? — возмущенно сказала она. — Это превосходная мысль! Господа, Сергѣй Сергѣевичъ въ роли Анатэмы, да это будетъ сенсація на весь Петербургъ.

— Ахъ, да, развѣ самъ Сергѣй Сергѣевичъ...

— Кто же другой?

— А вы, князь, будете Давидъ Лейзеръ.

Послышался смѣхъ.

— Нѣтъ, господа, я предложилъ бы поставить только одинъ актъ, ну, максимумъ, два... Цѣлое, конечно, намъ не подъ силу. Скажемъ, прологъ, гдѣ всего два дѣйствующихъ лица: Анатэма и Нѣкто, ограждающій входы. Потомъ еще какую-либо сцену... Сознаюсь вамъ, что у меня давно вертятся кое-какія мысли объ этой пьесѣ. Кажется, выйдетъ недурно и свѣжо.

— По моему, прекрасная мысль, — заявила Глафира Генриховна.

— Мало сказать, прекрасная! — воскликнула Муся. — Господа, нашъ спектакль станетъ событіемъ!

Въ эту минуту въ будуаръ вошла Тамара Матвѣевна. Гости поднялись съ мѣстъ. Вслѣдъ за тѣмъ горничная подала чай, и совѣщаніе было скомкано. За чаемъ участники спектакля «въ принципѣ» согласились поставить «Бѣлый ужинъ», актъ изъ «Анатэмы» и, быть можетъ, что-либо еще, такъ, чтобы для всѣхъ нашлись роли. Было постановлено собраться снова на слѣдующій день, возстановивъ пьесы въ памяти, и приступить къ распредѣленію ролей.

Письменный сошелъ вполнѣ благополучно. Послѣ пятаго урока Витя выбѣжалъ на передній дворъ и присоединился къ кучкѣ товарищей, со-

бравшейся, по обыкновенію, въ воротахъ: это съ давнихъ поръ называлось «поглазѣть на Горемыкина», — противъ воротъ Тенишевскаго училища находился домъ предсѣдателя совѣта министровъ. Когда прозвонилъ звонокъ, означавшій конецъ малой перемѣны, Витя незамѣтно скользнулъ на Моховую и былъ таковъ.

Въ библіотекѣ нашелся «Бѣлый ужинъ», но за истекшій мѣсяцъ абонемента съ Вити взяли шестьдесятъ копеекъ. Этотъ непредвидѣнный расходъ уменьшилъ его капиталъ до трехъ рублей. Витя, однако, разсчитывалъ, что на обѣдъ у Альбера во всякомъ случаѣ должно хватить денегъ. Цѣны были ему въ общемъ извѣстны, — ему давно хотѣлось пообѣдать въ хорошемъ ресторанѣ. У Альбера было не очень дорого, но, по словамъ знатоковъ, кормили вполнѣ прилично. Витя счелъ возможнымъ отдѣлить отъ своего капитала двугривенный и взялъ извозчика, — въ ресторанъ лучше было подъѣхать на извозчикѣ.

На углу Невскаго и Морской извозчикъ поспѣшно задержалъ лошадь: впереди на Морскую съѣзжала карета, запряженная великолѣпными лошадьми, съ лакеемъ въ красной ливреѣ на козлахъ. Витя, перегнувшись изъ саней, вглядывался въ окно кареты. Хоть онъ былъ настроенъ довольно революціонно и зналъ, что эти люди такъ жили «на народныя деньги», дворъ внушалъ Витѣ жадное любопытство. Но онъ ничего не увидѣлъ, — день кончался, на улицѣ давно горѣли фонари.

Въ залѣ ресторана было жарко и душно. Витя, скрывая волненіе, съ видомъ привычнаго человѣка, прошелъ въ самый край залы, усѣлся за столикъ, нервно развернулъ накрахмаленную салфетку и взялъ карту. Къ его ужасу оказалось, что напечатанныя на картѣ цѣны (тѣ самыя, которыя ему называли) зачеркнуты и, вмѣсто нихъ, всюду

проставлены другія, болѣе высокія. Витя спѣшно занялся вычисленіемъ, — лакей, къ счастью, долго къ нему не подходилъ. Дешевле другихъ блюдъ стоили супы. Ихъ было два — борщокъ и консомэ. Оба названія нравились Витѣ. Онъ остановился на консомэ, такъ какъ борщокъ былъ, очевидно, разновидностью борща, который часто подавали и дома. На второе Витя выбралъ телячью котлету, — это было привычное, но вкусное блюдо; а главное, стоило оно не очень дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ не было самымъ дешевымъ, такъ что лакей ничего не могъ подумать. Очень его соблазняла Гурьевская каша, но противъ нея значилось: 1 р. 20. Сосчитавъ мысленно все, Витя рѣшился на Гурьевскую кашу: денегъ хватало и по повышеннымъ цѣнамъ, включая копеекъ сорокъ на чай; долженъ былъ даже образоваться еще небольшой остатокъ. Витя успокоился, положилъ карту на столъ и нерѣшительно постучалъ ножомъ о стаканъ. Позвать «человѣкъ!» онъ не рѣшился.

Лакей подбѣжалъ, съ салфеткой подъ мышкой, и почтительно принялъ заказъ. Въ спѣшкѣ, — чтобъ не заставлять ждать лакея, — Витя, вмѣсто телячьей котлеты, по ошибкѣ заказалъ бифштексъ съ картофелемъ. Но измѣнить заказъ было явно неудобно. Впрочемъ, бифштексъ стоилъ столько же, сколько телячья котлета.

— На третье Гурьевскую кашу... Слушаю-съ... Пить что изволите?

Витя похолодѣлъ: этого удара онъ никакъ не ожидалъ: о напиткахъ онъ не подумалъ.

— Квасу нашего не прикажете ли? — съ значительной интонаціей въ голосѣ спросилъ, улыбаясь, лакей.

— Нѣтъ... Зельтерской воды, — сказалъ Витя. — Я пью только воду, — добавилъ онъ, чтобы какъ-нибудь себя спасти во мнѣніи лакея.

— Слушаю-съ.

Сельтерская вода, навѣрное, стоила очень дешево, этотъ расходъ можно было покрыть изъ запаса. Витя принялся разсматривать залъ. «Хорошенькихъ женщинъ что-то не видать»... Ему становилось скучно. Онъ вдругъ вспомнилъ о «Бѣломъ ужинѣ» и, доставъ книгу изъ портфеля, принялся ее пробѣгать. На террасѣ мраморной виллы, надъ заливомъ, слушала послѣдніе аккорды серенады Коломбина, «вся въ бѣломъ, похожая на большой букетъ новобрачной»... На Витю вдругъ нахлынула непонятная радость, — отъ этихъ образовъ, оттого, что онъ былъ взрослый и одинъ обѣдалъ въ ресторанѣ, что передъ нимъ открывалась жизнь, что у него уже была своя Коломбина... «Я очень, очень рада», — вспомнилъ онъ, замирая. Веселый Пьеро, перескакивая черезъ перила, бросался къ Коломбинѣ «съ долгимъ раскатомъ смѣха». Витя еще не зналъ, отчего Пьеро такъ весело, но онъ понималъ его и вмѣстѣ съ нимъ испытывалъ радость. Дворецкій позвалъ Коломбину къ «роскошно сервированному столу подъ пиніей»,— Витѣ какъ разъ подавали супъ.

...Довольно, посмотри, какъ столъ накрытъ красиво,
Какъ измѣняются всѣ вещи прихотливо!
Лагуной кажется хрустальное плато,
Въ сіяньи серебра цвѣтами обвито;
Арбузъ, нарѣзанный на пурпурныя доли,
Напоминаетъ мнѣ по формѣ о гондолѣ;
Кіанти старое себѣ вокругъ брюшка
Надѣло юбочку изъ прутьевъ тростника..

Консомэ оказалось самымъ обыкновеннымъ, жидкимъ бульономъ, — по совѣсти Маруся готовила супъ вкуснѣе. Миска съ надбитымъ ушкомъ не казалась лагуной и рѣшительно ничто на столѣ никакъ не напоминало о гондолѣ. Но Пьеро съ Коломбиной тоже начинали бѣлый ужинъ съ кон-

сомэ, это усилило аппетитъ Вити. Онъ ѣлъ супъ и, скосивъ глаза, читалъ книгу. Пьеро «вонзалъ толедскій ножъ въ хрустящій бокъ паштета», — Витя съ наслажденіемъ ѣлъ тощій бифштексъ Дворецкій разливалъ мадеру, шато-икемъ, марго, мускатъ, — Витя бодро пилъ зельтерскую воду. Онъ былъ счастливъ...

Лакей принесъ Гурьевскую кашу. Витя осторожно придвинулъ къ себѣ обжигавшее пальцы блюдо — и вдругъ у противоположной стѣны, со смѣшаннымъ чувствомъ гордости и безпокойства, увидѣлъ знакомаго. Это былъ докторъ Браунъ. Лицо его поразило Витю своей блѣдностью и мрачнымъ выраженіемъ. «Да это онъ коньякъ такъ хлещетъ... Здорово!»... Браунъ что-то подливалъ въ бокалъ изъ кофейника, — Витя зналъ, что въ кофейникахъ подаются запрещенные крѣпкіе напитки. «Поклониться, что ли? Нѣтъ, лучше не надо... Онъ, впрочемъ, почти не знакомъ съ нашими... Да это и не важно, разумѣется... Какой онъ, однако, страшный!»—тревожно думалъ Витя.

XXXII.

— ...А вы знаете, Александръ Михайловичъ, — сказалъ, улыбаясь, Федосьевъ, когда лакей унесъ блюдо, — вѣдь я за вами въ свое время чуть-чуть не установилъ наблюденія.

— Вотъ какъ? Когда же это?

— За годъ или за два до войны. Вы тогда читали въ Парижѣ публичныя лекціи на философскія темы, и лекціи эти, я слышалъ, имѣли большой успѣхъ?

— Я дѣйствительно былъ въ модѣ въ теченіе нѣкотораго времени. Потомъ, кажется, надоѣлъ, — и пересталъ читать. Къ тому же я тогда началъ

печатать въ журналѣ свою книгу «Ключъ», — многое изъ лекцій въ нее вошло. Но почему мои лекціи вызвали такое ваше заботливое вниманіе?

— Видите ли, у васъ репутація очень лѣваго человѣка. Лекціи же ваши усердно посѣщались людьми, которыми мое вѣдомство интересуется. И — не у меня, но въ Парижѣ — возникла мысль, что, быть можетъ, это не совсѣмъ случайно... Я потому такъ откровенно говорю, что мысль оказалась нелѣпой... Я вдобавокъ интересовался вами, какъ университетскимъ товарищемъ. Изъ вашего «Ключа» мнѣ довелось прочесть лишь одинъ отрывокъ, и я могъ убѣдиться въ томъ, что революціонность ваша сомнительная и что ультралѣвымъ васъ можно назвать развѣ только для смѣха... Вы не сердитесь?

— Нисколько. Мнѣ, впрочемъ, не совсѣмъ ясно, что такое значитъ «ультра-лѣвый»? Въ области практической я предъявляю къ государству довольно скромныя требованія, — приблизительно тѣ, которыя осуществлены въ Англіи и съ которыми вы такъ усердно боретесь. Но этого я въ «Ключѣ» почти не касался. Моя книга, какъ вы изволили сказать, философская, во всякомъ случаѣ теоретическая. Я подвергаю критикѣ разныя наши учрежденія и догматы. Отношеніе мое къ нимъ какой-то остроумецъ назвалъ аттилическимъ: я, молъ, какъ Аттила, все предаю мечу и огню. Но это очень преувеличено. Притомъ, повторяю, у меня чистая теорія.

— Вотъ, вотъ... Я одинъ вашъ аттилическій отрывокъ читалъ съ истиннымъ наслажденьемъ и охотно признаю, что у него два равно отточенныхъ острія, направленныхъ въ противоположныя стороны. Лѣвымъ ваша книга, должно быть, еще непріятнѣе, чѣмъ правымъ, и это меня, конечно, утѣшаетъ. Но... Простите тривіальное замѣчаніе:

я вообще боюсь не столько бисера (бисеръ вещь вполнѣ безобидная), сколько его отраженія въ мозгу свиней. Въ современномъ мірѣ и безъ того очень развиты аттилическіе инстинкты. Вотъ и у насъ, я думаю, когда купцы бьютъ въ ресторанахъ зеркала, это происходитъ отъ излишняго аттилизма.

— Очень можетъ быть, — отвѣтилъ, смѣясь, Браунъ, — вѣроятно, купецъ пьянымъ инстинктомъ чувствуетъ, что и ресторанъ дрянной, и зеркала дрянныя.

— Повѣрьте, ничего подобнаго. Онъ потому ихъ и бьетъ, что они дорогія и хорошія: денегъ куры не клюютъ, разбилъ, вставь, с... с..., новыя!.. Но если слушатели вашихъ лекцій начнутъ бить разныя зеркала, то, боюсь, новыя будетъ вставить трудно. Поэтому, можетъ быть, мы не такъ неправы, относясь подозрительно къ людямъ съ аттилическимъ инстинктомъ, — разумѣется, если они не чистые теоретики... Но вы кушайте...

Федосьевъ, тоже смѣясь, пододвинулъ Брауну блюдо. Разговоръ шелъ въ столовой Федосьева. Онъ жилъ въ частной холостой квартирѣ, обставленной небогато, чуть только прилично, и безъ всякихъ претензій. Видно, и квартира, и ея обстановка мало интересовали хозяина. Коверъ, буфетъ, кожаные стулья были куплены въ первомъ магазинѣ по сосѣдству съ домомъ. На покрытомъ дешевенькой салфеткой столикѣ стоялъ большой граммофонъ. На стѣнѣ были развѣшены фотографіи въ золоченыхъ рамкахъ. «Не хватаетъ канарейки», — подумалъ, войдя въ столовую, Браунъ. — «Вотъ и суди по обстановкѣ...» Впрочемъ, когда онъ присмотрѣлся къ квартирѣ, кое-что въ ней показалось ему характернымъ для Федосьева. Лампы давали много меньше свѣта, чѣмъ было бы нужно, и уюта, несмотря на мѣщан-

скую обстановку, не было. Обѣдъ былъ хорошъ, безъ лишнихъ предназначенныхъ для гостей, блюдъ. Подавалъ лакей въ сѣрой тужуркѣ, безъ перчатокъ, съ бѣгающими, воспаленными глазами. — «Вѣрно охранникъ»...

— Такъ вы читали «Ключъ»? — спросилъ Браунъ, кладя себѣ на тарелку кусокъ индѣйки. — Какъ это у васъ хватаетъ на все времени?

— На все не на все, а на чтенiе хватаетъ... Для меня, Александръ Михайловичъ, какъ, впрочемъ, извините меня, и для васъ, начинается тяжкая подготовительная школа по изученiю ремесла старости... Салата совѣтую взять... Или вы, по французски, ѣдите салатъ отдѣльно?.. Скорѣе подавай, —приказалъ онъ лакею, — баринъ спѣшитъ. Какъ могу, скрашиваю жизнь: книги вообще очень помогаютъ, но въ послѣднее время все меньше. А вамъ? Вѣдь вы, Александръ Михайловичъ, насколько я могу судить, человѣкъ нервный и раздражительный?

— Есть грѣхъ.

— И не безъ легкихъ «тиковъ»?

— Не безъ легкихъ тиковъ. Не выношу ученыхъ дамъ, дѣтей въ очкахъ, толстыхъ мопсовъ... Что еще?

— Я не шучу. Какъ насчетъ «тика смерти»? Вѣдь люди дѣлятся на завороженныхъ и «не-боящихся»...

— Невѣрное дѣленiе. Я скорѣе изъ не-боящихся, а все-таки «завороженъ»... Если не самой смертью, то ея приближенiемъ. По крайней мѣрѣ къ каждому новому человѣку, — къ умному, разумѣется, — я подхожу съ нѣмымъ вопросомъ: что даетъ ему силу и охоту жить? Но этого не надо принимать трагически. Человѣкъ удѣляетъ философскимъ мыслямъ часъ-два въ сутки. Остальное время у него, слава Богу, свободно... Бываетъ,

весной повѣетъ свѣжимъ теплымъ вѣтеркомъ, или увидишь хорошенькую дѣвушку, только начинающую жить, и, старый дуракъ, серьезно вѣришь въ завтрашній день: вѣчный обманъ тутъ какъ тутъ.

— Тутъ какъ тутъ? — переспросилъ Федосьевъ. — И, правда, слава Богу... Непремѣнно прочту вашу книгу. Жаль, что мнѣ изъ нея попалось лишь нѣсколько главъ, безъ начала и конца. Многаго я поэтому не могъ понять, даже въ терминологіи... Что такое, напримѣръ, міры А и В?

— Ахъ, это никакого интереса не представляетъ, такъ, маленькое отступленіе въ сторону, — отвѣтилъ Браунъ. — Я говорилъ о двухъ мірахъ, существующихъ въ душѣ большинства людей. Изъ ученаго педантизма и для удобства изложенія я обозначилъ ихъ буквами. Міръ А есть міръ видимый, наигранный; міръ В болѣе скрытый и, хотя бы поэтому, болѣе подлинный.

— Да вѣдь, кажется, обо всемъ такомъ говорится въ учебникахъ психологіи? — спросилъ Федосьевъ. — Мнѣ знакомый психіатръ объяснялъ, что теперь въ большой модѣ ученіе о подсознательномъ, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то, — отвѣтилъ Браунъ. — Вашъ психіатръ, вѣрно, имѣлъ въ виду вѣнско-цюрихскую школу: Брейера, Фрейда, Юнга. Это ученіе теперь дѣйствительно въ большой модѣ, но меня оно не интересуетъ и многое въ немъ — гипертрофія сексуальной природы, эдиповъ комплексъ, цензура сновъ — кажется мнѣ весьма сомнительнымъ... Нѣтъ, благодарю васъ, больше не угощайте, я сытъ... Я совершенно не занимаюсь областью безсознательнаго и подсознательнаго. Точно также не занимаютъ меня и учебники психологіи, — Ich und Es, the pure Ego, les personnalités alternantes и т. д. Я не жду объясненія человѣческихъ дѣйствій отъ профессоровъ психологіи.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ — весьма извѣстныхъ — я знаю лично. Это безпомощные младенцы, ровно ничего не понимающіе въ людяхъ... Впрочемъ, можетъ быть, мои мысли и не новы, гарантіи новизны я не даю.

— Такъ что же все-таки за міры, если не секретъ?—спросилъ, безъ большого, впрочемъ, интереса, Федосьевъ.

— Точными опредѣленіями не буду васъ утруждать, лучше кратко поясню примѣромъ изъ той области, которая васъ интересуетъ. Я зналъ вождя революціонной партіи—иностранной, иностранной, — добавилъ онъ съ улыбкой. — Въ мірѣ А это «идеалистъ чистѣйшей воды», фанатикъ своей идеи, покровитель всѣхъ угнетенныхъ, страстный борецъ за права и достоинство человѣка. Такимъ онъ представляется людямъ. Такимъ онъ обычно видитъ себя и самъ. Но съ нѣкоторымъ усиліемъ онъ, вѣроятно, можетъ себя перенести въ міръ В, внутренно болѣе подлинный. Въ мірѣ В это настоящій крѣпостникъ, деспотъ, интриганъ и полумерзавецъ...

— Почему же полу? — спросилъ Федосьевъ. — Утѣшьте меня, можетъ быть, совсѣмъ мерзавецъ, а? Такъ и психологически эффектнѣе.

— Настоящихъ мерзавцевъ на свѣтѣ такъ мало... Не выношу тѣхъ плохихъ писателей, которые въ своихъ книгахъ все выводятъ подлецовъ и негодяевъ, — что за насиліе надъ жизнью! Ты возьми средняго порядочнаго человѣка и, ничего не скрывая, покажи толкомъ, что дѣлается у него въ душѣ... Этотъ не средній и не порядочный, однако, не могу васъ утѣшить: только полумерзавецъ. Что у него въ мірѣ В? На первомъ планѣ тщеславіе, властолюбіе, ненависть. Есть ли хоть немного любви къ человѣчеству, «идеализма чистѣйшей воды»? Есть, конечно, но немного, очень

немного. Былъ ли онъ когда-либо другимъ? Не думаю: онъ какъ та старуха у Петронія, которая не помнила себя дѣвственницей. Тяготится ли онъ жизнью въ мірѣ мелкой злобы и интриги? Конечно, нѣтъ, — какъ рыба не страдаетъ морской болѣзнью. Но видитъ ли онъ свой міръ В? Могъ бы отлично видѣть, ничего безсознательнаго тутъ, повторяю, нѣтъ. Скорѣе, однако, не видитъ или видитъ весьма рѣдко: мысль у него лѣнивая. Въ мірѣ А она, впрочемъ, бойкая: человѣкъ онъ довольно невѣжественный, но въ его невѣжествѣ есть пробѣлы: онъ жуетъ свою полемическую жвачку, произноситъ страстныя рѣчи и обдѣлываетъ свои дѣлишки такъ хорошо, что просто любо смотрѣть. А вотъ подумать о своемъ подлинномъ, несимулированномъ мірѣ ему трудно, да и некогда... Впрочемъ, не берусь утверждать, какой міръ подлинный, какой призрачный. Симуляція, длящаяся годами, почти замѣняетъ дѣйствительность, уже почти отъ нея не отличается. Опытный зритель понимаетъ смыслъ пьесы, угадываетъ ея развязку, режиссеръ видитъ артистовъ безъ грима; но для актера привычка дѣлаетъ главной реальностью сцену. А еслибъ актеръ игралъ каждый день одну и ту же роль, то для него жизнь перестала бы совсѣмъ быть реальной. Таковъ и этотъ человѣкъ. Онъ потерялъ ключъ изъ одного міра въ другой.

— Развѣ обязательно имѣть ключъ?

— Не знаю, — сказалъ Браунъ. — Можетъ быть, лучше и не имѣть... Или забросить его куда-нибудь подальше. А то еще спятишь, и посадятъ тебя туда, куда сажаютъ людей, «нѣсколько болѣе сумасшедшихъ, чѣмъ другіе»... Мой революціонеръ, конечно, крайній случай, но примѣровъ можно привести много въ самомъ различномъ родѣ. У меня вошло было въ привычку: угадывать міръ В по міру А. Сначала это забавляло.

— Да, это должно быть иногда забавно, — небрежно сказалъ Федосьевъ. — Почтенный человѣкъ говоритъ о высокихъ предметахъ, о чистой Тургеневской дѣвушкѣ, — это, оказывается, міръ А. А въ мірѣ В у него старческія слюнки текутъ отъ разныхъ Тургеневскихъ и не - Тургеневскихъ дѣвочекъ. Очень забавно... Вы сыра не ѣдите? Тогда фруктовъ?.. И что же, у всѣхъ людей, по вашему, есть міръ В?

— Благодарю... У большинства, должно быть. Есть люди безъ міра В, какъ есть люди безъ міра А: какой-нибудь Федоръ Карамазовъ, что ли... Не надо, впрочемъ, думать, будто міръ В всегда хуже міра А: бываетъ и обратное. Бываетъ и такъ, что они очень близки другъ къ другу. Я бы сказалъ только, что міръ В постояннѣе и устойчивѣе міра А. По взаимоотношенію этихъ двухъ міровъ и нужно, по моему, изучать и классифицировать людей. Все ирраціональное въ человѣкѣ изъ міра В, даже самое будничное и пошлое, — въ ирраціональномъ вѣдь есть и такое: скупость, напримѣръ. Кто изъ насъ не зналъ истинно-добрѣйшей души людей, которые, чтобъ не разстаться съ ненужными имъ деньгами, дадутъ умереть отъ голода ближнему, — ближнему не въ библейскомъ, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Душа у нихъ рвется на части, но денегъ они не дадутъ. Это міръ В.

Федосьевъ смотрѣлъ на него задумчиво. «А какъ же ты могъ Фишера отравить, въ мірѣ А или въ мірѣ В?..»

— Ну, и что же?

— Только и всего.

— Такъ это чистая психологія? — разочарованно протянулъ Федосьевъ. — Какая же связь этой главы съ вашими аттилическими теоріями?

— О, связь лишь косвенная и абстрактная, — сказалъ Браунъ и взглянулъ на часы. — Однако

мы засидѣлись! Вы меня извините, но я васъ предупредилъ, что тотчасъ послѣ обѣда долженъ буду уѣхать.

— Предупредить предупредили, правда, а все же еще посидите. Я такъ радъ случаю побесѣдовать... Косвенная связь, вы говорите?

— Да, нѣсколько искусственная... Я, быть можетъ, злоупотребилъ этой тяжелой и претенціозной терминологіей. Но было соблазнительно перейти отъ человѣка къ государству. У общественныхъ коллективовъ тоже есть свой не-симулированный міръ. Я разсматриваю войну, революцію, какъ прорывъ наружу чернаго міра. Приблизительно разъ въ двадцать или въ тридцать лѣтъ исторія наглядно намъ доказываетъ, что такъ называемое культурное человѣчество эти двадцать или тридцать лѣтъ жило выдуманной жизнью. Такъ, въ театрѣ каждый часъ пьеса прерывается антрактомъ, въ залѣ зажигаютъ свѣтъ, — все было выдумкой. Эту неизбѣжность прорыва чернаго міра я называю рокомъ, — самое загадочное и самое страшное изъ всѣхъ человѣческихъ понятій. Ему посвящена значительная часть моей книги.

— Люди часто, по моему, этимъ понятіемъ злоупотребляютъ, какъ и понятіемъ неизбѣжности. Захлопнуть бы черный міръ и запереть надежнымъ ключемъ, а?

— Что-жъ, вы такой надежный ключъ и найдите.

— Возможности у насъ теперь маленькія, это правда. Однако въ бесѣдѣ съ вами жаловаться на это не приходится, — сказалъ Федосьевъ, — все равно, какъ неделикатно жаловаться на свою бѣдность въ разговорѣ съ человѣкомъ, который вамъ долженъ деньги... Но что такое черный міръ государства? Міръ безъ альтруистическихъ чувствъ?

— Нѣтъ, гдѣ ужъ альтруизмъ! Я такъ далеко

и не иду. У меня славная программа-минимумъ. Какъ прекрасна, какъ счастлива была бы жизнь на землѣ, еслибъ люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководились только своими узкими эгоистическими интересами! Къ несчастью, злоба и безуміе занимаютъ въ жизни гораздо больше мѣста, чѣмъ личный интересъ. Они-то и прорываются наружу... Я и въ честолюбіе плохо вѣрю. Нѣтъ честолюбія, есть только тщеславіе: самому честолюбивому человѣку по существу довольно безразлично, что́ о немъ будутъ думать черезъ сто лѣтъ, хоть онъ, можетъ быть, этого и не замѣчаетъ... Смерть бьетъ и эту карту.

— Мысли у васъ не очень веселенькія, — сказалъ Федосьевъ. — Но это не бѣда: вы съ такими мыслями сто лѣтъ проживете, Александръ Михайловичъ. Да еще какъ проживете! Безъ грѣха, безъ грѣшковъ даже, и въ мірѣ А, и въ мірѣ В. По рецепту Марка Твэна: жить такъ, чтобы въ день вашей кончины былъ искренно разстроенъ даже содержатель похороннаго бюро... Разрѣшите вамъ налить портвейна? Недурной, кажется, портвейнъ.

— Очень хорошій, — сказалъ Браунъ, отпивъ изъ рюмки. — И обѣдомъ вы меня накормили прекраснымъ.

— Когда же, по вашему, — спросилъ Федосьевъ, — произойдетъ у насъ этотъ взрывъ міра В? Или, попросту говоря, революція?

— По моему, удивительнѣе всего то, что она еще не произошла, если принять во вниманіе всѣ дѣла вашихъ политическихъ друзей...

— Моихъ и вашихъ. Давайте раздѣлимъ отвѣтственность пополамъ. Вѣрьте мнѣ, это очень для васъ выгодно.

— Но такъ какъ фактъ налицо: до сихъ поръ никакого взрыва не было, то я твердо рѣшилъ воздерживаться отъ предсказаній въ отношеніи

нашего будущаго. Соціологію Россіи надо разъ навсегда предоставить гадалкамъ.

— Спорить не буду, хотя насчетъ сроковъ у меня устанавливается все болѣе твердое мнѣніе. Но я и самъ думаю, что у насъ все возможно... Помнится, я вамъ даже это говорилъ... Вѣрно у насъ съ вами сходный міръ В? Въ мірѣ А мы, къ сожалѣнію, расходимся.

— Да, немного. Но вы и въ мірѣ А иногда высказываете мысли, которыя какъ будто не совсѣмъ вяжутся съ вашимъ положеніемъ и оффиціальными взглядами... Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы знать, высказываете ли вы эти мысли также и близкимъ вамъ государственнымъ дѣятелямъ?

— Имъ высказываю рѣдко, — отвѣтилъ, смѣясь, Федосьевъ. — Не хватаетъ «гражданскаго мужества»... Очень я люблю это выраженіе: о людяхъ, не имѣющихъ мужества-просто, ихъ друзья обычно говорятъ, что у нихъ есть гражданское мужество... Нѣтъ, государственнымъ дѣятелямъ не высказываю, — старичковъ бы еще разбилъ ударъ.

— Выскажите имъ все на прощанье, когда соберетесь въ отставку. Все-таки отведете душу: я думаю, вы ихъ любите не больше, чѣмъ насъ... Но я, право, долженъ васъ покинуть, еще разъ прошу меня извинить, — сказалъ, вставая, Браунъ. — Въ свою очередь буду очень радъ, если вы ко мнѣ заглянете.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Что-жъ, больше не удерживаю, знаю, какъ вы спѣшите. Большое спасибо, что зашли...

Онъ проводилъ гостя въ переднюю. Лакей въ сѣрой тужуркѣ подалъ шубу.

— Вѣдь вы въ Парижъ еще не скоро?

— Нѣтъ, до конца войны думаю побыть здѣсь.

— До конца войны! — протянулъ Федосьевъ, удерживая въ своей рукѣ руку Брауна. — Соскучитесь... Вѣдь у васъ тамъ друзья, ученики... Отъ Ксеніи Карловны кстати писемъ не имѣете? — быстро, подчеркивая слова, спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ. — Такъ я надѣюсь скоро снова съ вами встрѣтиться?

— Очень буду радъ, — отвѣтилъ Браунъ, опуская деньги въ руку лакея. — Нѣтъ, писемъ не имѣю. Мнѣ вообще мало пишутъ... До свиданья, Сергѣй Васильевичъ, благодарю васъ.

— До скораго свиданья, Александръ Михайловичъ.

Дверь захлопнулась. Федосьевъ вошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ у письменнаго стола.

«Нѣтъ, очень крѣпкій человѣкъ», — подумалъ онъ. — «Никакими штучками и эффектами его не проймешь. Ерунда эти слѣдовательскія штучки, когда имѣешь дѣло съ настоящимъ человѣкомъ. Нисколько онъ не «блѣднѣетъ» и не «мѣняется въ лицѣ»... А если и блѣднѣетъ, то какое же это доказательство! Видитъ, что подозрѣваютъ, и потому блѣднѣетъ... Однако не вздоръ ли и вообще все это?» — спросилъ себя съ досадой Федосьевъ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, затѣмъ подошелъ къ шкафу, вынулъ щипцы, небольшой деревянный ящикъ, и вернулся въ столовую.

— Ступай къ себѣ, — сказалъ онъ входившему лакею. — Послѣ уберешь.

Федосьевъ заперъ дверь, осторожно взялъ щипцами стаканъ, изъ котораго пилъ портвейнъ Браунъ, и поставилъ этотъ стаканъ въ ящикъ, утыканный изнутри колышками. Затѣмъ перенесъ ящикъ въ кабинетъ, запечаталъ и надписалъ на крышкѣ букву В. «Вотъ мы и посмотримъ... Совсѣмъ, однако, Шерлокъ Хольмсъ», — подумалъ

онъ. Эта мысль была непріятна Федосьеву: то, что онъ дѣлалъ, не очень соотвѣтствовало его рангу, привычкамъ, достоинству. «Но какъ же быть? Другого доказательства быть не можетъ... И такія ли еще дѣлаются вещи и у насъ, и въ другихъ странахъ!» — утѣшилъ себя онъ, перебирая въ памяти разныя чужія дѣла. Очевидно, воспоминанье о нихъ его успокоило. «Надо будетъ послать въ кабинетъ экспертизы», — подумалъ Федосьевъ, оправляя пальцемъ твердѣющій сургучъ на угловой щели ящика.

XXXIII.

Должность второго парламентскаго хроникера составляла мечту донъ-Педро. Получить эту должность было, однако, нелегко. Не всѣ газеты имѣли въ Думѣ двухъ представителей и Альфредъ Исаевичъ зналъ, что положеніе въ «Зарѣ» Кашперова, перваго думскаго хроникера, довольно крѣпко. Донъ-Педро, впрочемъ, подъ Кашперова не подкапывался: онъ не любилъ интригъ. Но ему казалось, что газета съ положеніемъ «Зари» должна, кромѣ отчетовъ о засѣданіяхъ Думы, печатать еще информацію о «кулуарахъ». Альфредъ Исаевичъ, природный журналистъ, спалъ и во снѣ видѣлъ этотъ отдѣлъ. Онъ придумывалъ для него все новыя названія, — либо дѣловыя: «Кулуары», «Въ кулуарахъ», либо болѣе шутливыя: «Слухи и шопоты», «За кулисами». Изъ этихъ названій онъ склонялся къ первому, серьезному: «Кулуары», — слово это очень ему нравилось. Альфредъ Исаевичъ предполагалъ даже, въ случаѣ удачи, избрать себѣ новый псевдонимъ: подпись «Донъ-Педро» для такого отдѣла была недостаточно серьезной. Нѣсколько вліятельныхъ людей обѣщало

Альфреду Исаевичу поговорить о немъ съ главнымъ редакторомъ газеты. Но донъ-Педро плохо вѣрилъ обѣщаніямъ, въ выполненіи которыхъ люди не были заинтересованы. Вдобавокъ, редакторъ, Вася, былъ въ послѣднее время суховатъ съ Альфредомъ Исаевичемъ. Донъ-Педро приписывалъ это сплетнямъ.

— Конечно, насплетничали Васѣ, — объяснялъ донъ-Педро секретарю причины охлажденія къ нему политическаго редактора. — Сто разъ я себѣ говорилъ: не болтать. А тутъ взялъ и разговорился въ одномъ домѣ о той передовой Васи. (У Альфреда Исаевича была привычка говорить о своихъ знакомствахъ и связяхъ нѣсколько таинственно: «въ одномъ домѣ», «у однихъ друзей»).

— Вотъ и не болтайте, — наставительно сказалъ Федоръ Павловичъ. — А впрочемъ сплетенъ бояться не надо: кто способенъ донести, тотъ можетъ и просто о васъ выдумать, даже если вы ничего не говорили.

«Ну, это теорія», — подумалъ Альфредъ Исаевичъ (онъ называлъ теоріей все, что ему казалось чепухою). — «Посплетничать одно, а выдумать другое».

— Вся моя надежда на васъ, Федоръ Павловичъ, — жалобно сказалъ онъ.

Секретарь редакціи былъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ донъ-Педро: онъ отлично зналъ, что отдѣлъ, посвященный слухамъ и сплетнямъ изъ «кулуаровъ», много интереснѣе публикѣ, чѣмъ самые дѣльные отчеты о думскихъ преніяхъ. Зато отчаянное сопротивленіе предвидѣлось со стороны Кашперова.

— Что-жъ, я дѣйствую съ открытымъ забраломъ, — справедливо говорилъ Альфредъ Исавичъ. — Если онъ изъ этого сдѣлаетъ кабинет-

скій вопросъ, это дѣло его профессіональной совѣсти.

Въ редакціи всѣ стояли за учрежденіе новаго отдѣла: веселые, благодушные, насквозь проникнутые скептицизмомъ и корпоративнымъ духомъ люди, преобладавшіе въ редакціи «Зари», какъ во всѣхъ редакціяхъ міра, знали, что донъ-Педро хорошій человѣкъ, что, кромѣ жены, у него на содержаніи семья родственниковъ въ Черниговѣ и что лишніе двѣсти рублей въ мѣсяцъ очень ему пригодились бы.

Въ связи съ анкетой объ англо-русскихъ отношеніяхъ, донъ-Педро пустилъ пробный шаръ. Онъ заявилъ главному редактору, что для полученія интервью отъ видныхъ депутатовъ ему необходимо постоянно бывать въ Думѣ, и потребовалъ билета въ ложу журналистовъ.

— Вы сами понимаете, иначе они никакого интервью не дадутъ: они терпѣть не могутъ, чтобы къ нимъ ходили на домъ, — сказалъ Альфредъ Исаевичъ, явно разсчитывая на довѣрчивость Васи и не смѣя поднять глаза на Федора Павловича, который только мрачно на него посмотрѣлъ: оба они были убѣждены, что изъ десяти извѣстныхъ людей девять не только примутъ у себя на дому интервьюера, но съ удовольствіемъ пѣшкомъ побѣгутъ для интервью за городъ.

Главный редакторъ согласился съ доводами Альфреда Исаевича, и для него былъ полученъ входной билетъ въ ложу журналистовъ. Это было половиной побѣды: донъ-Педро, сіяя, принималъ поздравленія.

Открытіе думской сессіи было назначено на 19-ое ноября. Альфредъ Исаевичъ явился рано, въ пріятномъ и приподнятомъ настроеніи духа.

Онъ даже одѣлся для этого случая нѣсколько болѣе парадно, чѣмъ всегда. Подъ мышкой у него былъ солидный, крокодиловой кожи портфель съ иниціалами А. П., а въ карманѣ, вмѣсто старой, потрепанной, новенькая записная книжка съ остро очиненнымъ карандашемъ въ боковомъ кружкѣ.

Донъ-Педро бывалъ въ Таврическомъ Дворцѣ и раньше, зналъ многихъ депутатовъ, однако онъ не былъ своимъ человѣкомъ въ Думѣ. Все очень ему нравилось. Пріятенъ былъ самый переходъ съ полутемной, сырой и грязной улицы въ ярко освѣщенное, хорошо натопленное зданіе. Пріятны были и будки по сторонамъ палисадника, и монументальный швейцаръ у входа, и думская стража въ черныхъ мундирахъ съ тесаками, и замысловатый потолокъ аванзала, казавшійся куполомъ, а на самомъ дѣлѣ плоскій. Теперь все это, и швейцаръ, и стража, и куполъ, составляло какъ бы собственность донъ-Педро. Сторожъ провѣрялъ температуру у термометра. Альфредъ Исаевичъ тономъ завсегдатая спросилъ у сторожа, собрался ли уже народъ. Тотъ же вопросъ онъ предложилъ проходившему по аванзалу приставу въ сюртукѣ съ серебряной цѣпью и получилъ тотъ же отвѣтъ, что еще нѣтъ почти никого. И сторожъ, и приставъ отвѣчали чрезвычайно почтительно. Альфредъ Исаевичъ съ гораздо большей силой, чѣмъ въ гостиницѣ «Паласъ», испытывалъ наслажденіе отъ необыкновеннаго комфорта и почета. «Да, самая настоящая Европа», — думалъ онъ. Донъ-Педро имѣлъ смутное представленіе объ Европѣ, но все, что онъ о ней зналъ, совпадало съ картиной Таврическаго Дворца.

«Зарѣ» полагалось мѣсто въ нижней ложѣ, предназначенной для газетной аристократіи. Какъ разъ въ ту минуту, когда донъ-Педро вошелъ въ ложу, въ залѣ засѣданій зажглись люстры и освѣ-

тили пюпитры свѣтло-желтаго дерева, трибуну, золотой орелъ, огромный портретъ императора, ходившихъ по залу людей съ серебряными цѣпями. Ложа журналистовъ, какъ и зала, еще была почти пуста. Въ углу, въ первомъ ряду, сидѣлъ Браунъ. «Вѣрно по иностранному билету», — подумалъ удивленно донъ-Педро. Онъ поклонился довольно холодно. Альфредъ Исаевичъ выбралъ мѣсто во второмъ ряду, прислонилъ къ спинкѣ стула портфель и вынулъ газету, чтобъ можно было безъ неловкости воздержаться отъ всякаго разговора съ мрачнымъ профессоромъ. «Непріятная фигура», — подумалъ донъ-Педро, поглядывая изъ-за газеты на Брауна, который съ очень утомленнымъ видомъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, опустивъ руки на барьеръ. Читать Альфреду Исаевичу не хотѣлось. Онъ посидѣлъ немного, затѣмъ поднялся, положилъ для вѣрности на свой стулъ еще футляръ отъ очковъ, пожалѣвъ, что клеенка на футлярѣ отклеилась, и вышелъ изъ ложи въ свое будущее царство, въ кулуары.

Въ кулуарахъ уже были люди; донъ-Педро безпрестанно раскланивался со знакомыми. Нѣкоторые депутаты, притомъ не только близкаго, но и враждебнаго лагеря, имѣвшіе основаніе быть недовольными «Зарей», очень любезно здоровались съ нимъ, называя его по имени-отчеству. Они подтвердили Альфреду Исаевичу то, что онъ еще раньше слышалъ въ редакціи: со стороны крайней лѣвой ожидается обструкція противъ новаго правительства. Донъ-Педро качалъ головой съ нейтральнымъ, неопредѣленнымъ видомъ. Въ душѣ онъ нисколько не сочувствовалъ обструкціи. Какъ человѣкъ пожилой и солидный, Альфредъ Исаевичъ уважалъ принципъ власти; а въ этомъ пышномъ великолѣпномъ дворцѣ, гдѣ всѣ были такъ

любезны и учтивы, обструкція казалась ему ни съ чѣмъ несообразнымъ, неподобающимъ дѣломъ.

Желая хорошо ознакомиться со своимъ дворцомъ, донъ-Педро заглянулъ въ залъ комиссій, посмотрѣлъ почтовое и врачебное отдѣленія, затѣмъ зашелъ въ буфетъ, гдѣ, весело разговаривая, завтракали и пили чай депутаты. Въ пожиломъ человѣкѣ, закусывавшемъ у стойки, донъ-Педро съ удовлетвореніемъ узналъ одного изъ второстепенныхъ министровъ, въ свое время давшаго ему интервью. Альфредъ Исаевичъ поклонился съ достоинствомъ: министръ былъ министръ, однако донъ-Педро чувствовалъ себя представителемъ «Зари»: такъ молодой совѣтникъ посольства, замѣняя посла, съ особымъ достоинствомъ бесѣдуетъ съ иностраннымъ премьеромъ, зная, что и на второстепенной должности представляетъ великую державу. Тѣмъ не менѣе отвѣтный поклонъ министра былъ пріятенъ Альфреду Исаевичу. Онъ все яснѣе чувствовалъ, что становится частью огромнаго, могущественнаго организма: благодаря кусочку картона съ пропечатанной фотографической карточкой, хранившемуся у него въ боковомъ карманѣ, и министръ какъ бы ему принадлежалъ. Водку въ думскомъ буфетѣ подавали безъ обычной маскировки. Донъ-Педро спросилъ рюмку зубровки, энергичнымъ движеніемъ опрокинулъ ее въ ротъ,—онъ всегда пилъ водку съ такимъ видомъ, точно бралъ штурмомъ крѣпость, — закусилъ зубровку семгой, хоть не былъ голоденъ, и въ самомъ лучшемъ настроеніи, еще повеселѣвъ отъ водки, вернулся въ Екатерининскій залъ. Объ его комфортѣ здѣсь очень заботились. «Только родильнаго отдѣленія не хватаетъ», — подумалъ онъ. — «И совершенная ерунда эта обструкція»...

У стола съ журналами толпились депутаты.

Донъ-Педро посидѣлъ въ удобномъ кожаномъ креслѣ, прислушиваясь къ разговорамъ. Говорили почти исключительно о предстоящей обструкціи. Одни говорили о ней сочувственно, другіе возмущенно, но и у тѣхъ, и у другихъ чувствовалось оживленіе и даже радость, точно всѣ съ удовольствіемъ ждали новаго зрѣлища. Донъ-Педро вынулъ записную книжку, поставилъ на первой страницѣ число и набросалъ нѣсколько строкъ, хотя отдѣлъ «кулуары» еще не былъ ему порученъ. Отъ противоположнаго стола, гдѣ расписывались въ книгѣ члены Думы, своей быстрой энергичной походкой подошелъ князь Горенскій. «Ужъ не взять ли у него интервью?» — подумалъ Альфредъ Исаевичъ. Однако онъ тотчасъ призналъ князя слишкомъ молодымъ для анкеты.

— Вы какъ здѣсь? — спросилъ Горенскій, быстро и крѣпко пожимая ему руку. — Вѣдь отъ «Зари» у насъ Кашперовъ?

— Кашперовъ самъ по себѣ, а я тоже самъ по себѣ, — отвѣтилъ Альфредъ Исаевичъ. — Нашей газетѣ необходимо отображеніе внутренняго міра Думы и я, вѣроятно, возьму на себя этотъ отдѣлъ. Что, князь, будетъ обструкція?.. Я не отрицаю, конечно, цѣлесообразности этого метода борьбы при извѣстной конъюнктурѣ, но вопросъ въ томъ, поскольку это отвѣчаетъ задачамъ текущаго момента?

— Да, наши лѣвые твердо рѣшили, — сказалъ князь. — По моему...

Мимо нихъ неувѣренной походкой, робко и нервно оглядываясь по сторонамъ, прошелъ тотъ министръ, который только что закусывалъ въ буфетѣ. Князь сухо съ нимъ раскланялся.

— Вотъ она, звѣздная палата, — насмѣшливо сказалъ онъ. — Кстати, Столыпинъ послѣдній изъ нихъ умѣлъ носить сюртукъ.

— Вѣдь этотъ изъ простыхъ, отецъ его былъ простой мѣщанинъ... Странно все-таки, что интересы помѣстнаго класса представляютъ выходцы изъ мѣщанъ, а интересы надцензовой демократіи кровный рюриковичъ князь Горенскій, — сказалъ, улыбаясь, донъ-Педро.

— А мнѣ совершенно все равно, изъ простыхъ онъ или не изъ простыхъ, — съ равнодушнымъ видомъ отвѣтилъ князь (хотя ему было пріятно замѣчаніе журналиста). — Важно то, что и онъ, и они всѣ никуда не годятся.

«Нѣтъ, я все-таки возьму у него интервью», — рѣшилъ донъ-Педро. Онъ изложилъ князю свою просьбу. Лицо Горенскаго тотчасъ приняло серьезное, сосредоточенное выраженіе.

— Важная проблема, которую какъ нельзя болѣе своевременно ставитъ газета «Заря»... — началъ онъ. Но въ эту минуту въ залѣ зазвонилъ электрическій звонокъ.

— Я буду къ вашимъ услугамъ послѣ засѣданія, — сказалъ Горенскій, пожимая руку Альфреду Исаевичу. По Екатерининскому залу, въ предшествіи человѣка съ золотой цѣпью, шелъ предсѣдатель Государственной Думы, за нимъ еще нѣсколько человѣкъ въ сюртукахъ. Звонокъ продолжалъ звонить. Депутаты, оживленно разговаривая, устремились въ залу засѣданій. Донъ-Педро поспѣшно вернулся въ ложу, теперь переполненную до отказа, отыскалъ глазами Кашперова, очень корректно съ нимъ раскланялся и, устроивъ себѣ пюпитръ изъ портфеля, положилъ на него книжку. Предсѣдатель Думы уже сидѣлъ на трибунѣ. Его голова приходилась въ уровень съ концомъ шпаги Императора. Нѣсколько ниже приставъ, оглядывая быстро наполнявшійся залъ, придерживалъ рукой прессъ-папье, положенное на кнопку электрическаго звонка, — видимо,

этотъ пріемъ доставлялъ ему удовольствіе. Когда залъ заполнился, приставъ снялъ съ кнопки прессъ-папье. Электрическій звонокъ оборвался, тотчасъ раздался другой. Предсѣдатель рѣзкимъ властнымъ движеніемъ встряхнулъ въ рукѣ мѣдный колокольчикъ.

— Засѣданіе Государственной Думы открывается.

XXXIV.

«Да, это и есть наше главное окно въ Европу, и только отсюда могло бы прійти спасеніе», — думалъ Браунъ, вглядываясь въ новую для него картину русскаго парламента. Зрѣлище это доставляло ему почти такое же удовлетвореніе, какъ Альфреду Исаевичу. Онъ вдобавокъ находилъ, что Таврическій дворецъ превосходилъ великолѣпіемъ и размахомъ западные парламенты. «Да, эти люди продолжаютъ дѣло Петра, хотятъ ли они того или нѣтъ... Я родился европейцемъ, европейцемъ умру, въ Азіи мнѣ дѣлать нечего и любоваться Азіей я не стану», — думалъ онъ, невольно удивляясь собственному умѣренному настроенію. «Внѣшній видъ Государственной Думы, блескъ Таврическаго дворца, очевидно, ничего не доказываютъ... Но я живой человѣкъ, а не машина для выработки «стройнаго образа мыслей» и, какъ живой человѣкъ, поддаюсь впечатлѣніямъ... Вѣками лилась въ мірѣ кровь для того, чтобы это создать. Что толку въ шуточкахъ Федосьева? Что можетъ онъ предложить взамѣнъ этого? Что толку и въ моихъ мысляхъ, разрушительностью которыхъ я забавлялся, какъ юноша? Я пробовалъ устроиться съ комфортомъ въ пороховомъ погребѣ и еще другихъ приглашалъ въ гости. Но на всякій слу-

чай устроилъ себѣ и болѣе удобную идейную квартиру, раздѣливъ стѣной философію и практику. Я могу думать и проповѣдывать что мнѣ угодно, — эти учрежденія, надоѣвшія пресыщеннымъ людямъ, эти идеи, ставшія общедоступными благодаря пролитой за нихъ крови, очень надолго переживутъ и мою философскую схему, и принципъ одновременнаго жительства въ нѣсколькихъ идейныхъ квартирахъ...

Какъ часто я завидовалъ простымъ, неглупымъ, хорошимъ людямъ, во время, т. е. на третьемъ десяткѣ лѣтъ, выкинувшимъ изъ головы и логическую похоть, и мечты о славѣ, честно и мужественно прожившимъ жизнь для семьи, для дѣтей, для добраго имени на одно-два поколѣнья? Я всегда чувствовалъ превосходство ихъ простоты, хотя не зналъ, какъ обосновать это превосходство? Но есть, повидимому, и идеи, подобныя такимъ людямъ: честныя, простыя и мужественныя идеи, надъ которыми легко издѣваться и которыя замѣнить нельзя, не повергая себя въ самое мучительное состояніе, хотя бы съ сотней парадно обставленныхъ идейныхъ, душевныхъ квартиръ и съ присвоеннымъ себѣ правомъ безпрепятственнаго переѣзда изъ одной квартиры въ другую»...

Ложа журналистовъ понемногу наполнялась. Сосѣди смотрѣли на Брауна съ любопытствомъ. Въ залѣ засѣданій еще почти никого не было. Браунъ обвелъ взглядомъ мѣста для публики. Ему запомнился студентъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, — такое жадное любопытство, такой восторгъ были написаны на его лицѣ. «Теперь по ночамъ во снѣ будетъ мечтать, какъ бы выпало это счастье, стать депутатомъ», — подумалъ Браунъ.

— Нѣтъ, сегодня поздно начнутъ, я знаю, — сказалъ около него кто-то.

Браунъ вышелъ изъ ложи и, плохо оріентируясь въ Таврическомъ дворцѣ, пошелъ по корридору налѣво. У полузакрытой двери не было сторожа. За ней залъ былъ пустъ. Только въ концѣ, нервной походкой, видимо, кого-то поджидая, расхаживалъ пожилой человѣкъ въ синемъ пиджакѣ. Браунъ направился наудачу дальше. Чиновникъ, сидѣвшій за столомъ въ галлереѣ, окинулъ его быстрымъ внимательнымъ взглядомъ, поспѣшно всталъ и направился къ Брауну.

— Вамъ кого угодно? Правительство сейчасъ выходитъ...

Браунъ отошелъ назадъ и остановился у огромнаго окна. Отодвинувъ штору, онъ увидѣлъ въ полутьмѣ садъ, голыя деревья, печальное озеро. «Вотъ гдѣ должны были бы встать тѣни прошлаго», — подумалъ онъ. Тѣни прошлаго тотчасъ встали. Онъ представилъ себѣ огни, бархатъ, золото, гигантскую фигуру хозяина, шествіе навстрѣчу императрицѣ... Оркестръ игралъ турецкій маршъ Моцарта. «Все-же этотъ дворецъ не слѣдовало отдавать подъ парламентъ», — подумалъ нехотя Браунъ. — «Есть стиль исторіи»... Электрическій звонокъ рѣзко прервалъ звуки турецкаго марша. Браунъ продолжалъ смотрѣть на качающіяся деревья сада. Его воображеніе не хотѣло разстаться съ пышной картиной шествія... Звонокъ продолжалъ звонить однообразно, все непріятнѣй. Господинъ въ синемъ пиджакѣ быстро направился къ дверямъ министерскаго павильона. Браунъ оглянулся.

Изъ галлереи вышло нѣсколько человѣкъ въ сюртукахъ. Одинъ изъ нихъ неестественно улыбался, стараясь казаться спокойнымъ. У другихъ лица были блѣдныя и растерянныя. «Вотъ они, преемники Потемкина!» — подумалъ Браунъ. Два шествія слились въ его представленіи, какъ два

снимка на одной фотографической пластинкѣ. — «Горе власти, которая перестала себя чувствовать властью»... Надоѣдливый звонокъ оборвался. Браунъ направился назадъ въ ложу. У дверей корридора теперь находился чиновникъ. Онъ удивленно посмотрѣлъ на Брауна, попросилъ билетъ и недовольнымъ тономъ, хоть учтиво, замѣтилъ, что въ Полуциркульный Залъ могутъ входить только члены Государственной Думы. Сильный шумъ вблизи вдругъ прервалъ слова чиновника. Изъ залы засѣданій донеслись крики, гулъ голосовъ, отчаянный стукъ пюпитровъ.

— Ложа журналистовъ вонъ тамъ, — сказалъ чиновникъ, поспѣшно отходя отъ Брауна.

Дверь ложи была раскрыта настежь, но пробраться туда было невозможно, — такъ была набита людьми ложа. Изъ зала несся бѣшеный крикъ: «Долой!.. Въ отставку!..» Браунъ остановился въ недоумѣніи. «Стоило хлопотать о билетѣ... Не надо было выходить»... На порогѣ обмѣнивались впечатлѣніями оставшіеся безъ мѣстъ журналисты.

— Безобразіе!

— Исключать всѣхъ...

— Силой выведутъ, если не выйдутъ сами.

— Неслыханный позоръ!

— Что-жъ тутъ неслыханнаго? Горемыкина и не такъ встрѣчали.

— Pour du chahut, c'est du chahut, — съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ въ голосѣ пробормоталъ выходившій французскій журналистъ. Онъ пожалъ плечами, захлопнулъ тетрадку и пошелъ по корридору направо. Браунъ направился за нимъ. Въ Екатерининскомъ залѣ онъ остановился. «Что-жъ, уходить или еще подождать?» — спросилъ себя озадаченно Браунъ. Онъ сѣлъ въ кресло, взявъ со стола журналъ. Какой-то запоздавшій депу-

татъ взглянулъ на него съ изумленіемъ, пробѣгая въ залъ засѣданій. Сквозь раскрывшуюся дверь съ новой силой донеслись крики, стукъ, гулъ. По Екатерининскому залу быстро прошелъ отрядъ думской охраны. На порогѣ показался старый, сѣдой человѣкъ съ взволнованнымъ, блѣднымъ лицомъ. Увидѣвъ солдатъ, онъ схватился за голову и бросился назадъ въ залъ засѣданій.

«Вотъ онъ, Рокъ», — думалъ Браунъ. — «Я не могу обосновать эту мысль, не могу даже найти для нея опредѣленія. Это послѣдній логическій обрывъ... Порою мнѣ казалось, что подъ красивымъ словомъ скрывается лишь мое отвращеніе отъ жизни, въ которомъ нѣтъ ровно ничего замѣчательнаго... Но что же здѣсь я чувствую яснѣе, чѣмъ идею Рока? Да, отсюда могло прійти спасеніе, — и оно не придетъ. Поздно... Овладѣла всѣми нами слѣпая сила ненависти и ничто больше не можетъ предотвратить прорывъ чернаго міра...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Николай Петровичъ, я вамъ возвращаю дѣло, — слегка грассируя, сказалъ товарищъ прокурора Артамоновъ, входя въ камеру слѣдователя. — А у васъ, кажется, лучше топятъ? Ужъ очень вездѣ холодно... Я вамъ не помѣшаю?

— Нисколько, Владиміръ Ивановичъ, садитесь, — отвѣтилъ Яценко, здороваясь и кладя на столъ папку № 16. — Неужели такъ быстро все прочли?

— О, нѣтъ, только пробѣжалъ главное. На нѣкоторыхъ вашихъ допросахъ я вѣдь былъ. Очень жаль, что не могъ присутствовать при всѣхъ... Пока я знаю дѣло только въ общихъ чертахъ, вотъ, когда кончите, займусь имъ вплотную... Вы, кстати, когда думаете кончить?

— Вѣроятно, завтра вызову Загряцкаго для предъявленія ему слѣдствія.

Артамоновъ только вздохнулъ, глядя на папку.

— Богъ дастъ, онъ смилуется и откажется отъ чтенія? Вѣдь вы ему всѣ копіи выдали... Я, правда, вамъ сейчасъ не мѣшаю?

— Да нѣтъ же... Опять вы нынче выступали, что-то ужъ очень часто въ послѣднее время? —

спросилъ Яценко, показывая глазами на новенькій форменный сюртукъ товарища прокурора, очень ловко облегавшій его осанистую фигуру крупнаго, сорокалѣтняго человѣка. Артамоновъ, не провинціалъ, а коренной петербуржецъ, никогда не надѣлъ бы форменнаго платья, если бы не выступленіе въ судѣ. — У Брунста сюртукъ шили?

— Нѣтъ, у Дмитріева. Не хуже шьетъ и беретъ дешевле, чѣмъ Брунстъ.

Яценко слегка улыбнулся. Онъ зналъ, что Владиміръ Ивановичъ, человѣкъ богатый и широкій, нарочно немного прибѣдняется въ разговорѣ съ нимъ, какъ бы для установленія равенства. Эта, все же чуть-чуть замѣтная, деликатность, ничего не стоющая богатымъ людямъ, не раздражала Николая Петровича. Онъ любилъ Артамонова, хотя расходился съ нимъ въ политическихъ взглядахъ: товарищъ прокурора, вышедшій изъ Училища Правовѣдѣнія и отбывавшій службу вольноопредѣляющимся въ одномъ изъ аристократическихъ полковъ, держался взглядовъ консервативныхъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ, какъ всѣ, либеральничалъ и бранилъ правительство. Самый видъ этого жизнерадостнаго, красиваго, немного легкомысленнаго барина, всегда прекрасно одѣтаго, пахнущаго какой-то необыкновенной, бодрящей lotion, былъ пріятенъ Николаю Петровичу. Въ особенности же онъ цѣнилъ безупречную порядочность Артамонова. Чѣмъ старше становился Яценко, тѣмъ меньше онъ отъ людей требовалъ и тѣмъ больше цѣнилъ тѣ простыя, рѣдкія качества, которыя онъ опредѣлялъ словомъ джентльменство.

— Чаю не хотите ли? Пошлю въ буфетъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я самъ только что изъ буфета. Тамъ Землинъ и Кременецкій меня задержали.

— Землинъ? Ахъ, да, фонъ Боденъ...

— Урожденный фонъ Боденъ. Фамилію новую выхлопоталъ, а частицы фонъ ему жалко... Не люблю нѣмцевъ... Я знаю, вы мнѣ не прощаете германофобства.

— Дались же вамъ эти нѣмцы! — сказалъ, улыбаясь, Яценко. Николай Петровичъ чувствовалъ, что Артамоновъ въ душѣ ровно ничего противъ нѣмцевъ не имѣетъ: по крайней своей впечатлительности, онъ только принялъ — безъ всякой злобы — единственное «фобство», сразу разрѣшенное и правой, и лѣвой печатью.

— Кременецкій сіяетъ, какъ мѣдный грошъ, — продолжалъ Владиміръ Ивановичъ. — Онъ при мнѣ провожалъ къ выходу эту самую нашу даму, госпожу Фишеръ... Поцѣловалъ ей на рыцарскій манеръ ручку, смотритъ по сторонамъ этакимъ трубадуромъ. А красивая дама, Николай Петровичъ, правда?

— Ничего...

— Ничего?.. — недовольно протянулъ Артамоновъ. — Такъ-съ... Я объ этомъ нашемъ дѣлѣ и хотѣлъ побесѣдовать. Заранѣе прошу сдѣлать поправку на мое недостаточное пока знакомство съ производствомъ... Между нами комплиментовъ, слава Богу, не требуется, — вставилъ онъ шутливо, — разумѣется, вы слѣдствіе произвели, какъ всегда, образцово. Но сказать, что я вполнѣ удовлетворенъ результатами, по совѣсти не могу...

— И я не могу. Никакъ не могу.

— Вы, однако, совершенно увѣрены, что убилъ Загряцкій?

— Я лично почти увѣренъ... Но, во-первыхъ, это п о ч т и... Во-вторыхъ, пробѣлы въ обвинительномъ матеріалѣ и по моему несомнѣнны. Слѣдствіе сдѣлало все, что могло, но вамъ задача предстоитъ нелегкая.

— То то оно и есть. Такъ вотъ, сначала о вашей внутренней увѣренности. Прежде всего, какъ вы себѣ представляете самую картину убійства? Мнѣ кое-что въ ней неясно.

— Я себѣ представляю дѣло такъ. Фишеръ пріѣхалъ туда незадолго до девяти часовъ вечера. Это точно установлено согласными показаніями... — Николай Петровичъ взялъ папку № 16 и перелисталъ бумаги... — согласными показаніями извозчика Архипенко, который его туда отвезъ, и двухъ служащихъ гостиницы, — они видѣли, какъ онъ въ девятомъ часу уѣхалъ изъ «Паласа»... Показаніемъ извозчика твердо установлено также и то, что Фишеръ пріѣхалъ на квартиру одинъ.

— Это очень существенное обстоятельство.

— Очевидно, у нихъ было условлено, что туда же пріѣдетъ и Загряцкій. Кто изъ нихъ пріѣхалъ раньше, сказать съ полной увѣренностью не могу, да это и не такъ важно. Я склоненъ думать, что раньше пріѣхалъ Фишеръ. Въ своей запискѣ Фишеру Загряцкій обѣщаетъ быть «тамъ, гдѣ всегда» въ десять часовъ. Правда, мы не имѣемъ доказательства, что записка относилась именно къ этому вечеру: она числомъ не помѣчена, конвертъ не сохранился и дня доставки выяснить не удалось. Но записка можетъ свидѣтельствовать о характерѣ ихъ встрѣчъ вообще...

— Виноватъ, я васъ перебью: защита, конечно, скажетъ, что человѣкъ, замышляющій убійство, никогда не пошлетъ такой записки, — слишкомъ грозная улика.

— Вѣрно. Не всегда, правда, такія записки сохраняются, и, какъ вы лучше меня знаете, не всегда убійца обо всемъ подумаетъ, — иначе какое же преступленіе можно было бы раскрыть? Но я и въ самомъ дѣлѣ склоненъ думать, что записка относилась къ одной изъ ихъ предыдущихъ встрѣчъ.

Встрѣчались они въ этой квартирѣ не разъ, и Петрова, швейцариха, признала въ Загряцкомъ человѣка, который бывалъ въ домѣ съ Фишеромъ. Онъ, впрочемъ, этого и самъ не отрицаетъ.

— Но вѣдь и женщины должны же были явиться?

— Да, конечно. Здѣсь возможны два предположенія. Либо женщинъ этихъ по уговору взялся привести Загряцкій, — тогда онъ могъ сказать Фишеру, что ихъ что-либо задержало, что онѣ пріѣдуть позднѣе. Либо женщинъ вызывали по телефону, — тогда до телефоннаго звонка, должно быть, дѣло не дошло. Очень нетрудно и симулировать телефонный разговоръ: Загряцкій могъ снять трубку и фиктивно пригласить женщинъ, якобы вызвавъ нужный номеръ... Отпечатка пальцевъ на телефонной трубкѣ не найдено. Первое предположеніе болѣе правдоподобно. Какъ бы то ни было, и сыскная полиція съ Антиповымъ, и свидѣтели по дому твердо стоятъ на томъ, что женщинъ въ тотъ вечеръ не было, и я всецѣло къ этому мнѣнію присоединяюсь. Не тронута была, какъ вы знаете, и постель. Разумѣется, никакія женщины слѣдствію и не объявлялись.

— Еще бы онѣ объявились! — съ удивленіемъ поднявъ брови, сказалъ Артамоновъ. — Кто-же станетъ добровольно ввязываться въ такую исторію?

— У Антипова въ этомъ мірѣ большія связи, и никто изъ его освѣдомителей ему ничего указать не могъ. Не удалось установить и личность женщинъ, которыя бывали на квартирѣ прежде. Это одно изъ слабыхъ мѣстъ слѣдствія, всѣ мои усилія ни къ чему не привели. И швейцариха, и дворникъ дома, и Загряцкій утверждаютъ, что женщинъ вызывалъ самъ Фишеръ и что они ихъ по именамъ не знали. Отрицать такую возможность нельзя:

можетъ, и не знали. Нашъ полицейскій розыскъ оказался въ этомъ дѣлѣ кое въ чемъ не на высотѣ...

— Ахъ да, кстати, — сказалъ вдругъ Артамоновъ. — Или, вѣрнѣе, некстати... Вы знаете новость? Федосьевъ на дняхъ увольняется въ отставку.

— Неужели? Объ этомъ, впрочемъ, говорятъ давно. Говорили, я помню, еще до убійства Распутина.

— Но теперь, повидимому, рѣшено окончательно, я въ министерствѣ слышалъ... Извините, что перебилъ васъ. Итакъ дальше, я васъ слушаю.

— Остальное ясно. Они остались вдвоемъ и, въ ожиданіи женщинъ, рѣшили выпить вина. Загряцкій незамѣтно всыпалъ ядъ. Смерть послѣдовала почти мгновенно... Затѣмъ Загряцкій вышелъ изъ дому и удалился. Въ одиннадцатомъ часу Петрова уже спала, и выйти незамѣтно было очень легко.

— Это, однако, опять слабое мѣсто. Загряцкій вошелъ въ домъ — никто его не видѣлъ. Вышелъ изъ дома — тоже никто не видѣлъ. Точно безтѣлесное существо. Конечно, все это вполнѣ возможно, но наглядности нѣтъ, — вы меня понимаете? На Загряцкаго прямо ничто не указываетъ. Вѣдь могли же бывать на квартирѣ и другіе люди.

— Однако, швейцариха видѣла только его, и самъ онъ не могъ назвать никого изъ другихъ людей, якобы на той квартирѣ бывавшихъ. Это очень неправдоподобно: веселящіеся люди такого сорта обычно знаютъ другъ друга. По своей иниціативѣ никто изъ бывавшихъ тамъ ко мнѣ не зашелъ.

— Радости отъ огласки такихъ похожденій мало... А правда, Николай Петровичъ, пошлите за чаемъ, я, пожалуй, выпью стаканчикъ.

— Конечно, выпейте.

Яценко всталъ и, кликнувъ сторожа, отдалъ распоряженіе.

— Скорѣе всего, — сказалъ онъ, вернувшись и садясь снова за столъ, — скорѣе всего, никто другой на этой квартирѣ не бывалъ. Загряцкій былъ и главнымъ собутыльникомъ Фишера, и поставщикомъ живого товара... Милые нравы! — съ отвращеніемъ произнесъ Николай Петровичъ.

— Это какъ во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — fournisseur de menus plaisirs... Что-жъ, эти господа Фишеры и есть теперь настоящіе короли... Такъ, значитъ, Загряцкій прибылъ туда въ десятомъ часу, проскользнулъ незамѣтно въ домъ и вошелъ въ квартиру, открывъ дверь ключемъ. Такъ?

— Да. Вамъ извѣстны показанія статскаго совѣтника Васильева и его лакея Барсукова. Они, какъ вы помните, живутъ въ квартирѣ № 3, расположенной по другую сторону площадки. Оба свидѣтельствуютъ, что звонка въ тотъ вечеръ въ квартирѣ № 4 они не слышали. Были дома, не спали и звонка не слышали. Между тѣмъ, произведенный мною опытъ подтвердилъ, что звонокъ въ квартирѣ № 4 рѣзкій и сильный: его нельзя не услышать изъ небольшой квартиры Васильева... А вотъ открыть дверь при помощи ключа и затѣмъ запереть ее можно почти безъ шума. Очевидно, убійца имѣлъ ключъ отъ квартиры.

— Виноватъ, почему же непремѣнно ключъ? Быть можетъ, у нихъ былъ установленъ стукъ, что-ли, по которому кто первый пришелъ, тотъ и открывалъ дверь.

— Все можетъ быть, — сказалъ Яценко, — но я не вижу, для чего Фишеру могъ понадобиться какой-то условный стукъ? Онъ отъ Васильева не прятался. Двери открываютъ либо по звонку, либо ключемъ... Кромѣ того, стукъ, вѣроятно, тоже услышалъ бы если не Васильевъ, то его слуга, комната котораго расположена почти у самой площадки... Нѣтъ, я думаю, можно безошибочно сказать, что убійца открылъ дверь ключемъ. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ, у кого былъ ключъ отъ квартиры № 4. Прежде было всего два ключа. Одинъ, запасной, хранился у домовладѣльца и въ счетъ не идетъ. Другой ключъ былъ у Петровой. Его она и давала всѣмъ, кто эту славную квартиру снималъ, — снимали ее и посуточно, и на недѣлю. Фишеру этотъ порядокъ не понравился, — вѣроятно, онъ не хотѣлъ находиться, такъ сказать, подъ контролемъ швейцарихи. По его предложенію, Загряцкій заказалъ у слесаря Кузьмина еще два ключа. Изъ нихъ Фишеръ одинъ взялъ себѣ, а другой отдалъ Загряцкому, — вотъ какая у нихъ была тѣсная дружба. Этотъ ключъ, какъ вы помните, былъ найденъ при обыскѣ у Загряцкаго, — улика серьезная.

— Если хотите, даже слишкомъ серьезная: непонятно, почему Загряцкій не уничтожилъ послѣ убійства эту улику? Надо было выкинуть кудалибо этотъ ключъ.

— Я опять отвѣчаю: Загряцкій могъ просто объ этомъ не подумать, могъ и не успѣть это сдѣлать. Онъ, навѣрное, никакъ не предполагалъ, что слѣдствіе такъ быстро до него доберется. Кромѣ того Загряцкій долженъ былъ понимать, что полиція разыщетъ слесаря, разспроситъ швейцариху и узнаетъ, у кого были ключи отъ квартиры. Тогда, напротивъ, именно отсутствіе у него ключа явилось бы очень серьезной противъ него уликой.

Владиміръ Ивановичъ засмѣялся.

— Темная вещь слѣдствіе, — сказалъ онъ, мягко кладя руку на рукавъ Николая Петровича. — Нашли вы у Загряцкаго ключъ — улика. Не нашли бы ключа — опять таки улика.

— Ну, вы нѣсколько упрощаете мою мысль, — сказалъ съ легкимъ раздраженіемъ Яценко.

— Я шучу, конечно...

Сторожъ внесъ на подносѣ два дымящихся стакана, сахаръ, лимонъ.

— Вотъ и чай, съ удовольствіемъ выпью, — сказалъ Артамоновъ. — И у васъ все-таки холодно, мнѣ только послѣ корридора показалось, что тепло.

— Эта улика, — началъ снова слѣдователь, когда дверь закрылась за сторожемъ, — была бы чрезвычайно важной, если бы не одно обстоятельство: самъ Загряцкій утверждаетъ, что заказалъ не два, а три ключа. Вы, кажется, были при первомъ допросѣ слесаря? Онъ сначала твердо сказалъ: заказаны ему были два ключа. Ясно сказалъ: два... Затѣмъ я его допрашивалъ вторично, уже въ присутствіи Загряцкаго... Старикъ видитъ, что отъ его показанія можетъ зависѣть судьба обвиняемаго. Вы русскаго человѣка знаете, — онъ начинаетъ колебаться: какъ будто два ключа, а, можетъ, и вправду три. Записей у него никакихъ не ведется. На судѣ, вѣроятно, слесарь сошлется на запамятованіе, и такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ уликъ пропадетъ. Ясное дѣло, защита все построитъ на этомъ лишнемъ ключѣ: убилъ, молъ, тотъ, у кого послѣдній ключъ.

— И не говорите, — сказалъ со вздохомъ Владиміръ Ивановичъ, грѣя руки около стакана. — При бойкомъ защитникѣ нѣтъ ничего хуже этихъ гипотетическихъ убійцъ. Кто-то могъ убить, значитъ, кто-то убилъ, и неугодно ли обвиненію до-

казать обратное? Они мастера выдумывать арабскія сказки... Да, кое-что неладно въ этомъ дѣлѣ, вотъ, и дактилоскопическіе оттиски оказались не тождественными, — добавилъ онъ, раздавливая ложечкой лимонъ въ свѣтлѣвшемъ стаканѣ.

Яценко махнулъ рукой.

— Охъ, ужъ эта мнѣ дактилоскопія! — сердито отвѣтилъ онъ. — Сходство въ отпечаткахъ, видите ли, весьма большое, но полнаго тождества нѣтъ. Лишь съ толку сбиваютъ слѣдствіе. Право, прежде безъ дактилоскопіи было лучше. Во всякомъ случаѣ, на снимокъ съ пальцевъ самого Фишера этотъ оттискъ оказался совершенно непохожимъ.

— Я, однако, читалъ, будто на снимки съ мертваго тѣла точно полагаться нельзя.

— Да и на снимки съ живого человѣка, кажется, тоже нельзя. Что ни говорите, самое важное все-таки допросъ. Долженъ вамъ сказать, на меня этотъ Загряцкій сразу произвелъ самое отталкивающее впечатлѣніе.

— На меня также.

— Есть люди, у которыхъ преступность точно читается на лицѣ...

— Хотя, знаете, и попасться можно здорово! — сказалъ Артамоновъ и съ удовольствіемъ отпилъ чаю изъ стакана.

— Его объясненія были весьма неудовлетворительны по цѣлому ряду пунктовъ. Такъ, въ вопросѣ о запискѣ онъ сбился и сразу взялъ свое показаніе назадъ, происхожденіе векселя объяснилъ тоже не очень правдоподобно, о своихъ средствахъ къ жизни далъ невѣрныя свѣдѣнія, — очень важное обстоятельство. И, наконецъ, самая главная улика: ложное alibi. Замѣтьте, всѣ его показанія относительно картины «Вампиры» — содержаніе, имена актеровъ — оказались точны-

ми. Значитъ, онъ дѣйствительно былъ въ кинематографѣ «Солей». Тамъ эта пьеса шла три дня и должна была итти до конца недѣли. Вотъ что можетъ свидѣтельствовать о заранѣе обдуманномъ намѣреніи: Загряцкій готовилъ себѣ alibi. И въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не роковая для него случайность, порча ленты, было бы очень трудно доказать, что онъ въ кинематографѣ не былъ... Онъ солгалъ, солгалъ искусно и обдуманно, но сталъ жертвой рѣдкой случайности. Вы его не видѣли, Владиміръ Ивановичъ, въ ту минуту, когда я ему сообщилъ, что въ вечеръ убійства «Вампиры» были замѣнены другой пьесой. Это было для него страшнымъ, потрясающимъ ударомъ...

— Сослался на нездоровье, обычная въ такихъ случаяхъ ссылка, — сказалъ Артамоновъ.

— Разумѣется. И на дальнѣйшихъ допросахъ онъ по этому вопросу ничего путнаго сказать не могъ: не помнитъ, молъ, гдѣ былъ, только и всего. Весь день помнитъ до мелочей, а гдѣ былъ вечеромъ, не помнитъ. Нѣтъ, улика рѣшающая, неотразимая! — сказалъ Николай Петровичъ.

— Неотразимая, — повторилъ Артамоновъ и, точно успокоенный, допилъ чай. — Вы совершенно правы. Ну, а какъ вы формулируете мотивы преступленія? — спросилъ онъ, подумавъ. — Вѣдь векселю вы большого значенія не придаете?

— Нѣтъ, большого не придаю. Срокъ векселя могъ имѣть нѣкоторое значеніе для выбора момента убійства, но не больше. Загряцкій могъ думать, что неуплата денегъ по векселю испортитъ его отношенія съ Фишеромъ и, слѣдовательно, затруднитъ выполненіе дѣла. Однако, мотивомъ преступленія вексель, конечно, быть не могъ. Мотивъ преступленія ясенъ: наслѣдницей богатства Фишера, всего или значительной части, была его жена.

— Вы, значитъ, считаете ея связь съ Загряцкимъ совершенно несомнѣнной? Но это и есть, по моему, наиболѣе уязвимое мѣсто обвиненія. Связь эта не доказана, да и какъ ее доказать? Оба отрицаютъ категорически. Правда, здѣсь ихъ интересы сходятся.

— Совершенно сходятся, — подтвердилъ Яценко. — Ей желательно выкарабкаться изъ всей этой грязи и обезпечить за собой роль благородной жертвы. А онъ понимаетъ, что, пока ихъ связь не доказана, обвиненіе виситъ въ воздухѣ. Конечно, доказать фактъ связи нелегко. Впрочемъ, показанія служащихъ гостиницы въ Ялтѣ вы знаете: занимали они тамъ комнаты рядомъ, со сквозной дверью, вмѣстѣ выходили, вмѣстѣ обѣдали. Платила, кстати, по счетамъ она, это точно установлено...

— Ея писемъ, однако, у него не найдено.

— Конечно, онъ не сталъ бы ихъ у себя держать.

— Замѣтьте, я, какъ и вы, не сомнѣваюсь въ ихъ близкихъ отношеніяхъ, — сказалъ Владиміръ Ивановичъ, — достаточно было ихъ видѣть вмѣстѣ на тѣхъ двухъ допросахъ. Но впечатлѣніе — одно, а доказательство — другое...

— Со всѣмъ тѣмъ кое-что въ ихъ отношеніяхъ мнѣ, правду сказать, неясно. Она, кажется, его любила. Но для Загряцкаго, видите ли, она была женой его друга и покровителя, больше ничего. Въ Ялту онъ ее сопровождалъ по просьбѣ мужа, — на этомъ оба сходятся, — чтобы ей, молъ, не скучать и не быть одной въ такое тяжелое время. Повидимому, что-то въ Ялтѣ между ними произошло, какая-то размолвка. Онъ просилъ у нея денегъ, она отказала. Затѣмъ она показывала, что застала его врасплохъ: онъ рылся въ ея бумагахъ, въ ящикѣ. Это будто бы ее такъ возмутило...

Здѣсь мнѣ многое непонятно: зачѣмъ ему было рыться въ ея бумагахъ? Какіе-такіе секреты его тамъ интересовали? Но она мнѣ ничего отвѣтить не могла, — кажется, она этого дѣйствительно сама не понимаетъ. У меня было даже такое впечатлѣніе, что вопросъ этотъ ее мучитъ... Я спросилъ, не было ли въ ящикѣ денегъ? Нѣтъ, деньги она носила всегда при себѣ, и онъ это зналъ. Кажется, ей очень хочется предположить въ немъ мотивъ ревности, — добавилъ Николай Петровичъ, — только очень это неправдоподобно: онъ во всякомъ случаѣ былъ къ ней равнодушенъ. Какъ бы то ни было, между ними тогда, въ іюлѣ, произошла ссора, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и они будто бы больше не встрѣчались и даже не переписывались.

— Да и въ то мнѣ плохо вѣрится, что она изъза этого съ нимъ порвала. Что другое, а ужъ такіе пустяки женщины легко прощаютъ.

Яценко, улыбаясь, взглянулъ на Артамонова, который, по его предположеніямъ, долженъ былъ хорошо знать женщинъ. Владиміръ Ивановичъ имѣлъ прочную репутацію покорителя сердецъ. «И очень правдоподобна эта репутація», — съ легкимъ вздохомъ подумалъ Николай Петровичъ.

— Да, да, да, — не совсѣмъ кстати повторилъ онъ разсѣянно. Яценко повелъ головой и вернулся къ предмету разговора. — Да, вся эта исторія съ ихъ разрывомъ довольно неправдоподобна. Что было въ дѣйствительности, я, конечно, не могу сказать. Можетъ быть, съ ея стороны была ревность, а можетъ, онъ проговорился передъ ней о какихъ-нибудь своихъ планахъ... Она, разумѣется, съ возмущеніемъ это отрицаетъ. Возможно, что и разрыва настоящаго не было. Теперь она страшно на него зла, видимо, за то, что онъ впуталъ ее въ столь непріятное, компрометтирую-

щее дѣло: эта милая дама чрезвычайно любитъ радости жизни, деньги, поклонниковъ, платья, шампанское, любитъ, кажется, и эффектныя роли. Теперь она твердо вошла въ роль несчастной жертвы...

— То то бенефисъ устроитъ себѣ Кременецкій! — сказалъ весело Владиміръ Ивановичъ. — Какую поэзію разведетъ!

— Вѣроятно... Я, кстати, у него сегодня въ гостяхъ, у нихъ любительскій спектакль.

— Вотъ какъ? Охота вамъ къ нему въ гости ходить.

Хоть онъ и проявлялъ съ начала войны нѣкоторый либерализмъ, Владиміръ Ивановичъ все же немного гордился тѣмъ, что не бываетъ у лѣвыхъ адвокатовъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ у него бываю, — отвѣтилъ Яценко, сразу насторожившись и какъ бы готовясь къ отпору.

— А кушъ онъ сорветъ съ госпожи Фишеръ немалый, — сказалъ благодушно Владиміръ Ивановичъ. Но Яценко, не любившій разговоровъ о заработкахъ общихъ знакомыхъ, вернулся къ дѣлу..

— Да, теперь она топитъ Загряцкаго, но если бы все сошло гладко, то, независимо отъ ихъ ссоры, Загряцкій отлично сумѣлъ бы на ней жениться и прибрать къ рукамъ богатство Фишера... Во всякомъ случаѣ, онъ могъ такъ думать. Вотъ и мотивъ убійства.

— Мотивъ основательный. У покойника было, говорятъ, милліоновъ десять... Намъ бы съ вами, Николай Петровичъ, а?

— Вамъ, кажется, жаловаться нечего.

— Я не жалуюсь. Хотя австрійцы захватили мою землишку, къ себѣ мою пшеницу тащатъ, разбойники...

— Вернется и землишка, — сказалъ Яценко, слышавшій, что всего землишки у Владиміра Ивановича было тысячъ пять десятинъ.

— Разумѣется, вернется. Вы знаете, наши дѣла на фронтѣ въ блестящемъ состояніи? Снарядовъ у насъ теперь больше, чѣмъ у нѣмцевъ. Этой весной, съ генеральнымъ наступленіемъ на всѣхъ фронтахъ, все будетъ кончено.

— Слышали... Дай-то Богъ! — сказалъ со вздохомъ Николай Петровичъ.

II.

Въ будуарѣ Тамары Матвѣевны Кременецкой былъ устроенъ буфетъ. За длиннымъ, накрытымъ дорогой бѣлоснѣжной скатертью, столомъ лакей во фракѣ разливалъ шампанское, крюшонъ, оранжадъ. Другой лакей и горничныя Кременецкихъ разносили по парадным комнатамъ подносы съ бокалами, конфетами и печеньемъ. Первая половина спектакля кончилась, былъ объявленъ получасовой антрактъ и большая часть гостей перешла изъ гостиной, гдѣ ставили «Анатэму», въ будуаръ и въ кабинетъ хозяина. Тамара Матвѣевна безпрестанно исчезала изъ парадныхъ комнатъ. Ей предстояла самая трудная часть пріема, ужинъ, для котораго съ отчаянной быстротой шли приготовленія на кухнѣ и въ столовой, — прислуга суетилась и волновалась еще больше, чѣмъ хозяева. Муси не было видно, о ней всѣ спрашивали. Муся не играла въ «Анатэмѣ»; она исполняла роль Коломбины въ «Бѣломъ Ужинѣ» и предпочла до того не выходить въ парадныя комнаты. Гостямъ говорили, что она гримируется въ дамской артистической.

Первая часть спектакля сошла хорошо. На долю Березина, который по новому въ сукнахъ поставилъ «Анатэму» и исполнялъ въ ней заглавную роль, выпалъ шумный успѣхъ. Сергѣю Сергѣевичу была устроена овація. Гости были очень довольны вечеромъ и дружно хвалили спектакль даже въ отсутствіи хозяевъ. Натянутость, обычная въ началѣ большихъ пріемовъ, давно исчезла. Въ буфетной то и дѣло хлопали пробки бутылокъ, — Семенъ Исидоровичъ приказалъ не жалѣть шампанскаго.

— Милая, на рѣдкость удачный вашъ вечеръ, — говорила Наталья Михайловна Яценко, поймавъ у буфета хозяйку. — Мнѣ ужасно весело!

— Нѣтъ, правда? Какъ я рада, — отвѣтила Тамара Матвѣевна, бѣгло и безпокойно осматривая буфетъ: всего ли достаточно? Но столъ ломился отъ тортовъ, фруктовъ, пирожныхъ. — Отчего же, милая, вы ничего не берете? Выпейте шампанскаго. Или, можетъ быть, оранжада? А вы, Аркадій Николаевичъ, вамъ можно что-нибудь предложить?

— Благодарю, шестой бокалъ пью, — сказалъ, весело смѣясь, Нещеретовъ. — Отличнѣйшій былъ спектакль...

— Ахъ, я такъ рада... Правда, Березинъ былъ удивителенъ? По моему, онъ теперь нашъ первый артистъ.

— Первый не первый, но одинъ изъ первыхъ, — сказалъ Фоминъ, отрываясь на минуту отъ разговора съ дамой, которой онъ объяснялъ, что апельсины и яблоки надо покупать непремѣнно у Романова, а шоколадъ у Балле. — Нѣтъ, ужъ вы мнѣ повѣрьте, — продолжалъ онъ, обращаясь къ дамѣ, — земляничный пирогъ только у Иванова, шахматный у Гурмэ, а шоколадъ не иначе, какъ у Балле.

— Наталья Михайловна, какъ мило игралъ вашъ сынъ... Вы знаете, я въ первую минуту его и не узнала: кто это, думаю, высокій? Господи, да это Витя!

— Вашъ сынъ какую рольку игралъ? — спросилъ Нещеретовъ госпожу Яценко, равнодушно соображая, кто эта дама. Не дожидаясь отвѣта, онъ отвернулся и взялъ новый бокалъ шампанскаго.

— «Нѣкто, ограждающій входы», — поспѣшно пояснила Тамара Матвѣевна. — Ему всего семнадцать лѣтъ. Правда, онъ очень мило игралъ, Аркадій Николаевичъ?

— Ничего, ничего... А гдѣ же Марья Семеновна?

— Она готовится къ спектаклю... Представьте, она такъ волнуется...

Нещеретовъ выпилъ залпомъ бокалъ, весело засмѣялся и отошелъ отъ буфета.

— Еще бы не волноваться! — сказала Наталья Михайловна. — Я бы, кажется, умерла со страху, если бы меня заставили играть... Семенъ Сидоровичъ, — позвала она проходившаго по будуару хозяина дома, — Семенъ Сидоровичъ!..

— Золотая! — сказалъ Кременецкій, разсѣянно, но съ чувствомъ цѣлуя руку Натальѣ Михайловнѣ.

— Вы со мной сегодня въ третій разъ здороваетесь...

— Я не здороваюсь, я ручку цѣлую, развѣ нельзя и въ тридцатый разъ?

— Правда, Витя хорошо игралъ? — спросила мужа Тамара Матвѣевна и, съ улыбкой передавъ ему гостью, поплыла дальше.

— Божественно! — отвѣтилъ такъ же разсѣянно Семенъ Исидоровичъ. Онъ тотчасъ поправился: — Очень славно игралъ вашъ Витя, очень...

— Да вы мной не занимайтесь, Семенъ Сидоровичъ, — добродушно сказала Наталья Михайловна, — идите по своимъ дѣламъ... Вы въ кабинетъ шли? Можно и мнѣ туда? Тамъ умные мужчины разговариваютъ, я ужасно люблю умные разговоры, даромъ что сама глупа.

— Дорогая, вы умница и вы здѣсь дома.

— Такъ пойдемъ туда, я одна боюсь.

— Я гарантирую вамъ полную безопасность, — сказалъ Семенъ Исидоровичъ и, взявъ подъ руку госпожу Яценко, направился съ ней въ кабинетъ. — Правда, недурно прошелъ «Анатэма»?.. Какъ надо говорить: прошелъ «Анатэма» или прошла «Анатэма»?

— Хоть прошло говорите, — пропади она пропадомъ! Извините меня, это я о пьесѣ... Вы меня убейте, Семенъ Сидоровичъ, я ни одного слова не поняла! Читала и тоже не поняла ни слова. Сознайтесь, — я свой человѣкъ, — вѣдь никто не понимаетъ? Я другимъ не скажу, ей Богу!

— Ну, что вы, что вы, дорогая! Это одно изъ высшихъ достиженій нашего искусства, — сказалъ испуганно Кременецкій. — Съ идеями Леонида Андреева можно и не соглашаться, но въ смыслѣ исканій и, такъ сказать, дерзновенности, это... Вотъ и Николай Петровичъ... Теперь больше не боитесь?

— А тотъ высокій съ нимъ кто, я не помню? Не страшный?

— Развѣ вы его не знаете? Это милѣйшій другъ нашъ, князь Горенскій, членъ Государственной Думы, — отвѣтилъ съ удовольствіемъ Кременецкій. — Онъ тоже долженъ былъ у насъ играть, да потомъ сдрейфилъ. Очень милый человѣкъ. Этого вы знаете, это профессоръ Браунъ, знаменитый ученый. А тотъ, что къ нимъ подходитъ,

Нещеретовъ, слышали? — поспѣшно сказалъ Семенъ Исидоровичъ.

— Ихъ я знаю.

— А этотъ молодой человѣкъ — господинъ Яценко, — шутливо продолжалъ Кременецкій, взявъ за плечо неловко вошедшаго въ кабинетъ Витю. — Не бѣгите отъ насъ, другъ мой. Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу... Прекрасно играли, молодой человѣкъ.

— Благодарю васъ... Вы это такъ говорите, — сказалъ Витя, не безъ труда возвращаясь послѣ игры къ обыкновенной рѣчи.

— Ничего не такъ...

— Не вѣрь, не вѣрь, Витенька: такъ. И не огорчайся: твою роль самому Сальвини дай, онъ лучше тебя не сыграетъ... Что это у тебя такъ глаза блестятъ? Ахъ, да ты это ихъ карандашомъ подвелъ... Я въ углу сяду, Семенъ Сидоровичъ, оттуда буду умныхъ людей слушать, вонъ тамъ и Анна Ивановна сидитъ одна-одинешенька... Теперь вы мнѣ больше не нужны, ступайте съ Богомъ.

— А, Витя, пожалуй сюда, — позвалъ сына Николай Петровичъ. — Ну, поздравляю, все было хорошо. Что, поволновался, ограждая входы?

— Нисколько!

— Ваша роль не очень благодарная, — сказалъ князь Горенскій,—но вы вышли изъ нея съ честью.

— Я въ началѣ, кажется, зарапортовался, — отвѣтилъ Витя, улыбаясь нѣсколько принужденно.

— Вѣдь вы, князь, кажется, тоже должны были играть? — спросилъ Кременецкій.

— Нѣтъ, меня, слава Богу, съ самаго начала признали негоднымъ.

— Напрасно, напрасно, — замѣтилъ подошедшій Фоминъ. — Я увѣренъ, князь, что вы были бы

прекраснымъ актеромъ. Я недавно васъ слышалъ въ Думѣ, у васъ очень хорошая дикція.

— Понимаю, это значитъ, что содержаніе моей рѣчи произвело на васъ удручающее впечатлѣніе, — сказалъ, смѣясь, Горенскій. — Но когда же вы меня слышали?

— По моему, въ началѣ декабря, незадолго до убійства Распутина... Кстати, — добавилъ онъ, — вы знаете, въ городѣ настроеніе становится все болѣе тревожнымъ. Ожидаютъ рабочихъ безпорядковъ, забастовки... Говорятъ, мука у насъ на исходѣ. Мои знакомые уже дѣлаютъ запасы. Я тоже подумываю.

— Да вотъ потому и продовольствія нѣтъ, что люди дѣлаютъ запасы, — сказалъ Яценко.

— Ну, не поэтому. Обычная тупость нашей власти, — сердито отвѣтилъ князь. — Она же теперь и мѣняется безпрестанно. Чему я радъ въ этой чехардѣ, Федосьева, кажется, турнутъ.

— Это положительно злой геній Россіи, — сказалъ Кременецкій.

Нещеретовъ пренебрежительно засмѣялся.

— Какой онъ злой геній! Умный чиновникъ, только и всего.

— Нѣтъ, не говорите, Федосьевъ человѣкъ значительный.

— Не знаю, въ чемъ его значительность: дѣлалъ то-же, что и незначительные. Всѣмъ имъ главнаго недостаетъ: дѣла не умѣютъ дѣлать, да. Бумаги писать и по тюрьмамъ людей сажать — штука нехитрая.

— Разумѣется! — сказалъ Семенъ Исидоровичъ и снова отошелъ къ Натальѣ Михайловнѣ. Онъ старался быть особенно любезнымъ съ семьей Яценко, искренно любя и уважая слѣдователя: въ послѣднее время ихъ семьи еще больше сблизились. За Кременецкимъ нерѣшительно послѣдовалъ Ви-

тя. Ему не очень хотѣлось пристраиваться къ матери, но тамъ въ углу было спокойнѣе: съ Натальей Михайловной сидѣла пожилая, тихая, явно безопасная дама. Витя занялъ мѣсто сбоку и немного позади дамы: такимъ образомъ и разговаривать было ненужно, и никто вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ подумать, что его оставили одного.

— Такъ больше не боитесь, Наталья Михайловна? — спросилъ Кременецкій. — Ну, слава Богу... Анна Ивановна, не скушаете ли чего? Пирожное или бутербродъ? Вѣдь до ужина, пожалуй, далеко? — замѣтилъ онъ вопросительно, точно находился не у себя, а въ чужомъ домѣ.

Семенъ Исидоровичъ поболталъ съ дамами минуты двѣ, подсадилъ къ нимъ еще кого-то и вышелъ снова въ будуаръ. Витя принесъ Аннѣ Ивановнѣ кусокъ торта и, исполнивъ свѣтскія обязанности, занялъ прежнее мѣсто, очень довольный тѣмъ, что его оставили въ покоѣ. Обиліе впечатлѣній отъ игры неожиданно сказалось въ немъ усталостью. Лицо еще горѣло отъ грима, только что снятаго вазелиномъ. Ему было скучно: Муся все не показывалась. Что-то въ воспоминаніи безпокоило Витю. «Да, та фраза», — подумалъ онъ. Спектакль въ самомъ дѣлѣ сошелъ благополучно. Но на своей первой фразѣ Витя запнулся. Фраза, правда, была трудная: «Давидъ достигъ безсмертія и живетъ безсмертно въ безсмертіи огня. Давидъ достигъ безсмертія и живетъ безсмертно въ безсмертіи свѣта, который есть жизнь». На репетиціяхъ Березинъ требовалъ, чтобы въ этой фразѣ Витя достигъ послѣдняго предѣла металличности. На репетиціяхъ фраза шла гладко, но на спектаклѣ Витя запнулся и послѣдняго предѣла металличности не достигъ. «Эхъ, промямлилъ!» — подумалъ онъ, вздрогнувъ при этомъ воспоминаніи. — «Если-бъ

еще это была не первая фраза, тогда не такъ было бы замѣтно... Муся едва ли слышала... Горенскій, однако, похвалилъ»... Витя попробовалъ прислушаться къ разговору взрослыхъ. Ему показалось, что и раньше, на первомъ вечерѣ у Кременецкаго, былъ такой же или почти такой же разговоръ.

— Да, это очень характерно, что всѣ выдающіеся люди отходятъ отъ власти въ нынѣшнее грозное время.

— Я ничего грознаго не вижу, господа. Вы говорите, революція на носу? Да мы ее ждемъ сто лѣтъ, и все что-то ея не видно.

— Богъ дастъ, скоро увидите.

— И радъ бы надѣяться, но боюсь, что наши надежды будутъ обмануты. Я, напротивъ, слышалъ, что броженіе среди рабочихъ идетъ на убыль.

— Вы, Алексѣй Андреевичъ, не выступаете на юбилеѣ патрона? — оглянувшись, спросилъ вполголоса Горенскаго Фоминъ.

— Не знаю, едва ли. Я терпѣть не могу юбилейныхъ рѣчей.

— Да, но вамъ нельзя не выступить: будетъ лютая обида.

— Тогда я выступлю, если лютая обида. Это въ какой день? Вотъ вамъ, по моему, вамъ надо произнести большую рѣчь, дать, такъ сказать, общую характеристику...

— Благодарю васъ: я уже смѣялся.

— И юбилей, и спектакль... «Слишкомъ много цвѣтовъ!» Что это они такъ развеселились?

— Да вѣдь спектакль долженъ былъ состояться еще въ декабрѣ?

— Отложили изъ-за болѣзни Тамары Матвѣевны... Теперь она, бѣдная, совсѣмъ измоталась съ хлопотами по устройству юбилея. Сегодня еще

мнѣ говоритъ: «всѣ такъ сочувственно отнеслись»... Elle est impayable.

Князь показалъ Фомину глазами на подходившаго сзади Кременецкаго.

— Мы о вашемъ юбилеѣ толковали, не слушайте, — нѣсколько игривымъ тономъ сказалъ Горенскій.

— Охъ, и не говорите, смерть моя! — отвѣтилъ шутливо, замахавъ руками, Семенъ Исидоровичъ. — Вотъ тоже выдумали дѣло: чествовать meine Wenigkeit, какъ говорятъ коварные тевтоны.

— Не было у бабы заботъ, такъ купила порося, — сказалъ Нещеретовъ.

— Нѣтъ, что же, — взглянувъ на него и на Кременецкаго, поспѣшно замѣтилъ князь. — Вы, Семенъ Сидоровичъ, отказомъ обидѣли бы всѣхъ вашихъ почитателей, отъ нихъ же первый есмь азъ.

— Князь уже готовитъ экспромтъ...

III.

Въ комнату, съ видомъ скромнаго тріумфатора, вошелъ Березинъ. Всѣ осыпали его поздравленіями.

— Господа, моей заслуги нѣтъ никакой, — склонивъ голову на бокъ, сіяя ласковой улыбкой и подведенными глазами, говорилъ бархатнымъ баритономъ актеръ. — Сердечно васъ благодарю. Быть можетъ, основная идея моей постановки, мое толкованіе «Анатэмы» въ самомъ дѣлѣ свѣжи, ну, свободны отъ этой, знаете, академической условности, но, право, заслуга успѣха принадлежитъ не мнѣ, а труппѣ... Вотъ ему и другимъ, — шутливо пояснилъ онъ, показывая на вспыхнувшаго Витю. Князь Горенскій, взявъ за пуговицу

Березина, тотчасъ вступилъ съ нимъ въ оживленную бесѣду.

«Значитъ, въ самомъ дѣлѣ сошло недурно», — съ облегченіемъ подумалъ Витя, — «и Сергѣй Сергѣичъ не жалѣетъ, что поручилъ мнѣ эту роль». На первомъ засѣданіи участниковъ спектакля высказывалось мнѣніе, что «Нѣкто ограждающій входы» долженъ быть огромнаго роста. Березинъ съ этимъ соглашался, но выбирать не приходилось: охотниковъ взять эту роль было немного, и ее поручили Витѣ. — «Ну, мы васъ какъ-нибудь приспособимъ», — утѣшилъ его Сергѣй Сергѣевичъ.

Витю дѣйствительно съ внѣшней стороны приспособили. По роли ему полагались «длинный мечъ» и «широкія одежды, въ неподвижности складокъ и изломовъ своихъ подобныя камню». Мечъ Березинъ доставилъ изъ своего театра; а съ широкими одеждами вышло трудновато. Актерамъ полагалось изготовить костюмы на свой счетъ, — вѣрнѣе, о расходахъ никто ничего не говорилъ. Главные участники спектакля шили платье у театральныхъ костюмеровъ. Витя убѣдительно представилъ матери необходимость сдѣлать то же самое. Но Наталья Михайловна твердо заявила, что такихъ одеждъ все равно никакой костюмеръ не сошьетъ, и предложила сшить костюмъ дома и использовать для него свой старый шелковый пеньюаръ. Отъ этой мысли Витя сначала пришелъ въ ужасъ. Однако затѣмъ оказалось, что предложеніе Натальи Михайловны было не такъ ужъ нелѣпо. Вообще Витя съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что, въ его спорахъ съ матерью, ея указанія, первоначально очень его раздражавшія, оказывались часто не лишенными справедливости. Такъ и на этотъ разъ приглашенная Натальей Михайловной домашняя порт-

ниха Степанида сшила изъ пеньюара костюмъ, который на репетиціи признанъ былъ вполнѣ удачнымъ. Заказывая одежды Ограждавшаго входы, Витя съ мучительной неловкостью объяснилъ Степанидѣ идею костюма. Но портниху удивить было трудно: видъ у нея былъ такой, точно она всю жизнь шила — и притомъ изъ старыхъ пеньюаровъ — широкія одежды, въ неподвижности складокъ и изломовъ своихъ подобныя камню. Степанида, женщина интеллигентная, не удовлетворившись объясненіемъ Вити, потребовала у него книгу Андреева и, одобрительно кивая головой, прочла вслухъ то, что относилось къ внѣшнему облику Ограждавшаго входы: «Облаченный въ широкія одежды, въ неподвижности складокъ и изломовъ своихъ подобныя камню», — медленно, съ видомъ полнаго одобренія, читала Степанида, — «Онъ скрываетъ лицо свое подъ темнымъ покрываломъ, и самъ являетъ собой величайшую тайну. Единый мыслимый, единъ Онъ предстоитъ землѣ: стоящій на грани двухъ міровъ, онъ двойственененъ своимъ составомъ: по виду человѣкъ, по сущности Онъ Духъ. Посредникъ двухъ міровъ, Онъ, словно щитъ огромный, собирающій всѣ стрѣлы, — всѣ взоры, всѣ мольбы, всѣ чаянія, укоры и хулы. Носитель двухъ началъ, Онъ облекаетъ рѣчь свою въ безмолвіе, подобное безмолвію самихъ желѣзныхъ вратъ, и въ человѣческое слово»... Витя и теперь краснѣлъ, вспоминая чтеніе Степаниды. Онъ говорилъ всѣмъ, что чрезвычайно любитъ «Анатэму».

«Да нѣтъ же, можетъ и вправду все отлично сошло?» — подумалъ Витя, съ благодарностью глядя на Березина, который, все такъ же склонивъ голову на бокъ и снисходительно улыбаясь, говорилъ съ княземъ Горенскимъ. — «Сейчасъ и

Мусю увижу!..» Его усталость вдругъ смѣнилась радостнымъ оживленіемъ. Передъ угловымъ диваномъ остановился съ подносомъ лакей. Витя всталъ и залпомъ выпилъ бокалъ крюшона.

— Витенька! Однако! — съ укоромъ сказала Наталья Михайловна, пригрозивъ ему пальцемъ. Не раздражившись и не обративъ вниманія на замѣчаніе матери, Витя отошелъ къ группѣ, собравшейся вокругъ Сергѣя Сергѣевича. Тамъ все еще говорили о пьесѣ.

— Нѣтъ, Леонидъ Андреевъ очень талантливый человѣкъ и недаромъ онъ у насъ властитель думъ, — говорилъ ласково Березинъ, обращаясь преимущественно къ Яценко и къ Брауну, который слушалъ не очень внимательно. Видъ у Брауна, впрочемъ, былъ много лучше и оживленнѣе, чѣмъ прежде.

— Его таланта я нисколько не отрицаю, — отвѣтилъ Николай Петровичъ, — да и человѣкъ онъ, кажется, очень хорошій.

— Не отрицаю и я, — сказалъ Браунъ. — Объ Андреевѣ поэтому и должно говорить, что онъ талантливъ и очень характеренъ для большой эпохи. Для историка онъ могъ бы быть кладомъ, какъ первый, во всякомъ случаѣ наиболѣе извѣстный, писатель выдающагося, даже замѣчательнаго поколѣнія, которое волей судьбы прожило свой вѣкъ на ходуляхъ... На ходуляхъ оно и умирало, притомъ порою геройски. У насъ театръ, пожалуй, естественнѣе, чѣмъ жизнь.

— Сергѣй Сергѣевичъ, такъ ли вѣрно, что Андреевъ теперь властитель думъ? — вмѣшался Фоминъ. — По моему, онъ былъ имъ лѣтъ пять тому назадъ.

— Молодежь и сейчасъ очень имъ увлекается, — сказалъ Яценко, думая о Витѣ. — А, насколько я могу судить, наша молодежь, хоть и ломается

немного, все же лучше и чище западной. Тамъ только о карьерѣ и думаютъ, да еще о спортѣ. Возьмите Америку...

— Возьму, возьму, намъ Америкѣ надо въ ножки кланяться, — сказалъ съ усмѣшкой Нещеретовъ.

Яценко взглянулъ на него холодно.

— Не во всемъ, я думаю.

— А я такъ думаю, что во всемъ.

— Въ Америкѣ, — сказалъ Браунъ, — людямъ, какъ всѣмъ извѣстно, съ дѣтства внушаютъ основной культъ: культъ богатства. Казалось бы, культъ понятный и общедоступный; но человѣчество такъ косно, что ему нужно внушать даже величіе доллара, и внушается оно тамъ съ необыкновенной силой, съ замѣчательнымъ искусствомъ, всѣми способами, — вотъ теперь нашли новый, самый дѣйствительный: кинематографъ, съ его картинами изъ жизни богачей... Въ лучшемъ случаѣ получается Рокфеллеръ, въ худшемъ — разбойникъ большой дороги. Но именно благодаря прочности основного культа, американцы могутъ себѣ позволить и роскошь, напримѣръ, культъ Вашингтона, Линкольна, Эдиссона, — вродѣ какъ въ блестящую пору крѣпостного права наши помѣщики могли себѣ позволить вольтерьянство. Наблюдатели американской жизни говорятъ въ послѣднее время о духовномъ голодѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, — я спокоенъ: отъ этого голода Соединенные Штаты не пропадутъ.

«Ишь, какъ онъ разговорился, молчальникъ», — подумалъ Семенъ Исидоровичъ.

— Въ томъ, что вы говорите, дорогой докторъ, безспорно много вѣрнаго, — сказалъ Кременецкій (какъ всѣ, произносящіе эту фразу, онъ не чувствовалъ ея неучтиво-самоувѣреннаго характе-

ра). — Однако разрѣшите мнѣ сказать вамъ, что вѣдь и Россія не пропадетъ, правда?..

— Предпріятіе громадное, но не такъ, чтобы слишкомъ солидное, — вставилъ, смѣясь, Нещеретовъ.

— Ну, ничего, Богъ дастъ, не пропадемъ... Не пропадемъ, Аркадій Николаевичъ, — съ тонкой улыбкой продолжалъ Семенъ Исидоровичъ. — И все же я думаю, что этотъ духовный голодъ, о которомъ вы говорили, дорогой докторъ, эти мятущіяся исканія, эта святая неудовлетворенность, составляютъ лучшее украшеніе русскаго духа... Мы очень отстали отъ запада въ смыслѣ культуры матеріальной. Но по духовности, если можно такъ выразиться, западъ отсталъ отъ насъ на версту...

— Изюминки тамъ нѣтъ, это вѣрно, — подтвердилъ князь Горенскій. — Положительно, эта изюминка самое геніальное, что написалъ въ своей жизни Толстой.

— Духовный голодъ у насъ, конечно, великъ,— сказалъ, не дослушавъ, Браунъ. — Но у средней нашей интеллигенціи этотъ голодъ нѣсколько отзывается захолустьемъ. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ у насъ почти все молодое поколѣніе воспитывалось въ идеѣ борьбы съ правительствомъ... Я не возражаю по существу, — добавилъ онъ, — но во имя чего ведется борьба? Во имя конституціоннаго или республиканскаго строя, т. е. ради того, что на западѣ давно осуществлено. Тургеневскій Инсаровъ герой, но онъ провинціалъ безнадежный.

— Да онъ болгаринъ, — сказалъ, смѣясь, Яценко.

— Въ маленькихъ странахъ это чувствуется еще сильнѣе. Я скандинавскую литературу съ ея

захолустнымъ богоборчествомъ просто не могу читать.

— Отчего же? У Ибсена отлично про Нору разсказано, какъ она мужа бросила, — замѣтилъ весело Нещеретовъ, видимо одинаково относившійся ко всѣмъ вообще литературнымъ произведеніямъ. — Или еще у него какой-то строитель, а? Башню они тамъ всѣ, кажется, строятъ... Правда, башню, Семенъ Сергѣевичъ?

— Сергѣй Сергѣевичъ, — поспѣшно поправилъ хозяинъ. Березинъ, ничего не отвѣтивъ, съ раздраженнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты. Нещеретовъ весело глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Люблю актеровъ, смерть! — сказалъ онъ.

— Говорятъ, Аркадій Николаевичъ, что вы хотите основать свой театръ? — спросилъ почтительно Фоминъ. — Поговариваютъ также о газетѣ. Много вообще поговариваютъ.

— Вилами на водѣ все писано.

— Вы тоже въ нѣкоторомъ родѣ строитель Сольнесъ.

— Федотъ, да не тотъ: Аркадій Николаевичъ не башню... Знаете, Аркадій Николаевичъ, кто отъ васъ безъ ума? — вмѣшался съ улыбкой Кременецкій. — Очень красивая дама... Не знаете? Елена Федоровна Фишеръ. Наша съ Николаемъ Петровичемъ добрая знакомая...

— Та, съ которой я у васъ обѣдалъ? — спросилъ Нещеретовъ съ интересомъ, нѣсколько неожиданнымъ для Семена Исидоровича. — Дѣйствительно, интересная дама... Что же ея дѣло?

— Это у Николая Петровича надо узнать.

Яценко неопредѣленно развелъ руками.

— Александръ Михайловичъ, что такое собственно этотъ ядъ, которымъ отравленъ Фишеръ? — спросилъ Брауна Кременецкій.

— Почемъ мнѣ знать? Вы спросите у того аптекаря, который производилъ экспертизу.

— Ну, онъ не аптекарь, — сказалъ Кременецкій. — Это химикъ-фармацевтъ губернскаго правленія.

— Вотъ у химика-фармацевта губернскаго правленія и надо спросить.

«И объ этомъ тогда на вечерѣ говорили», — опять подумалъ Витя.

— Александръ Михайловичъ, кажется, не очень высокаго мнѣнія о нашей экспертизѣ, — сказалъ Яценко.

— Хвалить ее дѣйствительно не за что, — рѣзко отвѣтилъ Браунъ.

Разговоры въ кабинетѣ стихли.

— Вы имѣете основанія сомнѣваться въ выводахъ экспертизы? — спросилъ Кременецкій.

— Я очень мало о ней знаю, но чрезмѣрная опредѣленность въ рѣшеніи вопросовъ, по меньшей мѣрѣ темныхъ, естественно должна вызывать сомнѣніе... Да и все такъ называемое научное слѣдствіе!.. Знаете, какъ дѣти рисуютъ: начнетъ рисовать наудачу головку, вышло немного похоже на тетю Маню, — онъ и продолжаетъ тетю Маню.

— Насколько я могу понять, вы вообще плохо вѣрите въ судебно-медицинское изслѣдованіе, — замѣтилъ сухо Яценко: тонъ Брауна начиналъ его раздражать. — Однако, на основаніи такой же экспертизы людей ежедневно отправляютъ въ нашей отсталой странѣ на каторгу, а на западѣ и на эшафотъ.

— Я и думаю, что процентъ невинно осужденныхъ среди этихъ людей довольно значителенъ, особенно среди тѣхъ, кого осуждаютъ на основаніи разныхъ послѣднихъ словъ науки.

— Да это ужасно! — сказала съ искреннимъ возмущеніемъ Наталья Михайловна. Всѣ на нее оглянулись.

— Позвольте, значитъ вообще никогда нельзя установить правду? — спросилъ Горенскій.

— Зачѣмъ же вообще и никогда? Очень часто можно, но далеко не всегда... Я не знаю толкомъ, — продолжалъ Браунъ, — отъ какой болѣзни умеръ мой отецъ, хотя его лечили свѣточи науки, не чета химику-фармацевту губернскаго правленія. Я не знаю, отчего покончилъ съ собой мой братъ, хотя вся его жизнь протекла у меня на глазахъ. Мы не знаемъ полной правды ни объ одномъ почти историческомъ событіи, хотя свидѣтелями и участниками каждаго были сотни заслуживающихъ довѣрія людей, — вѣдь выводы разныхъ историковъ часто исключаютъ совершенно другъ друга. Но вотъ въ уголовномъ судѣ вы убѣждены, что постоянно все узнаете до конца, да еще всѣмъ предписываете, какъ во Франціи, говорить «правду, всю правду и только правду». А они, и виновные, и невиновные, обычно не могутъ не лгать, потому что вся ихъ жизнь выворачивается на изнанку, на потѣху публикѣ.

— Не могу съ вами согласиться, — сказалъ Яценко. — Порядочному человѣку скрывать нечего и онъ на судѣ, подъ присягой, лгать не станетъ.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ было бы ужасно предположить, что на эшафотъ и на каторгу часто посылаютъ ни въ чемъ неповинныхъ людей! — воскликнулъ Горенскій.

— Я это отрицаю категорически, — сказалъ, слегка блѣднѣя, Николай Петровичъ. — Судебныя ошибки составляютъ самое рѣдкое исключеніе. Ихъ процентъ совершенно ничтоженъ.

— Для того, кто невинно осужденъ, есть полныхъ сто процентовъ судебной ошибки, — отвѣ-

тилъ Браунъ. — Но я, кромѣ того, позволяю себѣ думать, что ничтоженъ процентъ не судебныхъ ошибокъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя рано или поздно раскрываются. У людей, сосланныхъ въ Гвіану или въ Сибирь, остается не такъ много способовъ доказать свою невиновность.

— А у казненныхъ тѣмъ паче, — подхватилъ Нещеретовъ.

— На мѣстѣ служителей правосудія я скорѣе утѣшался бы другимъ, — продолжалъ съ усмѣшкой Браунъ, обращаясь къ Николаю Петровичу. — Конечно, очень многіе порядочные люди, случалось, подходили вплотную къ преступленію. Однако на скамью подсудимыхъ въ уголовномъ судѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ попадаютъ все же люди весьма невысокаго моральнаго уровня. Преступленія, въ которомъ ихъ обвиняютъ, они, можетъ быть, и не совершили, но особенно жалѣть о нихъ тоже нечего. Вотъ чѣмъ бы бы я утѣшался на вашемъ мѣстѣ.

— Это довольно странная мысль, — сказалъ, съ трудомъ сдерживаясь, Яценко.

— Отчего-же? — вставилъ Фоминъ. — Гамлетъ говоритъ: «если-бъ съ каждымъ поступать по заслугамъ, то кто избѣжалъ бы порки?»

— Вотъ это такъ! — засмѣялся Нещеретовъ. — Ай, да Гамлетъ!

Фоминъ тоже засмѣялся и повторилъ по англійски старательно заученную цитату. Произнося англійскія слова, онъ какъ-то странно, точно съ отвращеніемъ, кривилъ лицо и губы, очевидно для полнаго сходства съ англичанами.

— Есть изреченіе еще болѣе удивительное, — сказалъ, зѣвая, Браунъ. — Помнится, Гете замѣтилъ, что не знаетъ такого преступленія, котораго онъ самъ не могъ бы совершить.

Въ гостиной зазвенѣлъ звонокъ.

— Въ залъ, въ залъ, господа! — сказалъ Кременецкій. — Сейчасъ начнется «Бѣлый ужинъ».

IV.

Эстрады въ большой гостиной не было; сцена отдѣлялась отъ зрителей только шедшей по полу длинной бѣлой доскою, съ придѣланными къ ней изнутри электрическими лампочками. Люстру потушили въ залѣ минутой раньше, чѣмъ слѣдовало. Гости уже въ полутьмѣ поспѣшно занимали мѣста, разстраивая ряды неплотно связанныхъ между собой, взятыхъ на прокатъ стульевъ, выдѣлявшихся своей простотой въ богатой гостиной. Слышались извиненія, сдержанный смѣхъ. Потомъ наступила тишина. Звонокъ позвонилъ опять, короче, и занавѣсъ медленно раздвинулся, цѣпляясь и задерживаясь на шнуркѣ. Одобрительный гулъ пронесся по залу. Сцена была ярко освѣщена и все на ней, — южныя деревья, цвѣтные фонарики, мебель, даже декорація съ видомъ залива,—было довольно похоже на настоящій театръ. Взволнованная Тамара Матвѣевна присѣла на крайній стулъ у прохода. На сценѣ, вполоборота, почти спиной къ публикѣ, наклонившись надъ перилами, стояла Муся. — «Марья Семен...» — негромко сказалъ кто-то и не докончилъ, видимо, испугавшись звука своего голоса. — «Ахъ, какъ мила Муся, прелесть», — прошептала рядомъ съ Тамарой Матвѣевной госпожа Яценко. Тамара Матвѣевна благодарно улыбнулась въ отвѣтъ и немного успокоилась. Муся въ своемъ бѣломъ платьѣ Коломбины, сшитомъ у Воробьева по рисунку моднаго художника, была въ самомъ дѣлѣ очень хороша. Гдѣ-то въ глубинѣ заигралъ рояль. «Нѣтъ, прекрасно слышно», — подумала Тамара Матвѣевна:

рояль послѣ долгихъ споровъ и опытовъ рѣшено было поставить въ ихъ спальной. Тамара Матвѣевна тревожно обвела глазами залъ, полуосвѣщенный ближе къ сценѣ, болѣе темный позади. Всѣ гости уже размѣстились — приблизительно такъ, какъ подобало каждому, хотя ихъ никто не разсаживалъ. Въ первомъ ряду было много свободныхъ стульевъ, точно всѣ стѣснялись занять тамь мѣста. Посрединѣ перваго ряда, съ улыбкой глядя на Мусю, сидѣлъ, развалившись, Нещеретовъ. Сердце Тамары Матвѣевны радостно забилось. Немного дальше, у прохода, тоже въ первомъ ряду, она увидѣла въ профиль Клервилля. — «Какой красавецъ!» — почему-то испуганно подумала Тамара Матвѣевна.

Рояль замолкъ. Муся долго разучивавшимся движеніемъ оторвалась отъ перилъ и повернулась къ зрителямъ. Сердце у нея сильно билось. Муся знала, что очень хороша собой въ этотъ вечеръ: ей это всѣ говорили въ «артистической», и по тому, какъ говорили, она знала, что говорятъ правду. Лицо ея, надъ которымъ, при помощи Лейхнеровскаго карандаша, помады, пудры, долго работалъ искусный гримеръ, было точно чужое. Но это, какъ маска, придавало ей смѣлости. Выходъ, она чувствовала, удался хорошо. Муся сдѣлала надъ собой усиліе и справилась съ дыханіемъ. «Что-же онъ не бросаетъ букета?» — спросила себя она. Изъ-за перилъ справа къ ея ногамъ упалъ бѣлый букетъ. Муся слегка вскрикнула и наклонилась, поднимая цвѣты. И тотчасъ она почувствовала, что легкій крикъ удался, что она сдѣлала то самое «гибкое, порывистое движеніе», которое дѣлаютъ красивыя дѣвушки въ романахъ, и что платье облекаетъ ее превосходно. Въ ту же секунду она стала совершенно спокойной. Обмахивая себя букетомъ, Муся вышла на аван-

сцену. Рояль давно затихъ, но Муся сочла возможнымъ немного затянуть нѣмую сцену. Березинъ совѣтовалъ актерамъ не смотрѣть со сцены на публику. Муся, однако, теперь была вполнѣ въ себѣ увѣрена. Она неторопливо обвела взглядомъ залъ. Ей бросились въ глаза Нещеретовъ, Клервилль. Она замѣтила даже сидѣвшую далеко Глафиру Генриховну. «Такъ Глаша голубое надѣла», — подумала Муся, спокойно отмѣчая въ сознаніи, что все видитъ. «Теперь начать... Если еще съ полминуты тянуть, будетъ нехорошо»... — сказала она себѣ, и, легкимъ усиліемъ поставивъ голосъ, совершенно естественно начала:

И вотъ ужъ сколько дней игра ведется эта,
И каждый день ко мнѣ влетаютъ два букета...

Муся теперь почти не думала о произносимыхъ словахъ. Она знала стихи отлично, множество разъ повторяла ихъ безъ запинки, всѣ интонаціи и движенія были разучены и одобрены Березинымъ. «Только не думать, что могу сбиться, и никогда не собьюсь», — говорила себѣ Муся, хорошо и увѣренно дѣлая все, что полагалось. «А вотъ же я объ этомъ думаю — и все таки не собьюсь. Какой онъ красавецъ, Клервилль!.. Но зачѣмъ же Глаша не надѣла лиловаго? Нещеретовъ ловитъ мой взглядъ... Не надо его замѣчать...»

...Да, два поклонника есть у меня несмѣлыхъ,
И одинаковыхъ, и совершенно бѣлыхъ...

«Жаль, что Клервилль плохо понимаетъ по русски... Рядомъ съ Глашей Витя Яценко... А та дама кто?.. Сейчасъ нужно принять «притворно-суровый видъ». Потомъ перейти къ столу... Сергѣй Сергѣевичъ, вѣрно, слѣдитъ оттуда... Клервилль смотритъ, кажется, на мою шею. Никоновъ гово-

рилъ, что противъ такихъ красавцевъ полиція должна бы принимать мѣры... Мама бы чего не наговорила... Теперь повернуть голову направо»...

О комъ же думать мнѣ? Кто будетъ мнѣ спасеньемъ?
Кого мнѣ полюбить? О, сердце, разсуди,
Какъ хочешь, чтобы жизнь сложилась впереди:
Сплошными буднями, иль вѣчнымъ воскресеньемъ?

Взглядъ Муси встрѣтился съ блестящими глазами Клервилля и въ нихъ она, замирая, прочла то, о чемъ догадывалась, не смѣя вѣрить. «Да, онъ влюбленъ въ меня»...

Витя немного опоздалъ къ началу «Бѣлаго Ужина». Въ ту самую минуту, когда раздался звонокъ, онъ вдругъ подумалъ, что отъ костюма, сшитаго Степанидой, на его бѣлоснѣжномъ воротничкѣ легко могла остаться темная полоса. Витя вздрогнулъ: это уже навѣрное многіе замѣтили! Съ такой мыслью занять мѣсто въ зрительномъ залѣ, имѣя прямо за спиной людей, которые только и будутъ смотрѣть на грязную полосу, было невозможно. Бѣда была по существу непоправима. Въ отчаяніи Витя скользнулъ изъ кабинета въ пустую переднюю. Однако, въ большомъ зеркалѣ разсмотрѣть себя сзади ему не удалось. Витя оглянулся по сторонамъ, — спектакль начался, теперь никто не могъ зайти въ переднюю, — дрожащими пальцами отстегнулъ воротничекъ. Полоса, дѣйствительно, была, но мало замѣтная, и приходилась она довольно низко, такъ что пиджакъ — все тотъ же, напоминавшій смокингъ, — повидимому, долженъ былъ ее закрывать. Немного успокоенный, Витя быстро надѣлъ воротничекъ, завязалъ галстукъ и, горбясь, на цыпочкахъ вошелъ въ гостиную черезъ опустѣвшій кабинетъ, въ ко-

торомъ тоже были погашены лампы. Въ послѣднемъ ряду, гдѣ хотѣлъ занять мѣсто Витя, чтобы не имѣть никого за спиною, всѣ стулья были заняты. Поближе къ сценѣ оставалось свободнымъ третье мѣсто отъ прохода. Витя скользнулъ туда. На него недовольно зашикали. Онъ отдавилъ ногу сидѣвшей у прохода дамѣ, пробормоталъ извиненіе и сѣлъ какъ-то бокомъ, хотя эта поза не могла скрыть пятна на воротникѣ. Но тотчасъ мысли его перенеслись къ Мусѣ. Она была обворожительна, еще лучше, чѣмъ въ томъ зеленомъ платьѣ!

Муся уже закончила свой первый монологъ. Передъ ней находился Пьеро-веселый, котораго игралъ Никоновъ. Сердце Вити сжалось отъ зависти и сожалѣнія: онъ самъ втайнѣ мечталъ объ этой роли. Однако на первомъ же собраніи актеровъ всѣ тотчасъ сошлись на томъ, что Пьеро-веселаго долженъ играть Никоновъ. — «Совсѣмъ по вашему характеру роль, Григорій Ивановичъ», — сказала Муся. На роль Пьеро - печальнаго тоже сразу нашлись кандидаты, и Витѣ никто ее не предложилъ.

Печальнаго Пьеро хотѣлъ играть Фоминъ. Этому, однако, подъ разными предлогами воспротивилась Муся, почувствовавшая смѣшное въ томъ, что роли обоихъ Пьеро будутъ исполняться помощниками ея отца. У Муси былъ свой кандидатъ — Горенскій. Но князь такъ-таки отказался зубрить стихи, — пришлось его освободить отъ игры, къ большому огорченію Муси.

Горенскому собственно и вообще не хотѣлось участвовать въ спектаклѣ. Его привлекало преимущественно общеніе съ молодежью, къ которой онъ больше не принадлежалъ, — въ передовомъ кругу, частью, вдобавокъ, полуеврейскомъ: князь Горенскій въ своей природной средѣ почти

такъ же (только съ легкимъ оттѣнкомъ вызова) щеголялъ тѣмъ, что бываетъ у Кременецкихъ, какъ Кременецкіе хвастали имъ передъ своими друзьями и знакомыми. Роль Пьеро-печальнаго досталась Беневоленскому. Фоминъ, хотя и продолжалъ говорить: «со мной, какъ съ воскомъ», немного обидѣлся и отказался играть, отчасти, впрочемъ, изъ подражанія князю.

Вообще, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вначалѣ не обошлось безъ обидъ и непріятностей. Не приняла участіе въ спектаклѣ и Глафира Генриховна, недовольная ролью Суры, которую ей предложили въ сценѣ изъ «Анатэмы». Пришлось подобрать сцены такъ, чтобъ вовсе не было ролей пожилыхъ женщинъ. Не разъ ворчалъ и самъ Березинъ. Но потомъ все пошло хорошо: обиды удалось загладить и репетиціи проходили весело.

„При сіяньи лунномъ,
Милый другъ Пьеро,
Одолжи на время
Мнѣ свое перо",

пѣлъ за сценой Никоновъ. У него былъ недурной голосъ. По залу опять пронесся одобрительный гулъ. «Да онъ прекрасно поетъ», — прошептала Наталья Михайловна. Никоновъ бойко перескочилъ черезъ перила, — этого явленія на репетиціяхъ особенно опасались: перила то и дѣло падали. Съ долгимъ раскатомъ смѣха, показавшимся публикѣ очень веселымъ, а Витѣ непріятно-неестественнымъ, Григорій Ивановичъ, въ бѣломъ костюмѣ, осыпанный густо пудрой, съ замазанными усами, бросился къ ногамъ Муси. Витя не ревновалъ Мусю къ Никонову, — онъ чувствовалъ, что Григорій Ивановичъ ей нисколько не нравится, — но его грызла тоска по роли веселаго Пьеро, которая могла вѣдь достаться и ему.

Витя на репетиціяхъ окончательно влюбился въ Мусю. Въ присутствіи другихъ она обращала на него мало вниманія, — Витя по совѣсти не могъ обидѣться (вначалѣ хотѣлъ было), ибо всѣ безъ исключенія другіе актеры были значительно старше его. Кромѣ того Муся съ перваго же дня заявила, что не считаетъ участниковъ спектакля гостями и никѣмъ заниматься не будетъ: «мы здѣсь всѣ у себя дома», — сказала она. Это ей не помѣшало остаться хозяйкой, а гостямъ — гостями. Но особенно любезна и внимательна Муся была только съ Березинымъ.

Однажды, довольно поздно вечеромъ, Витя послѣ репетиціи случайно остался послѣднимъ гостемъ. Муся попросила его посидѣть еще, подлила ему рома въ чай и принялась разспрашивать его полунасмѣшливымъ, полупокровительственнымъ тономъ о разныхъ его дѣлахъ, начала съ его родныхъ, съ училища и уроковъ, спросила, не притѣсняютъ ли его дома. Характеръ ея разспросовъ подчеркнуто ясно свидѣтельствовалъ о томъ, что она считаетъ Витю ребенкомъ. Но въ интонаціяхъ Муси слышалось и другое. Она сама не знала, зачѣмъ попросила Витю посидѣть еще, не знала толкомъ, о чемъ съ нимъ говорить, — и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было съ нимъ интересно. Красивая наружность Вити нравилась Мусѣ, хотя онъ былъ «молокососъ». Отъ уроковъ она вдругъ перешла къ другому, и въ упоръ, съ особеннымъ выраженіемъ въ бѣгающихъ глазахъ, спросила Витю, былъ ли онъ когда-либо влюбленъ. Ироническая интонація Муси показывала, что она не совсѣмъ въ серьезъ задаетъ этотъ вопросъ провинціальной барышни. Внутренній смыслъ вопроса былъ, впрочемъ, нѣсколько иной: Мусѣ зачѣмъ-то хотѣлось получить отвѣтъ, узналъ ли уже Витя женщинъ. Вѣроятно, она разъяснила бы свой во-

просъ, — этотъ разговоръ на сомнительную тему съ мальчикомъ пріятно щекоталъ ей нервы, — и положеніе Вити стало бы весьма труднымъ: онъ не умѣлъ лгать и ему пришлось бы, немного помявшись, признаться въ томъ, что составляло главную заботу его жизни, — Витя женщинъ еще не зналъ. Къ его спасенью, въ эту минуту въ комнату вошла Тамара Матвѣевна. Она тоже была съ нимъ любезна, однако такъ зѣвала, стараясь скрыть зѣвки, и съ такимъ интересомъ спрашивала, въ которомъ часу ложатся спать у нихъ дома, что Витя счелъ нужнымъ проститься. Муся проводила его до дверей. Витя тревожно ждалъ, что въ передней она повторитъ свой вопросъ. Но Муся только ласково сказала, что рада была хорошо, по настоящему съ нимъ поговорить. Витя вдругъ, уже передъ выходной дверью, поцѣловалъ ей руку — и вспыхнулъ. Онъ былъ хорошо воспитанъ и тотчасъ почувствовалъ, что сдѣлалъ неловкость. Впрочемъ, онъ объ этой неловкости не сожалѣлъ. Муся вечеромъ, раздѣваясь, долго съ улыбкой вспоминала о Витѣ, о своей нетрудной побѣдѣ...

...Спасти насъ отъ тоски могла бы перемѣна,
Но не мѣняется наскучившая сцена.

«Да, не мѣняется», — съ тоской подумалъ Витя, — «а давно пора бы ей перемѣниться... И училище пора кончать»... Пьеса, видимо, нравилась публикѣ. Несомнѣнный успѣхъ, кромѣ Муси, имѣлъ и Никоновъ. Это раздражало Витю, хотя онъ не былъ завистливъ. Веселый Пьеро уже побѣждалъ Пьеро-печальнаго, и близилась минута, когда онъ долженъ былъ поцѣловать Коломбину, — сцена эта особенно украшала роль перваго Пьеро въ мечтахъ Вити. «Какъ скверно играетъ болванъ

Беневоленскій: тянетъ, тянетъ!.. Сейчасъ шестое явленіе, радостный Пьеро плачетъ... Ну, плачетъ Григорій Ивановичъ слабо... — «Вы плакать можете?..» Какъ она хороша...—«Вы плакать можете?» Да, могу, могу, Марья Семеновна, очень могу, Муся... Вотъ теперь поцѣлуются... А я ограждалъ входы!..»

Майоръ Клервилль внимательно слушалъ пьесу, кое-что разобралъ и искренно этому радовался. Игра Муси приводила его въ восторгъ. Однако, и ему не понравилась сцена поцѣлуя, — онъ нашелъ ее неестественной и неудачно сыгранной. Когда «Бѣлый ужинъ» кончился и раздались шумныя рукоплесканія, Клервилль поднялся съ мѣста и стоя долго апплодировалъ Мусѣ. Его высокая фигура, во фракѣ, о которомъ долго потомъ говорили молодые люди, привлекла общее вниманіе зала.

Лакей внесъ и подалъ Мусѣ два огромныхъ букета. Сіяя счастливой улыбкой, Муся взяла цвѣты и поднесла ихъ къ лицу, совершенно такъ, какъ это дѣлала пріѣзжавшая въ Петербургъ Сара Бернаръ. Тамара Матвѣевна знала, что одинъ букетъ былъ отъ Березина. «А другой отъ кого? Не отъ Нещеретова ли?» — подумала она, густо краснѣя отъ радости. Нещеретовъ, сидя, снисходительно хлопалъ, переговариваясь со стоявшимъ Семеномъ Исидоровичемъ, который нѣжно посылалъ дочери воздушный поцѣлуй. «Изъ актеровъ никто не поднесъ цвѣтовъ, значитъ и другіе не догадались, или не надо», — утѣшалъ себя Витя. Муся быстро прошла за кулисы и вывела оттуда скромно упиравшагося Березина. Апплодисменты еще усилились, особенно послѣ того, какъ Муся граціознымъ жестомъ протянула Сергѣю Сергѣевичу цвѣты. Въ залѣ долго не смолкали рукоплесканія.

На сценѣ шутливо апплодировалъ, какъ бы самому себѣ, Никоновъ. «Креме-нецкая!» — вдругъ яростно заоралъ онъ, изображая галерку. Кто-то въ залѣ со смѣхомъ подхватилъ это восклицаніе. — «Браво, Никоновъ, бб-и-исъ!» — ревѣлъ взвинченный своей игрой и успѣхомъ Григорій Ивановичъ. Клервилль подошелъ къ самой рампѣ, восторженно апплодируя Мусѣ.

— Это вѣрно отъ него тотъ большой букетъ, — сказала вполголоса дама, сидѣвшая между Витей и Глафирой Генриховной.

— Что-жъ, англо-русское сближеніе теперь въ модѣ, — отвѣтила съ улыбкой Глафира Генриховна. — Вотъ и спектакль пригодится.

— Les mariages se font dans les cieux.

— Семенъ Исидоровичъ поможетъ небесамъ.

Витя, какъ разъ съ поклономъ и извиненіями надвигавшійся на дамъ — онъ тоже стремился къ рампѣ, — слышалъ этотъ разговоръ, который показался ему чрезвычайно непріятнымъ. Онъ оборвалъ извиненія и быстро отошелъ. Глафира Генриховна впослѣдствіи такъ и не могла понять, почему Витя, до того столь милый и предупредительный, сталъ съ нею вдругъ нелюбезенъ, смотрѣлъ на нее почти съ ненавистью и еле отвѣчалъ на ея вопросы.

V.

Никто не могъ бы назвать неудачникомъ Я[illegible]ко. Онъ имѣлъ заслуженную репутацію умн[illegible] образованнаго, прекраснаго человѣка, былъ счас[illegible]ливъ въ семейной жизни, нѣжно любилъ жену и сына. Его служебная карьера, не будучи особенно блестящей, была достаточно успѣшной и быстрой. Однако, при всемъ ровномъ характерѣ Ни-

колая Петровича, у него бывали дни, когда его жизнь представлялась ему ненужной, разбитой и безсмысленной. Въ такіе дни Яценко по возможности избѣгалъ встрѣчъ съ людьми, запирался у себя въ кабинетѣ и читалъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ философскія книги.

Николай Петровичъ понималъ языкъ философскихъ книгъ, и чтеніе это доставляло ему удовлетвореніе, — но преимущественно какъ своего рода умственная гимнастика, какъ экзаменъ по развитію, который онъ всегда съ честью выдерживалъ. Душевнаго успокоенія эти книги ему не давали. Слишкомъ трудно было перекинуть въ его жизнь простой и короткій мостъ отъ ученыхъ словъ и отвлеченныхъ мыслей. Наступала усталость, Яценко откладывалъ философскія книги и раскрывалъ «Смерть Ивана Ильича», которая волновала его неизмѣримо больше.

Съ Толстымъ у Николая Петровича былъ старый счетъ. Онъ думалъ, что другого такого писателя никогда не было и не будетъ, и въ твореніяхъ Толстого видѣлъ подлинную книгу жизни, гдѣ на все, что можетъ случиться въ мірѣ съ человѣкомъ, данъ — не отвѣтъ, конечно, но настоящій, единственный откликъ. Николай Петровичъ былъ еще молодымъ судебнымъ дѣятелемъ, когда появилось «Воскресенье». Любя свое дѣло, гордясь судомъ, онъ болѣзненно принялъ этотъ романъ, почти какъ личное оскорбленіе. Юридическія ошибки, найденныя имъ у Толстого, даже чуть-чуть его утѣшили, точно свидѣтельствуя, что не все правда въ «Воскресеніи». Именно отсюда и началась глухая внутренняя борьба Николая Петровича съ Толстымъ. Но со «Смертью Ивана Ильича» и бороться было невозможно. Яценко понималъ, что ужъ въ этой книгѣ все правда, самая ужасная, послѣдняя правда, на которую никто ничего отвѣтить не

можетъ, какъ не можетъ отвѣтить и самъ авторъ. Правда другихъ книгъ Толстого была менѣе обязательной и общей. Съ Николаемъ Петровичемъ могло и не случиться то, что случалось съ Болконскимъ, Левинымъ, Нехлюдовымъ, Безухимъ. Но отъ участи Ивана Ильича уйти было некуда и Яценко иногда недоумѣвалъ, зачѣмъ, собственно, написанъ этотъ страшный разсказъ. Самый тонъ, зловѣще-шутливый, почти издѣвательскій тонъ книги, особенно срединныхъ главъ, въ которыхъ Толстой какъ убійца, подкрадывается къ Ивану Ильичу, по мнѣнію Яценко, свидѣтельствовалъ о полномъ отсутствіи отвѣта. Николай Петровичъ разъ двадцать читалъ «Смерть Ивана Ильича», и всякій разъ якобы примиренная книга эта вызывала у него лишь приступъ отвращенія и ненависти къ людямъ, къ жизни, къ міру. Впрочемъ, и это впечатлѣніе скоро проходило — чаще всего отъ общенія съ пріятными людьми, отъ успѣшной повседневной работы. Николай Петровичъ приходилъ къ мысли, что безъ твердой религіозной вѣры никакъ не можетъ быть оптимистическаго міропониманія. У него твердой вѣры не было, настроенъ же онъ былъ въ нормальное время оптимистически и потому въ тяжелые свои дни представлялся самому себѣ живымъ парадоксомъ.

На слѣдующее утро послѣ спектакля у Кременецкихъ Николай Петровичъ проснулся позднѣе обычнаго и сразу почувствовалъ дурной день. Легкая, о чемъ-то напоминавшая, головная боль сразу окрасила въ черный цвѣтъ его мысли. Никакихъ непріятностей не было, но Яценко умывался и одѣвался съ тревожнымъ чувствомъ, какъ бы въ ожиданіи очень непріятныхъ происшествій. Вынутый для бритья изъ восковой бумажки новый Жиллетъ оказался тупымъ, вода недостаточно со-

грѣтой. Лампа плохо освѣщала зеркало. Галстухъ завязался неровно. Одѣвшись, Николай Петровичъ вышелъ въ столовую. Передъ его приборомъ лежала газета, два письма и сложенная вдвое записка безъ конверта. Это Витя, уже ушедшій въ училище, просилъ оставить ему въ его комнатѣ мѣсячное жалованье, о чемъ забылъ сказать отцу наканунѣ. Витя писалъ безъ твердыхъ знаковъ; въ одномъ словѣ твердый знакъ былъ по привычкѣ поставленъ и тотчасъ заботливо зачеркнутъ. Яценко съ усмѣшкой прочелъ записку. Хотя жалованье полагалось Витѣ только черезъ недѣлю (прежде онъ былъ аккуратнѣе), Николай Петровичъ исполнилъ просьбу сына. Войдя въ еще неубранную комнату Вити, онъ положилъ въ ящикъ ночного стола деньги. При этомъ онъ разсѣянно просмотрѣлъ лежавшія на столикѣ книги: альманахъ «Шиповникъ», томъ стиховъ Блока и тоненькую книжку Каутскаго объ экономическомъ матеріализмѣ. Николай Петровичъ усмѣхнулся еще сердитѣе. «Какой сумбуръ у него въ головѣ!.. Вотъ у Вити ужъ никакой вѣры нѣтъ и не будетъ... Хорошо же моральное наслѣдство, которое онъ отъ меня получитъ... О матеріальномъ и говорить нечего»...

Яценко вернулся въ столовую, торопливо выпилъ стаканъ остывшаго чаю, не прикоснувшись къ калачу, сунулъ въ карманъ нераскрытую газету, нераспечатанныя письма, ожидая и отъ нихъ непріятностей; затѣмъ, не будя Наталью Михайловну, вышелъ на улицу. День былъ очень темный. Горѣли фонари. Трамвай какъ разъ прошелъ, когда Николай Петровичъ подходилъ къ остановкѣ. Вопреки своему обыкновенію, онъ нанялъ извозчика.

На морозномъ воздухѣ головная боль у Николая Петровича прошла, но дурное настроеніе оста-

лось и даже усилилось. Извозчикъ везъ медленно, сани очень трясло.

Въ камерѣ, тоже освѣщенной электрическимъ свѣтомъ, несмотря на утренній часъ, письмоводитель Иванъ Павловичъ съ очевиднымъ удовольствіемъ буравилъ и прошивалъ шелковымъ шнуромъ бумаги въ одной изъ папокъ. По тому, какъ съ нимъ поздоровался Яценко, Иванъ Павловичъ сразу догадался о дурномъ настроеніи слѣдователя и, не вступая въ разговоръ, заботливо принялся пропечатывать вытянутые концы шелковаго шнура.

— Загряцкаго въ одиннадцать приведутъ? — спросилъ Яценко. Получивъ поспѣшный утвердительный отвѣтъ, онъ сѣлъ за столъ. Письмоводитель тихонько вышелъ съ папкой изъ комнаты. Яценко проводилъ его недовольнымъ взглядомъ, затѣмъ распечаталъ и пробѣжалъ письма. Въ нихъ ничего непріятнаго не было, но оба письма требовали отвѣта. Корреспонденція угнетала Николая Петровича. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и принялся писать. Работа пошла хорошо. Дурное настроеніе Яценко понемногу разсѣялось.

— Загряцкаго привели, — робко доложилъ письмоводитель.

— Отлично, пожалуйста, введите его, Иванъ Павловичъ, — сказалъ Николай Петровичъ, смягчая тонъ. — И, пожалуйста, останьтесь въ камерѣ, сегодня вы будете нужны.

Въ камеру ввели Загряцкаго. «Однако, и измѣнился же онъ!» — подумалъ невольно Яценко, отвѣчая на неувѣренный поклонъ обвиняемаго. Осунувшееся лицо Загряцкаго было совершенно сѣраго цвѣта, глаза воспалены и красны.

Николай Петровичъ расписался въ книгѣ, отпустилъ городового и показалъ Загряцкому на стулъ. Загряцкій сѣлъ и опустилъ голову, ста-

рательно теребя среднюю пуговицу пальто, плохо державшуюся на оттянутыхъ ниткахъ. Этотъ жестъ, какъ и весь видъ обвиняемаго, показался слѣдователю и жалкимъ, и неестественнымъ. «Впрочемъ, очень нелегко держать себя естественно въ ихъ положеніи», — подумалъ Николай Петровичъ.

— Господинъ Загряцкій, — сказалъ онъ, — предварительное слѣдствіе по вашему дѣлу закончено...

— Какъ? Закончено? — хриплымъ голосомъ перебилъ его Загряцкій. — Я думалъ...

Онъ замолчалъ. Яценко посмотрѣлъ на него вопросительно, подождалъ, затѣмъ продолжалъ ровно, точно читая по запискѣ.

— Согласно 476-ой статьѣ устава уголовнаго судопроизводства, я обязанъ, до отсылки товарищу прокурора всего слѣдствія, предъявить его вамъ. Вы получили копіи всѣхъ слѣдственныхъ актовъ. Тѣмъ не менѣе, если вы пожелаете, производство будетъ вамъ прочтено цѣликомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я читалъ копіи, — отвѣтилъ, теребя пуговицу, Загряцкій.

Николай Петровичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— По закону я также обязанъ спросить васъ, не желаете ли вы еще что-либо представить въ свое оправданіе?

Загряцкій быстро взглянулъ на слѣдователя, снова опустилъ голову и сказалъ тихо:

— Зачѣмъ я буду говорить? Вы все равно мнѣ ни въ чемъ не вѣрите.

Яценко за долгіе годы службы очень часто слышалъ этотъ отвѣтъ отъ допрашиваемыхъ. Однако что-то въ выраженіи лица Загряцкаго кольнуло Николая Петровича.

— Послушайте, господинъ Загряцкій, — помолчавъ, сказалъ онъ мягкимъ тономъ. — Какъ вы, конечно, понимаете, я не имѣю никакихъ причинъ желать вамъ зла. Но вы видите, что всѣ обстоятельства дѣла складываются рѣшительно противъ васъ. Слѣдствіемъ собранъ рядъ подавляющихъ уликъ. Подумайте, господинъ Загряцкій, не въ вашихъ ли интересахъ чистосердечно во всемъ сознаться? — сказалъ съ силой Николай Петровичъ и въ ту же минуту, при своей искренности и прямотѣ, почувствовалъ укоръ совѣсти: онъ зналъ, что улики слѣдствія далеко не подавляющія и что чистосердечное сознаніе отнюдь не въ интересахъ Загряцкаго.

Загряцкій засмѣялся, какъ показалось слѣдователю, нѣсколько театрально.

— Я не могу сознаться въ томъ, чего я не дѣлалъ.

— Какъ знаете, это ваше дѣло, — сказалъ Яценко, возвращаясь къ оффиціальному тону. — Сейчасъ будетъ составленъ протоколъ о предъявленіи вамъ слѣдствія. Угодно вамъ представить еще что-либо въ ваше оправданіе?

— Господинъ слѣдователь, — сказалъ съ видимымъ усиліемъ Загряцкій и опять остановился. — Господинъ слѣдователь, вѣдь вы живой человѣкъ, вы умный человѣкъ... Поймите же, что у меня не было никакихъ причинъ убивать Фишера.

— Объ этомъ мы съ вами достаточно говорили... Вы упорно стоите на томъ, что не были въ связи съ госпожей Фишеръ? Поймите и вы, господинъ Загряцкій, что отстоять эту позицію на судѣ вамъ будетъ трудно.

Загряцкій молчалъ. Николаю Петровичу вдругъ показалось, что онъ колеблется.

— Вы же, наконецъ, знаете, господинъ слѣдователь, — сказалъ нерѣшительно Загряцкій, — что

съ момента моего отъѣзда изъ Ялты между нами было порвано даже простое знакомство. Вѣдь мы поссорились, господинъ слѣдователь.

— По этому вопросу ваши показанія были особенно неубѣдительны, — отвѣтилъ Николай Петровичъ, насторожившійся при словѣ Загряцкаго «наконецъ». — Слѣдствію такъ и осталось неяснымъ, почему вы поссорились. Госпожа Фишеръ говорила о письмахъ, о томъ, что вы просили у нея взаймы десять тысячъ рублей, въ которыхъ она вамъ отказала. Вы вначалѣ совершенно это отрицали... Даже съ негодованьемъ отрицали, господинъ Загряцкій. Вы говорили, что въ матеріальномъ отношеніи всегда отстаивали свою полную независимость. Потомъ вы сказали, что вы не помните, было ли это такъ... Подумайте, могу ли я повѣрить такому отвѣту? Можетъ ли человѣкъ забыть, просилъ ли онъ взаймы крупную сумму нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Неужели вы предполагаете, что судъ этому повѣритъ?

— Я на этомъ не настаиваю, — помолчавъ, сказалъ Загряцкій. — Да, я просилъ у нея взаймы десять тысячъ.

— Отчего же вы это отрицали до настоящей минуты?

— Я давно хотѣлъ взять назадъ это свое показаніе... Я отрицалъ, потому что признаться въ этомъ порядочному человѣку, человѣку изъ общества, не такъ легко. Хоть никакого преступленія здѣсь нѣтъ... Вы мнѣ въ упоръ задали вопросъ, просилъ ли я взаймы денегъ у дамы? Я сгоряча отвѣтилъ: нѣтъ, не просилъ. Вы человѣкъ, господинъ слѣдователь, вы должны это понять... Помните и то, что я былъ боленъ, когда вы меня допрашивали... Я былъ измученъ обыскомъ, арестомъ... Эти городовые, камера, этотъ подземный ходъ сюда изъ Предварилки... Вы все умѣете обер-

нуть противъ меня. А отвѣчать на ваши вопросы надо сразу, немедленно, не думая... Я и теперь боюсь каждаго слова, которое говорю! — вскрикнулъ онъ и оторвалъ пуговицу пальто. Видимо это его смутило: онъ зажалъ пуговицу въ кулакѣ, затѣмъ сунулъ ее въ карманъ. — Я сказалъ, что не помню... Разумѣется, это неправдоподобно, вы правы... Но вѣдь это и такъ несущественно, господинъ слѣдователь...

— Напротивъ, это очень существенно... Почему же вы могли думать, что госпожа Фишеръ дастъ вамъ такую сумму?

— Мы были съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ, я для нея поѣхалъ въ Ялту, по просьбѣ ея мужа... Я думалъ, что она дастъ. Она отказала... И въ этомъ, если хотите, одна изъ причинъ ея злобы противъ меня... Не то, чтобъ она пожалѣла денегъ, нѣтъ, она не скупа, это грѣхъ сказать... Да и денегъ у нея такъ много, я потому и попросилъ... Но она потеряла ко мнѣ уваженіе... Она вообразила, что мнѣ нужны были ея деньги, а не она сама, — сказалъ упавшимъ голосомъ Загряцкій.

Письмоводитель оторвался отъ протокола, поспѣшно взглянулъ искоса на Загряцкаго, на Яценко и продолжалъ писать.

— Такъ, значитъ, до того госпожа Фишеръ предполагала, что вамъ, какъ вы сказали, нужна она? — спросилъ небрежно слѣдователь.

— Я могу ошибаться... Это не показаніе, это только предположеніе.

— Вы, значитъ, отрицаете свою связь съ госпожей Фишеръ, но допускаете, что могли ей нравиться?

— Да, я готовъ это допустить.

— Вы готовы это допустить, — повторилъ Николай Петровичъ. — Собственно почему же вы это допускаете?

— Мнѣ такъ казалось... Мужчины вѣдь всегда это чувствуютъ. Простите нескромность, — она естественна въ моемъ положеніи, — я нравился многимъ женщинамъ...

«Не безъ удовольствія это говоритъ, какъ ни тяжело его положеніе», — подумалъ Яценко.

— И я имѣлъ основанія думать, — продолжалъ, нѣсколько оживившись, Загряцкій, — что Елена Федоровна не вполнѣ ко мнѣ равнодушна. Она, напримѣръ, явно нервничала, если я въ Ялтѣ на прогулкѣ провожалъ глазами женщинъ... Это, каюсь, со мной бывало, — сказалъ онъ и вдругъ улыбнулся побѣдоносной улыбкой, которая на измученномъ лицѣ его показалась слѣдователю жалкой.

— Съ вами бывало, — повторилъ Яценко. — Такъ что госпожа Фишеръ немного васъ ревновала?

— Да, я думаю, съ ея стороны было нѣкоторое увлеченье.

— Но связи между вами не было, вы на этомъ стоите по прежнему?

— Да, стою...

— Господинъ Загряцкій, — сказалъ рѣшительно, съ силой въ голосѣ, слѣдователь, — бросьте вы это! Я прекрасно понимаю тѣ причины, по которымъ вы считаете нужнымъ скрывать правду: вы думаете, что, поскольку ваша связь съ госпожей Фишеръ не доказана, постольку отсутствуютъ и мотивы преступленья. Но понимаете ли вы значеніе того, что вы сейчасъ сказали? Допустимъ, связи не было. Однако вы признали, что госпожа Фишеръ васъ любила, что она ревновала васъ къ другимъ женщинамъ. Значитъ, если-бъ вы того пожелали, если-бъ этого потребовалъ вашъ интересъ, вы всегда могли бы вступить съ ней въ связь или жениться на ней. Вотъ и мотивировка преступленья.

Вы въ сущности уничтожили все, на чемъ до сихъ поръ стояли. Вопросъ о связи теперь отступаетъ на второй планъ.

«Прихлопнулъ», — подумалъ удовлетворенно Иванъ Павловичъ. — «Ну, не совсѣмъ, а все-таки прихлопнулъ».

Загряцкій горящими глазами смотрѣлъ на слѣдователя.

— Да, я былъ ея любовникомъ, — вдругъ сказалъ онъ.

— Вы были ея любовникомъ, — повторилъ Яценко. Онъ помолчалъ немного, затѣмъ заговорилъ съ новыми, сердечными интонаціями въ голосѣ. — Такъ лучше, господинъ Загряцкій, повѣрьте мнѣ, я не желаю вамъ зла. Въ вашемъ положеніи лучше всего вступить на путь чистосердечнаго признанія.

Загряцкій опять засмѣялся.

— Вы это объ убійствѣ? Нѣтъ, я этого удовольствія вамъ не сдѣлаю. Я не убивалъ Фишера, господинъ слѣдователь.

— Вы не хотите сказать правду, это ваше дѣло. Но я васъ предупреждаю...

— Вамъ не о чемъ меня предупреждать! И не думайте, что я попался въ вашу ловушку. Если я нравился женщинѣ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что я могъ на ней жениться. Нѣтъ, я еще раньше рѣшилъ сказать правду... Рѣшилъ сказать все то, что могу сказать! — вскрикнулъ онъ.

— Вы, значитъ, не все можете сказать? — съ удивленіемъ глядя на него, спросилъ Яценко. Имъ вдругъ овладѣло тревожное чувство.

— Нѣтъ, не все.

— Можете ли вы сказать, гдѣ вы были въ вечеръ убійства?

— Нѣтъ.

— Можете ли вы сказать, на какія средства вы жили?

— Я все вамъ объяснилъ.

— Вы не объяснили, господинъ Загряцкій. Къ сожалѣнію, вы не объяснили...

— Я больше ничего не могу сказать. Можете кончать ваше слѣдствіе, — хрипло проговорилъ Загряцкій. Видъ у него былъ совершенно измученный. «Въ самомъ дѣлѣ, точно затравленный звѣрь», — подумалъ Яценко. Тревожное чувство еще усилилось въ Николаѣ Петровичѣ. Онъ мысленно себя провѣрилъ. «Нѣтъ, напротивъ, теперь все въ порядкѣ»...

— Въ виду признанія вами, господинъ Загряцкій, факта, до сихъ поръ вами отрицавшагося, я не нахожу возможнымъ сейчасъ закончить слѣдствіе. Мнѣ, вѣроятно, придется васъ допросить еще разъ въ присутствіи госпожи Фишеръ, — сказалъ Яценко и невольно опустилъ глаза передъ тѣмъ выраженіемъ острой ненависти, которое онъ прочелъ въ глазахъ Загряцкаго.

VI.

Автомобиль замедлилъ ходъ, протрубилъ и остановился. Сидѣвшій рядомъ съ шофферомъ человѣкъ въ штатскомъ платьѣ соскочилъ и почтительно открылъ дверцы. Федосьевъ вышелъ изъ автомобиля и неторопливо направился къ открывшейся настежь двери ярко освѣщеннаго подъѣзда. На мерзлыхъ ступенькахъ онъ остановился и окинулъ взглядомъ улицу. Впереди у фонаря рядомъ съ вытянувшимся, засыпаннымъ снѣгомъ, жандармомъ кто-то соскочилъ съ велосипеда. Проѣзжавшій извозчикъ лѣниво постегивалъ лошадь возжами. По тротуару шелъ съ мѣшкомъ булоч-

никъ. Еще какіе-то люди медленно шли по улицѣ. Федосьевъ зналъ, что и эти люди, и булочникъ, и извозчикъ, и велосипедистъ, всѣ были сыщики, предназначенные для его охраны: онъ на улицѣ всегда подвергался большой опасности. Не очень вѣря въ мѣры предосторожности, онъ принималъ ихъ больше по привычкѣ, какъ по привычкѣ всегда носилъ въ карманѣ почти безполезный браунингъ.

Федосьевъ съ шутливымъ видомъ говорилъ знакомымъ, что процентъ смертности на его посту не такъ ужъ сильно превышаетъ смертность въ передовыхъ окопахъ пѣхоты. Обычно знакомые при этой шуткѣ заботливо мѣняли разговоръ. Въ пору войны опасность покушеній ослабѣла. Однако Федосьевъ имѣлъ основанія думать, что его рано или поздно убьютъ, и съ давнихъ поръ пріучилъ себя разсматривать каждый благополучно сошедшій день, какъ подарокъ Провидѣнія. Къ мысли объ опасности онъ привыкъ, насколько къ ней можно было привыкнуть, и безъ особаго усилія принималъ передъ подчиненными совершенно спокойный, увѣренный, даже беззаботный видъ, точно самая эта мысль никогда ему не приходила въ голову. Такъ и теперь онъ, нарочно задержавшись на улицѣ, отдалъ не спѣша распоряженія сопровождавшему его агенту. Тѣмъ не менѣе Федосьевъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда за нимъ захлопнулась огромная, тяжелая дверь.

«Вотъ теперь и этого ощущенія больше не будетъ», — подумалъ онъ, отдавая шубу увѣшанному медалями великану-швейцару. Мысль эта не доставила ему удовольствія, какъ ни тягостно было то ощущеніе. Съ первыхъ опасныхъ постовъ, Федосьевъ представлялъ себѣ свой конецъ во всѣхъ подробностяхъ, не останавливаясь передъ самыми

страшными и самыми грубыми. Конецъ могъ прійти отъ бомбы или отъ пули, — пуля отталкивала его меньше: слова «разорванъ на части» вызывали въ немъ то жуткое чувство, съ которымъ въ дѣтствѣ и первой юности онъ читалъ о четвертованіи. «Да, такъ неужели я помру, какъ всѣ, въ своей постели, отъ непродолжительной, но тяжкой болѣзни? Это прямо у газетчиковъ отбить хлѣбъ», — съ улыбкой подумалъ онъ.

Мысль объ откликѣ въ газетахъ на его насильственную смерть тоже часто занимала Федосьева. Онъ будто видѣлъ передъ собой статьи,—на томъ мѣстѣ, на какомъ имъ надлежало появиться въ каждой газетѣ, гдѣ на первой страницѣ, гдѣ на второй, гдѣ въ два столбца, гдѣ всего строкъ на шестьдесятъ. «Еще одно злодѣяніе, при вѣсти о которомъ съ ужасомъ содрогнется Россія»... «Кровавый палачъ народа казненъ рукой героя»... «Намъ незачѣмъ доказывать наше принципіально-отрицательное отношеніе ко всякому террору, откуда бы онъ ни исходилъ, и въ трагической гибели С. В. Федосьева («да, по случаю моей смерти на радостяхъ удостоятъ меня иниціаловъ, вмѣсто буквы г.»), мы усматриваемъ новое наглядное доказательство нашего основного положенія о томъ, что...» Радость либеральной печати, худо скрытая подъ видомъ несочувствія террору, радость, которую онъ напередъ читалъ на лицахъ самоувѣренныхъ, во всемъ преуспѣвающихъ адвокатовъ, больше раздражала Федосьева, чѣмъ откровенный восторгъ революціонныхъ прокламацій.

— Петръ Богдановичъ здѣсь?

— Такъ точно, въ секретарской, Ваше Превосходительство, — почтительно отвѣтилъ швейцаръ. Быстро проходившій чиновникъ, робѣя, усердно поклонился на бѣгу. Федосьевъ давно привыкъ къ

атмосферѣ почета, власти и страха, которая его окружала въ этомъ домѣ. Она больше не доставляла ему удовольствія, но онъ зналъ, что и съ ней разстаться будетъ нелегко. — «Вѣрно, еще ничего не знаетъ... Хоть и догадываются они, должно быть», — сказалъ онъ себѣ, внимательно вглядываясь въ кланяющагося чиновника. Слухи объ его отставкѣ ходили давно по городу, здѣсь же всегда знали все раньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Теперь, съ утра этого дня, отставка находилась въ карманѣ Федосьева. Въ ней не было ничего позорнаго. Однако онъ испытывалъ свойственное всѣмъ уволеннымъ людямъ сложное чувство злобы, обиды и стыда, которое чуть-чуть роднитъ уходящихъ въ отставку сановниковъ съ разсчитанной хозяиномъ прислугой. Федосьевъ не торопился сообщать эту новость подчиненнымъ: при всемъ своемъ служебномъ опытѣ онъ не былъ увѣренъ, что сумѣетъ найти должный тонъ, одновременно и естественный, и корректный. «Ничего, безъ меня узнаютъ», — подумалъ онъ.

Въ этомъ зданіи, которое постороннимъ людямъ могло представляться жуткимъ и страшнымъ, шла повседневная будничная работа, какъ на почтѣ или въ адресномъ столѣ. Федосьевъ поднялся во второй этажъ, замѣтивъ съ непріятнымъ чувствомъ, что на площадкѣ лѣстницы ему захотѣлось передохнуть. Зеркало отразило сгорбленную фигуру, утомленное лицо въ морщинахъ, сѣдоватые волосы, совершенно сѣдыя брови. «Рано бы на пятьдесятъ третьемъ году», — подумалъ онъ. — «Отъ артеріосклероза, вѣрно, и умру... Давленіе крови повышенное... Рано, да по моей службѣ надо мѣсяцъ считать за годъ, какъ въ Портъ-Артурѣ... Впрочемъ, еще лѣтъ пять, вѣроятно, могу прожить...»

— Въ пріемной есть кто-нибудь? — спросилъ

онъ курьера, вытянувшагося у двойныхъ, обитыхъ войлокомъ, дверей кабинета.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство.

— Бумаги на столѣ?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство... Ихъ Высокоблагородіе положили.

Минуя секретарскую, Федосьевъ вошелъ въ кабинетъ и устало опустился въ тяжелое кресло съ высокой прямой спинкой. «Теперь навсегда придется съ этимъ разстаться», — подумалъ онъ, обводя взглядомъ знакомый ему во всѣхъ мелочахъ кабинетъ: все въ этой громадной комнатѣ было отъ тѣхъ временъ, когда не жалѣли ни мѣста, ни труда, — и трудъ, и мѣсто ничего не стоили. «Вотъ бы мнѣ въ ту пору и жить», — сказалъ себѣ Федосьевъ. Ему иногда казалось, что онъ любитъ то время, время твердой, пышной, увѣренной въ себѣ власти, время, не знавшее ни покушеній, ни партій, ни Государственной Думы, ни либеральной печати. Однако годы, опытъ, душевная усталость, привычка скрытности съ другими людьми давно довели Федосьева до полной, обнаженной правдивости съ собою: любовь къ прошлому не такъ ужъ переполняла его душу. Огромная энергія Федосьева, которой отдавали должное и его враги, происходила преимущественно отъ ненависти къ тому, съ чѣмъ онъ боролся. «Да, вѣрно и тогда умнымъ людямъ было несладко», — сказалъ онъ себѣ и, не глядя, привычнымъ движеніемъ протянулъ руку къ тяжелой пепельницѣ, съ помѣщеньемъ для спичекъ. «Тоже, вѣрно, отъ тѣхъ временъ... Нѣтъ, тогда и спичекъ не было...» Онъ раздраженно чиркнулъ спичкой, сломалъ ее, бросилъ и взялъ другую. «Бумагъ сколько, покоя не даютъ... Вотъ это, вѣрно, анонимное...»

Федосьевъ закурилъ папиросу, распечаталъ но-

жомъ желтенькій конвертъ и развернулъ листокъ грязноватой бумаги въ клѣточку. Наверху листка былъ нарисованъ перомъ гробъ, двѣ перекрещенныя кости. «Такъ и есть», — равнодушно подумалъ Федосьевъ. Онъ поставилъ штемпель съ числомъ полученія, и, не читая, вложилъ листокъ въ папку, спеціально предназначенную для писемъ съ угрозами и ругательствами. На папкѣ было написано «Въ шестое дѣлопроизводство. Кабинетъ экспертизы». Въ другихъ обыкновеннаго формата конвертахъ были ходатайства за пострадавшихъ людей, отъ родныхъ и всевозможныхъ заступниковъ. Федосьевъ внимательно ихъ прочелъ, справившись по документамъ тамъ, гдѣ не все помнилъ (онъ, впрочемъ, помнилъ большую часть дѣлъ). Какъ ни ненавистны ему были политическіе преступники, на прощанье онъ удовлетворилъ ходатайства, сдѣлалъ помѣтку на письмахъ, поставилъ свои инициалы С. Ф., и отложилъ въ папку съ надписью «Для исполненія». Затѣмъ онъ взялся за конверты большого формата. Въ одномъ изъ нихъ былъ перлюстраціонный матеріалъ. Федосьевъ быстро его пробѣжалъ. Въ письмахъ не было ничего интереснаго: сплетни изъ Государственной Думы, сплетни о великокняжескомъ дворцѣ, сенсаціонный политическій слухъ, наканунѣ напечатанный въ газетахъ. «Нашелъ что вскрывать!.. Выжилъ изъ ума нашъ старикъ», — подумалъ сердито Федосьевъ. «Да и ни къ чему это... Хотя въ самыхъ передовыхъ странахъ существуетъ перлюстрація»... Онъ разорвалъ листы на мелкіе клочки и высыпалъ ихъ въ корзину. Другія бумаги представляли собой служебные доклады и донесенія. Онъ просмотрѣлъ тѣ изъ нихъ, которыя были въ красныхъ конвертахъ, — срочныя. Всѣ онѣ говорили объ одномъ и томъ же: о близкой революціи.

Федосьевъ зналъ, что революція надвигается; теперь, съ его уходомъ, она казалась ему совершенно неизбѣжной. «Что-жъ, ставить помѣтки? Нѣтъ, неудобно», — отвѣтилъ себѣ онъ. То же чувство неловкости мѣшало ему выносить рѣшенія, которыя на слѣдующій день могли быть отмѣнены. «Пусть Дебенъ и рѣшаетъ, или Горяиновъ, или кого тамъ еще назначатъ на мое мѣсто», — подумалъ онъ. Зная всѣ тонкости работы правительственнаго аппарата, сложныя, часто мѣняющіяся отношенія разныхъ вліятельныхъ людей, Федосьевъ приблизительно догадывался, кто могъ быть назначенъ его преемникомъ. Людямъ, которые его свалили, онъ приписывалъ мотивы личные и мелкіе. Федосьевъ старался презирать этихъ людей, но презрѣніе не вполнѣ ему удавалось; они одержали побѣду. Мысль о томъ, какую политику они поведутъ, невольно его занимала, хоть онъ и былъ увѣренъ, что революція очень близка и что его собственная жизнь уже на исходѣ.

Рядомъ съ бумагами на столѣ лежали газеты. Объ его отставкѣ въ нихъ еще не сообщалось. Федосьевъ пробѣжалъ одну изъ газетъ. Это чтеніе неизмѣнно приводило его въ состояніе тихой радости. Тонъ статей былъ необычайно живой и какъ-то особенно, по газетному, бодрый. Казалось, что всѣ люди, работающіе въ газетѣ, дружной семьей дѣлаютъ общее, очень ихъ занимающее, веселое и интересное дѣло. Необыкновенно искреннее сознаніе своего умственнаго и моральнаго превосходства чувствовалось и въ полемической передовой статьѣ, и въ обзорѣ печати, однообразно-остроумно издѣвавшемся надъ противниками. Необыкновенно весело было, повидимому, фельетонисту, онъ все шутилъ, подмигивая читателямъ. «Шути, шути, голубчикъ, дошутишься», — думалъ Федосьевъ. Ему пришло въ голову, что никакой

дружной работы эти люди не ведутъ, что, вѣроятно, между ними самими происходятъ раздоры, интриги, взаимное подсиживанье, борьба за грошевыя деньги, и что, быть можетъ, они другъ другу надоѣли больше, чѣмъ имъ всѣмъ ихъ общіе противники, въ томъ числѣ и онъ, Федосьевъ. — «Что-жъ у нихъ еще?.. Какой еще губернаторъ оказался опричникомъ?.. Неужели сегодня ни одного изверга губернатора?.. «Намъ пишутъ»... Богъ съ ними, неинтересно мнѣ, что имъ пишутъ, вѣдь все врутъ... «Засѣданіе общества ревнителей русской старины»... — Ревнителей, — повторилъ мысленно Федосьевъ: слово это показалось ему слащаво- неестественнымъ и доставило ту же тихую радость... «Такъ, такъ... А этотъ что наворотилъ?» — Онъ заглянулъ въ подвалъ, отведенный подъ философскій фельетонъ. Авторъ этого фельетона, эмигрантъ-соціалистъ, когда-то на допросѣ поразилъ его необыкновеннымъ богатствомъ ученаго словаря и столь же удивительной гладкостью лившейся потокомъ рѣчи. «Теперь въ писатели вышелъ. Такъ, такъ... «Если для Ницше характеренъ аристократическій радикализмъ»... — прочелъ Федосьевъ. — «Значитъ для кого-то другого будетъ характеренъ радикальный аристократизмъ или демократическій консерватизмъ, — зѣвая, подумалъ онъ, — «не стоитъ читать, напередъ знаю эти словесныя погремушки, для нихъ вѣдь этотъ гусь и пишетъ»... Онъ развернулъ другую газету, болѣе близкую ему по направленію, но отъ нея на него повѣяло еще худшей скукой, лишь безъ того насмѣшливо-радостнаго настроенія, которое дарили ему лѣвые журналисты.

«Богъ съ ними, со всѣми!.. О чемъ я думалъ?.. Да, лѣтъ пять еще могу прожить... Что же я буду дѣлать? Мемуары писать?» — спросилъ себя онъ. Эта шаблонно-ироническая мысль о мемуарахъ

его кольнула: онъ самъ часто смѣялся надъ сановниками, садящимися за мемуары тотчасъ по увольненіи въ отставку. — «Даже заграницу уѣхать нельзя изъ-за войны... Воевать вздумали, ну, повоюйте, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... Въ деревнѣ поселиться? Скучно... Да и имѣнія-то безъ малаго двѣсти десятинъ»... Федосьевъ вспомнилъ, что въ революціонныхъ прокламаціяхъ говорилось, будто онъ всякими нечестными путями нажилъ огромное состояніе. Эта клевета была ему пріятна, — она какъ бы покрывала то, что въ прокламаціяхъ клеветою не было. — «Нѣтъ, въ деревню я не поѣду... Съ Брауномъ еще философскія бесѣды вести? Не договоримся... Такъ что же? Wein, Weib und Gesang?.. Этимъ надо было бы раньше заняться», — подумалъ онъ съ горькой насмѣшкой, вспоминая отразившееся въ зеркалѣ на площадкѣ лѣстницы лицо съ сѣдыми бровями, глядя на темную сѣть жилъ на худыхъ рукахъ... «Да, проворонилъ жизнь... Браунъ въ лабораторіи проворонилъ, а я здѣсь... Что-то надо было выяснить по дѣлу о Браунѣ... Нѣтъ, могъ ли онъ убить Фишера», — неожиданно подумалъ Федосьевъ. — «А впрочемъ?.. Эту исторію съ Загряцкимъ, однако, надо распутать передъ уходомъ. Нельзя рисковать скандаломъ на процессѣ и не оставлять же ее Дебену»... — Федосьевъ представилъ себѣ передачу дѣлъ преемнику и поморщился: при всей корректности, при вполнѣ выдержанномъ тонѣ, сцена передачи дѣлъ должна была у обоихъ вызвать неловкое, тягостное чувство. «Съ Дебеномъ они живо справятся», — сказалъ вслухъ Федосьевъ, распечатывая послѣдній толстый конвертъ. «Вотъ кому я оставляю въ наслѣдство революцію!»

Изъ конверта выпали фотографіи, — подчиненное учрежденіе присылало портреты разныхъ ре-

волюціонеровъ. Федосьевъ брезгливо перебиралъ ненаклеенныя на картонъ, чуть погнувшіяся фотографіи. Онъ почти всегда находилъ въ этихъ лицахъ то, что искалъ: тупость, позу, актерство, самолюбованіе, часто дегенеративность и преступность. Федосьевъ ненавидѣлъ всѣхъ революціонныхъ дѣятелей и презиралъ большинство изъ нихъ. Онъ вообще рѣдко объяснялъ въ лучшую сторону поступки людей; но дѣйствія революціонеровъ Федосьевъ почти всецѣло приписывалъ низменнымъ побужденьямъ, честолюбію, злобѣ, стадности, глупости. Въ ихъ любовь къ свободѣ, къ равенству, особенно къ братству, во всѣ тѣ чувства, которыя они развивали въ своихъ писаньяхъ, въ рѣчахъ на судѣ, онъ не вѣрилъ совершенно. «Этотъ себѣ на умѣ, ловкачъ», — равнодушно по лицамъ классифицировалъ онъ революціонеровъ, перебирая фотографіи. — «Этотъ вѣрно подъ фанатика (въ фанатиковъ Федосьевъ вѣрилъ всего менѣе)... Этотъ все въ мірѣ понялъ, все знаетъ, а потому очень гордъ и доволенъ, — марксистъ, изъ провизоровъ... Этотъ — пряничный дѣдъ революціи, «цѣльная, послѣдовательная натура, единое строгое міровоззрѣніе»... То-есть чужія мысли, книжныя чувства, газетныя слова... Такъ и проживетъ свой вѣкъ фальсифицированной жизнью, ни разу даже не задумавшись надъ всей этой ложью, ни разу не замѣтивъ и самообмана. Для какой-нибудь «Искры» или «Зари» жилъ... Пустой человѣкъ!» — брезгливо подумалъ Федосьевъ. — «А вотъ у этого умное лицо, на Донского немного похожъ», — сказалъ себѣ онъ, вспоминая человѣка, который долго за нимъ гонялся. Портретъ Донского онъ хорошо помнилъ и порою смотрѣлъ на него со смѣшаннымъ чувствомъ, въ которое входили и жалость, и нѣчто, похожее на уваженіе, и чувство охотника, разсматривающаго трофей, и

удовлетвореніе отъ того, что этого человѣка больше нѣтъ на свѣтѣ.

Федосьевъ спряталъ фотографіи и разложилъ донесенія по папкамъ. «Что-жъ еще надо было сегодня сдѣлать?.. Да, то несчастное дѣло... Петръ Богдановичъ долженъ былъ еще поискать». Онъ надавилъ пуговицу звонка и приказалъ появившемуся изъ-за двойной двери курьеру позвать секретаря. Черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ мягкой походкой, не на цыпочкахъ, но совсѣмъ какъ будто на цыпочкахъ, плотный, невысокій, почтительный чиновникъ среднихъ лѣтъ, съ огромнымъ университетскимъ значкомъ на груди. «Этотъ ужъ навѣрное знаетъ о моей отставкѣ», — рѣшилъ Федосьевъ, взглянувъ на бѣгающіе глаза секретаря. На хитренькомъ лицѣ, впрочемъ, ничего нельзя было прочесть, кромѣ полной готовности къ услугамъ. «Вотъ и этотъ опричникъ», — подумалъ Федосьевъ. По его сужденію, Петръ Богдановичъ былъ не злой человѣкъ, не слишкомъ образованный, очень любившій женщинъ, порою немного выпивавшій. «И взятокъ, кажется, не беретъ... Зачѣмъ только онъ носитъ этотъ аршинный значекъ, кому въ самомъ дѣлѣ интересно, что онъ учился въ университетѣ... Да, конечно, уже знаетъ... Ну, онъ и съ Дебеномъ поладитъ, и съ Горяиновымъ»...

— Петръ Богдановичъ, вы навели послѣднюю справку о дактилоскопическомъ снимкѣ?

— Навелъ, Сергѣй Васильевичъ, и имѣю маленькій сюрпризъ, — сказалъ секретарь. — Если хотите, даже не маленькій, а большой.

Его лицо расплылось при концѣ фразы въ радостную, пріятную улыбку. Федосьевъ зналъ, что эта улыбка нисколько не притворная, но автоматическая, связанная у Петра Богдановича съ концомъ любой фразы, независимо отъ ея содержанія.

«Звѣздъ съ неба не хватаетъ нашъ опричникъ.... Моей отставкѣ онъ едва ли радъ, но и не слишкомъ огорченъ...» И тонъ, и выраженіе лица секретаря показывали, что онъ знать ничего не знаетъ объ отставкѣ Сергѣя Васильевича, а, если что и слышалъ, то это не мѣшаетъ ему совершенно такъ же почитать и любить Сергѣя Васильевича, какъ раньше.

— Въ чемъ дѣло?

— Снимка тождественнаго съ тѣмъ, что вы мнѣ дали, за литерой В, — пояснилъ секретарь, мелькомъ съ любопытствомъ взглянувъ на Федосьева (его видимо интересовала эта литера), — и въ регистраціонномъ отдѣлѣ не оказалось. Я и въ косьмомъ дѣлопроизводствѣ справлялся, и въ сыскное опять ѣздилъ, и въ охранное, нѣтъ нигдѣ...

— Такъ въ чемъ же сюрпризъ?

— Сюрпризъ въ томъ, что ваше предположеніе, Сергѣй Васильевичъ, оказалось и на этотъ разъ правильнымъ. Вы мнѣ заодно приказали узнать, не соотвѣтствуетъ ли тотъ снимокъ, что остался на бутылкѣ, кому-либо изъ людей, производившихъ дознаніе. Я съѣздилъ на Офицерскую и выяснилъ: такъ и есть! Рука околодочнаго Шаврова, Сергѣй Васильевичъ!

Федосьевъ вдругъ залился несвойственнымъ ему веселымъ смѣхомъ.

— Не можетъ быть!

— Рука Шаврова, никакихъ сомнѣній... Эти подлецы еще сто лѣтъ будутъ производить дознаніе и такъ ихъ и не научишь, что ничего трогать нельзя. Да, околодочный тронулъ бутылку. Я лично его допросилъ и онъ, каналья, сознался, что, можетъ, и вправду тронулъ.

— Такъ околодочный? — проговорилъ сквозь смѣхъ Федосьевъ. — Вотъ тебѣ и дактилоскопія!

— Онъ самый, Сергѣй Васильевичъ, ужъ я его, бестію, какъ слѣдуетъ отчиталъ, — сказалъ, радостно улыбаясь, секретарь.

— Я такъ и думалъ, — проговорилъ Федосьевъ. — Торжество науки, а? Послѣднее слово... А слѣдователь то... — Онъ опять залился смѣхомъ. — Нѣтъ, либеральный Николай Петровичъ Яценко, а?

— Въ калошу сѣлъ Яценко, это вѣрно. Ему первымъ дѣломъ бы надо было объ этомъ подумать, не полиція ли?

— Да вѣдь и намъ... и намъ не сразу пришло въ голову!

— Вамъ однако пришло, Сергѣй Васильевичъ... Нѣтъ, что ни говори, отстали мы отъ Европы.

— А почемъ вы знаете, вѣрно и въ Европѣ такъ. И то сказать, какъ производить дознаніе, ни къ чему не прикасаясь? Они не духи... Не духи же они... Вы взяли оба снимка?

— Взялъ... Заключеніе эксперта: совершенно тождественны.

— Такъ, такъ, такъ... Ну, хорошо, — сказалъ, переставъ, наконецъ, смѣяться, Федосьевъ. — Больше ничего?

— Сергѣй Васильевичъ, меня все въ счетномъ отдѣлѣ спрашиваютъ, какъ выписывать жалованье Брюнетки?

— Брюнетки? — переспросилъ Федосьевъ и задумался.—Объ этомъ я, вѣроятно, завтра скажу.

— Отлично... Не буду вамъ мѣшать.

Петръ Богдановичъ вышелъ, сіяя счастливой улыбкой. Федосьевъ въ раздумьѣ взялся было за ручку телефоннаго аппарата и остановился въ нерѣшительности.

«Если попросить Яценко пріѣхать ко мнѣ, онъ, пожалуй, вломится въ амбицію. Независимость

суда... Судебные уставы... Недопустимое вмѣшательство административныхъ властей», — устало подумалъ онъ. Федосьевъ мысленно заключалъ въ кавычки всѣ такія слова и оттого они представлялись ему смѣшными. «Ну, что-жъ, поѣдемъ къ нему»...

Онъ снова позвонилъ и приказалъ подать автомобиль.

VII.

Въ этотъ поздній часъ въ зданіи суда уже было пустовато и скучно. Не снимая шубы, не спрашивая о слѣдователѣ, стараясь не обращать на себя вниманія, Федосьевъ поднялся по лѣстницѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ Кременецкимъ, который выходилъ изъ корридора съ Фоминымъ, оживленно съ нимъ разговаривая. Семенъ Исидоровичъ значительно толкнулъ въ бокъ Фомина и раскланялся съ Федосьевымъ: они были знакомы по разнымъ ходатайствамъ Кременецкаго за подзащитныхъ. Фоминъ тоже съ достоинствомъ поклонился, оглядываясь по сторонамъ. Столкнулись они такъ близко, что Семенъ Исидоровичъ счелъ недостаточнымъ ограничиться поклономъ. Знакомство съ Федосьевымъ было и лестное, и вмѣстѣ чуть-чуть неудобное. Его знали всѣ выдающіеся адвокаты; близкое знакомство съ нимъ было бы невозможнымъ, однако совершенно не знать Федосьева тоже было бы непріятно Семену Исидоровичу.

— Въ нашихъ палестинахъ? — поднявъ съ улыбкой брови, спросилъ Кременецкій, не говоря ни вы, ни Ваше Превосходительство, какъ онъ не говорилъ ни вы, ни ты своему кучеру. Семенъ Исидоровичъ, впрочемъ, тотчасъ пожалѣлъ, что

употребилъ слова «наши палестины», — въ связи съ его еврейскимъ происхожденіемъ они могли подать поводъ къ шуткѣ.

— Какъ видите... Вѣдь кабинетъ прокурора палаты, кажется, тамъ, дальше?

— Прямо, прямо, вонъ тамъ...

— Благодарю васъ... Мое почтеніе, — сказалъ, учтиво кланяясь, Федосьевъ и направился въ указанномъ ему направленіи.

— Говорятъ, конченный мужчина, — радостно замѣтилъ вполголоса Семенъ Исидоровичъ. — Можетъ теперь на воды ѣхать мемуары писать.

— Il est fichu... Я изъ вѣрнаго источника знаю: мнѣ вчера вечеромъ сообщили у графини Геденбургъ... Elle est bien renseignée, — сказалъ Фоминъ; при видѣ сановника онъ какъ-то безсознательно заговорилъ по французски.

— А все-таки, что ни говори, выдающійся человѣкъ.

— Ma foi, oui... Еще бы, — перевелъ Фоминъ, вспомнивъ, что Сема не любитъ его французскихъ словечекъ.

— Я очень радъ, что эта клика останется безъ него. Все мыслящее вздохнетъ свободнѣе...

— Ваше Превосходительство ко мнѣ по дѣлу Фишера? — спросилъ Яценко, съ нѣкоторой тревогой встрѣтившій нежданнаго гостя.

— Да, по этому дѣлу... Вы разрѣшите курить? — спросилъ Федосьевъ, зажигая спичку.

— Сдѣлайте одолженіе. — Яценко пододвинулъ пепельницу. — Долженъ, однако, сказать Вашему Превосходительству, что со вчерашняго дня это дѣло меня больше не касается. Слѣдствіе закончено, и я уже отослалъ производство товарищу прокурора Артамонову.

Федосьевъ, не закуривъ, опустилъ руку съ зажженной спичкой.

— Вотъ какъ? Уже отослали? — съ досадой въ голосѣ спросилъ онъ. — Я думалъ, вы меня предупредите?

— Отослалъ, — повторилъ сухо Яценко, сразу раздражившись отъ предположенія, что онъ долженъ былъ предупредить Федосьева. — Послѣдній допросъ обвиняемаго далъ возможность установить весьма важный фактъ: связь Загряцкаго съ госпожей Фишеръ. Загряцкій самъ признался въ этой связи, и очная ставка, можно сказать, подтвердила его признаніе. Вашему Превосходительству, конечно, ясно значеніе этого факта? Безъ него обвиненіе висѣло въ воздухѣ, теперь оно стоитъ твердо.

— Стоитъ твердо? — неопредѣленнымъ тономъ повторилъ Федосьевъ.

— Такъ точно. — Николай Петровичъ помолчалъ. — Признаюсь, мнѣ и прежде были неясны мотивы того интереса, который Ваше Превосходительство проявляли къ этому дѣлу. Во всякомъ случаѣ теперь, если вы продолжаете имъ интересоваться, вамъ надлежитъ обратиться къ товарищу прокурора Артамонову.

— Что-жъ, такъ и придется сдѣлать, — сказалъ Федосьевъ. — Очень жаль, конечно, что я нѣсколько опоздалъ: теперь формальности будутъ сложнѣе.

— Формальности? — переспросилъ съ недоумѣніемъ Яценко.

— Формальности по освобожденію Загряцкаго изъ этого тяжелаго дѣла, — сказалъ медленно Федосьевъ, заботливо стряхивая пепелъ съ папиросы. — Я вынужденъ вамъ сообщить, Николай Петровичъ, что съ самаго начала слѣдствіе ваше направилось по ложному пути. Загряцкій невино-

венъ въ томъ преступленіи, которое вы ему приписываете.

— Это меня весьма удивило бы! — сказалъ Яценко. Его вдругъ охватило сильное волненіе. — Я желалъ бы узнать, на чемъ основаны ваши слова?

Федосьевъ, по прежнему не глядя на Николая Петровича, втягивалъ дымъ папиросы.

— Полагаю, Ваше Превосходительство, я имѣю право васъ объ этомъ спросить.

— Въ томъ, что вы имѣете право меня объ этомъ спросить, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Гораздо болѣе сомнительно, имѣю ли я право вамъ отвѣтить. Однако, при всемъ желаніи, я другого выхода не вижу... Да, Николай Петровичъ, вы ошиблись. Загряцкій не убивалъ Фишера и не могъ его убить, потому что въ моментъ убійства онъ находился въ другомъ мѣстѣ... Онъ находился у меня.

Наступило молчаніе. Яценко, блѣднѣя, смотрѣлъ въ упоръ на Федосьева.

— Какъ прикажете понимать ваши слова?

— Вы, вѣроятно, догадываетесь, какъ ихъ надо понимать. Ихъ надо понимать такъ, что Загряцкій нашъ агентъ, Николай Петровичъ... Агентъ, приставленный къ Фишеру по моему распоряженію.

Снова настало молчаніе.

— Почему же Ваше Превосходительство только теперь объ этомъ сообщаете слѣдствію? — повысивъ голосъ, спросилъ Яценко.

Федосьевъ развелъ руками.

— Какъ же я могъ вамъ объ этомъ сказать? Вѣдь это значило не только провалить агента, это значило погубить человѣка. Вы отлично знаете, Николай Петровичъ, что огласка той секретной службы, на которой находится Загряцкій, у насъ

равносильна гражданской смерти... Лучшее доказательство то, что онъ самъ, несмотря на тяготѣвшее надъ нимъ страшное обвиненіе, не счелъ возможнымъ сказать вамъ, гдѣ онъ былъ въ вечеръ убійства. Не счелъ возможнымъ сказать, откуда онъ бралъ средства къ жизни... Разумѣется, это вещь поразительная, что у насъ люди предпочитаютъ предстать передъ судомъ по обвиненію въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, чѣмъ сознаться въ службѣ государству на такомъ посту... Это будетъ памятникомъ эпохѣ, — со злобой сказалъ онъ. — Но это такъ, что-жъ дѣлать?

— Ваше Превосходительство, разрѣшите вамъ замѣтить, что интересы этого господина, служащаго, какъ вы изволили сказать, государству, не могутъ имѣть никакого значенія сравнительно съ интересами правосудія.

— Пусть такъ, но принципы, которыми руководятся люди, управляющіе государствомъ, имѣютъ нѣкоторое значеніе. Мы воспитаны на томъ, что выдачи сотрудниковъ быть не можетъ*). А вы, какъ слѣдователь, не имѣли бы возможности, да, пожалуй, и права, хранить въ секретѣ роль Загряцкаго... Ну, человѣкъ пять вы ужъ непремѣнно должны были бы посвятить въ это дѣло. А какой же секретъ, если о немъ будутъ знать пять добрыхъ петербуржцевъ. Это все равно, что въ агентство Рейтера передать... Нѣтъ, я до послѣдней минуты не могъ ничего вамъ сказать, Николай Петровичъ. Я вѣдь разсчитывалъ, что, въ силу естественной логики вещей, невиновнаго человѣка слѣдствіе и признаетъ невиновнымъ. Но вышло не такъ... Опять скажу: что-жъ дѣлать! Бываетъ такое стеченіе обстоятельствъ. Оно бываетъ даже чаще, чѣмъ я думалъ, хоть, повѣрьте, я никогда

не обольщался насчетъ разумности этой естественной логики вещей...

Яценко всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ былъ очень блѣденъ. «Нѣтъ, я ничѣмъ не виноватъ», — подумалъ Николай Петровичъ, — «мнѣ стыдиться нечего!...»

— Я остаюсь при своемъ мнѣніи относительно дѣйствій Вашего Превосходительства, — сказалъ онъ, останавливаясь. (Федосьевъ снова слегка развелъ руками). — Но прежде всего я желаю выяснить факты. Значитъ, въ вечеръ убійства Загряцкій находился у васъ, въ вашемъ учрежденіи?

Федосьевъ улыбнулся не то наивности слѣдователя, не то его тону

— Со мной, но не въ моемъ учрежденіи, — отвѣтилъ онъ, подчеркивая послѣднее слово. — Съ секретными сотрудниками я встрѣчаюсь на такъ называемой конспиративной квартирѣ. Они ко мнѣ ходить не могутъ, это азбука.

— По какимъ причинамъ вы приставили къ Фишеру агента?

— Я не буду входить въ подробности... Впрочемъ, я сообщилъ вамъ при первомъ же нашемъ разговорѣ, почему я считалъ себя обязаннымъ слѣдить за Фишеромъ... Онъ вдобавокъ, какъ вы догадываетесь, не единственный человѣкъ въ Россіи, находящійся у меня на учетѣ.

— Значитъ, и письма госпожи Фишеръ къ мужу Загряцкій читалъ по предписанію Вашего Превосходительства?

Федосьевъ посмотрѣлъ на слѣдователя.

— Я предписываю установить наблюденіе за тѣмъ или другимъ лицомъ — и только. Техника этого наблюденія лежитъ на отвѣтственности агента и его непосредственнаго начальства, меня она не касается... Загряцкій могъ и переусердствовать.

— Да... Вотъ какъ... — сказалъ Яценко. Онъ вернулся къ столу и снова сѣлъ въ кресло. Волненіе его все усиливалось.

— Кто же убилъ Фишера? — вдругъ негромко, почти растерянно, спросилъ онъ.

— Этого я не могу знать.

— Однако, вы заинтересовались вѣдь этимъ дѣломъ не только для того, чтобы выгородить вашего агента?.. Да, вѣдь вы тогда меня спрашивали, оставилъ ли завѣщаніе Фишеръ,—сказалъ, вспомнивъ, Яценко. Онъ вдругъ потерялъ самообладаніе. — Ваше Превосходительство, я рѣшительно требую, чтобъ вы перестали играть со мной въ прятки! Я прямо васъ спрашиваю и прошу мнѣ такъ же прямо отвѣтить: вы полагаете, что въ дѣлѣ этомъ есть политическіе элементы?

— Это одно изъ возможныхъ объясненій, — помолчавъ, отвѣтилъ Федосьевъ. — Но увѣренности у меня никакой не было и нѣтъ... Я дѣйствительно предполагалъ, что Фишеръ могъ быть убитъ революціонерами.

— Революціонерами? — съ изумленіемъ переспросилъ Яценко. — Какими революціонерами?.. Зачѣмъ революціонерамъ было убивать Фишера?

— Затѣмъ, чтобы состояніе убитаго досталось его дочери, которая, какъ вы знаете, связана съ революціоннымъ движеніемъ.

Яценко продолжалъ на него смотрѣть, вытаращивъ глаза.

— Позвольте, Ваше Превосходительство, — сказалъ онъ. — Можно думать что угодно о нашихъ революціонерахъ, я и самъ не грѣшу къ нимъ особыми симпатіями, но когда же они дѣлали такія вещи? Убить человѣка, чтобъ завладѣть его состояніемъ... Ваше подозрѣніе совершенно неправдоподобно! — сказалъ онъ рѣшительно.

— Я, напротивъ, думаю, что оно вполнѣ правдоподобно, — холодно отвѣтилъ Федосьевъ. — И позволю себѣ добавить, что мое мнѣніе имѣетъ въ настоящемъ случаѣ больше вѣса, чѣмъ ваше, или даже чѣмъ мнѣніе всей нашей либеральной интеллигенціи: какъ ни какъ, я посвятилъ этому дѣлу всю свою жизнь. Вы спрашиваете: когда же революціонеры дѣлали такія вещи? Я отвѣчаю: за ними значатся вещи гораздо худшія. Извѣстно ли вамъ дѣло о наслѣдствѣ Шмидта? Извѣстны ли вамъ дѣла террористовъ въ Польшѣ? О кровавой субботѣ не слышали? Объ экспропріаціи на Эриванской площади? О Лбовской организаціи?.. Я вамъ вкратцѣ напомню...

Онъ заговорилъ, входя въ подробности звѣрствъ, убійствъ, грабежей. Яценко смотрѣлъ на него сначала съ недоумѣньемъ, потомъ съ нѣкоторой тревогой.

...— А Гориновичъ, котораго облилъ сѣрной кислотой одинъ изъ ихъ самыхъ уважаемыхъ, иконописныхъ вождей? А анархистъ - террористъ Шпиндлеръ, прежде обыкновенный воръ и грабитель, удостоенный сочувственнаго некролога въ ихъ идейныхъ изданіяхъ? А тотъ — какъ его?— что переодѣлся въ офицерскую форму и оскорбилъ дѣйствіемъ германскаго консула: нужно было, видите ли, чтобы къ консулу выѣхалъ съ извиненіями генералъ-губернаторъ, котораго они по дорогѣ собирались убить? А Кишиневская группа «мстителей»? А Дондангенскіе «лѣсные братья»?.. А Московская «Свободная Коммуна»? Не помните? Разрѣшите напомнить...

Обычно холодный и безстрастный, Федосьевъ говорилъ возбужденно, увлекаясь все больше, точно этотъ счетъ чужихъ преступленій, это мрачное свидѣтельство о жестокости людей, съ которыми онъ велъ борьбу, доставляли ему наслажденіе. Онъ

все валилъ въ одну кучу: и подонки революціи, и ея вожди всѣ точно были для него равны.

...— А такъ называемые идеалисты, лучшіе изъ нихъ, которые, за компанію съ министрами и генералами, убиваютъ съ ангельски-невиннымъ, мученическимъ видомъ ихъ кучеровъ, ихъ адъютантовъ, ихъ дѣтей, ихъ просителей, что затѣмъ нисколько имъ не мѣшаетъ хранить гордый, героическій, народолюбивый ликъ! Всегда вѣдь можно найти хорошія успокоительныя изреченія: «лѣсъ рубятъ, щепки летятъ», «любовь къ ближнему, любовь къ дальнему», правда? Они и въ Евангеліи находятъ изреченія въ пользу террора. Гуманные романы пишутъ съ эпиграфами изъ Священнаго Писанія... Награбленныя деньги безкорыстно отдаютъ въ партійную кассу, но сами на счетъ партійной кассы живутъ и недурно живутъ! Грабятъ и убиваютъ однихъ богачей, а деньги берутъ у другихъ, — дураковъ у насъ, слава Богу, всегда было достаточно!.. Двойная бухгалтерія, очень облегчающая и облагораживающая профессію... Изъ убійствъ дворниковъ и городовыхъ сдѣлали новый видъ охоты. Тысячи простыхъ, неученыхъ ни въ чемъ неповинныхъ людей перебили, какъ кроликовъ... Да что говорить! Нѣтъ такой гнусности, передъ которой остановились бы эти люди... Они насъ называютъ опричниками! Повѣрьте, сами они неизмѣримо хуже, чѣмъ мы, да еще, въ отличіе отъ насъ, на словахъ такъ и дышутъ человѣколюбіемъ... Дай имъ власть и передъ ихъ опричниной не то, что наша, а та, опричина царя Ивана Васильевича, окажется стыдливой забавой!..

Яценко слушалъ его со страннымъ чувствомъ, въ которомъ къ безпокойству и недовѣрію примѣшивалось нѣчто похожее на сочувствіе, — этого Николай Петровичъ потомъ не могъ себѣ объяснить. Многое изъ того, о чемъ говорилъ Федось-

евъ, было совершенно неизвѣстно слѣдователю; кое-что онъ зналъ или смутно вспоминалъ по газетамъ. Яценко понималъ односторонность нападокъ Федосьева, несправедливость разныхъ его доводовъ, но въ такомъ подборѣ и разсказѣ доводы эти звучали убѣдительно и грозно. «А все-таки здѣсь онъ ошибается... Преступленіе преступленію рознь... Да, то они могли сдѣлать, а это невозможно... Притомъ какъ же они могли отравить Фишера? Вѣдь все это чистая фантазія... Нѣтъ, люди ему подобные, видно, становятся маніаками», — думалъ Николай Петровичъ.

— Разрѣшите формулировать вашу мысль, — сказалъ онъ, когда Федосьевъ, наконецъ, кончилъ. — По вашимъ подозрѣніямъ, какой-то революціонеръ непонятнымъ образомъ проникъ въ квартиру, гдѣ былъ Фишеръ, и отравилъ его, въ разсчетѣ на то, что милліоны перейдутъ къ дочери убитаго, которая пожертвуетъ ихъ на революціонныя цѣли? Или ваши подозрѣнія еще ужаснѣе и идутъ къ самой дочери Фишера? Но вѣдь она находится заграницей...

Вдругъ мысль о докторѣ Браунѣ ужалила Николая Петровича. «Какая ерунда!» — сказалъ себѣ онъ.

— Не преувеличивайте значенія моихъ словъ, — уже спокойно, даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, отвѣтилъ Федосьевъ. — Я сказалъ вамъ, что это только одна изъ возможностей, если хотите, возможность чисто теоретическая. Вы изволили мнѣ возразить: это совершенно неправдоподобно. Ваши слова меня, каюсь, задѣли и я изложилъ вамъ — слишкомъ пространно, — почему я такую возможность совершенно неправдоподобной не считаю.

— Значитъ, вы не настаиваете на своемъ подозрѣніи? — спросилъ Яценко.

— Нѣтъ, теперь не настаиваю, — отвѣтилъ нехотя Федосьевъ. — Да я и прежде только смутно подозрѣвалъ... Во всякомъ случаѣ вамъ виднѣе. И, добавлю, теперь это ужъ никакъ не мое дѣло, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Разрѣшите подѣлиться съ вами маленькимъ секретомъ, вы о немъ завтра прочтете въ газетахъ. Мои услуги признаны ненужными русскому государству, и я ко всеобщей радости уволенъ въ чистую отставку, съ мундиромъ и пенсіей, но больше ни съ чѣмъ.

«Вотъ оно что!» — подумалъ Николай Петровичъ. — «То-то онъ такъ демониченъ... Что-жъ, не сочувствіе же ему выражать, въ самомъ дѣлѣ».

— Очень быстро у насъ идутъ теперь перемѣны, — уклончиво сказалъ Яценко.

— Да, мы не засиживаемся. Очевидно, высшее правительство совершенно увѣрено въ своей силѣ, прочности и государственномъ искусствѣ. Слава Богу, конечно... Да, такъ видите ли, я не считалъ себя вправѣ оставлять своему преемнику дѣло о Загряцкомъ. Я эту кашу заварилъ, я ее долженъ былъ и расхлебать. Скажу еще, что Загряцкій значится не за охраннымъ отдѣленіемъ, тамъ о немъ ничего не знаютъ, вы о немъ тамъ и не справляйтесь. А у меня онъ извѣстенъ только подъ кличкой «Брюнетка», которую я поэтому также вынужденъ вамъ открыть.

— «Брюнетка», — повторилъ Яценко. Оставившее его было раздраженіе вновь имъ овладѣло. —Не могу, однако, не сказать Вашему Превосходительству, что вы напрасно называете ваши дѣйствія расхлебываніемъ каши. Напротивъ, расхлебывать ее придется намъ, а эта каша съ «Брюнетками» невкусная, Ваше Превосходительство.

— Очень сожалѣю, что доставилъ вамъ огорченіе. Впрочемъ, оно вѣдь не такъ ужъ велико? Прокуратура направитъ дѣло къ дослѣдованію въ

порядкѣ 512-й статьи. Это, навѣрное, не можетъ повредить вашей репутаціи, она достаточно прочна... Я все-таки хотѣлъ бы и очень бы васъ просилъ, чтобы настоящая роль Загряцкаго осталась неразоблаченной. Очень бы просилъ, Николай Петровичъ... Но если, какъ я боюсь, это окажется практически невозможнымъ, — вставая, сказалъ онъ съ подчеркнутой ироніей, — то вѣдомству вашему, да и лично вамъ, тревожиться нечего. Вся одіозность дѣла вѣдь падетъ на наше вѣдомство, точнѣе на вашего покорнаго слугу. Вамъ, напротивъ, обезпечено общественное сочувствіе, которое по нынѣшнимъ временамъ всего важнѣе... Прощайте, Николай Петровичъ, я у васъ засидѣлся.

Яценко, съ трудомъ сдерживаясь, сухо простился съ посѣтителемъ. Онъ счелъ, впрочемъ, необходимымъ проводить его до дверей корридора именно въ виду отставки и опалы Федосьева.

— Да, кстати, — добавилъ у двери Федосьевъ, — не трудитесь искать убійцу по дактилоскопическому снимку. Это рука околодочнаго, который производилъ дознаніе. Да, да, да... Онъ по неосторожности прикоснулся къ бутылкѣ... Околодочный Шавровъ... Я случайно выяснилъ... Прощайте, Николай Петровичъ, — любезно, почти ласково повторилъ онъ, выходя изъ камеры.

Яценко растерянно смотрѣлъ ему вслѣдъ.

VIII.

Банкетъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Кременецкаго долженъ былъ состояться въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ, въ большой залѣ, вмѣщавшей около трехсотъ человѣкъ. Еще за нѣсколько дней до банкета запись желающихъ при-

нять въ немъ участіе была прекращена по отсутствію мѣста. Хотя въ февралѣ было еще нѣсколько юбилеевъ, день, выбранный для чествованія, оказался удачнымъ и не совпалъ ни съ какой другой общественной или театральной сенсаціей. Газетная подготовка юбилея прошла отлично: замѣтки въ печати, вначалѣ глухія, въ двѣ-три строки, потомъ понемногу все болѣе подробныя, появлялись часто. У Семена Исидоровича были враги въ адвокатскомъ мірѣ. Но въ газетныхъ кругахъ, гдѣ онъ былъ чужой, къ нему въ общемъ относились хорошо. Онъ часто выступалъ въ судѣ по литературнымъ дѣламъ и въ этихъ случаяхъ неизмѣнно отказывался отъ гонорара, даже тогда, когда его подзащитные были люди со средствами. Правда, доброе отношеніе къ Кременецкому у нѣкоторыхъ старыхъ журналистовъ сочеталось съ насмѣшкой. Такъ, Федоръ Павловичъ, секретарь газеты «Заря», принималъ замѣтки объ юбилеѣ съ ругательствами; но все же принималъ ихъ и печаталъ на видномъ мѣстѣ. Въ правыхъ газетахъ Семенъ Исидоровичъ тоже злобы не возбуждалъ.

Комитета по устройству юбилея было рѣшено не образовывать, такъ какъ при этомъ неизбѣжны были жестокія обиды. Все дѣлалось способомъ семейнымъ, безымяннымъ. Главная тяжесть работы выпала на долю Тамары Матвѣевны и Фомина; имъ помогали близкіе друзья дома. Въ теченіе мѣсяца, предшествовавшаго юбилею, у Тамары Матвѣевны, кромѣ чисто дѣловыхъ засѣданій, происходили и небольшіе обѣды въ тѣсномъ кругу. Самъ Семенъ Исидоровичъ, разумѣется, не присутствовалъ на засѣданіяхъ, а съ обѣдовъ рано уѣзжалъ, ссылаясь на неотложныя дѣла. Но Тамара Матвѣевна по вечерамъ наединѣ подробно все сообщала мужу и узнавала его мнѣніе, которое онъ, впрочемъ, всегда высказывалъ отрывисто и

уклончиво, ибо его это дѣло совершенно не касалось.

Работа была трудная и сложная. Постоянно возникали новые вопросы, то мелкіе, техническіе, то серьезные и принципіальные. Такъ, на первомъ же обѣдѣ въ тѣсномъ кругу, передъ устроителями всталъ вопросъ о самомъ характерѣ чествованія. За кофе Тамара Матвѣевна, повторяя и слова, и бѣглыя застѣнчивыя интонаціи мужа, указала, что Семенъ Исидоровичъ не только одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Россіи (изъ приличія она не сказала первый): онъ кромѣ того политикъ и общественный дѣятель. Должно ли придать чествованію характеръ политическій? Въ глубинѣ души Тамара Матвѣевна предпочла бы отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Она боялась преслѣдованій со стороны правительства, травли черносотенныхъ организацій. Ея мнѣніе раздѣлялъ и Фоминъ. Но другіе участники обѣда высказались рѣшительно противъ этого мнѣнія. Особенно горячо высказался Василій Степановичъ.

— Вы не можете не знать, дорогая Тамара Матвѣевна, — сказалъ онъ рѣшительно, подливая себѣ бенедиктина, — что юбилей Семена Исидоровича не только праздникъ русской адвокатуры: это праздникъ всей лѣвой Россіи!

«Экъ, однако, хватилъ!» — подумалъ князь Горенскій. Онъ озадаченно посмотрѣлъ на редактора. Но добрые голубые глаза Василія Степановича выражали такую глубокую увѣренность въ правотѣ его словъ, что Горенскій заколебался: можетъ быть, дѣйствительно онъ недооцѣнивалъ Семена Исидоровича и его заслуги? Быстро обдумавъ вопросъ, князь тоже заявилъ, что чествованію необходимо придать характеръ общественно-политическій. Противъ этого мнѣнія осторожно возражалъ Фоминъ.

— Лѣвая Россія это хорошо, но Россія-просто еще лучше, — сказалъ онъ. — Если мы поставимъ удареніе на слово «лѣвый», то магистратура во всякомъ случаѣ не приметъ участія въ нашемъ праздникѣ.

— Тѣмъ хуже для магистратуры! — воскликнулъ Василій Степановичъ. Однако Тамара Матвѣевна не могла признать, что тѣмъ хуже для магистратуры: она догадывалась, что и Семену Исидоровичу этотъ выходъ не будетъ особенно пріятенъ. Въ споръ вмѣшался Никоновъ. Раздраженный словами Василія Степановича, онъ высказался со свойственной ему шутливой рѣзкостью:

— Ну, ужъ тамъ лѣвая Россія, или не лѣвая Россія, или никакая не Россія, — сказалъ онъ (всѣ немного смутились), — но я прямо говорю: весь смыслъ банкета именно въ политической манифестаціи. Нашъ святой долгъ, господа, показать кукишъ правительству!.. Поэтому и публика къ намъ такъ валитъ... Теперь, послѣ убійства Гришки, настроеніе такое, что и магистратура къ намъ повалитъ, голову даю на отсѣченіе!

— Можетъ быть, вы не такъ дорожите своей головой, Григорій Ивановичъ, — сказалъ язвительно Фоминъ, — но могу васъ увѣрить, что сенаторъ Медвѣдевъ на политическій банкетъ не явится.

— Вотъ еще кто вамъ понадобился, зубръ этакой! — воскликнулъ возмущенно князь. — Мы устраиваемъ банкетъ не для Бѣловѣжской пущи.

Василій Степановичъ отъ негодованія пролилъ ликеръ на скатерть.

— Объ этомъ надо, конечно, очень серьезно подумать, — замѣтила озабоченно Тамара Матвѣевна, не имѣвшая твердаго мнѣнія до тѣхъ поръ, пока не высказался Семенъ Исидоровичъ.

Вечеромъ она доложила о спорѣ мужу.

— Фоминъ отчасти правъ, — сказала она нерѣшительно. — Не только Медвѣдевъ тогда не придетъ, Богъ съ нимъ! — но и многіе другіе. Я не увѣрена даже, что придетъ Яценко?

— Все-таки странно, что русскіе люди никогда ни на чемъ не могутъ сойтись, — сказалъ съ горечью Семенъ Исидоровичъ. — Во всякой другой странѣ существуютъ безспорныя цѣнности: въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи («Бельгія» сорвалась у него какъ-то нечаянно). Одни мы, русскіе, всегда безъ нужды грыземся... Дѣлайте, какъ хотите! — въ сердцахъ отрывисто добавилъ онъ.

Разстроенная Тамара Матвѣевна немедленно перевела разговоръ на другой предметъ. Она принялась разсказывать о томъ, какъ всѣ, рѣшительно всѣ, стремятся попасть на банкетъ и въ какое отчаянье приходятъ люди, узнавая, что мѣстъ уже нѣтъ. Семенъ Исидоровичъ понемногу смягчился. Характеръ чествованья такъ и остался неяснымъ. Было рѣшено предоставить полную свободу ораторамъ.

Вопросы не-принципіальные Тамара Матвѣевна разрѣшала сама. Ресторанъ былъ выбранъ очень дорогой, но плату за обѣдъ установили низкую — пять рублей съ человѣка, — чтобы сдѣлать участіе въ банкетѣ возможно болѣе доступнымъ. При этомъ Тамара Матвѣевна поручила Фомину доплатить ресторатору столько, сколько будетъ нужно, не останавливаясь ни передъ какими расходами. У Тамары Матвѣевны, благодаря щедрости мужа, уже года три были собственныя деньги и текущій счетъ въ банкѣ. Изъ этихъ же денегъ она оплатила свой дорогой подарокъ Семену Исидоровичу: портретъ Муси работы извѣстнаго художника. Меню обѣда было поручено выработать Фомину, который имѣлъ репутацію тонкаго гастронома. Онъ очень хорошо справился со своей задачей;

любо было смотрѣть на проэктъ разукрашенной карточки съ разными звучными и непонятными «Homard Thermidor», «Médaillon de foie gras», «Coupe Chantilly», и т. п.

Фомину пришлось особенно много поработать по дѣлу объ устройствѣ чествованія. Тамара Матвѣевна трудилась усердно, но она, по своему положенію, часто должна была оставаться въ тѣни. Никоновъ помогалъ больше совѣтами, да и то преимущественно шутливыми. Муся вначалѣ только дѣлала радостно-изумленное лицо и относилась къ юбилею отца приблизительно такъ, какъ къ пріѣзду Художественнаго Театра или къ другому событію подобнаго рода, которое само по себѣ было очень пріятно, но никакихъ дѣйствій съ ея стороны не предполагало. Потомъ ее все-же привлекли къ общей работѣ. Она взяла на себя распредѣленіе гостей за столами. Столовъ было много: одинъ въ длину зала, почетный, и десять обыкновенныхъ, перпендикулярныхъ къ почетному. Разсадка гостей за почетнымъ столомъ была чрезвычайно труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ: здѣсь все обдумывалось и обсуждалось сообща. Боковые же столы были поручены Мусѣ. Она съѣздила съ Никоновымъ въ залъ банкета, купила огромные листы картона и начала озабоченно рисовать планъ столовъ съ номерами мѣстъ. Но вскорѣ ей это надоѣло, на первомъ же столѣ номера не помѣстились и планъ такъ и остался недоконченнымъ. Распредѣленіе гостей тоже перешло къ Фомину. Онъ съ ожесточеніемъ говорилъ знакомымъ, что совершенно сбился съ ногъ, — проклиналъ и банкетъ, и юбиляра, и самого себя «за глупость». Однако въ дѣйствительности Фомина захватила эта работа, требовавшая опыта, такта, дипломатіи и вдобавокъ дававшая матеріалъ для его упорнаго остроумія. Въ удачномъ устройствѣ

юбилея Фоминъ видѣлъ какъ бы собственное свое торжество, хоть и не слишкомъ любилъ Семена Исидоровича.

Большого такта требовалъ вопросъ о рѣчахъ на банкетѣ. Этотъ вопросъ, по выраженію Фомина, нужно было заботливо «провентилировать». Недостатка въ ораторахъ не было: говорить желали многіе, но на бѣду не тѣ, кого особенно пріятно было бы услышать Семену Исидоровичу. Было получено письмо отъ донъ-Педро, — онъ заявлялъ о своемъ желаніи выступить съ рѣчью почти какъ объ одолженіи, которое онъ готовъ былъ сдѣлать юбиляру. Альфредъ Исаевичъ принялъ столь самоувѣренный тонъ больше для того, чтобы вѣрнѣе добиться согласія устроителей банкета: ему очень хотѣлось сказать слово. Однако донъ-Педро былъ сразу всѣми признанъ недостаточно декоративной фигурой, и Фоминъ въ самой мягкой формѣ отвѣтилъ ему, что, какъ ни пріятно было бы его выступленіе, слово не можетъ быть ему дано по условіямъ времени и мѣста. Эту непонятную фразу «по условіямъ времени и мѣста» Фоминъ употреблялъ постоянно, и она на всѣхъ производила должное впечатлѣніе. Альфредъ Исаевичъ, по свойственному ему благодушію, не обидѣлся; онъ лишь огорчился, да и то не надолго: что-жъ дѣлать, если условія времени и мѣста лишали его возможности выступить?

Виднѣйшіе политическіе дѣятели либеральнаго лагеря любезно благодарили за приглашеніе, обѣщали непремѣнно прійти на банкетъ, но не выражали желанія говорить. Уклонился въ частности самый видный изъ всѣхъ, что было особенно досадно Семену Исидоровичу. Онъ даже приписалъ это уклоненіе скрытому антисемитизму вождя либеральнаго лагеря. — «Ахъ, они всѣ явные или тайные юдофобы!» — сердито сказалъ женѣ Се-

менъ Исидоровичъ, еще наканунѣ восторженно отзывавшійся объ этомъ политическомъ дѣятелѣ. Вмѣсто него былъ единогласно намѣченъ князь Горенскій, но онъ никакъ уклонившагося не замѣнялъ. Должны были говорить Василій Степановичъ и Фоминъ. Намѣтилось и еще нѣсколько ораторовъ.

Вся эта юбилейная кухня была не очень пріятна Кременецкимъ. Помимо обидъ и огорченій, было безпокойство: удастся ли вообще чествованіе? Настроеніе въ Петербургѣ безъ видимой причины становилось все тревожнѣе. Ожидали безпорядковъ и забастовокъ; говорили даже, что кое-гдѣ начинаются голодные бунты. Кременецкій сожалѣлъ, что по разнымъ случайнымъ причинамъ двадцатипятилѣтіе его адвокатской дѣятельности было назначено на февраль. «Не слѣдовало оттягивать», — думалъ онъ.

Насмѣшекъ или непріятныхъ отзывовъ о чествованіи онъ не слышалъ. Семенъ Исидоровичъ думалъ, что такіе отзывы непремѣнно должны были бы до него дойти, все равно какъ до автора, черезъ возмущенныхъ пріятелей, почти неизбѣжно доходятъ ругательныя рецензіи объ его книгахъ, даже помѣщенныя въ захудалыхъ или иногороднихъ изданіяхъ: «а вы видѣли, какую гадость написалъ о васъ такой-то?.. Просто стыдно читать этотъ вздоръ!..» Насмѣшки, однако, не доходили до Семена Исидоровича. Связанныя съ праздникомъ мелкія огорченія потонули въ той волнѣ сочувствія, симпатіи, похвалъ, которая къ нему неслась. Письма, телеграммы, адресы стали приходить еще дня за два до юбилея. Въ день праздника ихъ пришло больше ста. Все утро на квартиру Кременецкихъ носили изъ магазиновъ цвѣты, торты, бонбоньерки. Привѣтствія, особенно отъ прежнихъ подзащитныхъ, были самыя тро-

гательныя. Нѣкоторыя изъ нихъ Семенъ Исидоровичъ не могъ читать безъ искренняго умиленія. Къ тому часу дня, когда къ нему на домъ стали съѣзжаться друзья и прибыла делегація отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, онъ уже пришелъ въ состояніе подлиннаго сердечнаго размягченія.

Одно привѣтствіе особенно его взволновало. Оно было отъ адвоката Меннера, съ которымъ Семенъ Исидоровичъ въ теченіе долгихъ лѣтъ находился въ состояніи полускрытой, но острой и жгучей вражды. Въ выраженіяхъ не только корректныхъ, но чрезвычайно лестныхъ и теплыхъ, Меннеръ поздравлялъ своего соперника, отмѣчалъ его большія заслуги и слалъ ему самыя добрыя пожеланія. Кременецкій не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая это письмо: онъ ждалъ отъ Меннера въ лучшемъ случаѣ коротенькой сухой телеграммы. Въ одно мгновенье исчезла, растаяла долголѣтняя ненависть, составлявшая значительную часть интересовъ, дѣйствій, жизни Семена Исидоровича. Въ томъ размягченномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ихъ вражда внезапно показалась ему нелѣпымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ. Больше того, это поздравительное письмо въ какомъ-то новомъ свѣтѣ представило ему самую жизнь. «Да, жизнь прекрасна, люди тоже въ большинствѣ хороши и надо быть безумцемъ, чтобъ отравлять себѣ существованіе всѣми этими мелочными дрязгами», — подумалъ онъ. Тамара Матвѣевна также была взволнована письмомъ Меннера.

— Конечно, онъ во многомъ передъ тобой виноватъ, — сказала она. — Особенно въ томъ дѣлѣ съ Кузьминскими... Но онъ все-таки выдающійся человѣкъ и адвокатъ... Не ты, конечно, но одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ Россіи.

— Одинъ изъ самыхъ лучшихъ! — съ горячимъ чувствомъ призналъ Семенъ Исидоровичъ.

По его желанію, Тамара Матвѣевна позвонила по телефону Меннеру, сердечно его поблагодарила отъ имени мужа и просила непремѣнно пріѣхать вечеромъ на банкетъ. Семенъ Исидоровичъ во время ихъ разговора приложилъ къ уху вторую трубку телефона.

— Я самъ очень хотѣлъ быть, но я слышалъ и читалъ, что всѣ триста мѣстъ уже расписаны, — отвѣтилъ взволнованно Меннеръ.

— Всѣ триста пятьдесятъ мѣстъ давно расписаны, но для Меннера всегда и вездѣ найдется мѣсто, — сказала Тамара Матвѣевна: за долгіе годы она усвоила и мысли, и чувства, и стиль своего мужа. Семенъ Исидоровичъ взглянулъ на жену и съ новой силой почувствовалъ, что эта женщина — первый, самый преданный, самый главный изъ его нынѣ столь многочисленныхъ друзей. Яснѣе обычнаго онъ понялъ, что для Тамары Матвѣевны никто кромѣ него на свѣтѣ не существуетъ, что жизнь безъ него не имѣетъ для нея смысла. Слезы умиленія показались на глазахъ Кременецкаго, онъ порывисто обнялъ Тамару Матвѣевну. Она застѣнчиво просіяла.

Семенъ Исидоровичъ сталъ со всѣми вообще чрезвычайно добръ и внимателенъ. Наканунѣ банкета онъ разослалъ по благотворительнымъ учрежденіямъ двѣ тысячи рублей и даже просилъ въ отчетахъ указать, что деньги получены «отъ неизвѣстнаго». Никто ни въ чемъ не встрѣчалъ у него отказа. Такъ, дня за два до банкета Кременецкій получилъ билеты на украинскій концертъ, который долженъ былъ состояться «25-го лютого, въ Олександровской Залі Мійської Ради» (въ скобкахъ на «квиткахъ» значился русскій переводъ этихъ словъ). Семена Исидоровича разсмѣ-

шило и немного раздражило то, что люди серьезно называли Городскую Думу Мiйськой Радой. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ отослалъ устроителямъ концерта пятьдесятъ рублей, хотя «квитки» стоили гораздо дешевле.

IX.

Муся въ тѣ дни переживала почти такое же состоянiе счастливаго умиленiя, въ какомъ находился ея отецъ. Она была влюблена. Началось это, какъ все у нея, съ настроенiй свѣтски-ироническихъ. Муся жила веселой иронiей и выйти изъ этого болѣзненнаго душевнаго состоянiя ей было очень трудно, — для нея оно давно стало нормальнымъ. Когда Муся въ разговорѣ о Клервиллѣ, закатывая глаза, сообщала друзьямъ, что она погибла, что Клервилль навѣрное шпiонъ и что она безъ ума отъ шпiоновъ, это надо было понимать какъ небрежную, оригинальную болтовню. Такъ друзья дѣйствительно это и понимали. Если-бъ у Муси спросили, что на самомъ дѣлѣ скрывается за ея неизмѣннымъ утомительно - насмѣшливымъ тономъ, она едва ли могла бы отвѣтить. Что-то, очевидно, должно было скрываться: нельзя было жить одной иронiей, — Муся это чувствовала, хоть думала объ этомъ рѣдко: она была очень занята, ровно ничего не дѣлая цѣлый день. Въ откровенныхъ бесѣдахъ Муся часто повторяла: «Надо все, все взять отъ жизни»... Въ ея чувствахъ что-то выражалось и другими фразами: «сгорѣть на огнѣ», «жечь жизнь съ обоихъ концовъ», «отдаваться страстямъ»; но это были провинцiальныя фразы довольно дурного тона, которыхъ не употребляла и Глаша.

Впрочемъ, дѣло было не въ выраженiи мысли: ее некому и незачѣмъ было выражать. Тягостнѣе

было то, что въ дѣйствительности Муся брала у жизни очень немногое. Флиртъ съ Григоріемъ Ивановичемъ, отдаленное подобіе флирта съ Нещеретовымъ, сомнительные разговоры съ Витей, — все это щекотало нервы, но заполнить жизнь никакъ не могло. Страхъ, общій укладъ жизни, привычки, брезгливость мѣшали Мусѣ пойти дальше. Ей было двадцать два года. Она знала, что не останется безъ жениха. Но съ ужасомъ чувствовала, что все легко можетъ кончиться очень прозаично и буржуазно, ужъ безъ всякой граціозной ироніи. Муся какъ-то прочла у Оскара Уайльда: «Несчастье каждой дѣвушки въ томъ, что она рано или поздно становится похожей на свою собственную мать». Отъ этой фразы Муся похолодѣла, хотя любила Тамару Матвѣевну и очень къ ней привыкла.

Клервилль появился такъ неожиданно. Онъ не укладывался въ привычныя настроенія Муси, но буржуазности въ немъ не было или, если была, то другая. Слово «буржуазность» часто употреблялось въ кружкѣ Муси, правда въ нѣсколько особомъ смыслѣ: такъ, дама изъ буржуазнаго общества, ѣздившая со свѣтскими людьми въ отдѣльные кабинеты первоклассныхъ ресторановъ, тѣмъ самымъ уже возвышалась надъ рядовой буржуазностью. Возвыситься надъ буржуазностью можно было, читая опредѣленныя книги, восхищаясь надлежащими писателями, артистами, художниками и презирая надлежащихъ другихъ, живя врозь съ мужемъ или называя его на вы. Вообще это было нетрудно и часто вполнѣ удавалось даже на рѣдкость глупымъ женщинамъ (мужчинамъ удавалось еще легче). Клервилль не возвышался надъ буржуазностью: онъ былъ какъ-то отъ нея въ сторонѣ: этому все способствовало, отъ мундира и боевыхъ наградъ до его имени Вивіанъ, до его чуть

пахнущихъ медомъ англійскихъ папиросъ. И Муся могла говорить, что она погибла, безъ риска оказаться ниже своей репутаціи.

Такъ было при ихъ первомъ знакомствѣ. Но послѣ любительскаго спектакля въ ихъ домѣ Муся почувствовала, что она влюбилась, влюбилась по настоящему, въ первый разъ въ жизни, почти безъ заботы объ ощущеньяхъ, безъ всякой мысли о томъ, буржуазно ли это или нѣтъ.

Клервилль занималъ ея воображеніе цѣлый день, и въ мысляхъ о немъ теперь заключалось ея лучшее наслажденіе. Прежде Муся была не въ состояніи провести вечеръ дома одна. Теперь она предпочитала одиночество и, возвращаясь послѣ театра домой, съ радостью вспоминала, что сейчасъ въ ваннѣ, въ постели останется съ мыслями о немъ одна, что, быть можетъ, онъ приснится ей ночью. Муся провѣряла свои чувства по самымъ страстнымъ романамъ и съ гордостью убѣждалась, что это и есть та любовь, которую почти всегда совершенно одинаково и совершенно вѣрно описывали романы. Прежде Мусѣ было страшно подумать, что ей, быть можетъ, предстоитъ за всю жизнь знать только одного человѣка. Теперь самая мысль эта казалась ей одновременно и смѣшной, и гадкой. Муся была такъ счастлива, какъ никогда до того въ жизни. Отъ счастья она стала добрѣе, не отвѣчала на колкости Глаши, была ласкова съ матерью, больше не старалась кружить голову Витѣ: онъ подъ разными предлогами забѣгалъ къ нимъ часто, такъ что въ кружкѣ уже смѣялись, а Тамара Матвѣевна полушутливо грозила ему пальцемъ. Муся теперь говорила съ Витей «такъ, какъ могла бы говорить съ братомъ любящая старшая сестра», — этотъ новый книжный тонъ безпокоилъ и сердилъ Витю. Никоновъ

утверждалъ, что въ домѣ Кременецкихъ установился духъ первыхъ временъ христіанства — и притомъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ, ибо Семенъ Исидоровичъ крестился двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Клервилля Муся видѣла довольно рѣдко. Онъ сдѣлалъ имъ визитъ, былъ съ Мусей на выставкѣ «Міра Искусства», слушалъ Шаляпина въ оперѣ у Аксарина. Послѣ третьей встрѣчи, съ англійской легкостью въ сближеніи, онъ попросилъ разрѣшенія называть ее по имени и произносилъ ея имя забавно-старательно. Это очень ее удивило, — она думала, что всѣ англичане «чопорны». Слово Вивіанъ звучало волшебно. Клервилль былъ не только красавцемъ. Онъ оказался милымъ, любезнымъ, обаятельнымъ человѣкомъ. «Уменъ онъ или нѣтъ?» — не разъ спрашивала себя Муся и вначалѣ ей было трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: Клервилль, очевидно, не былъ уменъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ были умны сама Муся, Глаша или Никоновъ. Но Муся догадывалась, что въ этомъ смыслѣ Гете, Наполеонъ, Пушкинъ тоже не были, пожалуй, умны. Муся скоро все узнала о Клервиллѣ, объ его родныхъ, объ его планахъ. Какъ-то, въ присутствіи ея матери, онъ упомянулъ о томъ, что не богатъ. Это нѣсколько расхолодило Тамару Матвѣевну: она сама начинала неопредѣленно думать о Клервиллѣ. Ей, впрочемъ, объяснили, что въ Англіи человѣкъ, имѣющій состояніе въ сто тысячъ фунтовъ, не считаетъ себя богатымъ. Мусѣ теперь было почти безразлично, богатъ ли или не богатъ Клервилль. Ее гораздо больше безпокоилъ вопросъ, зачѣмъ онъ сказалъ объ этомъ: надо ли отсюда заключить, что онъ «сдѣлаетъ ей предложеніе» (это слово, прежде непріятное Мусѣ, теперь звучало иначе). Клервилль не дѣлалъ предложенія, но послѣ спектакля

Муся почти не сомнѣвалась въ томъ, что онъ предложеніе сдѣлаетъ.

Она не могла привыкнуть къ этой мысли. Въ ихъ кругу никто никогда не выходилъ за англичанина. Клервилль въ разговорѣ упомянулъ о томъ, что его, быть можетъ, пошлютъ послѣ войны въ Индію. Муся не представляла себѣ жизни внѣ Петербурга и невольно улыбалась, воображая себя въ Бомбеѣ женой боевого англійскаго офицера. Но и въ этой мысли было что-то, волновавшее Мусю: она, смѣясь, говорила друзьямъ, что родилась съ душой авантюристки. «Неужели, однако, всю жизнь говорить съ мужемъ на чужомъ языкѣ?.. Да правда ли еще, что онъ влюбленъ?.. Но когда-же, когда? Говорятъ, война скоро кончится... Это, однако, говорятъ уже три года»... Муся вспомнила частушку, которую газеты откопали гдѣ-то въ Рязанской губерніи:

Дѣвки, очень я сердита
На германца сатану!
Дролю отдали въ солдаты
И угнали на войну...

Муся съ сочувственной улыбкой думала о «дѣвкѣ», которая тосковала по дролѣ. Ей была пріятна мысль, что она сама похожа на эту дѣвку и она отъ всей души желала ей найти съ дролей счастье. У нея теперь былъ свой дроля.

Семенъ Исидоровичъ ничего не зналъ о новомъ увлеченіи Муси. Тамара Матвѣевна едва догадывалась: она въ мысляхъ примѣривалась ко всѣмъ неженатымъ мужчинамъ, бывавшимъ у нихъ въ домѣ. Родителей Муси все еще занимала мысль о Нещеретовѣ. Однако, здѣсь ихъ постигло разочарованіе. Нещеретовъ былъ любезенъ, но рѣшительно ничто не свидѣтельствовало объ его увлеченіи Мусей. Имъ вдобавокъ сообщили, что Ар-

кадій Николаевичъ сталъ часто бывать у госпожи Фишеръ. «Очень нужно было его съ ней знакомить», — съ досадой думалъ Кременецкій. Онъ вообще былъ недоволенъ своей кліенткой, какъ и ходомъ ея иска. Дѣло Загряцкаго было направлено къ дослѣдованью. Въ связи съ этимъ какіе-то темные слухи поползли по Петербургу. Но въ тѣ дни ходило по столицѣ такъ много самыхъ удивительныхъ слуховъ, что имъ большого значенія не придавали.

У Кременецкихъ въ февралѣ бывало особенно много гостей, частью въ связи съ предстоявшимъ торжественнымъ днемъ, частью оттого, что въ ихъ домѣ всегда рады были гостямъ и не жалѣли денегъ: изъ-за росшей дороговизны многіе въ Петербургѣ начинали сокращать расходы. Настроеніе въ столицѣ, несмотря на войну и тяжелые слухи, было послѣ убійства Распутина необыкновенно приподнятое и радостное. Особенно оживлена была молодежь, точно гордившаяся безсознательно тѣмъ, что историческое убійство, столь нашумѣвшее во всемъ мірѣ, совершили блестящіе молодые люди.

Муся часто выѣзжала въ театръ. Въ театрахъ тоже шли очень веселыя пьесы, — гдѣ «Наша содержанка», гдѣ «Веселая вдова», гдѣ «Любовь... и черти... и цвѣты». Послѣ спектакля она нерѣдко заставала дома гостей. Ужинали въ два часа ночи «чѣмъ Богъ послалъ», какъ неизмѣнно говорилъ Кременецкій, въ дѣйствительности очень хорошо. Кружокъ Муси имѣлъ текучій составъ и часто совершенно измѣнялся въ теченіе года. Теперь въ него входили преимущественно участники ихъ любительскаго спектакля. Молодежь собиралась отдѣльно, — мостомъ между нею и старшими былъ князь Горенскій. Къ старшимъ Муся рѣдко выходила надолго и въ своемъ кружкѣ, когда ее звали

въ гостиную къ Тамарѣ Матвѣевнѣ, со вздохомъ, закатывая глаза, терла пальцемъ щеку, что по парижски должно было означать «La barbe!» (Муся знала argot лучше уроженцевъ Монмартра). Для нѣкоторыхъ старшихъ она, впрочемъ, дѣлала исключеніе, въ особенности для Брауна: почему-то онъ ее интересовалъ и даже немного безпокоилъ.

Зимой въ комнатѣ Муси, по ея просьбѣ, былъ поставленъ отдѣльный телефонъ. Аппаратъ стоялъ на письменномъ столѣ, такъ что Муся могла разговаривать, сидя въ своемъ любимомъ атласномъ креслѣ. Телефонные разговоры позднимъ вечеромъ, когда въ домѣ и на улицѣ устанавливалась тишина, стали новымъ удовольствіемъ Муси. Безъ всякаго дѣла она вызывала — кого было можно — въ двѣнадцатомъ, въ первомъ часу ночи, и болтала подолгу, часто дурача собесѣдника. Она по телефону говорила негромко, особенно отчетливо, и ей пріятно было слушать красивый, выразительный звукъ своего голоса. Что-то въ этомъ напоминало хорошій модный театръ.

Какъ-то разъ, набравшись храбрости, Муся вызвала по телефону Клервилля. Она давно собиралась пригласить его на банкетъ. Кружку Муси было отведено мѣсто въ концѣ послѣдняго бокового стола. Этимъ подчеркивалось, что они свои люди и что для нихъ, въ отличіе отъ остальной публики, не могло имѣть значенія, гдѣ сидѣть. Муся шутливо называла ихъ «Камчаткой». Разумѣется, для нея самой мѣсто было отведено тамъ же, а не рядомъ съ родителями, какъ предлагала Тамара Матвѣевна. — «И вотъ еще что, друзья мои», — объявила Муся незадолго до праздника, — «такъ какъ — между нами — будетъ, вѣрно, очень скучно, то мы оттуда ѣдемъ всѣ на острова! Идетъ?» Это предложеніе было немедленно принято; Никоновъ взялъ на себя заказать тройки, — по просьбѣ

дамъ, не розвальни, а обыкновенныя четырехмѣстныя сани. Тамара Матвѣевна вначалѣ слабо возражала, что не совсѣмъ прилично ѣхать на острова дочери съ банкета въ честь отца: гораздо лучше было бы имъ втроемъ вернуться изъ ресторана домой и еще потомъ посидѣть немного, поболтать, обмѣняться впечатлѣніями въ семейномъ кругу. Но перспектива обмѣна впечатлѣньями въ семейномъ кругу не соблазнила Мусю, и Тамара Матвѣевна уступила.

— Можетъ быть, тогда и Нещеретовъ съ вами поѣдетъ? — вскользь небрежно освѣдомилась она.

— Нѣтъ, Нещеретовъ съ нами не поѣдетъ, — сердито отвѣтила Муся.

— Вотъ ты хочешь сидѣть на банкетѣ Богъ знаетъ гдѣ... Если ужъ не съ нами, то не лучше ли тебѣ отвести двадцать второй номеръ? Онъ еще свободенъ, это рядомъ съ Аркадіемъ Николаевичемъ... Онъ такой пріятный собесѣдникъ, а?

Муся хотѣла было огрызнуться, но ей пришло въ голову, что Клервилля никакъ нельзя будетъ посадить съ молодежью на Камчатку. «Какъ я раньше не сообразила!» — съ досадой подумала она.

— Нѣтъ, двадцать второго номера я не хочу, — сказала Муся. — Но мы дѣйствительно неудачно выбрали мѣсто... Я думаю, намъ лучше быть за первымъ столомъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ будетъ приличнѣе, я скажу Фомину.

Въ этотъ вечеръ Муся вернулась домой раньше обычнаго, въ одиннадцать. Перебирая бумаги въ ящикѣ, она наткнулась на старый иллюстрированный проспектъ пароходнаго общества, какъ-то сохранившійся у нея отъ поѣздки заграницу передъ войною. Муся разсѣянно его перелистала. На палубѣ въ креслахъ сидѣли рядомъ молодой человѣкъ и дама. Передъ ними на столикѣ стояли

бокалы, бутылка въ ведеркѣ со льдомъ. Изумительно одѣтый молодой человѣкъ держалъ сигару въ рукѣ съ изумительно отдѣланными ногтями, влюбленно глядя на изумительно одѣтую даму. Вдали виднѣлся берегъ, какіе-то пышные сады, замки... Мусю внезапно охватило страстное желаніе быть женой Клервилля, путешествовать на роскошномъ пароходѣ, пить шампанское, говорить по англійски. «Ахъ, Боже мой, если бы кончилась эта проклятая бойня!» — въ сотый разъ подумала она съ тоскою. Муся положила проспектъ и, замирая отъ волненья, вызвала гостиницу «Паласъ». Клервилль былъ у себя въ номерѣ. По первымъ его словамъ — голосъ его звучалъ въ аппаратѣ такъ странно-непривычно, — Муся почувствовала, что онъ не «шокированъ», что онъ счастливъ...

— ...Да, непремѣнно пріѣзжайте, — говорила она, понижая голосъ почти до шопота. — Будутъ политическія рѣчи, это навѣрное васъ интересуетъ.

Въ ту же секунду Муся инстинктомъ почувствовала, что поступила неосторожно. Ея послѣднія слова встревожили Клервилля. Онъ смущенно объяснилъ, что, въ такомъ случаѣ, ему, какъ иностранному офицеру и гостю въ Россіи, лучше было бы не идти. Муся заговорила быстро и сбивчиво, забывъ о модуляціяхъ голоса. Она объяснила Клервиллю, что никакого политическаго характера банкетъ, конечно, имѣть не будетъ:

— Вы догадываетесь, что иначе я бы васъ и не приглашала... Я прекрасно понимаю, что вы не можете участвовать въ нашихъ политическихъ манифестаціяхъ... Нѣтъ, будьте совершенно спокойны, Вивіанъ, я ручаюсь вамъ, — говорила она, съ наслажденьемъ называя его по имени. — Нѣтъ, вы должны, должны прійти... Впрочемъ, можетъ быть, вы просто не хотите?.. Тогда я, конечно, не настаиваю, если вамъ скучно?..

Клервилль сказалъ, что будетъ непремѣнно, и просилъ посадить его рядомъ съ ней.

— Я плохо говорю по русски и мнѣ такъ, такъ хочется сидѣть съ вами...

Муся обѣщала исполнить его желаніе, «если только будетъ какая-нибудь возможность».

Они простились, чувствуя съ волненіемъ, какъ ихъ сблизилъ этотъ ночной разговоръ по телефону. Муся положила ручку аппарата, встала и прошлась по комнатѣ. Счастье заливало, переполняло ея душу. Ей казалось, что никакія описывавшіяся въ романахъ ivresses не могли бы ей доставить большаго наслажденія, чѣмъ этотъ незначительный разговоръ, при которомъ ничего не было сказано. Муся подошла къ піанино и почти безсознательно, какъ въ тотъ вечеръ знакомства съ Клервиллемъ и Брауномъ (почему-то она вспомнила и о немъ), взяла нѣсколько аккордовъ, чуть слышно повторяя слова: «E voi — o fiori — dall' olezzo sottile — vi faccia—tutti — aprire — la mia man maledetta!..»

Майоръ Клервилль весь этотъ вечеръ провелъ у себя въ номерѣ за чтеніемъ «Братьевъ Карама зовыхъ», иногда отрываясь отъ книги, чтобъ закурить свою Gold Flake. Въ комнатѣ было тепло, однако радіаторъ не замѣнялъ настоящаго жарко растопленнаго камина. Удобствъ жизни, того, что иностранцы называли комфортомъ и считали достояніемъ Англіи, въ Петербургѣ было, пожалуй, больше, чѣмъ въ Лондонѣ. Но уюта, спокойствія не было вовсе, какъ не было ихъ въ этой необыкновенной, мучительной книгѣ.

Клервилль читалъ Достоевскаго и прежде, до войны: въ томъ кругу, въ которомъ онъ жилъ, это съ нѣкоторыхъ поръ было обязательно. Онъ и выполнилъ долгъ, какъ раньше, въ школѣ, прочелъ

Шекспира: съ тѣмъ, чтобы навсегда отдѣлаться и запомнить наиболѣе знаменитыя фразы. Къ жизни Клервилля Достоевскій никакого отношенія имѣть не могъ. Многое въ его книгахъ было непонятно Клервиллю; кое-что казалось ему невозможнымъ и неприличнымъ. Національный англійскій писатель не избралъ бы героемъ убійцу, героиней проститутку; студентъ Оксфордскаго университета не могъ бы убить старуху-процентщицу, да еще ради нѣсколькихъ фунтовъ стерлинговъ. Клервилль былъ уменъ, получилъ хорошее образованіе, немало видѣлъ на своемъ вѣку и зналъ, что жизнь не совсѣмъ такова, какою она описана въ любимыхъ англійскихъ книгахъ. Но все же для него убійцы и грабители составляли достояніе «детективныхъ» романовъ, — тамъ онъ ихъ принималъ охотно. Достоевскій защищалъ дѣло униженныхъ и оскорбленныхъ, — Клервилль искренно этому сочувствовалъ и не видѣлъ въ этомъ особенности русскаго писателя: такова была традиція Диккенса. Самъ Клервилль, кромѣ профессіональной своей работы, кромѣ увлеченія спортомъ и искусствомъ, интересовался общественными вопросами и даже спеціально изучалъ дѣло внѣшкольнаго образованія. Онъ понималъ, что можно быть недовольнымъ консервативной партіей, можно ставить себѣ цѣлью переходъ власти къ партіи либеральной или даже соціалистической. Но знаменитая страница о джентльмэнѣ съ насмѣшливой физіономіей, который, по установленіи всеобщаго счастья на землѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего разрушитъ хрустальный дворецъ, столкнетъ разомъ къ чорту все земное благополучіе единственно съ той цѣлью, чтобы опять пожить по своей волѣ, — страница эта была ему непонятна: онъ чувствовалъ вдобавокъ, что Достоевскій, ужасаясь и возмущаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ въ

душѣ чуть-чуть гордится широтой натуры джентльмэна съ насмѣшливой физіономіей. Клервилль искренно восторгался «Легендой о великомъ инквизиторѣ», могъ бы назвать въ англійской, во французской литературѣ книги, до нѣкоторой степени предвосхищающія идею легенды. Однако, его коробило и даже оскорбляло, что высокія философскія и религіозныя мысли высказывались въ какомъ-то кабакѣ, страннымъ человѣкомъ — не то отцеубійцей, не то подстрекателемъ къ убійству... Это чтеніе досталось Клервиллю нелегко и онъ былъ искренно радъ, когда со спокойной совѣстью, съ надлежащей долей восхищенія отложилъ въ сторону обязательныя книги Достоевскаго.

Но это было давно. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось: и онъ, и міръ. Достоевскій былъ любимымъ писателемъ Муси. Она сказала объ этомъ Клервиллю и постаралась вспомнить нѣсколько мыслей, которыя отъ кого-то слышала о «Братьяхъ Карамазовыхъ». Клервилль немедленно погрузился въ книги ея любимаго писателя. Ему стало ясно, что онъ прежде ничего въ нихъ не понималъ. Только теперь черезъ Мусю онъ по настоящему понялъ Достоевскаго. Онъ искалъ и находилъ въ ней сходство съ самыми необыкновенными героинями «Братьевъ Карамазовыхъ», «Идіота», «Бѣсовъ», мысленно примѣрялъ къ ней тѣ поступки, которые совершали эти героини. Въ болѣе трезвыя свои минуты Клервилль понималъ, что въ Мусѣ такъ же не было Грушеньки или Настасьи Филипповны, какъ не было ничего отъ Достоевскаго въ ея средѣ, въ ея родителяхъ. Однако трезвыхъ минутъ у Клервилля становилось все меньше.

Потомъ эти книги и сами по себѣ его захватили. То, что онъ пережилъ въ годы войны, затѣмъ долгое пребываніе въ Петербургѣ, было какъ бы

подготовительной школой къ Достоевскому. Онъ чувствовалъ, что его понемногу, со страшной силой, затягиваютъ въ новый, чужой, искусственный міръ. Но это волшебство уже не такъ его пугало: ему искусственной казалась и его прежняя жизнь, отъ скачекъ Дэрби до народныхъ университетовъ. Оглядываясь на нее теперь, Клервилль испытывалъ чувство нѣкоторой растерянности, — какъ человѣкъ, вновь выходящій на обыкновенный солнечный свѣтъ послѣ долгаго пребыванія въ шахтѣ, освѣщенной зловѣщими огнями. Самыя безспорныя положенія, самый нормальный складъ жизни больше не казались ему безспорными. У него уже не было увѣренности въ томъ, что составлять сводки въ военномъ министерствѣ, лѣзть на стѣну изъ-за боксеровъ и лошадей, платить шальныя деньги за старыя марки, за побитый фарфоръ 18-го вѣка — значило жить въ естественномъ мірѣ. Не было увѣренности и въ обратномъ. Онъ только чувствовалъ, что прежній міръ былъ несравненно спокойнѣй и прочнѣе.

Клервилль не понималъ, что вопросъ объ естественномъ и искусственномъ мірѣ самъ по себѣ не имѣетъ для него большого значенія. За размышленіями по этому вопросу въ немъ зрѣла мысль о женитьбѣ на Мусѣ Кременецкой. Только Муся могла освѣтить ему жизнь. Клервилль подолгу думалъ о значеніи каждаго ея слова. Онъ все записывалъ въ своемъ дневникѣ, и тамъ словамъ Муси объ инфернальномъ началѣ Грушеньки было отведено нѣсколько страницъ комментаріевъ. Муся не всегда говорила Клервиллю то, что логически ей могло быть выгодно. Она и вообще не обдумывала своихъ словъ, говорила все, что ей въ первую секунду казалось милымъ и оригинальнымъ. Какъ-то разъ она ему сказала, что просто не можетъ понять обязательства вѣрности въ

бракѣ. Но именно вырывавшіяся у нея слова, о которыхъ Муся потомъ сама жалѣла, всего больше возвышали ее въ представленіи Клервилля. По понятіямъ его стараго, англійскаго міра, женитьба на Мусѣ была почти такимъ же дикимъ поступкомъ, какъ дѣйствія героевъ Достоевскаго. Но въ новомъ мірѣ все расцѣнивалось по иному. Клервилль за чтеніемъ думалъ о Мусѣ въ ту минуту, когда она его вызвала, — и въ эту минуту его рѣшеніе стало безповоротнымъ. Онъ только потому не сказалъ ничего Мусѣ, что было неудобно и неприлично объясняться въ любви по телефону.

X.

Браунъ не предполагалъ быть на банкетѣ, но въ заботахъ занятого дня забылъ послать телеграмму и вспомнилъ объ этомъ, лишь вернувшись въ «Паласъ» въ седьмомъ часу вечера. Можно было, на худой конецъ, позвонить Тамарѣ Матвѣевнѣ по телефону. Поднявшись въ свой номеръ, Браунъ утомленно опустился въ кресло и неподвижнымъ взглядомъ уставился на полъ, на швы малиноваго бобрика, на линію гвоздей, обходившую по сукну мраморный четыреугольникъ у камина. Край потолка у окна отсвѣчивалъ красноватымъ свѣтомъ.

Такъ онъ сидѣлъ долго. Вдругъ ему показалось, что стучатъ въ дверь. «Войдите!» — вздрогнувъ, сказалъ онъ. Никого не было. Браунъ зажегъ лампу и взглянулъ на часы. «Однако не оставаться же такъ весь вечеръ», — угрюмо подумалъ онъ, взялъ было со стола книгу и тотчасъ ее отложилъ: онъ проводилъ за чтеніемъ большую часть ночей. «Пойти куда-нибудь?.. Куда же?..» Знакомыхъ у него было очень много. Браунъ пе-

ребралъ мысленно людей, къ которымъ могъ бы поѣхать. «Нѣтъ, не къ нимъ, тоска... Пропади она совсѣмъ... Развѣ къ Федосьеву поѣхать?» — Онъ подумалъ, что по складу ума этотъ врагъ ему гораздо интереснѣе, да и ближе друзей. «Сходство въ мірѣ В... Нѣтъ, разумѣется, нельзя ѣхать къ Федосьеву»... Онъ снова вспомнилъ объ юбилеѣ Кременецкаго. Теперь звонить по телефону было уже неудобно. «Развѣ туда отправиться? Скука»... Но онъ подумалъ объ ожидавшемъ его длинномъ, безконечномъ вечерѣ...

Изъ камина выползло большое бурожелтое насѣкомое и поползло по мрамору. Браунъ вздрогнулъ и уставился глазами на многоножку. Она замерла, притаилась, затѣмъ зашевелила сяжками и быстро поползла назадъ въ каминъ.

«Такъ и я прячусь отъ людей, отъ яркаго свѣта... Этимъ живу, какъ живетъ Федосьевъ своей мнимой ненавистью къ революціонерамъ, которыхъ ненавидѣть ему трудно, ибо они не хуже и не лучше его... Невелика и моя мудрость жизни, немного же она принесла мнѣ радости. Нѣтъ, ненадежно созданное мной perfugium tutissimum и, навѣрное, не здѣсь, не здѣсь скрывается ключъ къ свободѣ»...

Банкетъ, какъ всегда, начался съ опозданіемъ, и Браунъ пріѣхалъ почти во время. Въ ту минуту, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, музыка впереди заиграла тушъ. Раздались бурныя рукоплесканія: Семенъ Исидоровичъ, блѣдный и растроганный, какъ разъ входилъ въ залъ подъ руку съ Тамарой Матвѣевной. Браунъ передъ раскрытой настежь дверью ждалъ конца рукоплесканій и туша. Вдругъ сзади, покрывая шумъ, его окликнулъ знакомый голосъ. Въ другомъ концѣ коридора, у дверей отдѣльнаго кабинета, стоялъ Фе-

досьевъ. Онъ, улыбаясь, показывалъ жестомъ, что не желаетъ подходить къ дверямъ банкетной залы.

— Я увидѣлъ васъ изъ кабинета, — сказалъ, здороваясь, Федосьевъ, когда рукоплесканія, наконецъ, прекратились.

— Вы какъ же здѣсь оказались?

— Да я теперь почти всегда обѣдаю въ этомъ ресторанѣ, — отвѣтилъ Федосьевъ. — По знакомству и кабинетъ получаю, когда есть свободный: мнѣ вѣдь не очень удобно въ общемъ залѣ. Такъ вы тоже Кременецкаго чествуете? — съ улыбкой спросилъ онъ.

— Такъ точно.

— А то не заглянете ли потомъ и сюда, ко мнѣ, если не всѣ рѣчи будутъ интересныя?

— Если можно будетъ выйти изъ залы, загляну... Вы долго еще останетесь?

— Долго, я только что пріѣхалъ и еще ничего не заказалъ. Мнѣ вдобавокъ и торопиться некуда: теперь я свободный человѣкъ...

— Да, да...

— Свободный человѣкъ... Ну, торопитесь, вотъ и тушъ кончился.

— Такъ до скораго свиданья...

Гости разсаживались по мѣстамъ. Пробѣгавшій мимо входной двери Фоминъ остановился и взволнованно-радостно пожалъ руку Брауну.

— Вашъ номеръ сорокъ пятый, — сказалъ онъ, — вонъ тамъ, на краю главнаго стола, рядомъ съ майоромъ Клервиллемъ... Вѣдь вы говорите по англійски?.. А по другую сторону я, если вы ничего противъ этого не имѣете...

Онъ побѣжалъ дальше. Браунъ прошелъ къ своему мѣсту. Клервилль радостно пожалъ ему руку. Англичанинъ занималъ первый стулъ по боковому столу. По другую сторону Клервилля сидѣла Муся. Къ неудовольствію Фомина, который находилъ не-

удобнымъ мѣнять все въ послѣднюю минуту, кружокъ Муси былъ переведенъ съ Камчатки. Самъ Фоминъ занималъ мѣсто за почетнымъ столомъ; собственно, по своему положенію, онъ не имѣлъ на это права (очень многіе претендовали на мѣста у этого стола и изъ-за нихъ вышло немало обидъ), но роль Фомина въ устройствѣ чествованія была такъ велика, что его претензія никѣмъ не оспаривалась.

«Хоть разговаривать, кажется, не будетъ нужно», — угрюмо подумалъ Браунъ, взглянувъ на Клервилля и на Мусю.—«Слава Богу и на томъ»... — Весь видъ банкетнаго зала вызвалъ въ немъ привычное чувство тоски. Онъ взялъ меню и принялся его изучать.

XI.

Муся пріѣхала въ ресторанъ съ родителями, но отдѣлилась отъ нихъ тотчасъ по выходѣ изъ коляски. У парадныхъ дверей Семена Исидоровича и Тамару Матвѣевну окружили распорядители и боковымъ корридоромъ проводили ихъ въ небольшую гостиную, откуда, по заранѣе выработанному церемоніалу, они позднѣе должны были совершить торжественный выходъ въ залу банкета. О Мусѣ распорядители не подумали, а Тамара Матвѣевна была такъ взволнована, что тоже забыла о дочери, едва ли не первый разъ въ жизни. Недостатокъ вниманія чуть-чуть задѣлъ Мусю: какая пропасть ни отдѣляла ее отъ родителей, въ этотъ день она гордилась славой отца и сама себя чувствовала немного именинницей. Муся прошла въ раздѣвальную, гдѣ у отдѣлявшаго вѣшалки барьера, съ шубами и шапками въ рукахъ, толпились люди. Она скромно стала въ очередь, но ее тотчасъ узнали. Какой-то незнакомый ей госпо-

динъ съ внушительной ласковой интонаціей сказалъ очень громко:

— Господа, пропустите мадмуазель Кременецкую!..

На Мусю немедленно обратились всѣ взгляды. Съ ласковыми улыбками, гости внѣ очереди пропустили ее къ барьеру, помогли ей отдать шубу и получить номерокъ. По выраженію лицъ дамъ, Муся почувствовала, что и ея платье произвело должное впечатлѣніе. Она быстро оглядѣла себя въ зеркало, поправила прядь волосъ и, провожаемая сочувственнымъ шопотомъ, вышла изъ раздѣвальной.

Гости собрались въ большой зеркальной комнатѣ, примыкавшей къ банкетному залу. Парадная толпа гостей еще не освоилась съ мѣстомъ. Невидимые музыканты гдѣ-то наверху настраивали инструменты. Несмотря на привычку къ обществу, Муся испытывала смущеніе отъ нестройныхъ звуковъ музыки, отъ симпатіи и восхищенія, которыя она вызывала, отъ того, что она входила въ залъ одна. Вдругъ у нея забилось сердце. Ей бросилась въ глаза высокая фигура Клервилля. Онъ увидѣлъ ее и, измѣнившись въ лицѣ, поспѣшно къ ней направился.

— Я сижу съ вами? — спросилъ онъ по англійски. — Это необходимо...

Тотъ механизмъ кокетства, который работалъ въ Мусѣ почти независимо отъ ея воли, долженъ былъ изобразить на ея лицѣ удивленно-насмѣшливую ласковую улыбку. Однако, на этотъ разъ механизмъ не выполнилъ своей задачи. Муся растерянно кивнула головой; ея сердце билось все сильнѣе. Клервилль, видимо, хотѣлъ сказать что-то еще, что-то очень важное. Но въ эту секунду Мусю увидѣли **свои**. Здѣсь были Глаша, Никоновъ, Березинъ, Беневоленскій, былъ и Витя, смертельно

страдавшій отъ своего пиджака, единственнаго на этотъ разъ въ залѣ. Витя все время съ тоскливой надеждой смотрѣлъ на входившихъ: неужели никто, никто другой не окажется въ пиджакѣ? Послѣдній ударъ нанесъ ему Василій Степановичъ: онъ явился во фракѣ, который на тощей сутуловатой его фигурѣ сидѣлъ такъ, какъ могъ бы сидѣть на жирафѣ.

Среди своихъ Муся быстро успокоилась, — страстно-радостное чувство не покидало ея, но ушло внутрь, все освѣщая счастьемъ. Теперь механизмъ работалъ правильно. Тонъ его работы означалъ: «Хоть и очень странно и забавно, что мы, м ы, оказались среди этихъ странныхъ и забавныхъ людей, но если ужъ такъ, давайте развлекаться и въ ихъ обществѣ...» Въ этотъ тонъ не могъ попасть одинъ Клервилль. Онъ просіялъ, когда Муся пригласила его принять участіе въ поѣздкѣ на острова.

— Да, мы будемъ ѣхать, — сказалъ онъ порусски съ волненіемъ.

Князя Горенскаго въ кружкѣ на этотъ разъ не было. Онъ явился съ небольшимъ опозданіемъ и привезъ тревожныя извѣстія. На окраинахъ города все усиливалось броженіе. Съ минуты на минуту можно было ждать взрыва, выхода рабочихъ на улицу. Горенскій даже рѣшилъ, по дорогѣ въ ресторанъ, не сообщать тамъ своихъ свѣдѣній, чтобъ не испортить настроенія на праздникѣ. Однако, онъ не удержался и разсказалъ все еще въ раздѣвальной. Его новости мигомъ облетѣли зеркальную комнату, но настроенія отнюдь не испортили. Напротивъ, оно очень поднялось, хотя не всѣ понимали, почему на улицу должны выйти именно рабочіе.

— Охъ, далъ бы Господь! — сказалъ Василій Степановичъ, ежась въ оттопыренной, туго на-

крахмаленной рубашкѣ. — Вы будете нынче говорить? — сказалъ онъ значительнымъ тономъ, который ясно показывалъ, что отъ рѣчи князя на банкетѣ кое-что могло и зависѣть.

— Да, я скажу, — взволнованно отвѣтилъ Горенскій.

— Князь, при такой конъюнктурѣ ваша рѣчь, я чувствую, можетъ стать общественнымъ событіемъ, — сказалъ убѣжденно донъ-Педро. — Я жду ее со страстнымъ нетерпѣніемъ.

Послышался звонокъ, гулъ усилился. Двери банкетной залы раскрылись настежь.

— Ну, пойдемъ садиться, лэди и джентльмэны, — воскликнулъ весело Никоновъ, хватая подъ руку Сонечку Михальскую, хорошенькую семнадцатилѣтнюю блондинку, послѣднее пріобрѣтеніе кружка. — Милая моя, вы идете со мной, не отбивайтесь, все равно не поможетъ...

— А Марья Семеновна съ кѣмъ сидитъ? — небрежно освѣдомился Витя.

— Разумѣется, съ Клервиллемъ, — отвѣтила Глафира Генриховна.

На порогѣ банкетной залы показался озабоченный Фоминъ. Звонокъ продолжалъ звонить. Всѣ направились къ столамъ. При видѣ этихъ столовъ тревожное настроеніе сразу у всѣхъ улеглось: ни съ какой революціей такіе столы явно не совмѣщались.

Тушъ и разсаживаніе кончились, гости удовлетворили любопытство: гдѣ кто посаженъ, и обмѣнялись по этому поводу своими соображеніями. Вдоль стѣнъ уже шли лакеи. Фоминъ объяснялъ сосѣдямъ, что онъ нашелъ компромиссъ между русскимъ и французскимъ стилемъ: будучи врагомъ системы закусокъ, онъ все же для оживленія оставилъ водку и къ ней назначилъ canapés

au caviar. Вмѣсто водки желавшимъ разливали коньякъ, по словамъ Фомина, столѣтній. Этотъ коньякъ гости пили съ особымъ благоговѣньемъ. Витя сказалъ, что никогда въ жизни не пилъ такого удивительнаго коньяка. Никоновъ заставилъ пить и дамъ.

Въ кружкѣ сразу стало весело. Муся, къ большому восторгу Клервилля, выпила одну за другой двѣ рюмки. «Нѣтъ, кажется, было не очень смѣшно», — говорила себѣ она, вспоминая выходъ родителей (Муся побаивалась этого выхода). — «Вивіанъ во всякомъ случаѣ не могъ найти это смѣшнымъ... Да онъ только на меня и смотрѣлъ... Кажется, и платье ему понравилось», — думала она, съ наслажденьемъ чувствуя на себѣ его влюбленный взглядъ. Никоновъ, бывшій въ ударѣ, сыпалъ шутками, — его, впрочемъ, немного раздражалъ англичанинъ. Березинъ съ равнымъ удовольствіемъ ѣлъ, пилъ и разговаривалъ. Витя тревожно себя спрашивалъ, какъ понимать слова этой вѣдьмы: «Разумѣется, съ Клервиллемъ». Глафира Генриховна дѣлала сатирическія наблюденія. Фоминъ то озабоченнымъ хозяйскимъ взглядомъ окидывалъ столы, гостей, лакеевъ, то, волнуясь, пробѣгалъ въ памяти заготовленную имъ рѣчь. Браунъ много пилъ и почти не разговаривалъ съ сосѣдями, изрѣдка со злобой поглядывая на Клервилля и Мусю.

Обѣдъ очень удался, праздникъ шелъ превосходно. Рѣчи начались рано, еще съ médaillon de foie gras. Вначалѣ говорили присяжные повѣренные, восхвалявшіе адвокатскія заслуги юбиляра. Это все были опытные, привычные ораторы. Они разсказали блестящую карьеру Семена Исидоровича, упомянули о наиболѣе извѣстныхъ его дѣлахъ, отмѣтили особенности его таланта. Говори-

ли они довольно искренно: надъ Семеномъ Исидоровичемъ часто подтрунивали въ сословіи, но большинство адвокатовъ его любило. Кромѣ личныхъ враговъ, всѣ признавали за нимъ качества оратора, добросовѣстнаго, корректнаго юриста, прекраснаго товарища. Прославленные адвокаты благодушно разукрашивали личность Кременецкаго въ разсчетѣ на то, что публика,вѣроятно, сама сдѣлаетъ должную поправку на юбилей, на вино, на превосходный обѣдъ. Въ этомъ они ошибались: большая часть публики все принимала за чистую монету; образъ Семена Исидоровича быстро росъ, принявъ къ дессерту истинно-гигантскіе размѣры.

Ораторы говорили недолго и часто смѣняли другъ друга, такъ что вниманіе слушателей не утомлялось. Всѣхъ встрѣчали и провожали апплодисментами. Семенъ Исидоровичъ смущенно кланялся, обнималъ однихъ ораторовъ, крѣпко пожималъ руку или обѣ руки другимъ. Тамара Матвѣевна, имя которой не разъ упоминалось въ рѣчахъ, сіяла безкорыстнымъ счастьемъ. Лакеи едва успѣвали разливать по бокаламъ шампанское.

— Странный,однако,ученый,смотрите какъ онъ пьетъ, — шепнула Никонову Глафира Генриховна, не поворачивая головы и лишь быстрымъ движеніемъ глазъ показывая на Брауна. — Говорятъ, онъ умный, но онъ всегда молчитъ. Можетъ быть, умный, а можетъ быть, просто мрачный идіотъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что онъ человѣкъ съ психопатической наслѣдственностью.

— Нѣтъ, онъ молодчина! — сказалъ Никоновъ. — Онъ всегда пьетъ, какъ извозчикъ, и никогда не пьянѣетъ.

— Не то, что вы.

— Я ни въ одномъ глазѣ.

— Дать вамъ зеркало? Глаза у васъ стали маленькіе и сладенькіе, — замѣтила уже громко Глафира Генриховна.

— Низкая клевета! У меня демоническіе глаза, это всѣмъ извѣстно. Правда, Мусенька?.. Виноватъ, я хотѣлъ сказать: Марья Семеновна.

— Самые демоническіе, стальные глаза, — подтвердила Муся. — Прямо Наполеонъ! Но много вы все-таки не пейте, помните, что мы еще ѣдемъ на острова.

— Да, на острова, — сказалъ Клервилль.

— И на островахъ тоже будемъ пить. Возьмемъ съ собой нѣсколько бутылокъ...

— О, да, будемъ пить.

— И выпьемъ за здоровье вашего короля... Онъ и самъ, говорятъ, мастеръ выпить, правда?

На это Клервилль ничего не отвѣтилъ. Онъ не совсѣмъ понялъ послѣднія слова Никонова, но шутка о королѣ ему не понравилась. Муся тотчасъ это замѣтила.

— Господа, мы постараемся улизнуть послѣ рѣчи князя, — сказала она. — Какъ вы думаете, а? Вѣдь она самая интересная... Какъ и рѣчь Платона Михайловича, — добавила Муся: ей хотѣлось въ этотъ день быть всѣмъ пріятной.

— Fille dénaturée, это невозможно, — возразилъ польщенный Фоминъ, отрываясь отъ мыслей о своей близящейся рѣчи, — вы никакъ не можете улизнуть до отвѣтнаго слова дорогого намъ всѣмъ юбиляра.

— Ахъ, я и забыла, что будетъ еще отвѣтное слово... Ничего, папа насъ проститъ.

— Да онъ и не замѣтитъ, ему не до насъ, — сказалъ Березинъ.

За почетнымъ столомъ, предсѣдатель, старый, знаменитый адвокатъ, постучалъ ножомъ по бокалу.

— Слово принадлежитъ Платону Михайловичу Фомину.

Муся энергично зааплодировала, ея примѣру послѣдовалъ весь кружокъ; рукоплесканія все-таки вышли довольно жидкія: Фомина мало знали. Онъ всталъ, повернулся къ Кременецкому и, криво улыбнувшись, заговорилъ. Фоминъ приготовилъ рѣчь въ томъ невыносимо-шутливомъ тонѣ, безъ котораго не обходится ни одинъ банкетъ въ мірѣ.

— ...Личность глубокоуважаемаго юбиляра, — говорилъ онъ, — столь разностороння и, такъ сказать, многогранна, что лично я невольно теряюсь... Господа, знаете ли вы, какъ зачастую поступаютъ дѣти съ дорогой подаренной имъ игрушкой, сложный механизмъ которой зачастую превышаетъ ихъ способность пониманія? Они разбираютъ ее на части и изучаютъ отдѣльные кусочки (послышался смѣхъ; Семенъ Исидоровичъ смущенно улыбался, Тамара Матвѣевна одобрительно кивала головой). Такъ и намъ остается разбить на грани многогранный образъ Семена Исидоровича, который вѣдь тоже есть въ своемъ родѣ, такъ сказать, произведеніе искусства. На мою долю, mesdames et messieurs, приходится лишь одна скромная грань большой фигуры... Милостивыя государыни и государи, я вынужденъ сдѣлать ужасное признаніе: господа, я ничего не понимаю въ политикѣ! (Фоминъ улыбнулся и побѣдоносно обвелъ взглядомъ залъ, точно ожидая возраженій, — въ дѣйствительности онъ считалъ себя тонкимъ политикомъ). Согласитесь, что это столь печальное для меня обстоятельство имѣетъ по крайней мѣрѣ одну хорошую сторону: оно оригинально! Ибо, какъ извѣстно, политику понимаютъ всѣ... Но я, господа, будучи въ нѣкоторомъ родѣ уродомъ, я лишенъ этой способности и потому лишенъ и возможности говорить о Семенѣ Исидоровичѣ, какъ

о политическомъ мыслителѣ и вождѣ. Это сегодня сдѣлаетъ, господа, со свойственнымъ ему авторитетомъ, мой другъ, князь Алексѣй Андреевичъ Горенскій. Моя задача другая... Увы, господа, здѣсь я немного опасаюсь, какъ бы со стороны моихъ недоброжелателей не послѣдовало возраженіе, то возраженіе, что я ничего не понимаю и въ юриспруденціи! (онъ улыбнулся еще побѣдоноснѣе, снова послышался смѣхъ; Никоновъ закивалъ утвердительно головою). Господа, вы молчите, — я констатирую, что у меня нѣтъ недоброжелателей! По крайней мѣрѣ я хочу думать, что ваше молчаніе не есть знакъ согласія!.. Какъ бы то ни было, я не намѣренъ говорить о нашемъ глубокоуважаемомъ юбилярѣ и какъ объ юристѣ, — это уже сдѣлали, съ несравненной силой и краснорѣчіемъ, наши старшіе товарищи и учителя. Моя задача скромнѣе, господа! Мое слово будетъ не о большомъ русскомъ адвокатѣ Кременецкомъ, а о моемъ дорогомъ патронѣ, наставникѣ и, смѣю сказать, другѣ («Семѣ», — подсказалъ Никоновъ, Фоминъ на него покосился), о моемъ старшемъ другѣ Семенѣ Исидоровичѣ...

Такъ онъ говорилъ минутъ пятнадцать. Онъ говорилъ о Семенѣ Исидоровичѣ, какъ объ учителѣ младшаго поколѣнія, объ его дружескомъ внимательномъ отношеніи къ помощникамъ, о той работѣ большого адвоката, которой не видѣли посторонніе. — «О ней, — сказалъ Фоминъ, — кромѣ меня можетъ судить только одинъ человѣкъ въ этой залѣ и я не сомнѣваюсь, что мой дорогой коллега, Григорій Ивановичъ Никоновъ, присоединяется къ моимъ словамъ со всей силой убѣжденія, со всей теплотой чувства» («Впрочемъ, за здоровье Его Благородія», — пробормоталъ Никоновъ, изобразивъ на лицѣ умиленіе и восторгъ).

Со всей теплотой чувства, хотя и въ почтительно-игривой формѣ, Фоминъ коснулся семейнаго быта Кременецкихъ, сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ о Тамарѣ Матвѣевнѣ, о Марьѣ Семеновнѣ, въ любви и преданности которыхъ Семенъ Исидоровичъ находитъ забвеніе отъ бурь юридической, общественной и политической дѣятельности, какъ успокаивается въ тихой пристани послѣ большого плаванья большой корабль. О Мусѣ до Фомина не говорилъ никто. Раздались шумныя рукоплесканья. Неожиданно для самой себя Муся смутилась и покраснѣла. Какъ ни мучительны были потуги Фомина на шутливость и заранѣе подготовленныя сердечныя ноты, рѣчь его имѣла выдающійся успѣхъ. Въ ней было все, что полагается: мостъ между двумя поколѣніями служителей права, смѣна богатырямъ-старшимъ, неугасимый факелъ, доблестно пронесенный, передаваемый молодежи Семеномъ Исидоровичемъ, и многое другое. На неугасимомъ факелѣ Фоминъ и кончилъ свою рѣчь. Подъ громкія рукоплесканія зала онъ прошелъ къ рединѣ почетнаго стола, обнялся съ Семеномъ Исидоровичемъ и поцѣловалъ руку сіявшей Тамарѣ Матвѣевнѣ, которая съ искренней нѣжностью поцѣловала его въ голову. — «Я такъ васъ з а в с е благодарю, дорогой!..» — прошептала она. Затѣмъ Фоминъ вернулся къ своему мѣсту, гдѣ къ нему тоже протянулись бокалы. Одинъ Браунъ выпилъ свой бокалъ, не дождавшись возвращенія Фомина и даже до конца его рѣчи.

— Чудно, чудно, — говорила Муся. — Каюсь, я не знала, что вы такой застольный ораторъ!..

— Да и никто этого не зналъ, — добавила Глафира Генриховна.

— Помилуйте, онъ уже свѣточъ среди богатырей-младшихъ, — сказалъ Никоновъ. — Что бу-

детъ, когда онъ подрастетъ!.. Дорогой коллега, разрѣшите васъ мысленно обнять... Это было чего-нибудь особеннаго!

— Чего-нибудь особеннаго! — съ жаромъ подтвердилъ Клервилль, чокаясь съ Фоминымъ. Улыбки скользнули по лицамъ сосѣдей. Витя сердито фыркнулъ: онъ не любилъ Фомина, а Клервилль, прежде такъ ему нравившійся, теперь вызывалъ въ немъ мучительную ревность. Фоминъ, скромничая, благодарилъ, онъ не сразу могъ вернуться къ своему обычному тону. Лакеи разливали по чашкамъ кофе и разносили ликеры.

— Ну, теперь остался главный гвоздь, рѣчь князя Горенскаго, — сказала Глафира Генриховна.

— А вы знаете, князь волнуется. Посмотрите на него!..

— Его рѣчь будетъ политическая и, говорятъ, очень боевая.

— Онъ докажетъ, что въ двадцатипятилѣтіи Семена Исидоровича кругомъ виновато царское правительство, — сказалъ Никоновъ. — Господа, на кого похожъ Горенскій? Вы какой бритвой бреетесь? Вы, Витя, еще совсѣмъ не бреетесь, счастливецъ. А вы, милордъ?.. — Клервилль посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. — Докторъ, вы, навѣрное, бреетесь Жиллетомъ?

— Жиллетомъ, — подтвердилъ Браунъ, очевидно безъ всякаго интереса къ слѣдовавшему за вопросомъ поясненію.

— Ну, такъ вы знаете: на оберткѣ бритвы печатается свѣтлый образъ ея изобрѣтателя. Горенскій — живой портретъ мистера Жиллета. То же бодрое, мужественное выраженіе и то же сознаніе своихъ заслугъ передъ человѣчествомъ.

— Совершенно вѣрно, я видѣла, — сказала, расхохотавшись, Муся.

— Очень вѣрно, — подтвердилъ Клервилль.

За почетнымъ столомъ опять постучали.

— Слово имѣетъ Алексѣй Андреевичъ Горенскій, — внушительно сказалъ предсѣдатель, для разнообразія нѣсколько мѣнявшій свою фразу. Легкій гулъ пробѣжалъ по залу и тотчасъ затихъ. Настроеніе сразу измѣнилось, и улыбки стерлись съ лицъ. Князь Горенскій всталъ, видимо волнуясь и съ трудомъ сдерживая волненіе. Въ лѣвой рукѣ онъ нервно сжималъ салфетку. Князь началъ безъ обычнаго обращенія къ публикѣ или къ «глубокочтимому, дорогому Семену Исидоровичу».

XII.

Князь Горенскій пользовался въ обществѣ репутаціей превосходнаго, вдохновеннаго оратора. Всѣ сходились на томъ, что особенность его краснорѣчія заключается въ богатомъ темпераментѣ. Горенскій, веселый, остроумный и благодушный человѣкъ въ обыденной жизни, совершенно измѣнялся, всходя на ораторскую трибуну. О чемъ бы онъ ни говорилъ, имъ неизмѣнно овладѣвало сильнѣйшее волненіе. Онъ рѣдко готовилъ рѣчь напередъ, и только набрасывалъ въ нѣсколькихъ словахъ ея общій планъ, да еще иногда выписывалъ цитаты, о которыхъ впрочемъ часто забывалъ въ процессѣ рѣчи. Не заботился онъ и о литературной формѣ, предоставляя полную свободу падежамъ, родамъ, числамъ; иногда и отдѣльныя слова у него выскакивали довольно неожиданныя. Но большинство слушателей этому не улыбалось: волненіе оратора, его мощный, съ надрывомъ, голосъ, рѣзкая, энергичная манера, — все это обычно заражало аудиторію, особенно слушавшую его впервые. Въ Государственной Думѣ, гдѣ князь выступалъ часто, и свои, и чужіе не всегда очень

внимательно его слушали. Горенскій принадлежалъ къ умѣренно-либеральной партіи, но ея основную линію нерѣдко обходилъ, то справа, то слѣва. Глава партіи, — тотъ самый, который уклонился отъ выступленія на юбилеѣ Семена Исидоровича, — нѣсколько опасался рѣчей своего младшаго товарища. Вождь либеральнаго лагеря, человѣкъ чрезвычайно умный, проницательный и опытный, очень хорошо разбирался въ людяхъ и зналъ каждому изъ друзей и враговъ настоящую человѣческую цѣну. Но свое мнѣніе онъ обычно держалъ про себя, а въ общественной жизни принималъ и расцѣнивалъ людей исключительно по ихъ идейнымъ ярлыкамъ. При этомъ неизбѣжны бывали ошибки, однако, въ общемъ счетѣ, онъ признавалъ такую расцѣнку наиболѣе вѣрной, простой и цѣлесообразной. Въ огромномъ, все разроставшемся партійномъ хозяйствѣ нужны были или по крайней мѣрѣ могли пригодиться безупречный ярлыкъ князя, его совершенная порядочность, его знатное имя и связи въ земскихъ, аристократическихъ, гвардейскихъ кругахъ, изъ которыхъ онъ вышелъ. Однако вождь партіи считалъ Горенскаго человѣкомъ безъ царя въ головѣ и всегда съ непріятнымъ чувствомъ удивлялся успѣху, выпадавшему на долю рѣчей князя.

Муся отъ волненія, отъ выпитаго вина не сразу сосредоточилась и не разслышала первыхъ словъ Горенскаго. Вначалѣ она только смотрѣла на него въ упоръ. Затѣмъ Муся напрягла вниманіе и стала слушать.

— ...Да, правъ былъ Фоминъ, — говорилъ князь, — тысячу разъ правъ былъ Фоминъ (Горенскій произносилъ эту фамилію съ непонятнымъ надрывомъ, какъ-то Ффамиинъ), утверждая что въ лицѣ юбиляра русская общественность... чтитъ не только большого адвоката, но и больш-

го общественнаго дѣятеля, одного изъ своихъ идейныхъ руководителей! Какъ часто намъ, волей судьбы профессіональнымъ политикамъ... въ буряхъ и тревогахъ повседневной политической... каши (князь употребилъ это существительное, не найдя сразу другого) приходилось и приходится на него съ тревогой оглядываться... Какъ часто, принимая то или иное рѣшеніе, намъ приходилось и приходится себя спрашивать: а что скажетъ на это Семенъ Сидоровичъ? И всякій разъ, когда мы узнавали, что Семенъ Сидоровичъ насъ одобрилъ... что онъ съ нами!.. — радостно вскрикнулъ князь такъ громко, что Муся невольно вздрогнула, — ...точно камень скатывался съ горы... съ души!.. Его разумное, мудрое слово имѣло для насъ огромное, часто рѣшающее значеніе... Онъ стоялъ подъ грозою, какъ непоколебимый кряжистый дубъ...

Характеристикѣ Семена Исидоровича Горенскій посвятилъ начало своей рѣчи. Юбиляръ тихо застѣнчиво улыбался, опустивъ голову. Раскраснѣвшаяся Тамара Матвѣевна млѣла отъ восторга. «Какъ все-таки человѣку не стыдно!» — думалъ начинавшій злиться Никоновъ.

— ...Господа, кто изъ насъ теперь ежедневно не вспоминаетъ проникновенныхъ словъ поэта: «Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ въ его минуты роковыя... Его призвали Всеблагіе, какъ собесѣдника на пиръ»... Намъ, господа, дано было стать зрителями и участниками одной изъ самыхъ роковыхъ минутъ... быть можетъ, самой роковой минуты въ исторіи рода человѣческаго. Намъ довелось пріобщиться титанической борьбы за право и свободу! Быть можетъ, впервые въ исторіи... столкнулись съ такой силой два начала, Ормуздъ и Ариманъ. Германскій милитаризмъ бронированнымъ кулакомъ... наступилъ на маленькую Бельгію. Сила

поставила себя выше права!.. Но зло, господа, пробуждаетъ добро. Противъ права силы мощно поднялась сила права! (послышались первыя, тотчасъ погасшія рукоплесканья). На борьбу съ чертополохомъ грубой солдатчины выступила лучшая часть человѣчества... Она погибнетъ или восторжествуетъ! Ибо третьяго не дано, не дано исторіей, господа! Рука объ руку съ англо-саксонской, съ латинской расой довелось подняться на величайшую борьбу и намъ, русскимъ. Но, господа, господа! — вскрикнулъ онъ съ яростью, — надо заслужить... заслvжить!.. моральное право участвовать... въ святомъ дѣлѣ освободительной борьбы за право! И этого права мы, увы! не имѣемъ, не имѣемъ не по нашей винѣ!..

Князь обладалъ замѣчательной способностью произносить фразы, которыя всѣ тысячу разъ читали въ газетахъ, совершенно такъ, какъ если-бы онѣ только что впервые зародились у него въ головѣ и еще никому не были извѣстны. Лицо Горенскаго побагровѣло. Слова о бронированномъ кулакѣ онъ бросилъ съ чрезвычайной силой. Раздались бурныя рукоплесканья, затѣмъ снова настала напряженная тишина. Смыслъ этой части рѣчи князя заключался въ томъ, что въ то время, какъ Семенъ Исидоровичъ сразу разобрался въ борьбѣ Ормузда съ Ариманомъ и занялъ въ ней надлежащую позицію, на сторону Аримана стала звѣздная палата и камарилья. Прогнившая насквозь власть бросила вызовъ всему народу русскому, въ частности, рабочему классу, требующему, со всей силой убѣжденія, новой энергіи, новыхъ путей, новыхъ методовъ войны за освобожденіе народовъ!

Залъ затрясся отъ апплодисментовъ. Горенскій вытеръ лобъ платкомъ и остановился, глядя на слушателей налитыми кровью глазами. Руко-

плесканья всегда его пьянили. За минуту до того онъ еще не зналъ, что скажетъ дальше. Теперь рѣчь его потекла свободно. Слова о народѣ русскомъ (онъ въ рѣчахъ для красоты слога обычно ставилъ прилагательное послѣ существительнаго) неожиданно дали ему возможность попутно набросать характеристику русской души. Онъ высказалъ мысли о русскомъ народѣ, какъ о носителѣ идеи вѣчной правды, которую лишь безсознательно чувствовалъ сѣрый русскій мужикъ и которую за него выражали его духовные вожди, въ томъ числѣ Семенъ Исидоровичъ.

— ...Да, господа, эта «святая сѣрая скотинка» медленной, тяжелой, но упорной тропою... идетъ къ тѣмъ же высшимъ началамъ права и справедливости... къ какимъ, во всеоружіи опыта гражданственности... несутся англо-саксонская и латинская расы. И кто знаетъ, господа, не суждено ли намъ ихъ опередить? Я вѣрю, господа, въ прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы! Больше того, господа, съ рискомъ быть обвиненнымъ въ утопизмѣ, я не вѣрю вообще въ царство необходимости! Человѣчество властно куетъ свое будущее!.. Господа, я вѣрю только въ царство свободы!

Апплодисменты гремѣли все чаще. Теперь ихъ вызывала почти каждая фраза. Муся апплодировала изо всей силы. Отъ нея не отставали другіе. Въ кружкѣ презирали политику, но на этотъ разъ всѣ были взволнованы. Витя восторженными глазами уставился на оратора. Горенскій уже съ трудомъ связывалъ фразы. Онъ задыхался. Изъ дверей на него съ испугомъ смотрѣли лакеи. За дверьми толпились люди.

— ...Господа!.. Имѣющій уши да слышитъ!.. Но эти слѣпцы не видятъ и не слышатъ!.. Господа, въ эти трагическіе дни... да будетъ повторено

слово великаго писателя земли русской: «Не могу молчать»!.. Да, господа, есть минуты, когда молчать — преступленье, котораго не проститъ намъ потомство, какъ не проститъ народъ русскій!.. Выйдите на окраины города!.. Взгляните, взгляните же вокругъ себя!.. Переполняется вѣковая чаша терпѣнія народнаго!.. Приходитъ позорный конецъ міру кнута и мракобѣсія!.. Завтра, можетъ быть, уже будетъ поздно! Господа, Ахеронъ выходитъ на улицу!.. Нѣтъ, не апплодируйте, — вскрикнулъ князь, поднявъ руку, — вы не смѣете апплодировать! завтра, можетъ быть, прольется кровь!.. (Апплодисменты мгновенно оборвались). Господа, никто изъ насъ не знаетъ, что его ждетъ. Но въ эти жертвенные дни да будетъ же девизъ нашъ: Sursum corda! Господа, имѣемъ сердца горѣ! Вершины духа человѣческаго съ нами!.. Съ нами люди, подобные Семену Сидоровичу... Съ нами и тѣ, кто выявляетъ во вдохновенномъ творчествѣ тончайшую духовную эманацію толщъ народныхъ! Господа, въ эти дни обратимся мыслью къ нашимъ провидцамъ! Писатель, который со всей справедливостью можетъ быть названъ совѣстью народа русскаго, изъ толщи и крови котораго онъ вышелъ, — я назвалъ Максима Горькаго (несмотря на просьбу оратора, загремѣли долгія рукоплесканья)... — писатель этотъ во вдохновенномъ прозрѣніи своемъ пророчески воспѣлъ... грядущій, близящійся Ахеронъ.

Князь поднялъ съ тарелки листокъ бумаги.

— Вы помните, господа, дивную аллегорію Горькаго? Птицы ведутъ между собой бесѣду... Здѣсь и солидная пуганая ворона, и дѣйствительный статскій снигирь, и почтительно-либеральный старый воробей, птица себѣ на умѣ, которая тихо сказала: «Да здравствуетъ свобода!» и тотчасъ громко добавила: «въ предѣлахъ законности»!

(послышался смѣхъ)... И этимъ, съ позволенія сказать, пернатымъ — имя же имъ легіонъ въ трижды печальной русской дѣйствительности — грезится вдохновенный образъ другой птицы... Слушайте!

Онъ развернулъ листокъ и, изъ послѣднихъ силъ справляясь съ дыханьемъ, прочелъ съ надрывомъ въ громовомъ голосѣ:

«Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ.

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ.

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..»

Князь Горенскій отступилъ на шагъ назадъ и бросилъ на столъ салфетку. Залъ стоналъ отъ рукоплесканій. Всѣ повставали съ мѣстъ.

Браунъ незамѣтно прошелъ къ выходной двери.

XIII.

— Что-жъ, пообѣдали? — спросилъ онъ, входя въ кабинетъ Федосьева. — Я думалъ, вы давно кончили и ушли...

— Кончаю. Васъ поджидалъ, мнѣ торопиться некуда. Вы пили кофе?

— Пилъ.

— Выпейте еще со мною. Я и чашку лишнюю велѣлъ подать въ надеждѣ, что вы зайдете. Для меня готовятъ особое кофе... Вотъ попробуйте.—Онъ налилъ Брауну кофе изъ огромнаго кофейника. — Предупреждаю, заснуть послѣ него трудно, но я и безъ того плохо сплю... Если выпить на ночь нѣсколько чашекъ такого кофе, можно себя довести до удивительнаго состоянія. Тогда думаешь съ необычной ясностью, видишь все съ необычной остротой. Мысли скачутъ какъ бѣшеныя, всѣ несравненно яснѣе и тоскливѣе дневныхъ.

— Да, я это знаю, — сказалъ Браунъ. — Въ пору этакой ночной ясности мыслей очень хорошо повѣситься.

— Очень, должно быть, хорошо... Интересныя были рѣчи на юбилеѣ?

— Ничего... Я, впрочемъ, не слушалъ... Кофе дѣйствительно прекрасное.

— Я немного знаю Кременецкаго, — сказалъ, улыбаясь, Федосьевъ. — Разумѣется, любой столоначальникъ имѣетъ право на юбилей послѣ двадцати пяти лѣтъ службы, однако мнѣ не совсѣмъ понятно, почему именно этотъ праздникъ революціи такъ у васъ раздувается. Вѣдь Кременецкій — второй сортъ?

— Третій... Но юбилейное краснорѣчіе, какъ надгробное, никого ни къ чему не обязываетъ. Вы, что-жъ, принимаете въ серьезъ и некрологи?..

— Повѣрьте, публика все принимаетъ въ серьезъ.

— Вы думаете? Возможно, впрочемъ, что въ этомъ вы и правы. Если у насъ въ самомъ дѣлѣ произойдетъ революція, то главныя непріятности могутъ быть отъ смѣшенія третьяго сорта съ пер-

вымъ. Несчастье революцій именно въ томъ и заключается, что къ власти рано или поздно приходятъ люди третьяго сорта, съ успѣхомъ выдавая себя за первосортныхъ. Въ этомъ они легко убѣждаютъ и исторію, — ее даже, пожалуй, всего легче... Но вѣдь и вы, собственно, всѣхъ валите въ одну кучу. Нетрудная вещь иронія... И нетрудное дѣло обобщеніе. «Праздникъ революціи»? Нѣтъ, все таки не революціи, а того пошлаго, что въ ней неизбѣжно, какъ оно неизбѣжно и въ контръ-революціи. Герценъ — революція, и Кременецкій — революція. Но, право, Герценъ за Кременецкаго не отвѣчаетъ. Говорятъ о пропасти между русской интеллигенціей и русскимъ народомъ, — общее мѣсто. По моему, гораздо глубже пропасть между вершинами русской культуры и ея золотой серединой. На крайнихъ своихъ вершинахъ русскій либерализмъ замѣчательное явленіе, быть можетъ, явленіе міровое. А на золотой срединѣ... — Онъ махнулъ рукой. — И «Фауста» подстерегло оперное либретто... Что до низовъ... Волей судьбы вершины нашей мысли сейчасъ указываютъ то самое, чего хотятъ низы — и это наше счастье. Но, можетъ быть, такъ будетъ не долго: связь вѣдь въ сущности случайная,—и это наше несчастье. Иными словами, вполнѣ возможно, что въ одинъ прекрасный день низы насъ съ нашими идеями пошлютъ къ чорту. А мы — ихъ.

— Непремѣнно такъ и будетъ. Только вы ихъ пошлете къ чорту фигурально, а они васъ безъ всякихъ метафоръ.

— Не радуйтесь, то же самое и въ вашемъ лагерѣ. Чѣмъ проще и грубѣе идеологія, тѣмъ легче ее пріукрасить. Такъ Сегантини посыпалъ золотой пылью краски на своихъ «Похоронахъ». Невыгодный пріемъ: золото отъ времени почернѣетъ, картина потеряетъ репутацію.

— Нашей картинѣ и терять нечего. Репутація у нея твердая.

— Я этого не говорю. Въ области чистаго отрицанія русская реакціонная мысль достигла большой высоты. Но только въ этой области. Зато, когда вы начинаете умильно изображать человѣка съ положительными идеалами, у меня всегда впечатлѣніе странное, — вотъ какъ въ старыхъ повѣстяхъ, когда писатель такъ же умильно изображаетъ, что думаетъ кошечка или о чемъ переговариваются между собой березки... Бросьте вы, право, «созиданіе»...

— Что-жъ, для созиданія вы придете намъ на смѣну, — сказалъ Федосьевъ. «Очень сегодня разговорчивъ», — подумалъ онъ. — «И, по обыкновенію, отвѣчаетъ больше самому себѣ, чѣмъ мнѣ... Опять придется издалека начинать, надоѣли мнѣ философскія бесѣды. А пора, давно пора довести до конца этотъ глупый разговоръ... Но какъ? Охъ, театрально»... — Разрѣшите налить вамъ еще чашку... Я говорю, вы придете, въ самой общей формѣ: вы, лѣвые. Личные ваши взгляды мнѣ, какъ я уже вамъ говорилъ, весьма неясны, — добавилъ онъ полувопросительно, глядя на необычно оживленное, блѣдное лицо Брауна.

— Личные мои взгляды?.. Гете на старости какъ-то сказалъ Эккерману: «Со всѣмъ моимъ именемъ я не завоевалъ себѣ права говорить то, что я на самомъ дѣлѣ думаю: долженъ молчать, чтобъ не тревожить людей. Зато у меня есть и небольшое преимущество: я знаю, что думаютъ люди, но они не знаютъ, что думаю я...» Цитирую, вѣроятно, не буквально, однако довольно точно передаю мысль Гете. Такъ вотъ, видите ли, — добавилъ онъ, прочитавъ иронію въ глазахъ Федосьева, — то Гете, въ семьдесятъ пять лѣтъ, на вершинѣ мі-

ровой славы. Куда-жъ намъ, грѣшнымъ, соваться, если-бъ даже и было, что сказать!

— Да вѣдь очень трудно удержаться, Александръ Михайловичъ: хочется иногда сказать и правду. Разумѣется, вредишь прежде всего самому себѣ, — что-жъ, за удовольствія всегда приходится платить. Ничего не подѣлаешь, Вѣрно, и Гете не всегда слѣдовалъ своему правилу... Я, кстати, не зналъ этой его мысли. Надо будетъ перечитать на досугѣ Гете. Благо досуга у меня теперь достаточно.

— Какъ же вы это переносите?

— Солгалъ бы вамъ, если-бъ сказалъ, что я очень доволенъ. Но выношу гораздо лучше, чѣмъ думалъ... Я думалъ, будетъ совсѣмъ плохо... Знаете, въ извѣстномъ возрастѣ человѣкъ долженъ начать заботиться — ну, какъ сказать? — о зацѣпкахъ, что ли... Какую-нибудь надо придумать зацѣпку, чтобъ поддержать связь съ жизнью. Лѣтъ до сорока можно и такъ прожить, а потомъ становится трудно. Нужно обезпечить себѣ для отступленія заранѣе подготовленныя позиціи... Начиная съ пятаго десятка, человѣкъ и морально растрачиваетъ накопленное добро. У большинства людей есть семья, — самая простая и, вѣроятно, самая лучшая зацѣпка. Но я человѣкъ одинокій, а другими зацѣпками не догадался себя обезпечить, когда еще было можно...

— Я въ такомъ же точно положеніи... Положительно, мы очень похожи другъ на друга, — добавилъ Браунъ, непріятно улыбаясь, — все больше въ этомъ убѣждаюсь.

— Немного похожи, правда, я очень польщенъ. Однако положеніе наше разное. У васъ есть наука, вы «Ключъ» пишете...

— Вотъ, повѣрьте, плохое утѣшеніе.

— Неужели? — Федосьевъ съ любопытствомъ взглянулъ на Брауна. — Я думалъ, утѣшеніе немалое. Подвинулся «Ключъ»?

— Нѣтъ, не подвинулся.

— Очень сожалѣю, какъ читатель... Но вы можете къ нему вернуться... А у меня нѣтъ ничего, — медленно, точно съ удовольствіемъ, проговорилъ Федосьевъ. — Ничего! Пробовалъ было читать астрономію: казалось бы, лучше чтенія нѣтъ. Прочтешь, напримѣръ, о спиральныхъ туманностяхъ, что въ нихъ около милліона міровъ, что лучъ свѣта идетъ отъ нихъ къ намъ, кажется, двѣсти тысячъ лѣтъ... Вѣдь это должно очень убавить интереса къ землѣ, къ политикѣ, къ жизни, — не говорю къ собственной, но хоть къ чужой. А вотъ, что подѣлаешь, не убавляетъ. Откроешь послѣ астрономіи газету — и гдѣ твоя новая мудрость? Непріятное назначеніе по министерству такъ же бѣситъ, какъ если-бъ и не читалъ о спиральныхъ туманностяхъ.

— Нѣтъ, здѣсь никакая астрономія не поможетъ... Вы теперь вродѣ тѣхъ «лишнихъ людей», о которыхъ такъ сокрушались наши беллетристы, — точно не всѣ люди лишніе... А сознайтесь, все-таки непріятно быть не у дѣлъ, съ астрономіей и безъ астрономіи, — сказалъ Браунъ: онъ какъ бы задиралъ Федосьева. — Такъ, я думаю, писатель, которому вернули рукопись или котораго изругали критики, считаетъ себя гонимымъ чернью.

Федосьевъ засмѣялся.

— Охотно сознаюсь.

— Казалось бы, незачѣмъ огорчаться. Невелика вѣдь радость быть политическимъ дѣятелемъ. Всю жизнь васъ ежедневно враги поливаютъ грязью, а друзья больше молчатъ, да и чаще всего не такъ ужъ за васъ огорчаются. Раза два въ жизни, въ юбилейные дни, васъ славословятъ,

— радости отъ этого тоже немного: вотъ и Кременецкаго славословили не хуже. Да еще въ день вашихъ похоронъ противники «отдаютъ должное», «обнажаютъ голову», и тоже плоско, и не безъ колкостей. Надо имѣть огромный запасъ искренняго презрѣнія къ людямъ, чтобы, занимаясь профессіонально политикой, долго на его счетъ жить. Необходимо также запастись большой долей снисходительности къ самому себѣ. Это — если говорить теоретически. А на практикѣ — у большихъ политическихъ дѣятелей, кажется, ничего такого нѣтъ, а есть чаще всего природная и благопріобрѣтенная толстокожесть, да еще, какъ ни странно, разливанное море благодушія. Я всегда любуюсь: какіе они всѣ оптимисты!... Вѣдь для меня оптимизмъ и глупость нѣчто вродѣ синонимовъ... Нѣтъ, что и говорить, политика ремесло среднее. Но вотъ, подите же, ничто такъ не влечетъ людей, даже у насъ, гдѣ ванны изъ помоевъ обычно не компенсируются удовольствіями власти. А вы, реакціонеры, хотите бороться съ этимъ повальнымъ запоемъ! Вы въ сущности запрещаете политическую борьбу, т. е. разсчитываете закрыть людямъ доступъ къ самой увлекательной изъ игръ. Вы, господа консерваторы, мечтатели и утописты похуже юношей революціонеровъ.

— А если бороться не для чего? — въ тонъ Брауну спросилъ Федосьевъ. — Вдругъ у насъ такая умная, благородная, проницательная власть, которая какъ разъ все то и дѣлаетъ, что нужно Россіи? Не лучше ли тогда оттѣснить немного юношей? Пусть въ самомъ дѣлѣ выберутъ себѣ какую-либо другую, болѣе безобидную игру: свѣтъ на политикѣ не клиномъ сошелся.

— Утописты, — повторилъ Браунъ. — Въ цивилизованныхъ странахъ нарочно организуютъ

для народа такія игры. Возьмите хотя бы Америку: ни одинъ американецъ вѣдь не знаетъ толкомъ, въ чемъ принципіальная разница между демократической и республиканской партіями. Если нѣкоторая разница и существуетъ, то она измѣняется постоянно, да и относится она къ такимъ вопросамъ, которые сами по себѣ здороваго человѣка волновать не могутъ. А посмотрите на агитацію въ пору президентскихъ выборовъ. Люди заранѣе старательно выдумываютъ, на чемъ бы имъ разойтись, а затѣмъ, выдумавъ, даютъ страстный бой другу...

— Стилизація въ устахъ лѣваго человѣка неожиданная, — сказалъ Федосьевъ. Онъ позвонилъ. — Меня, впрочемъ, трудно удивить и скептицизмомъ, и пессимизмомъ. Когда я читаю, какъ лѣвые ругаютъ правыхъ, я думаю: совершенно вѣрно, но мало, стоило бы ругнуть ихъ хуже. А когда я читаю, какъ правые ругаютъ лѣвыхъ, я думаю приблизительно то же самое. Правительство наше и наша общественность напоминаютъ мнѣ ту фигуру балета, когда два танцовщика, изображая удалыхъ молодцовъ, съ этакимъ задорнымъ видомъ, съ самой хитрой побѣдоносной улыбкой, то наскакиваютъ другъ на друга, то вновь отскакиваютъ, поднявъ ручку и этакъ замысловато сѣменя ножками. Меня эта фигура и въ балетѣ всегда очень смѣшила. Ну, а если подумать, что здѣсь не удалые молодцы, а безпомощные калѣки такъ весело изображаютъ ухарей!.. Скоро Мальбруки сойдутся, будетъ «сильно комическая, тысяча метровъ, гомерическій хохотъ въ залѣ»... Кровавый водевиль, но водевиль.

— Съ высоты орлинаго полета обѣ стороны, конечно, равны и крошечны. Но вы обладаете способностью видѣть во враждебномъ лагерѣ только то, что вамъ видѣть угодно... Я скажу,

какъ Марія-Терезія, некрасивая жена Людовика XIV. Когда ей представляли новыхъ людей, она имъ объясняла: «смотрѣть надо не сюда», — показывала на свое лицо, — «а сюда», — показывала на свои брилліанты. Вы не видите брилліантовъ «освободительнаго движенія».

— Полноте, какіе ужъ тутъ брилліанты... Я, впрочемъ, готовъ допустить, что демократическая лавка выше, т. е. лучше знаетъ, какъ вербовать кліентовъ. Вотъ и настоящіе лавочники очень хорошіе психологи. Они не скажутъ въ объявленіи: продается сукно, — скажутъ: оставшееся сукно продается. И цѣну назначатъ не рубль, а непремѣнно девяносто пять копѣекъ, — такъ покупателю пріятнѣе: все же не полный рубль... «Война до полной побѣды, съ наименьшимъ количествомъ жертвъ», — со злобой произнесъ Федосьевъ. — Правда, хорошо? Оставшееся сукно и крайне дешево, девяносто пять копѣекъ аршинъ... Счетъ, — сказалъ онъ вошедшему лакею. — А все-таки люди много столѣтій жили гораздо спокойнѣе, когда этотъ клапанъ былъ умной властью закрытъ наглухо... Скажу вамъ больше: современный государственный строй во всѣхъ странахъ свѣта въ такой степени основанъ на обманѣ, угнетеніи и несправедливости, что всякая, даже самая лучшая, власть, заботящаяся о «поднятіи политической самодѣятельности и критической мысли массъ» — кажется, такъ у васъ говорятъ? — тѣмъ самымъ собственными руками готовитъ свою же гибель. Это не всегда замѣтно, но только потому, что процессъ постепеннаго самоубійства весьма длителенъ.

— Разрѣшите теперь мнѣ сказать: стилизація въ устахъ праваго человѣка неожиданная. Но мы терпимѣе васъ.

— Ахъ, ради Бога, не говорите о терпимости: для нея существуютъ особые дома, какъ сказалъ какой-то французскій дипломатъ... Такъ что же было на банкетѣ? Кто говорилъ? Горенскій? Вѣрно о томъ, что проклятое правительство, вопреки волѣ арміи, собирается заключить сепаратный миръ?

— Кажется, говорилъ и объ этомъ.

— Дуракъ, дуракъ, — съ сокрушеніемъ сказалъ Федосьевъ.—Солдаты въ нашей арміи, да и во всѣхъ воюющихъ арміяхъ, спятъ и во снѣ видятъ миръ — общій, сепаратный, какой угодно... Если не всѣ, то девять десятыхъ. Разумѣется, не высшее офицерство: оно и въ мирное время мечтаетъ о войнахъ, — какъ же можетъ быть иначе? Возьмите какого-нибудь Гинденбурга, — кто бы онъ былъ, не случись война? Заурядный, никому неизвѣстный генералъ въ отставкѣ. А теперь національный кумиръ! Какъ же имъ не желать войны? Но другіе!.. Если-бъ князекъ хоть лгалъ, лгалъ по демагогическимъ мотивамъ! Нѣтъ, онъ возмущается совершенно искренно. А катастрофа именно въ томъ, что правительство наше не хочетъ заключить миръ. Повѣрьте, «камарилья» думаетъ о коварномъ германцѣ совершенно такъ же, какъ князь Горенскій. Я эту камарилью, слава Богу, знаю, вотъ гдѣ она у меня со своей политикой сидитъ!

— Да, можетъ, онъ именно васъ имѣлъ въ виду.

— Полноте, я человѣкъ маленькій и вдобавокъ вполнѣ отставной.

— Ужъ будто вы не разсчитываете вернуться къ власти?

— Къ власти? — удивленно переспросилъ Федосьевъ. — Помилуйте, какое ужъ тамъ возвращенье къ власти! Революція дѣло ближайшихъ

мѣсяцевъ... Ну, а ваши планы каковы, Александръ Михайловичъ?—спросилъ онъ, мѣняя сразу и разговоръ, и тонъ.

— Трудно теперь дѣлать планы. До конца войны буду заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимаюсь теперь.

— Противогазами?

— Да, химическимъ обслуживаньемъ фронта.

— Но развѣ вы точно для этого сюда пріѣхали?.. Только для этого? — поправился Федосьевъ.

Въ эту минуту издали донеслись рукоплесканья. Лакей вошелъ со счетомъ. Федосьевъ приподнялъ съ подноса листокъ, бѣгло взглянулъ на него и расплатился.

— Вы какъ располагаете временемъ? — обратился онъ къ Брауну, повышая голосъ (рукоплесканья все росли). — Еще посидимъ или пойдемъ?

— Я предпочелъ бы пройтись. Мнѣ трудно долго сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Это, не въ обиду вамъ будь сказано, считается въ медицинѣ признакомъ легкаго душевнаго разстройства, — сказалъ весело Федосьевъ. — У меня то же самое.

Семенъ Исидоровичъ подготовилъ заранѣе свое отвѣтное слово, но во время банкета, слушая рѣчи, рѣшилъ кое-что измѣнить. Онъ не хотѣлъ было касаться политическихъ темъ, чтобъ не задѣвать людей другого образа мыслей, которые, правда, въ незначительномъ меньшинствѣ, присутствовали на банкетѣ. Однако теперь Кременецкій ясно чувствовалъ, что не откликнуться вовсе на рѣчь князя Горенскаго невозможно. У него сложился планъ небольшой вставки. Въ ея основу онъ положилъ ту же антитезу началъ Ормузда и Аримана въ русской общественной жизни. Но,

какъ на бѣду, Семенъ Исидоровичъ забылъ, какое именно начало воплощаетъ Ормуздъ и какое Ариманъ. Эту трудность можно было, впрочемъ, обойти, строя фразы нѣсколько неопредѣленно. Несмотря на весь свой ораторскій опытъ, Семенъ Исидоровичъ волновался. Онъ и впитывалъ въ себя съ жадностью все то, что о немъ говорили, и вмѣстѣ желалъ скорѣйшаго конца чужихъ рѣчей, — такъ ему хотѣлось говорить самому. Имѣя привычку къ банкетамъ, перевидавъ на своемъ вѣку множество знаменитыхъ юбиляровъ, Кременецкій, несмотря на усталость и волненіе, велъ себя безукоризненно: застѣнчиво улыбался, ласково кивалъ головой женѣ, Мусѣ, друзьямъ, въ мѣру пилъ, въ мѣру переговаривался съ сосѣдями, а во время рѣчей слушалъ ораторовъ съ особенно застѣнчивой улыбкой, опустивъ голову: онъ твердо зналъ по книгамъ, что люди отъ смущенія всегда опускаютъ голову. Волненіе его, однако, росло. Въ ту минуту, когда предсѣдатель далъ слово глубокоуважаемому юбиляру, раздались «бурные аплодисменты, перешедшіе въ настоящую овацію», — такъ написалъ на полоскѣ бумаги донъ-Педро, спѣшно готовившій газетный отчетъ объ юбилеѣ. Кременецкій всталъ и, блѣдный, долго раскланивался съ гремѣвшимъ рукоплесканьями заломъ. Онъ еще волновался, но уже вполнѣ ясно и радостно чувствовалъ, что скажетъ вдохновенную рѣчь.

Браунъ долго ждалъ въ корридорѣ лакея, посланнаго за шубой. Федосьевъ, выйдя изъ кабинета, исчезъ. Дверь зала теперь была раскрыта настежь. Передъ ней на цыпочкахъ тѣснилось нѣсколько постороннихъ посѣтителей побойчѣе. Браунъ подошелъ къ двери.

— ...О, я не заблуждаюсь, господа, — говорилъ Семенъ Исидоровичъ. — Я прекрасно понимаю, что

въ моемъ лицѣ чествуютъ не меня или, разрѣшите сказать, не только меня, а тѣ идеи, которымъ...

Лакей подошелъ къ Брауну съ шубой.

— Ихъ Превосходительство велѣли сказать, что ждутъ на улицѣ, — прошепталъ онъ. Браунъ кивнулъ головою.

— ...И буду, какъ каждый рядовой, въ мѣру скромныхъ силъ, служить своему знамени до послѣдняго издыханія! До «нынѣ отпущаеши», господа!

Залъ снова задрожалъ отъ рукоплесканій.

XIV.

Снѣгъ свѣтился на мостовой, на крышахъ домовъ, на оградѣ набережной, на выступахъ оконъ. Розоватымъ огнемъ горѣли фонари. Облака, шевеля щупальцами, ползли по тяжелому, безцвѣтному, горестному небу. На страшной высотѣ, неизмѣримо далеко надъ луною, дрожала одинокая звѣзда. Ночь была холодна и безвѣтренна.

Въ верореницѣ экипажей, выстроившихся у подъѣзда ресторана, маскараднымъ пятномъ выдѣлялись двѣ тройки. Рѣдко, нерѣшительно и неестественно звенѣлъ колокольчикъ. Слышался невеселый, злобный смѣхъ. Извозчики разочарованно-презрительно смотрѣли на вышедшихъ господъ. Браунъ и Федосьевъ шли нѣкоторое время молча. «Теперь, или ужъ не будетъ другого случая», — подумалъ Федосьевъ. «Грубо и фальшиво, но надо идти напроломъ»...

— Хорошая ночь,—сказалъ Браунъ, когда они перешли улицу.

— И не очень холодно.

— Ну, и не тепло...

— Такъ какъ же, Александръ Михайловичъ, вы все не имѣете извѣстій отъ вашей ученицы, Ксеніи Карловны Фишеръ? — спросилъ Федосьевъ, подчеркивая слова «такъ какъ же», явно не вязавшіяся съ содержаніемъ всего ихъ разговора.

— Нѣтъ, не имѣю никакихъ, — отвѣтилъ не сразу Браунъ. — Вы второй разъ меня о ней спрашиваете, — добавилъ онъ, помолчавъ. — Почему она, собственно, васъ интересуетъ?

— Да такъ... Не столько интересуетъ, сколько интересовала... Меня очень занимаетъ дѣло объ убійствѣ ея отца... Вѣдь вы не думаете, что его убилъ Загряцкій? — спросилъ Федосьевъ.

— Мнѣ-то почемъ знать?

Федосьевъ помолчалъ.

— По моему, не Загряцкій убилъ, — сказалъ онъ.

— Почему вы думаете? Кто же?

— Вотъ то-то и есть — кто же?

Голосъ его звучалъ намѣренно-странно.

— Я слышалъ, что противъ Загряцкаго серьезныхъ уликъ не оказалось, — сказалъ, опять не сразу, Браунъ. — Вѣдь дѣло направлено къ доследованію.

— Да... Кажется, теперь слѣдствіе предполагаетъ, что убійство имѣетъ характеръ политическій.

— Неужели?.. Значитъ, это по вашей части?

— Прежде дѣйствительно было по моей части, но тогда слѣдствіе еще думало иначе... Символическое дѣло, правда?

— Отчего символическое?

— Развѣ вы не чувствуете? Объяснить трудно.

— Не чувствую... Вамъ бы, однако, слѣдовало найти и схватить преступника.

— Да вы все забываете, Александръ Михайловичъ, что я въ отставкѣ. Притомъ, скажу правду, это меня теперь меньше всего интересуетъ.

— Почему?

— Почему? Потому что въ ближайшее время въ Россіи хлынетъ настоящее море самыхъ ужасныхъ преступленій, изъ которыхъ почти всѣ, конечно, останутся совершенно безнаказанными. Странное было бы у меня чувство справедливости, если-бъ я ужъ такъ горячо стремился схватить и покарать одного преступника изъ милліона. Нѣтъ, у меня теперь къ этому дѣлу чисто теоретическій интересъ. Вѣрнѣе даже не теоретическій, а — какъ бы сказать?.. Да вотъ, бываетъ, прочтешь какую-нибудь шараду. Вамъ по существу глубоко безразличны и первый слогъ, и второй слогъ, и цѣлое, — а попадется вамъ такая шарада, можно сна лишиться. Эта же шарада, вдобавокъ, повторяю, символическая.

— Какъ вы сегодня иносказательно выражаетесь!

— Наша профессіональная черта, — пояснилъ, улыбаясь, Федосьевъ. — Вѣдь въ каждомъ изъ насъ сидятъ Шерлокъ Хольмсъ и Порфирій Петровичъ... Кстати, по поводу Порфирія Петровича, не думаете ли вы, что Достоевскій очень упростилъ задачу своего слѣдователя? Онъ взвалилъ убійство, вмѣстѣ съ большой философской проблемой, на плечи мальчишки-неврастеника. Немудрено, что преступленіе очень быстро кончилось наказаніемъ. Да и свою собственную задачу Достоевскій тоже немного упростилъ: мальчишка убилъ ради денегъ. Интереснѣе было бы взять богатаго Раскольникова.

«Хорошо напроломъ!.. О Достоевскомъ заговорилъ», — подумалъ онъ, съ досадой ощущая непривычную ему неловкость.

— Можетъ быть, было бы интереснѣе, но отъ житейской правды было бы дальше, — отвѣтилъ Браунъ. — Скажу по собственному опыту: изъ всего того зла, горя, несчастій, которыя я видѣлъ вокругъ себя въ жизни, навѣрное три четверти, такъ или иначе, имѣли первопричиной деньги.

— Какая тутъ статистика! Во всякомъ случаѣ въ моей бывшей профессіи я этого не наблюдалъ... Мнѣ обо всемъ этомъ поневолѣ приходилось думать довольно много. Вѣдь одна изъ моихъ задачъ собственно заключалась въ томъ, чтобы перевоплощаться въ нихъ, революціонеровъ. Разновидность этой задачи, частная и личная, но не лишенная интереса, сводилась къ слѣдующему вопросу: какъ бы я поступалъ, если-бъ главная цѣль моей жизни заключалась въ томъ, чтобы убить Сергѣя Васильевича Федосьева?

— Правда? Это, должно быть, хорошая школа.

— О, да, прекрасная: жить изо дня въ день, вѣчно имѣя передъ собой этотъ вопросъ, зная, что отъ вѣрнаго его разрѣшенія зависитъ то, разорвутъ ли тебя бомбой на части или не разорвутъ... Это, разумѣется, предполагало и многое другое. Въ самомъ дѣлѣ, перевоплощаясь въ революціонера технически, я не могъ отказаться отъ соблазна нѣкотораго психологическаго перевоплощенія. Тогда вопросъ ставился такъ: почему мнѣ, революціонеру Иксъ, страстно хочется убить Сергѣя Федосьева?..

— Я думаю, этотъ вопросъ могъ повлечь за собой интереснѣйшія заключенія,—вставилъ Браунъ. — Федосьевъ, разоблаченный Федосьевымъ...

— Такъ вотъ, видите ли, денежныя побужденія не могли играть особой роли въ дѣйствіяхъ революціонера Иксъ. Трудно мнѣ было объяснить цѣликомъ его дѣйствія и побужденьями карьеры: рискована карьера террориста, многіе обожглись...

Само собой, иксы бывали разные. Для иныхъ несмышленышей вопросъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ставился очень просто: Сергѣя Федосьева надо убить, потому что онъ извергъ и палачъ народа. Или: Сергѣя Федосьева надо убить, потому что такъ приказали мудрые члены Центральнаго Комитета. Мы-то съ вами, слава Богу, знаемъ, что эти святые и геніальные люди за столиками въ Парижскихъ и Женевскихъ кофейняхъ почти одинаково озабочены тѣмъ, какого бы къ кому еще подослать убійцу, и тѣмъ, гдѣ бы перехватить у буржуя на кабачекъ сто франковъ, сверхъ полагающагося оберъ-убійцамъ партійнаго оклада. Но несмышленыши этого не знаютъ. Центральный Комитетъ вынесъ боевой приказъ, чего-жъ еще! — Онъ весело засмѣялся. — Удивительно, какъ засѣла въ душѣ у этихъ «свободныхъ людей», «антимилитаристовъ», обличителей «грубой солдатчины», самая пышная военная терминологія. У нихъ все: бой, знамя, побѣда, дисциплина, тактика. Прямо юнкера какіе-то!.. Они и партію себѣ выбираютъ, какъ другіе юноши полкъ, — по звучности названія, по красотѣ идейнаго мундира... Но это случай менѣе интересный.

— А болѣе интересный какой?

— Болѣе интересный вотъ какой, — сказалъ медленно Федосьевъ. — Я представляю себѣ революціонера, не мальчика-несмышленыша, а пожившаго, умнаго, очень умнаго человѣка, съ душой, скажемъ поэтически, нѣсколько опустошенной. Такіе революціонеры въ исторіи бывали, хоть и не часто. Я бы сказалъ даже, что это не профессіоналъ революціи, а человѣкъ, извѣдавшій другое, очень многое взявшій отъ жизни, хорошо ее знающій, хорошо знакомый и съ такъ называемыми правящими классами... Мнѣ, вѣдь, о красотѣ правящихъ классовъ говорить не надо: имѣю о нихъ

твердое мнѣніе... Жизнь этому человѣку очень надоѣла, — его кривая начинаетъ опускаться... Извѣдано, испробовано почти все. Что дѣлать? Гдѣ взять силу и терпѣніе, чтобы жить? Въ былыя времена такіе люди отправлялись въ Новыя Земли съ разными Кортесами и Пизарро; у насъ позднѣе шли воевать на Кавказъ. Теперь новыхъ земель больше нѣтъ, Кавказъ завоеванъ, а окопная война скучнѣе скучнаго. Въ Америкѣ, напримѣръ, такимъ людямъ совершенно нечего дѣлать, — прямо хоть въ Ніагару бросайся. Но въ Европѣ, — у насъ въ особенности, — судьба послала имъ въ послѣдній подарокъ революцію. Вѣдь романтика конспираціи, возстаній, террора пьянитъ — увы! — не только мальчишекъ. Для современнаго Пизарро, прямо скажу, нѣтъ лучше способа «возродить себя къ новой жизни». А если для этого, напримѣръ, нужно отправить къ праотцамъ такого злодѣя, какъ Сергѣй Федосьевъ, то ужъ, конечно, грѣхъ былъ бы стѣсняться. Этотъ спортъ очень захватываетъ, Александръ Михайловичъ. Вѣдь революціонный Пизарро, должно быть, такъ же перевоплощается въ меня, какъ я перевоплощаюсь въ него. Выслѣживаетъ онъ меня — ощущеніе, изъ подворотни прокрадывается къ моему автомобилю — жгучее ощущеніе, наконецъ выстрѣлъ, грохотъ снаряда — сильнѣйшее ощущеніе... Вообще для современнаго человѣка съ душою Пизарро только двѣ въ сущности и остались карьеры: революціонная — и моя.

Онъ остановился и поднялъ бобровый воротникъ шубы, глядя съ усмѣшкой на Брауна, который внимательно его слушалъ. Они стояли у моста надъ Зимней Канавкой. По Милліонной длиннымъ ровнымъ рядомъ мерцали желтые огни. Два высокихъ фонаря по сторонамъ отъ Эрмитажнаго подъема заливали дрожащимъ свѣтомъ фигуры

каменныхъ гигантовъ съ заломленными за голову руками. Впереди на бѣломъ полѣ темнѣла тѣнь колоссальнаго дворца. Свѣтъ луны игралъ на снѣжной пеленѣ Зимней Канавки. За нею, справа, перемежался матовыми пятнами безконечный синеватый просторъ, гдѣ-то далеко мигавшій разбросанными огоньками.

— А если Пизарро гурманъ,—сказалъ Федосьевъ тономъ вмѣстѣ и вкрадчивымъ, и грубымъ, — то онъ бомбы и браунинги предоставитъ свѣтлой молодежи. Самъ Пизарро сумѣетъ сблизиться съ тѣмъ человѣкомъ, жизнь котораго мѣшаетъ народному счастью, будетъ дружелюбно съ нимъ бесѣдовать, и въ нужный моментъ «за чарой вина» возьметъ и подольетъ ему белладонны...

— Да, можетъ быть, — сказалъ Браунъ, глядя внизъ черезъ перила моста. — Мы какъ пойдемъ, по Мойкѣ или по Морской? Въ «Паласъ» Мойкой, пожалуй, ближе.

— Какъ хотите, — отвѣтилъ Федосьевъ, скрывая разочарованіе. — По моему, всего пріятнѣе прямо, къ Александровскому саду.

Они пошли цѣпью прекраснѣйшихъ въ мірѣ площадей. Облака разсѣялись, въ небѣ появились блѣдныя звѣзды. Верхъ колонны печально поблескивалъ голубоватымъ свѣтомъ. Въ строгомъ полукругѣ штаба кое-гдѣ свѣтились окна. Посрединѣ гигантскаго полукруга таинственно чернѣло отверстіе арки. У горѣвшаго багровымъ пламенемъ костра городовой подозрительно оглядѣлъ прохожихъ. Мимо нихъ пронеслась длинная тѣнь, низкія сани быстро проскрипѣли полозьями по твердому снѣгу. Лихачъ придержалъ рысака, вопросительно оглянулся на господъ и понесся дальше.

— Такъ вы думаете, что Фишера отравилъ какой-либо революціонный Пизарро? — спросилъ послѣ долгаго молчанія Браунъ.

— Это допустимая рабочая гипотеза. Дочь Фишера участвуетъ въ революціонномъ движеніи, всей душой ему предана. Она наслѣдница богатства отца... У ея друзей возникаетъ мысль: хорошо было бы помочь умереть Фишеру. Мысль на первый взглядъ злодѣйская, но вѣдь какъ разсудить? Фишеръ былъ, вѣроятно, человѣкъ скверный... Деньги же пойдутъ на цѣли самыя возвышенныя, на низверженіе тиранніи, на освобожденіе человѣчества. Какъ смотрѣть? Нѣтъ такой злодѣйской мысли, которую, при нѣкоторомъ логическомъ навыкѣ, нельзя было бы облагородить... А на извѣстномъ, очень высокомъ, умственномъ уровнѣ, вѣроятно, все вообще довольно безразлично... Вы какъ думаете?

Браунъ молча на него смотрѣлъ.

— Вотъ оно что! — наконецъ сказалъ онъ точно про себя.

Онъ снова замолчалъ.

Слѣва безконечной огненной стрѣлою сверкнулъ Невскій Проспектъ.

— И давно у васъ эта рабочая гипотеза?

— Давно, — отвѣтилъ Федосьевъ. — По вашему, она не годится?

— По моему, не годится, — сказалъ Браунъ. — Нельзя, конечно, отрицать a priori, что возможенъ и такой Пизарро, который для сильныхъ ощущеній готовъ отравить знакомаго банкира. Но это былъ бы весьма исключительный случай. Людей со столь рѣдкостными ощущеньями можно не принимать въ разсчетъ при составленіи рабочей гипотезы.

— Вы забываете главное: есть вѣдь и идейная сторона... Притомъ...- Вы помните, Діогенъ Ла-

эртскій говорилъ: всѣ ощущенья равноцѣнны по качеству, дѣло лишь въ ихъ остротѣ... Вѣдь это, кажется, вашъ любимый философъ? Его книга и т о г д а у васъ лежала на столѣ.

— И тогда? — переспросилъ Браунъ. — Когда? Да, лежала...

Онъ нахмурился.

— А вамъ откуда это извѣстно?

— Помнится, вы мнѣ сказали.

— Нѣтъ, помнится, я вамъ не говорилъ.

— Значитъ, я слышалъ отъ кого-либо изъ общихъ знакомыхъ.

— Вотъ какъ, — хмурясь все больше, сказалъ Браунъ. — Вотъ какъ!..

— Вѣдь вы были хорошо знакомы съ Фишеромъ? — спросилъ Федосьевъ.

— Да, я его зналъ... — Браунъ недолго помолчалъ, затѣмъ продолжалъ равнодушно. — Мало замѣчательный былъ человѣкъ. Не безъ поэзіи, конечно, какъ большинство изъ нихъ, дѣльцовъ, вышедшихъ въ большіе люди. Они вѣдь всѣ считаютъ себя геніями. Вы читали книги, которыя пишутъ въ назиданіе человѣчеству разные милліардеры? Совершенно одинаковыя и необыкновенно плоскія книги. Всѣ они нажили милліарды главнымъ образомъ потому, что вставали въ шесть часовъ утра и отличались крайней честностью. Я понимаю, впрочемъ, что дѣловая стихія захватываетъ не меньше, чѣмъ политика или война. Но, по моимъ наблюденіямъ, эти Наполеоны изъ аферистовъ не слишкомъ интересны...

— Да, да... Я слышалъ, вы бывали у него на той квартирѣ? — спросилъ Федосьевъ съ особой настойчивостью въ тонѣ, какъ бы показывая, что онъ все-таки вернетъ разговоръ къ своей темѣ.

— Отъ общихъ знакомыхъ слышали?

Федосьевъ не отвѣтилъ. Они подходили къ освѣщенному подъѣзду «Паласа».

— Можетъ, зайдете?.. Давайте, тогда еще поговоримъ, — предложилъ Браунъ.

— Давайте, правда, закончимъ этотъ разговоръ... Если вы не очень утомлены?

— Весь къ вашимъ услугамъ.

XV.

Въ hall'ѣ гостиницы почти всѣ огни были погашены. За столиками никого не было. Ночной швейцаръ окинулъ взглядомъ вошедшихъ, снялъ съ доски ключъ и подалъ его Брауну. Мальчикъ дремалъ на скамейкѣ подъемной машины. Онъ испуганно вскочилъ, сорвалъ съ себя картузъ и поднялъ гостей на третій этажъ, со слабымъ четкимъ стукомъ закрывъ за ними дверь клѣтки. Въ длинномъ, узкомъ, слабо освѣщенномъ корридорѣ, у низкихъ дверей, непріятно выдѣлялись выставленные сапоги и туфли.

— Простите, я войду первый, — сказалъ Браунъ, открывая дверь въ концѣ корридора. Онъ зажегъ лампу на потолкѣ, освѣтилъ небольшую, неуютную комнату, и пододвинулъ Федосьеву кресло.

— Хотите коньяку? — спросилъ онъ. — У меня французскій, старый...

— Спасибо, не откажусь, — отвѣтилъ Федосьевъ, садясь и закуривая папиросу.

Браунъ взялъ съ окна бутылку, рюмки, тарелку съ сухимъ печеньемъ, затѣмъ зажегъ лампу на столѣ.

— Вы что ищете? Пепельницу?

— Да, если есть... Благодарю... У васъ можно разговаривать? — спросилъ Федосьевъ. — Не

обезпокоимъ ли сосѣдей такъ поздно? Впрочемъ, вашъ номеръ вѣдь угловой.

— Да, угловой, — сказалъ Браунъ, садясь на диванъ. — Вотъ вѣдь какая у васъ была рабочая гипотеза. — Что-жъ, я долженъ признать, она не такъ дика... На первый взглядъ она, правда, можетъ легко показаться признакомъ профессіональной маніи. Какіе-такіе Пизарро! Ужъ очень вы демоничны — и порою, извините меня, по дешевому. Въ васъ въ самомъ дѣлѣ есть, есть Порфирій Петровичъ. И разговоры у васъ, оказывается, не совсѣмъ безкорыстные, — добавилъ онъ, засмѣявшись. — Вы какъ та дѣвица изъ газетныхъ объявленій, которая дала обѣтъ посылать всѣмъ желающимъ замѣчательное средство для рощенія волосъ... А я думалъ, благородный спортъ разговора. Но, если вдуматься, ваша рабочая гипотеза допустима. Натянута, но допустима.

— Неправда ли?

— Правда. Однако, почти всегда можно придумать нѣсколько рабочихъ гипотезъ. Иначе еще, пожалуй, арестовали бы какого-либо человѣка, въ которомъ слѣдствіе заподозрило бы Пизарро?

— Можетъ случиться... Каюсь, я другой гипотезы такъ и не придумалъ.

— У меня нѣкоторыя соображенія есть. Если хотите, я съ вами подѣлюсь?

— Сдѣлайте милость.

— Вы совершенно увѣрены въ томъ, что Фишеръ былъ отравленъ?

— Ахъ, вы хотите отстаивать версію самоубійства? Я долго ее взвѣшивалъ и долженъ былъ рѣшительно ее отвергнуть. Въ этомъ слѣдствіе не ошиблось. У Фишера не было никакихъ причинъ для самоубійства. Кромѣ того — и главное — онъ никакъ не поѣхалъ бы кончать съ собой въ ту квартиру, это полная нелѣпость.

— Нѣтъ, я версію самоубійства не отстаиваю... Я вообще ничего здѣсь не отстаиваю и отстаивать не могу... У Фишера въ самомъ дѣлѣ какъ будто не было причинъ кончать съ собою. Я говорю: какъ будто, — съ увѣренностью ничего сказать нельзя. Но, можетъ быть, не было ни убійства, ни самоубійства? Могло быть случайное самоотравленіе.

— Очень трудно случайно проглотить порцію белладонны. Экспертиза ясно констатировала отравленіе ядомъ рода белладонны.

— Да, мнѣ это говорилъ Яценко. Именно эти слова мнѣ и показали сразу, что экспертизѣ грошъ цѣна. Белладонна есть понятіе ботаническое, а не химическое. Это растеніе изъ семейства пасленовыхъ. Въ его листьяхъ и ягодахъ содержится не менѣе шести алкалоидовъ. Изъ нихъ хорошо изученъ атропинъ, на него есть чувствительныя реакціи. Атропинъ, однако, дѣйствуетъ не слишкомъ быстро. Смерть обычно наступаетъ далеко не сразу, лишь черезъ нѣсколько часовъ... Другіе же алкалоиды белладонны... Темная это матерія, — сказалъ Браунъ, махнувъ рукой. — А что такое ядъ рода белладонны, это остается секретомъ эксперта.

— Я все-таки не совсѣмъ васъ понимаю. Вы, значитъ, предполагаете, что Фишеръ умеръ естественной смертью? — спросилъ Федосьевъ. Онъ пересталъ играть рюмкой, положилъ докуренную папиросу въ пепельницу и откинулся на спинку кресла.

— Нѣтъ, не совсѣмъ естественною. Но я думаю, что смерть послѣдовала не отъ «белладонны».

— Отъ чего же?

— Цѣлый рядъ ядовъ могли дать при вскрытіи приблизительно ту же картину: нѣкото-

рую воспаленность почекъ, расширеніе зрачковъ, венозную гиперемію мозга и т. д. А химическій анализъ желудка, повидимому, производился весьма грубо. Эти господа за все берутся, — вотъ какъ теперь на войнѣ врачи ускореннаго выпуска дѣлаютъ сложнѣйшія операціи, передъ которыми прежде останавливались знаменитые хирурги.

— Однако какой-то ядъ былъ все же при анализѣ обнаруженъ.

— Да, но какой?

— Въ концѣ концовъ это не такъ важно. Вѣдь ядъ не могъ самъ собой оказаться въ желудкѣ Фишера.

— Есть рядъ ядовитыхъ алкалоидовъ, которые употребляются въ качествѣ лекарствъ. Предположите, что Фишеръ ошибся дозой. При слабомъ сердцѣ его могло убить сравнительно небольшое увеличеніе дозы. А сердце у него было слабое, это я отъ него слышалъ.

— Лекарства принимаютъ больные, — отвѣтилъ Федосьевъ. — Если-бъ Фишеръ чувствовалъ себя плохо, онъ не поѣхалъ бы, вѣроятно, на ту квартиру. Къ тому же людямъ съ сердечной болѣзнью даются врачами безобидныя вещества и въ очень ничтожныхъ дозахъ. Чтобы умереть отъ такого лекарства, Фишеръ долженъ былъ бы, вѣроятно, проглотить добрый десятокъ пилюль или цѣлую склянку жидкости. Такая ошибка съ его стороны мало вѣроятна.

— Мало вѣроятна, пусть, но все же возможна, — сказалъ Браунъ. Онъ еще помолчалъ, всматриваясь въ Федосьева тяжелымъ внимательнымъ взглядомъ. — Возможно, наконецъ, еще и другое, — сказалъ онъ. — Есть яды, которые веселящимися людьми употребляются съ особой цѣлью. Тогда ваше возраженіе падаетъ. Вполнѣ возможно и правдоподобно, что, отправляясь на ту квартиру,

Фишеръ принялъ одно изъ такихъ средствъ. Да, вотъ, кантаридинъ. Есть такой ядъ особаго назначенія, ангидридъ кантаридиновой кислоты... Онъ вообще мало изученъ, и немногочисленные изслѣдователи чрезвычайно расходятся насчетъ того, какова смертельная доза этого вещества. Ядъ этотъ долженъ былъ бы дать при вскрытіи приблизительно тѣ же симптомы, что и «белладонна».

Федосьевъ передвинулся въ креслѣ, отпилъ глотокъ коньяку и закурилъ новую папиросу.

— Но какъ же?.. — началъ было онъ и замолчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Это, конечно, неожиданное предположеніе. Но отчего же вы?.. Отчего слѣдствіе не направилось по этому пути?

Браунъ саркастически засмѣялся.

— Вашъ вопросъ не по адресу, — сказалъ онъ. — По моему, здѣсь та же стадность, о которой мы съ вами говорили. Полиція первая рѣшила, что произошло убійство. Для полиціи преступленіе — естественная гипотеза. Эта ея увѣренность немедленно повліяла на слѣдствіе. Слѣдователь, однако, допускаетъ возможность самоубійства... Замѣтьте, здѣсь тоже нѣкоторая косность мысли: либо убійство, либо самоубійство. Ему не приходитъ въ голову, что возможно и случайное самоотравленіе. Далѣе вступаетъ въ свои права экспертиза... По моему, это основная язва современнаго правосудія. Проблемы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ жизнь человѣка, слѣдовало бы поручать свѣточамъ науки. Но свѣточи науки ими заниматься не могутъ или не желаютъ, и онѣ обычно достаются ремесленникамъ второго, если не третьяго, сорта, которые вдобавокъ, какъ всѣ полуученые люди, слѣпо вѣрятъ въ безошибочность своихъ заключеній и въ послѣднее слово науки...

— Слѣдователь, однако, имѣетъ право привлечь къ экспертизѣ самыхъ выдающихся специалистовъ.

— Имѣетъ право, но не всегда имѣетъ возможность: вѣроятно, и денегъ для этого у него недостаточно, да и трудно ему безпокоить людей, занятыхъ другимъ дѣломъ. Слѣдователь къ тому же вѣрно думаетъ, что у всякой экспертизы есть простые безошибочные методы на любой случай. Фактически экспертиза въ первое время слѣдствія всегда въ рукахъ ремесленниковъ. Позднѣе, особенно когда дѣло сенсаціонное и когда на этомъ настаиваютъ адвокаты, которые у насъ вдобавокъ не допускаются къ предварительному слѣдствію, позднѣе привлекаются и выдающіеся спеціалисты. Но тогда въ большинствѣ случаевъ уже почти невозможно произвести надлежащую экспертизу.

— Однако, и рядовые эксперты, занимаясь всю жизнь однимъ и тѣмъ же дѣломъ, въ концѣ концовъ не очень сложнымъ, должны же ему научиться?

— Вы напрасно думаете, что это не сложное дѣло. Чрезвычайно сложное и трудное, Сергѣй Васильевичъ. Оно часто требуетъ самостоятельнаго научнаго творчества. А у этихъ людей ничего нѣтъ, кромѣ вѣры въ учебникъ анализа, да еще въ послѣднее слово... Замѣтьте, въ наукѣ большіе люди чуть ли не каждый годъ бросаютъ новыя послѣднія слова, и по каждому изъ этихъ послѣднихъ словъ маленькіе люди, ремесленники, производятъ десятки и сотни изслѣдованій, — подтверждаютъ гипотезу, укрѣпляютъ теорію, berechnet, beobachtet... Затѣмъ гипотеза неизбѣжно умираетъ естественной смертью, а десятки работъ, которыя ее подтверждали, пропадаютъ совершенно безслѣдно. О нихъ просто забываютъ, потому что незачѣмъ и неловко вспоминать. И вѣдь

все-таки то ученые... А въ уголовномъ судѣ на основанiи работы ремесленниковъ отправляютъ человѣка на смерть или въ каторжныя работы! Лучше всего то, что обычно обвиненiе вызываетъ однихъ экспертовъ, защита — другихъ, мнѣнiя ихъ почти всегда противоположны другъ другу, но это довѣрiя къ экспертамъ нисколько не подрываетъ.

— Какъ вы, однако, все это хорошо изучили и обдумали, — сказалъ Федосьевъ.

— У меня не каждый день отравляются знакомые. И не каждый день другiе знакомые арестовываются по подозрѣнiю въ убiйствѣ.

— Да, правда, вѣдь вы знали и Загряцкаго... Вы, однако, знали все общество Фишера?

— Нѣтъ, только самого Фишера и Загряцкаго.

— Говорятъ, онъ охотно принималъ отъ Фишера денежные подарки, и немалые? Такъ ли это?

— Не знаю. Очень можетъ быть... Видъ у него былъ горделивый и онъ часто называлъ разныхъ знакомыхъ «мѣщанами». Это признакъ почти безошибочный: люди, любящiе жить на чужой счетъ, всегда зовутъ мѣщанами тѣхъ, кто на чужой счетъ жить не любитъ.

— Такъ, такъ, такъ...

Федосьевъ помолчалъ. Мысль его работала напряженно. «Если онъ говоритъ правду, то, быть можетъ, все объясняется. Но возможно и то, что онъ тутъ же сочинилъ или заранѣе подготовилъ эту версiю и заметаетъ слѣды. Это актеръ первоклассный...»

— Если-бъ я былъ на мѣстѣ Фишера, — сказалъ онъ снова, послѣ довольно продолжительнаго молчанiя, — я бы обратился за нужными разъясненiями о разныхъ химическихъ средствахъ къ какому-нибудь спецiалисту, изъ хорошихъ знакомыхъ, что ли?.. Но вѣдь этотъ спецiалистъ, узнавъ

о смерти Фишера и объ арестѣ Загряцкаго, вѣроятно, счелъ бы своимъ долгомъ сообщить слѣдователю о данной имъ консультаціи?

— Можетъ быть, — равнодушно отвѣтилъ Браунъ.

Федосьевъ опять замолчалъ.

— Если же онъ этого не сдѣлалъ, то у него, вѣрно, были какія-нибудь причины. Можно предположить, напримѣръ, что онъ самъ вмѣстѣ съ Фишеромъ развлекался на той квартирѣ.

— Да, можно предположить и это, — сказалъ Браунъ.

— Тогда въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ-бы онъ сталъ откровенничать со слѣдователемъ? Огласка такихъ дѣлъ всегда чрезвычайно непріятна. А тутъ еще разные медикаменты, да откуда они взялись, да кто далъ рецептъ? Печать непремѣнно подхватила бы, какъ всегда у насъ, — лѣвая, если этотъ спеціалистъ правый, правая, если онъ лѣвый. Ученый человѣкъ, быть можетъ, съ большимъ именемъ, ну, общественная репутація, ну, борода до колѣнъ, — и вдругъ такія похожденія! Нехорошо!.. Самые свободные духомъ люди чрезвычайно боятся подобныхъ исторій. Въ Англіи видный государственный дѣятель покончилъ съ собой, чтобы избѣжать огласки одного дѣла. А на легкій компромиссъ съ совѣстью не бѣда пойти... Очень можетъ быть, что дѣло было именно такъ.

— Очень можетъ быть.

— Но съ другой стороны, — продолжалъ съ досадой Федосьевъ, — все это вѣдь только предположенія и притомъ ни на чемъ не основанныя. Слѣдствіе, пожалуй, поступило бы правильно, если бъ не дало сбить себя съ пути. Можетъ быть, все таки передъ нами убійство, и Фишера убилъ Пизарро.

— Конечно... А можетъ быть и то, что правъ слѣдователь: не Загряцкій ли въ самомъ дѣлѣ убилъ Фишера? Вотъ ужъ, стало быть, есть цѣлыхъ четыре гипотезы: слѣдователя, ваша и двѣ мои. И всѣ онѣ болѣе или менѣе правдоподобны. Если вдуматься, ваша самая интересная... Очень можетъ быть, что вы ближе всего къ истинѣ.

Лицо Брауна было холодно и спокойно. Только въ глазахъ его, какъ показалось Федосьеву, мелькала злоба.

— Что-жъ, — продолжалъ Браунъ, — вамъ, вѣрно, приходилось читать сборники извѣстныхъ уголовныхъ процессовъ? Почти во всѣхъ, отъ госпожи Лафаргъ до Роникера, правда такъ и осталась до конца невыясненной. Во Франціи за десять лѣтъ было двѣсти отравленій, въ которыхъ до разгадки доискаться не удалось.

— А вдругъ здѣсь какъ-нибудь узнаемъ всю правду до конца?

— Вдругъ здѣсь и узнаете, — повторилъ Браунъ. — Вѣдь и разгадки шарады иногда приходится ждать довольно долго.

— Что-жъ, подождемъ.

— Подождемъ... Куда торопиться?..

Онъ вдругъ насторожился, повернувъ ухо къ окну. Федосьевъ тоже прислушался.

— Мнѣ показалось, выстрѣлы, — сказалъ Браунъ.

— И мнѣ показалось. Революція, что ли, — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Федосьевъ.—Ну, что-жъ, пора... То-есть, это мнѣ пора, а не революціи, — пошутилъ онъ. — Вамъ, вѣрно, давно хочется отдохнуть.

— Нѣтъ, я не усталъ.

— И разговоръ былъ такой интересный... Я прямо заслушался, бесѣдуя съ вами.

— Все удовольствіе, какъ говорятъ французы, было на моей сторонѣ, — отвѣтилъ Браунъ.

XVI.

На острова долженъ былъ ѣхать почти весь кружокъ, кромѣ Фомина, который никакъ не могъ оставить банкетъ. Ему предстояла еще вся довольно сложная заключительная часть праздника: провѣрка счетовъ, начаи и т. д. Въ послѣднюю минуту, къ всеобщему сожалѣнію, отказался и Горенскій. Князю и ѣхать съ молодежью очень хотѣлось, и остаться въ тѣсномъ кругу друзей было пріятно: онъ былъ теперь вторымъ героемъ дня. Кромѣ того донъ-Педро хотѣлъ предварительно прочесть Горенскому свою запись его рѣчи.

— Вините себя, князь, что вамъ докучаю, — шутливо пояснилъ онъ. — Ваша рѣчь — событіе... Завтра будетъ въ нашей газетѣ только первый краткій отчетъ, а подробный, разумѣется, послѣзавтра...

Семенъ Исидоровичъ, услышавшій эти слова, поспѣшно поднялся съ мѣста и, крѣпко пожимая руку донъ-Педро, увлекъ его немного въ сторону.

— Я хотѣлъ бы вамъ дать точный текстъ своего отвѣтнаго слова, — озабоченно сказалъ онъ. — Зайдите, милый, ко мнѣ завтра часовъ въ одиннадцать, я утречкомъ набросаю по памяти... Будьте благодѣтелемъ... И, пожалуйста, захватите весь вашъ отчетъ, я желалъ бы, если можно, взглянуть, — прибавилъ онъ вполголоса.

Альфредъ Исаевичъ встревожился: въ черновикѣ его отчета отвѣтная рѣчь Кременецкаго была названа «яркой». Теперь, при предварительномъ просмотрѣ, о такомъ слабомъ эпитетѣ не могло быть рѣчи. Альфредъ Исаевичъ тотчасъ

рѣшилъ написать «блестящая рѣчь юбиляра»; но онъ почувствовалъ, что Семенъ Исидоровичъ этимъ не удовлетворится. «Какъ же ему надо? «Ослѣпительно блестящая»? «Вдохновенная»? — спросилъ себя съ досадой донъ-Педро. — «Пожалуй, можно бы, чортъ съ нимъ! Но все равно Федя никакого «ослѣпительно» не пропуститъ, еще будетъ полчаса лаять... Дай Богъ, чтобъ «блестящую» пропустилъ. Онъ Сему отнюдь не обожаетъ»... Альфредъ Исаевичъ рѣшилъ не идти дальше «блестящей». — «Ну, въ крайнемъ случаѣ, добавлю: «сказанная съ большимъ подъемомъ»...

— Съ удовольствіемъ зайду, милый Семенъ Исидоровичъ, — сказалъ онъ. Въ обычное время донъ-Педро не рѣшился бы назвать Кременецкаго милымъ. Но теперь, какъ авторъ отчета объ юбилеѣ, онъ чувствовалъ за собой силу и намѣренно подчеркнулъ, если не равенство въ ихъ общественномъ положеніи, то по крайней мѣрѣ отсутствіе пропасти. Семенъ Исидоровичъ еще разъ крѣпко пожалъ ему руку и вернулся на свое мѣсто.

— Конечно, поѣзжай, Мусенька, — нѣжно сказалъ онъ дочери, цѣлуя ее въ голову. — Вамъ, молодежи, съ нами скучно, ну, а мы, старики, еще посидимъ, побалакаемъ за стаканомъ вина... «Бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они»... — съ легкимъ смѣхомъ добавилъ онъ, обращаясь преимущественно къ предсѣдателю. — Пожалуйста, не стѣсняйтесь, господа. Спасибо, Григорій Ивановичъ... Дорогой Сергѣй Сергѣевичъ, благодарствуйте... Майоръ, отъ всей души васъ благодарю, я очень тронутъ и горжусь вашимъ вниманіемъ, майоръ... Вы знаете къ намъ дорогу...

— Ради Бога, застегнись какъ слѣдуетъ, — говорила дочери Тамара Матвѣевна. — Григорій

Ивановичъ, я вамъ поручаю за ней смотрѣть... Не забывайте насъ, мосье Клервилль...

— До свиданья, мама. Я раньше васъ буду дома, увидите...

Клервилль, Никоновъ, Березинъ поочередно пожали руку юбиляру, поцѣловали руку Тамарѣ Матвѣевнѣ и спустились съ Мусей внизъ. Глафира Генриховна, Сонечка Михальская, Беневоленскій и Витя уже находились тамъ въ шубахъ: они, съ разрѣшенія Муси, сочли возможнымъ уйти, не простившись съ ея родителями. Муся рылась въ шелковой сумкѣ. Витя выхватилъ у нея номерокъ, сунулъ лакею рубль и принесъ ея вещи. Онъ помогъ Мусѣ надѣть шубу, затѣмъ взглянулъ на Мусю съ мольбою и, опустившись на колѣни, подъ насмѣшливымъ взглядомъ Глафиры Генриховны, надѣлъ Мусѣ бѣлые фетровые ботики. Застегивая сбоку крошечныя пуговицы, Витя коснулся ея чулка и, точно обжегшись, отдернулъ руку.

— Готово? — нетерпѣливо спросила Муся, завязывая сзади бѣлый оренбургскій платокъ: по новой, немногими принятой, модѣ она носила платокъ, какъ чалму, дѣлая узелъ не на шеѣ, а на затылкѣ. Это очень ей шло.

Витя поднялся блѣдный. Муся, съ улыбкой, погрозила ему пальцемъ. Она почти выбѣжала на улицу, не дожидаясь мужчинъ. Отъ любви, шампанскаго, почета ей было необыкновенно весело. Кучеръ первой тройки молодецки выѣхалъ изъ ряда на средину улицы. У тротуара остановиться было негдѣ. Муся перебѣжала къ санямъ по твердому блестящему снѣгу и, сунувъ въ муфту сумку, легкимъ движеньемъ, безъ чужой помощи, сѣла въ сани съ откинутой полостью.

— Ахъ, какъ хорошо! — почти шопотомъ сказала она, съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью разрѣженный, холодный воздухъ. Колокольчикъ

рѣдко и слабо звенѣлъ. Глафира Генриховна, ахая, ступила на снѣгъ и, какъ по доскѣ надъ пропастью, перебѣжала къ тройкѣ, почему-то стараясь попадать ботиками въ слѣды Муси. Муся протянула ей руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ. Но Глафиру Генриховну, точно перышко, поднялъ и посадилъ въ сани Клервилль, она даже не успѣла вскрикнуть отъ пріятнаго изумленія. Къ тѣмъ же санямъ направилась было и Сонечка. Мужчины громко запротестовали.

— Что-жъ это, всѣ дамы садятся вмѣстѣ...

— Это невозможно!

— Мальчики протестуютъ! Черезъ мой трупъ!.. — закричалъ Никоновъ, хватая за руку Сонечку. Вторая тройка выѣхала за первой.

— Господа, такъ нельзя, надо разсудить, какъ садиться, — произнесъ внушительно Березинъ, — это вопросъ сурьезный.

— Мосье Клервилль, конечно, сядетъ къ намъ, — не безъ ехидства сказала Глафира Генриховна. — А еще кто изъ мальчиковъ?

Муся, не успѣвшая дома подумать о разсадкѣ по санямъ, мгновенно все разсудила: Никоновъ уже усаживалъ во вторыя сани Сонечку, Березинъ и Беневоленскій не говорили ни по французски, ни по англійски.

— Витя, садитесь къ намъ, — поспѣшно сказала она, улыбнувшись. — Живо!..

Витя не заставилъ себя просить, хоть ему и непріятно было сидѣть противъ Глафиры Генриховны. Ея «конечно», онъ чувствовалъ, предназначалось, въ качествѣ непріятности, и Мусѣ, и ему, и англичанину. Въ послѣднемъ онъ, впрочемъ, ошибался: Клервиллю непріятность не предназначалась, да онъ ея и просто не могъ бы понять. Швейцаръ застегнулъ за Витей полость и низко снялъ шапку. Клервилль опустилъ руку въ карманъ и,

не глядя, протянулъ бумажку. Швейцаръ поклонился еще ниже. «Кажется, десять. Однако!..» — подумала Глафира Генриховна.

— По Троицкому Мосту...

— Эй вы, са-ко-олики! — самымъ народнымъ говоркомъ пропѣлъ сзади Березинъ. Колокольчикъ зазвенѣлъ чаще. Сани тронулись и пошли къ Невѣ, все ускоряя ходъ.

За Малой Невкой тройки понеслись такъ, что разговоры сами собой прекратились. Отъ холода у Муси мерзли зубы, — она знала и любила это ощущенiе быстрой ѣзды. Сдерживая дыханье, то прикладывая, то отнимая ото рта горностаевую муфту, Муся смотрѣла блестящими глазами на проносившiеся мимо нихъ пустыри, сады, строенья. «Да, сегодня объяснится», — взволнованно думала она, быстро вглядываясь въ Клервилля, когда сани входили въ полосу свѣта фонарей. Глафира Генриховна перестала говорить на трехъ языкахъ непрiятности и только вскрикивала при толчкахъ, увѣряя, что такъ они непремѣнно опрокинутся. Клервилль молчалъ, не стараясь занимать дамъ: онъ былъ счастливъ и взволнованъ необыкновенно. Витя мучился вопросомъ: «неужели между ними вправду что-то есть? вѣдь та вѣдьма-нѣмка все время намекаетъ» (Глафира Генриховна, дочь давно обрусѣвшаго шведа, никогда нѣмкой не была). Витя упалъ духомъ. Онъ ждалъ такой радости отъ этой первой своей ночной поѣздки на острова...

Развивъ на Каменномъ островѣ бѣшеную скорость, тройка на Елагиномъ стала замедлять ходъ. У Глафиры Генриховны отлегло отъ сердца. Изъ вторыхъ саней что-то кричали.

— Ау! Нѣтъ ли у васъ папиросъ?

Клервилль вынулъ портсигаръ, онъ былъ пустъ.

— I am sorry...

— Папиросъ нѣтъ... Не курите, простудитесь! — закричала Глаша, приложивъ къ губамъ руки.

— Да все равно нельзя было бы раскурить... Никоновъ продолжалъ орать. Спереди подуло вѣтромъ.

— Такъ холодно, — проговорилъ Клервилль.

— Сейчасъ Стрѣлка, — сказала Муся, хорошо знавшая Петербургъ. Тройка пошла еще медленнѣе. «Стрѣлка! Ура!» — прокричали сбоку. Вторыя сани ихъ догнали и выѣхали впередъ, затѣмъ черезъ минуту остановились.

— Пріѣхали!

Всѣ вышли, увязая въ снѣгу, прошли къ взморью и полюбовались, сколько нужно, видомъ. На брандвахтѣ за Старой Деревней свѣтился огонь.

— Чудно! Дивно!

— Ахъ, чудесно!..

— Нѣтъ, какая ночь, господа!..

Всѣ чувствовали, что дѣлать здѣсь нечего. Березинъ, возившійся у саней, съ торжествомъ вытащилъ ящикъ. Въ немъ зазвенѣло стекло.

— Тысяча проклятій! Carramba!

— Неужели шампанское разбилось?

— Какъ! Еще пить?

— Нѣтъ, къ счастью, не шампанское... Разбились стаканы.

— Кто-жъ такъ укладывалъ! Эхъ, вы, недотепа...

— Что теперь дѣлать? Не изъ горлышка же пить?

— Господа, все спасено: одинъ стаканъ цѣлъ, этого достаточно.

— Узнаемъ всѣ чужія мысли.

— То-то будутъ сюрпризы!

— А если кто боленъ дурной болѣзнью, пусть сознается сейчасъ, — сказалъ медленно поэтъ,

какъ всегда, вполнѣ довольный своимъ остроуміемъ. Муся поспѣшно оглянулась на Клервилля.

— Давайте въ снѣжки играть...

— Давайте...

— Разлюбезное дѣло!

— Что-же раньше? Въ снѣжки или шампанское пить?

— Господа, природа это, конечно, очень хорошо, но здѣсь холодно, — сказала Глаша.

— Ахъ, я совсѣмъ замерзла, — пискнула Сонечка.

— Сонечка, бѣдненькая, ангелъ, — кинулся къ ней Никоновъ, — трите же лицо, что я вамъ приказалъ?

— Мы согрѣемъ васъ любовью, — сказалъ Беневоленскій.

«Боже, какой дуракъ, какъ я раньше не замѣчала!» — подумала Муся.

— А что, господа, еслибъ намъ поѣхать дальше? Мы, правда, замерзнемъ.

— О, да! — сказалъ Клервилль. — Дальше...

— Куда же? Въ «Виллу Родэ»?

— Да вы съ ума сошли!

— Ни въ какой ресторанъ я не поѣду, — отрѣзала Глафира Генриховна.

— Въ самомъ дѣлѣ, не ѣхать же въ ресторанъ со своимъ шампанскимъ, — подтвердилъ Березинъ, все выбрасывавшій осколки изъ ящика.

— А заказывать тамъ, сто рублей бутылка, — пояснила Глафира Генриховна.

— Господа, въ ресторанъ или не въ ресторанъ, но я умру безъ папиросъ,—простоналъ Никоновъ.

— Ну, и умрите, — сказала Сонечка, — такъ вамъ и надо.

— Жестокая! Вы будете виновницей моей смерти! Я буду изъ ада являться къ вамъ каждую ночь.

— Пожалуйста, не являйтесь, нечего... Такъ вамъ и надо.

— За что, желанная?

— За то, какъ вы вели себя въ саняхъ.

— Сонечка, какъ онъ себя велъ? Мы въ ужасѣ...

— Ужъ и нельзя погрѣть ножки замерзающей дѣвочкѣ!..

— Гадкій, ненавижу...

Сонечка запустила въ Никонова снѣжкомъ, но попала въ воротникъ Глашѣ.

— Господа, довольно глупостей! — разсердилась Глафира Генриховна, — ѣдемъ домой.

— Папиросъ! Убью! — закричалъ свирѣпо Никоновъ.

— Не орите... Все равно до Невскаго папиросъ достать нельзя.

— Ну, достать-то можно, — сказалъ Березинъ. — Если черезъ Строгановъ мостъ проѣхать въ рабочій кварталъ, тамъ ночные трактиры.

— Какъ черезъ мостъ въ рабочій кварталъ? — изумился Витя. Ему казалось, что рабочіе кварталы отсюда за тридевять земель.

— Ночные трактиры? Это страшно интересно! А вы увѣрены, что тамъ открыто?

— Да, разумѣется. Во всякомъ случаѣ, если постучать, откроютъ.

— Ахъ, бѣдные, они теперь работаютъ, — испуганно сказала Сонечка.

— Нѣтъ, какъ хорошо говорилъ князь! Я, право, и не ожидала...

— Господа, ѣдемъ въ трактиръ... Полцарства за коробку папиросъ.

— А какъ же снѣжки?

— Обойдемся безъ снѣжковъ, намъ всѣмъ больше шестнадцати лѣтъ.

— Всѣмъ, кромѣ, кажется, Вити, — вставила Глаша.

Витя взглянулъ на нее съ ненавистью.

— А вамъ... — началъ было онъ.

— Мнѣ много, скоро цѣлыхъ восемнадцать, — пропѣла Сонечка. — Господа, въ трактиръ чудно, но и здѣсь такъ хорошо!.. А наше шампанское?

— Тамъ и разопьемъ, вотъ и бокалы будутъ.

— Господа, только условіе: подъ самымъ страшнымъ честнымъ словомъ, никому не говорить, что мы были въ трактирѣ. Вѣдь это позоръ для благородныхъ дѣвицъ!

— Ну, разумѣется.

— Лопни мои глаза, никому не скажу!

— Григорій Ивановичъ, выражайтесь корректно... Такъ никто не проговорится?

— Никто, никто...

— Клянусь я первымъ днемъ творенья!

— Да вѣдь мы ѣдемъ со старшими, вотъ и Глафира Генриховна ѣдетъ съ нами, — отомстилъ Витя. Глафирѣ Генриховнѣ, по ея словамъ, шелъ двадцать пятый годъ.

— Нѣтъ, какое оно ядовитое дитё!

— Въ сани, въ сани, господа, ѣдемъ...

Ѣхали не быстро и довольно долго. Стало еще холоднѣе, Никоновъ плакалъ, жалуясь на морозъ. По настоящему веселы и счастливы были Муся, Клервилль, Сонечка. Мысли Муси были поглощены Клервиллемъ. Тревоги она не чувствовала, зная твердо, что этой ночью все будетъ сказано. Какъ, гдѣ это произойдетъ, она не знала и ничего не дѣлала, чтобъ вызвать объясненіе. Она была такъ влюблена, что не опускалась до пріемовъ, которые хоть немного могли бы ихъ унизить. Муся даже и не стремилась теперь къ объясненію: онъ сидѣлъ противъ нея и *такъ* смотрѣлъ на нее, — ей этого было достаточно; она

чувствовала себя счастливой, чистой, расположенной ко всѣмъ людямъ.

Старый, низенькій, грязноватый трактиръ всѣмъ понравился чрезвычайно. Дамы имѣли самое смутное понятіе о трактирахъ. Въ большой, теплой комнатѣ, выходившей прямо на крыльцо, никого не было. Немного пахло керосиномъ. Когда выяснилось, что огромная штука у стѣны есть машина, а со скамьи всталъ заспанный половой, котораго Березинъ назвалъ малый и братецъ ты мой, дамы окончательно пришли въ восторгъ, и даже Глафира Генриховна признала, что въ этомъ заведеніи есть свой стиль.

— Ахъ, какъ тепло! Прелесть!

— Здѣсь надо снять шубу?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Отчего же нѣтъ? Mesdames, вы простудитесь, — сказалъ Березинъ, сдвигая два стола въ углу. — Ну, вотъ, теперь прошу занять мѣста.

— Право, я страшно рада, что насъ сюда привезли. А вы рады, Сонечка?

— Ужасно рада, Мусенька! Это прямо прелесть!

— Господа, я заказываю чай. Всѣ озябли.

— Папиросъ!..

— Слушаю-съ. Какихъ прикажете?

— Папиросъ!..

— Ну-съ, такъ вотъ, голубчикъ ты мой, перво-на-перво принеси ты намъ чаю, значитъ, чтобъ согрѣться, — говорилъ Березинъ: онъ теперь игралъ купца, очевидно подъ стиль трактира. Дамы съ восторгомъ его слушали.

— Слушаю-съ. Сколько порцій прикажете? — говорилъ еще не вполнѣ проснувшійся половой, испуганно глядя на гостей.

— Сколько порцій, говоришь? Да ужъ не обидь, голуба, чтобъ на всѣхъ хватило. Хотимъ,

значитъ, себя чайкомъ побаловать, понимаешь? Ну, и бубликовъ тамъ какихъ-нибудь тащи, што-ли?

— Слушаю-съ.

— Папиросъ!..

— А затѣмъ, братецъ ты мой, откупори ты намъ эту штучку. Своего, значитъ, кваску привезли... И стаканы сюда тащи.

— Слушаю-съ... За пробку съ не нашей бутылки у насъ пятнадцать копѣекъ.

— Пятиалтынный, говоришь? Штой-то дороговато, малый. Ну, да авось осилимъ... И ж-жива!

Отпустивъ малаго, Березинъ засмѣялся ровнымъ, негромкимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, право, онъ очень стильный.

— Здѣсь дивно... Григорій Ивановичъ, положите туда на столъ мою муфту.

— Ага! Прежде «ну, и умрите», а теперь «положите на столъ мою муфту»?.. Богъ съ вами, давайте ее сюда, ваше счастье, что я такой добрый.

— И такой пьяный...

— Вамъ нравится здѣсь, Вивіанъ? Вы не сердитесь, что мы все время говоримъ по русски?

— О, нѣтъ, я понимаю... Мнѣ такъ нравится!..

Клервилль дѣйствительно былъ въ восторгѣ отъ поѣздки, въ которой могъ наблюдать русскую душу и русскій разгулъ. Самый трактиръ казался ему точно вышедшимъ прямо изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». И такъ милы были эти люди! «Она никогда не была прекраснѣе, чѣмъ въ эту ночь. Но какъ, гдѣ сказать ей?» — думалъ Клервилль. Онъ очень волновался при мысли о предстоящемъ объясненіи, объ ея отвѣтѣ; однако, въ душѣ былъ увѣренъ, что его предложеніе будетъ принято.

— Мосье Клервилль, давайте помѣняемся мѣстами, вамъ будетъ здѣсь удобнѣе, — предло-

жила Глафира Генриховна. — Григорій Ивановичъ, несутъ ваши папиросы. Слава Богу, вы перестанете всѣмъ надоѣдать...

— Господа, кто будетъ разливать чай?

— Глаша, вы.

— Я не умѣю и не желаю. И пить не буду.

— Напрасно. Чай великая вещь.

Никоновъ жадно раскуривалъ папиросу.

— Григорій Ивановичъ, дайте и мнѣ, — пропѣла Сонечка. — Я давно хочу курить.

— Сонечка, Богъ съ вами! — воскликнула Муся. — Я мамѣ скажу.

— А страшное честное слово? Не скажете.

Она протянула руку къ коробкѣ, Никоновъ ее отдернулъ. Сонечка сорвала листокъ.

— Господа, это стихи.

— Стихи? Прочтите.

— Отдайте сейчасъ мой листокъ.

— Григорій Ивановичъ, не приставайте къ Сонечкѣ. Сонечка, читайте.

**„Въ дни безвременья, безлюдья
Трудно жить — кругомъ обманъ.
Всѣмъ стоять намъ надо грудью,
Закуривъ родной „Османъ".**

— «Десять штукъ — двадцать копѣекъ», — прочла нараспѣвъ Сонечка.

Послышался смѣхъ.

— Какъ вы смѣли взять мой листокъ? Ну, постойте же, — грозилъ Сонечкѣ Никоновъ.

— Mesdames, на моей коробкѣ еще лучше, — сказалъ Березинъ. — Слушайте:

**„Ручеечки вспять польются,
Злое сгинетъ навсегда,
Пѣсни „Пери" раздадутся,
Такъ потерпимъ, господа".**

— «Десять штукъ — двадцать копѣекъ».

Смѣхъ усилился. Настроеніе все поднималось.

— Господа, ей-Богу, это лучше «Голубого фарфора»!

— Какая дерзость! Поэтъ, пошлите секундантовъ.

— Слышите, злое сгинетъ навсегда. Горенскій, собственно, говорилъ то же самое.

— Ахъ, какъ жаль, что князь съ нами не поѣхалъ.

— Господа несутъ шампанское.

— Несутъ, несутъ, несутъ!

— Вотъ такъ бокалы!

— Наливайте, Сергѣй Сергѣевичъ, нечего...

— Шампанское съ чаемъ и съ баранками!

— Я за чай.

— А я за шампанское.

— Кто какъ любитъ...

— Кто любитъ тыкву, а кто...

— Ваше здоровье, mesdames.

— Господа, мнѣ ужасно весело!

— Вивіанъ...

— Муся...

— Сонечка, я хочу выпить съ вами на ты.

— Вотъ еще! И я вамъ не Сонечка, а Софья Сергѣевна.

— Сонечка Сергѣевна, я хочу выпить съ вами на ты... Нѣтъ? Ну, погодите же!

— Григорій Ивановичъ, когда вы остепенитесь? Налейте мнѣ еще...

— Mesdames, я пью за русскую женщину.

— О, да!..

— Лучше «за того, кто «Что дѣлать» писалъ»!

— Выпила бы и за него, да я не читала «Что дѣлать».

— Позоръ!.. А я и не видѣла!

— Можно и не читамши и не видѣмши.

— Мусенька, какая вы красавица. Я просто васъ обожаю, — сказала Сонечка и, перегнувшись черезъ столъ, крѣпко поцѣловала Мусю.

— Я васъ тоже очень люблю, Сонечка... Витя, отчего вы одинъ грустный?

— Я нисколько не грустный.

— Отчего-жъ вы, милый, все молчите? Вамъ скучно?

— Атчиго онъ блэдный? Аттаго что бэдный...

— Выпьемъ, молодой человѣкъ, шампанскаго.

Сонечка вдругъ пронзительно запищала и метнулась къ Никонову, который вытащилъ изъ ея муфты крошечную тетрадку.

— Не смѣйте трогать!.. Сейчасъ отдайте!

— Господа, это называется: «Книга симпатій»!

— Сію минуту отдайте! С-сію минуту!

— Что я вижу!

— Муся, скажите ему отдать! Сергѣй Сергѣевичъ...

— Григорій Ивановичъ, отдайте ей, она расплачется.

— Господа, здѣсь цѣлая графа: «Боже, сдѣлай такъ, чтобы въ меня влюбился»... Дальше слѣдуютъ имена: Александръ Блокъ... Собиновъ... Юрьевъ... Не царапайтесь!

Всѣ хохотали. Сонечка съ бѣшенствомъ вырвала книжку.

— Сонечка, какая вы развратная!

— Я васъ ненавижу! Это низость!

— Я вамъ говорилъ, что отомщу. Мессалина!

— Я съ вами больше не разговариваю!

— Сонечка, на него сердиться нельзя. Онъ пьянъ такъ, что смотрѣть гадко... Налейте мнѣ, еще, поэтъ.

— Повѣрьте, Сонечка, вашъ Донъ-Жуанскій списокъ дѣлаетъ вамъ честь.

— Господа, а вы знаете, что здѣсь былъ убитъ Пушкинъ? — сказалъ Березинъ.

Вдругъ наступило молчаніе.

— Какъ? Здѣсь?

— Не здѣсь-здѣсь, а въ двухъ шагахъ отсюда. Съ крыльца, можетъ быть, видно то мѣсто. Хотя точнаго мѣста поединка никто не знаетъ, пушкиніанцы пятьдесятъ лѣтъ спорятъ. Но гдѣ-то здѣсь...

Большинство петербуржцевъ никогда не было на мѣстѣ дуэли Пушкина. Муся полушопотомъ объяснила по англійски Клервиллю, что сказалъ Березинъ.

— ...Нашъ величайшій поэтъ...

— Да, я знаю...

Онъ дѣйствительно зналъ о Пушкинѣ, — видѣлъ въ Москвѣ его памятникъ, что-то слышалъ о мрачной любовной трагедіи, о дуэли.

— Мѣсто, на которомъ былъ убитъ Пушкинъ, ничѣмъ не отличается отъ мѣста, на которомъ никто не былъ убитъ, — произнесъ съ разстановкой Беневоленскій.

— Это очень глубокомысленное замѣчаніе, — сказала Муся, не вытерпѣвъ. Она встала.

— А вы знаете, господа, здѣсь очень душно и керосиномъ пахнетъ... У меня немножко кружится голова.

— У меня тоже.

— На воздухѣ пройдетъ... Но поздно, друзья мои, пора и во-свояси...

— Въ самомъ дѣлѣ, пора, господа... Такъ вы говорите, съ крыльца видно?

Муся открыла дверь. Пахнуло холодомъ. Березинъ подозвалъ полового. Муся вышла на крыльцо. Справа жалостно звенѣлъ колокольчикъ отъѣхавшей тройки. Слѣва у сосѣдней лавки уже вытягивалась очередь. Дальше все было занесено снѣгомъ.

«Нѣтъ, ничего не видно... Онъ, однако, не вышелъ за мною»... — подумала Муся. Вдругъ сзади сверкнулъ свѣтъ и она, замирая, увидѣла Клервилля.

— Ахъ, вы тоже вышли, Вивіанъ? — спросила она по англійски. — Нѣтъ отсюда ничего не видно... Смотрите, это очередь за хлѣбомъ. Бѣдные люди, въ такой холодъ! Вѣрно, у васъ въ Англіи этого нѣтъ?

Онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Какая прекрасная ночь, правда? — сказала она дрогнувшимъ неожиданно голосомъ. — «Да, сейчасъ, сейчасъ все будетъ сказано», — едва дыша, подумала Муся.

— Я вышелъ, чтобъ остаться наединѣ съ вами... Мнѣ нужно вамъ сказать... Намъ здѣсь помѣшаютъ... Пройдемъ туда...

Видимо очень волнуясь, онъ взялъ ее подъ руку и пошелъ съ ней въ сторону, по переулку. Черезъ минуту онъ остановился. Снизу пріятно пахло печенымъ хлѣбомъ. Было почти темно. Людей не было видно. «Неужели у мѣста дуэли Пушкина?.. Это было бы такъ удивительно, память на всю жизнь... Нѣтъ, это простой переулокъ... Стыдно думать объ этомъ... Сейчасъ все будетъ кончено... Но что ему сказать?» — пронеслось въ головѣ у Муси.

— Муся, я люблю васъ... Я прошу васъ быть моей женою.

Слова его были просты и банальны, — Муся не могла этого не замѣтить, какъ взволнована она ни была, какой торжествующей музыкой ни звучали эти слова въ ея душѣ. «Такъ съ сотворенія міра дѣлали предложеніе. Но теперь м н ѣ!.. Сейчасъ отвѣтить или подождать?.. И к а к ъ сказать ему? Лишь бы не сказать плоско... И не сдѣлать ошибки по англійски...»

— Я не могу жить безъ васъ и прошу васъ стать моей женой, — повторилъ онъ, взявъ ее за руку. — Согласны ли вы?

— Я не могу отказать вамъ въ такомъ пустякѣ.

Онъ не понялъ или не оцѣнилъ ея тона, затѣмъ съ усиліемъ засмѣялся, — смѣхъ оборвался тотчасъ.

— Вы говорите правду?.. Вы шутите?

— Это была бы довольно глупая шутка.

Онъ поцѣловалъ ей руку, затѣмъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Она чуть-чуть отбивалась. Опять, съ еще гораздо большей силой, чѣмъ при ихъ телефонномъ разговорѣ, счастье залило душу Муси, вытѣснивъ все другое. Ей стало стыдно и себя, и своихъ мадригаловъ... «Надо стать достойной его!»

Они молча пошли назадъ. Не доходя до крыльца, Муся остановилась. «Такъ нельзя войти... Всѣ сейчасъ догадаются по нашимъ лицамъ, ужъ Глаша, конечно... Ну, и пусть!.. Нѣтъ, не надо», — подумала она. Какъ она ни была счастлива и сердечно-расположена ко всѣмъ людямъ, Муся не хотѣла такъ сразу все открыть Глашѣ.

— Оставьте меня, Вивіанъ... Я хочу побыть одна.

Онъ взглянулъ на нее съ испугомъ, затѣмъ, повидимому, какъ-то очень сложно объяснилъ ея слова. Наклонивъ голову, онъ выпустилъ ея руку и отошелъ, взбѣжалъ на крыльцо своимъ легкимъ, упругимъ шагомъ. Муся вздохнула легче. «Да, все рѣшено! Неужели можетъ быть такъ хорошо?» — книжной фразой выразила она самыя подлинныя свои чувства. — «Онъ изумительный!..»

Теперь все было другое, дома, снѣгъ, эти оборванные люди. Конецъ очереди, у фонаря, былъ отъ нея въ двухъ шагахъ. «Бѣдные, бѣдные лю-

ди!..» Муся оставила сумку въ муфтѣ, да и въ сумкѣ почти не было денегъ, — она все раздала бы этимъ людямъ. «Нѣтъ, теперь и имъ будетъ житься легче, идутъ новыя времена», — подумала Муся, вспомнивъ рѣчь Горенскаго. Она яснымъ бодрящимъ, сочувственнымъ взглядомъ обвела очередь, встрѣтилась глазами съ бабой и вдругъ опустила глаза, — такой ненавистью обжегъ ее этотъ взглядъ. Мусѣ стало страшно. Она быстро направилась къ крыльцу.

— Шлюха! — довольно громко прошипѣла баба. — . . . . . въ шубѣ...

Въ толпѣ засмѣялись. У Муси подкосились ноги. На крыльцѣ сверкнулъ свѣтъ, появились люди. Колокольчикъ зазвенѣлъ. Тройки подъѣхали къ крыльцу.

— Мусенька, что же вы скрылись? Вотъ ваша муфта, — сказала Сонечка.

Назадъ ѣхали скучно. Было холодно, но по иному, не такъ, какъ по дорогѣ на острова. Клервилль сѣлъ во вторыя сани: повидимому, сложное объясненіе словъ Муси включало и эту деликатность, давшуюся ему нелегко. Вмѣсто него, рядомъ съ Витей, на скамейку сѣлъ Никоновъ. Онъ начиналъ скисать, — петербургская неврастенія въ немъ сказалась еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Глафира Генриховна была крайне озабочена, даже потрясена. Она сразу все поняла. Въ томъ, что, по ея догадкамъ, произошло, она видѣла завершеніе блестящей кампаніи, которую Муся мастерски провела собственными силами, при очень слабой помощи родителей. «Да, ловкая, ловкая дѣвчонка, нельзя отрицать», — думала Глаша. Она думала также о томъ, что ей двадцать седьмой годъ, что жениха нѣтъ и не предвидится, и что для нея выходъ замужъ Муси — тяжкій ударъ, если не ка-

тастрофа. Глафира Генриховна сразу приняла рѣшеніе перегруппировать фронтъ и сосредоточить силы на одномъ молодомъ адвокатѣ, который, правда, не могъ идти въ сравненіе съ Клервиллемъ, но былъ очень недуренъ собой и уже имѣлъ хорошую практику. «Что-жъ дѣлать... Да, она очень ловкая, Муся. И молчитъ, будетъ мнѣ теперь подавать его по столовой ложкѣ...»

«Разсказать или нѣтъ?» — спрашивала себя Муся. — «Зачѣмъ разсказывать? Глупо... Въ такую минуту плюнули въ душу... За что? Что я имъ сдѣлала?..» — Она говорила себѣ, что не стоитъ объ этомъ думать, но ей хотѣлось плакать. Ее разбирала предразсвѣтная мелкая дрожь. Чуть-чуть жгло глаза.

Хотѣлось плакать и Витѣ. Не глядя на Мусю, онъ молчалъ всю дорогу, думая то о самоубійствѣ, то о дуэли. «Вотъ и Пушкинъ послалъ тому вызовъ... Нѣтъ, дуэль глупость, конечно. Да онъ и не виноватъ, если она его любитъ... И самоубійство тоже глупости... Не покончу я самоубійствомъ... Но, можетъ быть, ничего и не было? Вотъ вѣдь она сидитъ грустная... Можетъ, она ему отказала?»

Глафира Генриховна для приличія время отъ времени говорила что-то скучное. Муся, Никоновъ скучно и коротко отвѣчали.

Они подъѣзжали къ Невѣ. Луна скрылась, стало совершенно темно. Вдругъ слѣва, гдѣ-то вдали, гулко прокатился выстрѣлъ. Дамы вскрикнули. Никоновъ поднялъ голову. Встрепенулся и Витя. Кучеръ оглянулся съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другой, третій. Затѣмъ все стихло.

— Что это?.. Стрѣляютъ? — шопотомъ спросила Муся.

— Ну да, стрѣляютъ. Р-революція, — угрюмо проворчалъ Никоновъ, какъ полушутливо говорили многіе изъ слышавшихъ первые выстрѣлы февраля.

«Ахъ, если бы вправду революція!» — вдругъ сказалъ себѣ Витя. Въ его памяти промелькнуло то, что онъ читалъ и помнилъ о революціяхъ—жирондисты, Дантонъ у Минье, Дмитрій Рудинъ. Витя увидѣлъ себя на баррикадѣ, со знаменемъ, съ обнаженной саблей. Баррикада была подъ окнами Муси. «Да, это былъ бы лучшій исходъ... Ахъ, если бы, если бы революція!.. Только гроза можетъ принести мнѣ славу и сдѣлать меня достойнымъ ея любви!.. А если не славу, то смерть», — съ тоской и страстной надеждой думалъ Витя.

XIX.

Николай Петровичъ почувствовалъ себя нездоровымъ въ день юбилея Кременецкаго и долженъ былъ отказаться отъ участія въ банкетѣ, поручивъ своей женѣ передать извиненія юбиляру. На слѣдующій день Яценко не пошелъ на службу, ничего не ѣлъ съ утра и за обѣдомъ не прикоснулся къ супу: видъ и запахъ ѣды вызывали въ немъ отвращеніе. Сославшись на острую головную боль, онъ заявилъ, что не будетъ обѣдать. Наталья Михайловна, которая какъ разъ собиралась съ толкомъ, подробно разсказать о банкетѣ, обезпокоилась.

— Ну, да, въ городѣ свирѣпствуетъ гриппъ. Вотъ что значитъ такъ работать, — не совсѣмъ логично сказала она мужу. — Сколько разъ я тебѣ говорила: никто, никто не работаетъ десять часовъ въ сутки. Конечно, это отъ переутомленія, оно

всегда предрасполагаетъ къ гриппу... Хоть супа поѣшь, я тебя умоляю...

Николай Петровичъ работалъ въ послѣднее время не больше обычнаго. Усталость его была преимущественно моральная и сказывалась въ крайней раздражительности, которую онъ сдерживалъ съ большимъ трудомъ. Ничего не отвѣтивъ на предложеніе поѣсть хоть супа, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на твердый кожаный диванъ, взявъ первую попавшуюся книгу. Но книги этой онъ не раскрылъ. У него очень болѣла голова, ломило тѣло. Наталья Михайловна принесла и подложила ему подъ голову большую подушку. Измученный видъ ея мужа ее разстроилъ.

Въ спальной, въ огромномъ, краснаго дерева шкапу, среди разложеннаго въ чрезвычайномъ порядкѣ тонкаго бѣлья (къ которому имѣла слабость Наталья Михайловна), между высокими стопками полотенецъ и носовыхъ платковъ, съ давнихъ временъ хранился семейный термометръ. Наталья Михайловна осторожно его вынула изъ футляра, глядя на лампу и морщась, необыкновенно энергичнымъ движеньемъ сбила въ желтенькомъ каналѣ столбикъ много ниже краснаго числа, затѣмъ съ испуганнымъ и умоляющимъ выраженіемъ на лицѣ вошла на цыпочкахъ въ кабинетъ. Николай Петровичъ зналъ, что у него сильный жаръ, и не хотѣлъ пугать своихъ. Однако, чтобъ отдѣлаться отъ упрашиваній, онъ согласился измѣрить температуру и даже о минутахъ не очень торговался. Оказалось 39,2, — больше, чѣмъ предполагалъ самъ Яценко. Наталья Михайловна перепугалась не на шутку. Ея авторитетъ немедленно выросъ и, несмотря на слабые протесты Николая Петровича, по телефону былъ приглашенъ домашній врачъ Кротовъ.

Витя, узнавъ о болѣзни отца, зашелъ въ полутемный кабинетъ, но, по настоянію Натальи Михайловны — гриппъ такъ заразителенъ, — долженъ былъ остановиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана. Николай Петровичъ, слабо и ласково улыбаясь, успокоилъ сына.

— Да, да, конечно, пустяки. Завтра буду совершенно здоровъ... Иди, иди, мой милый.

Николая Петровича и трогали, и немного раздражали заботы близкихъ. Онъ всегда, въ шутливыхъ спорахъ съ женою, увѣрялъ, что одинокому человѣку и болѣть гораздо легче. Теперь ему хотѣлось, чтобъ его оставили одного и чтобъ ему дали чаю съ лимономъ. Наталья Михайловна, однако, сомнѣвалась, не повредитъ ли чай больному. Николай Петровичъ, отъ усталости и раздраженія, не настаивалъ. Онъ лежалъ на диванѣ, глядя усталымъ, неподвижнымъ взглядомъ на висѣвшіе противъ дивана портреты Сперанскаго, Кавелина, Сергѣя Зарунаго. Мысли Яценко безпорядочно перебѣгали отъ Загряцкаго и Федосьева къ его собственной неудавшейся жизни. «И слѣдователь, оказывается, плохой... Нѣтъ, такъ нельзя ошибаться... А тотъ негодяй, Загряцкій, по формальнымъ причинамъ все еще въ тюрьмѣ, хоть я знаю, что онъ невиновенъ въ убійствѣ... Вотъ она, формальная правда», — думалъ онъ. Почему-то ему часто вспоминался Браунъ, его визитъ, его странные разговоры, — онъ тотчасъ съ непріятнымъ чувствомъ гналъ отъ себя эти мысли. «Да, нехорошо, очень нехорошо!..» — вслухъ негромко сказалъ Яценко, прикрывая рукой глаза. Единственное свѣтлое былъ Витя. Но и съ мальчикомъ что-то было неладно. Отъ Вити Яценко переходилъ мыслью къ судьбамъ Россіи. «Всюду грѣхъ, ошибки, преступленія», — тоскливо думалъ Николай Петровичъ, вглядыва-

ясь въ лица своихъ любимыхъ политическихъ дѣятелей. «Они бы до этого не довели... Но они умерли... И я скоро умру... Какое же мнѣ дѣло до всего этого?» — Голова у него мучительно болѣла.

Въ десятомъ часу вечера прибылъ Кротовъ, добродушный старикъ, крѣпкій, лысый и краснолицый. Онъ призналъ болѣзнь инфлюэнцой, прописалъ лекарство и строгую діэту; чай съ лимономъ, однако, разрѣшилъ, но не иначе, какъ очень слабый. Наталья Михайловна попросила доктора пріѣхать и на слѣдующее утро.

— Вотъ еще, стану я пріѣзжать, у меня есть больные посерьезнѣй, чѣмъ онъ, — сказалъ весело Кротовъ, съ давнихъ поръ свой человѣкъ въ домѣ: онъ зналъ, что для Яценко пять рублей деньги и что о безплатномъ леченьи — «ахъ, полноте, какіе между нами счеты» — не можетъ быть рѣчи. — Денька черезъ два загляну... Если буду живъ, — сказалъ онъ Натальѣ Михайловнѣ, — такъ, миленькая, всегда говорилъ Толстой, нашъ ненавистникъ... Не любилъ насъ, ругалъ, а у насъ лечился всю жизнь, Левъ Николаевичъ (докторъ произносилъ по старинному: Лёвъ; рѣчь у него вообще была старинная, хоть онъ щеголялъ разными новыми словечками и прибаутками). И правъ: вѣдь я же романовъ не пишу, а ругать романистовъ ругаю...

— И подѣломъ, — сказала увѣренно Наталья Михайловна.

— Разумѣется, подѣломъ. Какъ ихъ, теперешнихъ, не ругать: какіе-то пошли Андреевы, Горькіе, Сладкіе. Въ наше время настоящіе были писатели: ну, Тургеневъ, Достоевскій, или Станюковичъ... Это не фунтъ изюма... Ну-съ, такъ аспиринцу сейчасъ скушаемъ, а то, второе, что я пропишу, черезъ часъ. И завтра будемъ здоровы...

Кротовъ говорилъ съ Николаемъ Петровичемъ такъ, какъ могъ бы говорить съ Витей. Недоброжелатели утверждали, что старикъ давно выжилъ изъ ума и перезабылъ всѣ лекарства. Однако, практика у него была огромная, — такъ бодрилъ больныхъ его тонъ.

— Натурально, пустяки, — сказалъ онъ Натальѣ Михайловнѣ, садясь въ столовой писать рецептъ. — Черезъ три дня можетъ идти на службу... Ну-съ, а наши почки какъ, миленькая?

Наталья Михайловна не прочь была за тѣ же пять рублей спросить доктора и о своемъ здоровьи. Онъ далъ успокоительныя указанія.

— Сто лѣтъ гарантирую, миленькая, больше никакъ не могу, себѣ дороже стоитъ... А вы знаете, въ городѣ безпорядки, — сказалъ докторъ, вставая и помахивая въ воздухѣ бумажкой. — Ѣду сюда, идутъ мальчишки, рабочіе, поютъ, дурачье... Какъ это, «Варшавянка», что-ли? Дурачье!.. А ночью даже пострѣливали.

— Да, мнѣ Витя говорилъ, онъ на островахъ катался и слышалъ стрѣльбу. Только я не пойму, кто въ кого могъ ночью стрѣлять?

— Стрѣляли, стрѣляли, — радостно повторилъ старикъ.

— Вдругъ въ самомъ дѣлѣ революція, а?

— Вздоръ! Семьдесятъ лѣтъ живу, никакой революціи не видалъ. Я самъ въ шестьдесятъ первомъ году что-то пѣлъ, болванъ этакой, да не допѣлся... Нѣтъ, вѣрно это было позже, въ шестьдесятъ четвертомъ... Не будетъ революціи, пропишутъ имъ казачки варшавянку, все и кончится, — рѣшительно сказалъ докторъ. — А засимъ мнѣ все равно, посмотрю и на революцію... Давно пора и тѣхъ господъ проучить, звѣздную палату... Такъ вотъ, миленькая, это отдайте Марусѣ... А, Витька, здравствуй, ты какъ живешь?

Наталья Михайловна вышла съ рецептомъ въ кухню. Докторъ подвелъ упиравшагося Витю къ лампѣ.

— Нехорошо, — сказалъ онъ. — Подъ глазами круги. И глаза красные... Плакалъ, что ли?

Онъ задалъ нѣсколько вопросовъ, отъ которыхъ Витя густо покраснѣлъ.

— Гимнастику надо дѣлать, балбесъ, — сказалъ строго Кротовъ. — Я, кажется, старше тебя, да? Чуть старше: пошелъ семьдесятъ первый годъ (съ нѣкоторыхъ поръ онъ остановился въ возрастѣ), а каждый день дѣлаю гимнастику. Каждый день, чуть встаю, еще передъ гошпиталемъ. Вотъ такъ... — Онъ присѣлъ, дѣйствительно довольно легко, поднялся и сдѣлалъ нѣсколько движеній руками. — Разъ—два... Разъ—два—три... Обливаніе и гимнастика, гимнастика и обливаніе... И спать на твердомъ тюфякѣ... И объ юбкахъ меньше думать, слышишь? И ни на какіе острова по ночамъ не ѣздить... Зачѣмъ вы его на острова пускаете? — обратился онъ къ вошедшей Натальѣ Михайловнѣ. — Ну-съ, до свиданья, миленькая... До свиданья, Витька... Послѣзавтра, хоть и не нужно, заѣду, если буду живъ...

— Да вы моложе и крѣпче насъ всѣхъ!

— Не жалуюсь, не жалуюсь...

Демонстративно отказавшись отъ помощи хозяевъ, онъ самъ надѣлъ древнюю норковую шубу, еще пошутилъ и ушелъ, ожививъ весь домъ, наглядно и несомнѣнно доказавъ пользу медицины. — «Прямо удивительный человѣкъ, такихъ больше не будетъ, не вамъ чета!» — съ искреннимъ восторгомъ сказала Витѣ Наталья Михайловна. Успокоенная врачемъ, она взяла домъ въ свои руки, чувствуя приступъ особенной энергіи и

жажды дѣятельности: теперь все было на ней. Николай Петровичъ раздѣлся и перешелъ въ спальную, гдѣ къ кровати былъ приставленъ низенькій, покрытый салфеткою, столикъ. Горничная поставила самоваръ. Маруся побѣжала въ аптеку.

Утромъ на службу дали знать о болѣзни Николая Петровича. Болѣзнь эта, разумѣется, не была серьезной. Однако въ нормальное время нѣсколько человѣкъ, ближайшихъ друзей и сослуживцевъ (родныхъ у Яценко не было), навѣрное тотчасъ зашли бы его «провѣдать» или, по крайней мѣрѣ, справились бы по телефону. На этотъ разъ никто не зашелъ, что не совсѣмъ пріятно удивило Наталью Михайловну: визиты были совершенно не нужны, скорѣе мѣшали; но они входили въ обычный уютно-волнующій церемоніалъ не-опасныхъ болѣзней.

Въ этотъ же день Маруся вернулась съ базара въ большомъ возбужденіи. Она радостно повторяла, что народъ совсѣмъ взбунтовался: на Выборгской сторонѣ разгромили лавки. Глаза Маруси сіяли торжествомъ. Хотя Наталья Михайловна раздѣляла либеральные взгляды своего мужа, ея первое впечатлѣніе отъ словъ прислуги и особенно отъ ея безтолково-торжествующаго вида было непріятное. Съѣстныхъ припасовъ Маруся принесла очень немного, — на базарѣ ничего не было; курицу для бульона больному барину удалось достать лишь по доброму знакомству съ торговкой, у которой они всегда покупали. Наталья Михайловна не повѣрила, что ничего нельзя получить, и сама пошла за покупками. Но по близости отъ ихъ квартиры лавки въ большинствѣ были закрыты наглухо. Кое-гдѣ торговля еще шла, однако Наталья Михайловна, къ собственному удивленію, не рѣшилась стать въ длинную очередь,

— такой недружелюбный видъ былъ у стоявшихъ тамъ женщинъ. Когда она, съ пустыми руками, возвращалась домой, по улицѣ на рысяхъ, съ отчетливымъ, волнующимъ топотомъ, проѣхалъ казачій отрядъ. Сердце у Натальи Михайловны забилось сильнѣе обыкновеннаго. Швейцаръ, съ тѣмъ же безтолково-торжествующимъ видомъ, вполголоса ей сообщилъ, что фараонъ съ угла куда-то ушелъ и что на Невскомъ, слышно, разбили трамвайные вагоны. Такія же извѣстія привезъ изъ Тенишевскаго училища взволнованный Витя. На улицахъ были столкновенія толпы съ полиціей.

Наталья Михайловна не рѣшилась сказать Николаю Петровичу о томъ, что происходило, боясь его взволновать. Витя послѣ скуднаго обѣда куда-то исчезъ. Наталья Михайловна расположилась въ креслѣ у высокой стоячей лампы и раскрыла утреннюю газету. Она прочла отдѣлъ модъ, хронику, телеграммы, лѣниво подумала о томъ, что могло быть на мѣстѣ бѣлаго просвѣта (къ просвѣтамъ привыкли), просмотрѣла интересныя объявленія и списокъ недоставленныхъ телеграммъ, приступила было къ думскому отчету и задремала: плохо спала ночью. Вдругъ ее разбудилъ какой-то грохотъ... Наталья Михайловна вскрикнула, схватилась за сердце и бросилась къ окну. Люди бѣжали съ растеряннымъ видомъ по слабо освѣщенной, печальной улицѣ. Пальба трещала четко и часто. Одинъ изъ бѣжавшихъ по мостовой людей метнулся въ сторону и укрылся въ подворотнѣ. За нимъ то же сдѣлали другіе. Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали въ волненіи горничная, Маруся. Затѣмъ явился швейцаръ, уже бывшій навеселѣ. По его словамъ, это били пулеметы на Невскомъ. Однако, онъ радостно совѣтовалъ не подходить къ окнамъ.

Тутъ Наталья Михайловна съ ужасомъ подумала, что Вити нѣтъ дома. Она заметалась по квартирѣ, бросилась было къ мужу, но остановилась у дверей. Николай Петровичъ спалъ: спальная выходила окнами во дворъ, и тамъ стрѣльба была менѣе слышна. Наталья Михайловна вспомнила о телефонѣ и принялась звонить къ товарищамъ Вити. Вездѣ телефонъ былъ занятъ, приходилось долго ждать соединенія. Вити нигдѣ не было. Прислуга ахала. Задыхаясь отъ отчаянья, Наталья Михайловна уже себѣ представляла, какъ по лѣстницѣ несутъ на носилкахъ тѣло Вити. Вдругъ раздался звонокъ — и Витя появился живой и невредимый. Никакихъ приключеній съ нимъ не было, но онъ тоже слышалъ вблизи стрѣльбу, видѣлъ бѣгущихъ людей и понялъ, что дома будутъ о немъ безпокоиться.

Наталья Михайловна набросилась на сына. Отъ шума взволнованныхъ голосовъ проснулся Николай Петровичъ. Онъ чувствовалъ себя гораздо лучше. Наталья Михайловна сочла возможнымъ разсказать мужу о событіяхъ. Витя привезъ новости, восходившія, черезъ три промежуточныхъ инстанціи, къ Государственной Думѣ. Всѣ партіи объединились въ общемъ порывѣ къ освобожденію страны. Войска заперты въ казармахъ, — очевидно, правительство никакъ не можетъ на нихъ положиться. Офицерство на сторонѣ народа. Волненіе Николая Петровича было радостнымъ, почти восторженнымъ, — эти событія точно разрѣшили что-то тяжелое въ его личной жизни. Николай Петровичъ не сомнѣвался въ побѣдѣ страны надъ правительствомъ. Остатокъ вечера они провели въ спальной, втроемъ, въ такомъ сердечномъ, любовномъ и приподнятомъ настроеніи, котораго, быть можетъ, никогда не испытывала ихъ дружная семья. Эта атмосфера въ представ-

леніи Натальи Михайловны какъ-то соединилась съ происходившими событіями и повліяла на ея отношеніе къ нимъ.

На слѣдующій день Николай Петровичъ почти совсѣмъ оправился, температура упала до 36 градусовъ. Въ городѣ же начались невиданныя и неслыханныя дѣла. Газеты не вышли. Только тутъ петербуржцы почувствовали, какое огромное мѣсто газеты занимали въ жизни и какую тревогу вносило въ нее ихъ отсутствіе. Телефонъ заработалъ, передавая самыя удивительныя извѣстія. Закрылось все, фабрики, магазины, учебныя заведенія. Но радость и оживленіе въ столицѣ были необычайныя. Наталья Михайловна телефонировала друзьямъ мужа. Разговоръ о впечатлѣніяхъ былъ тоже безтолковый и восторженный. Люди безъ всякаго стѣсненія говорили по телефону о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде въ тѣсномъ кругу разговаривали, понижая голосъ. Друзья Николая Петровича принадлежали преимущественно къ либеральному лагерю. Однако, такъ же восторженно высказался о событіяхъ консерваторъ Артамоновъ, считавшійся «нѣсколько правѣе октябристовъ». Онъ еще больше волновался, чѣмъ другіе.

— Что? Боленъ? — кричалъ онъ по телефону. — Ну, разумѣется, пустяки... Событія-то каковы. а? Давно пора убрать всѣхъ этихъ швабовъ и германофиловъ!.. Что?.. Сердечно поздравьте Николая Петровича... Какъ съ чѣмъ?.. Уберемъ господъ Штюрмеровъ и всѣмъ народомъ дружно возьмемся за войну... Да, впряжемся съ новой силой!.. Армія должна сказать свое слово... А?.. Что?.. Кто говоритъ?

Натальѣ Михайловнѣ помнилось, что Штюрмеръ ушелъ и что у власти находятся люди съ русскими фамиліями. Но желаніе понять проис-

ходившія событія, какъ патріотическій бунтъ арміи противъ германофиловъ, было, видимо, слишкомъ сильно въ Артамоновѣ. Въ эту минуту съ нимъ соединили кого-то еще. Наталья Михайловна услышала новый взрывъ восторженныхъ рѣчей Владиміра Ивановича. Она повѣсила трубку и радостно пошла передавать поздравленія мужу.

Все было бы хорошо, если-бъ не Витя. Съ нимъ съ утра произошелъ непріятный разговоръ, и отъ атмосферы предыдущаго вечера осталось немного. Наталья Михайловна рѣшительно заявила, что только сумасшедшій человѣкъ можетъ въ такое время выходить на улицу. Витя не менѣе рѣшительно отвѣтилъ, что, если всѣ такъ будутъ разсуждать, некому будетъ вести борьбу.

— Обязанность каждаго гражданина пріобщиться къ дѣлу и принять въ немъ личное участіе, — горячо сказалъ онъ.

По существу Наталья Михайловна ничего возразить не могла, однако заперла на замокъ мѣховую шапку сына. Это не помогло. Витя, въ послѣдніе мѣсяцы отбившійся отъ рукъ, ушелъ изъ дому тайкомъ въ лѣтней шляпѣ. Николай Петровичъ, въ отвѣтъ на страстную жалобу жены, сказалъ ей, что понимаетъ сына, — Наталья Михайловна только махнула рукой. Впрочемъ, теперь по близости отъ ихъ квартиры стрѣльбы не было слышно, и это ослабляло ея тревогу. Но телефонъ приносилъ все болѣе грозныя извѣстія. Въ разныхъ частяхъ города дѣйствовали пулеметы. Нѣкоторые, пріукрашивая, даже говорили: «идутъ бои», — совсѣмъ какъ въ сообщеніяхъ ставки. Къ удивленію Натальи Михайловны, почти всѣ знакомые, къ которымъ она звонила за свѣдѣніями, оказывались у себя дома. Позвонила она и къ Кременецкимъ, и оттуда ей, въ томъ же тревожно-восторженномъ тонѣ, сообщили новости, шед-

шія прямо отъ князя Горенскаго. Въ войскахъ настроеніе явно сочувственное Государственной Думѣ, ждутъ съ минуты на минуту ихъ перехода на сторону революціи, — Наталья Михайловна тутъ впервые услышала, въ примѣненіи къ происходившимъ событіямъ, слово «революція», брошенное твердо, какъ самое естественное.

— Ну, слава Богу! — сказала она и подѣлилась съ Тамарой Матвѣевной своей тревогой. Узнавъ, что Витя ушелъ изъ дому, Тамара Матвѣевна, воплощенная доброта, ахнула.

— Но какъ же вы его отпустили? Господи!.. Всѣ сидятъ дома... Я...

Тамара Матвѣевна чуть не сказала, что она утромъ прямо вцѣпилась въ Семена Исидоровича, который *рвался* въ Государственную Думу. «Именно теперь ты долженъ беречь себя... Теперь такіе люди, какъ ты, особенно нужны Россіи!» — сказала она мужу. Семенъ Исидоровичъ уступилъ, но почти не отходилъ отъ телефона, безпрерывно сносясь съ извѣстнѣйшими людьми столицы.

— Да что же можно было сдѣлать? Онъ тайкомъ удралъ... Ошалѣлъ мальчишка, не въ чуланъ же было его запереть! — сказала въ отчаяніи Наталья Михайловна, тревога которой опять усилилась отъ словъ Тамары Матвѣевны.

— Ну, Богъ дастъ, ничего не случится. Но когда онъ вернется, заприте вы его и не выпускайте. Это безуміе!..

— Милая, — умоляющимъ тономъ сказала Наталья Михайловна, — я ему велю позвонить вамъ. Скажите вы ему, ради Бога!.. Пусть ему Муся скажетъ, она имѣетъ на него вліяніе... Спасибо, родная. Ну, прощайте... Господи!..

Витя опять вернулся вполнѣ благополучно и даже побѣдителемъ, но видъ у него былъ измученный и потрясенный, хоть торжествующій. На

этотъ разъ онъ принималъ участіе въ огромномъ уличномъ митингѣ на Невскомъ Проспектѣ, у зданія Городской Думы. На митингѣ этомъ произносились такія рѣчи, отъ которыхъ, въ передачѣ Вити, у Натальи Михайловны остановилось сердце. Появилась полиція. Въ толпѣ запѣли одновременно «Марсельезу» и «Вихри враждебные». Произошло столкновеніе. Откуда-то раздался выстрѣлъ, и тотчасъ затрещали пулеметы. Всѣ бросились вразсыпную. На глазахъ у Вити свалилось нѣсколько человѣкъ. Витя весь дрожалъ, разсказывая, хоть старался спокойно улыбаться. Онъ подумывалъ о томъ, чтобы обзавестись оружіемъ; у него даже былъ на примѣтѣ револьверъ, «правда, не браунингъ и не парабеллюмъ, а Смитъ-Вессонъ, но хорошій и большого калибра». Наталья Михайловна съ ужасомъ слушала сына. Теперь ей все было безразлично, лишь бы кончились такія дѣла и вернулась спокойная жизнь. Она сказала Витѣ, что Муся Кременецкая звонила по телефону и просила ее вызвать. Витя немедленно это сдѣлалъ. Муся подошла къ аппарату, выслушала его разсказъ и прочла ему наставленіе.

— Да, да, если вы хоть немного обо мнѣ думаете, — сказала она и тотчасъ поправилась, — о насъ всѣхъ, о вашихъ родителяхъ... Вы уже исполнили свой долгъ и довольно. Сдѣлайте это для меня, Витя, если вы не думаете о себѣ.

Необыкновенно тронутый и взволнованный ея словами, Витя обѣщалъ больше не выходить изъ дому, пока все немного не успокоится. «Нѣтъ, ничего съ Клервиллемъ не было», — подумалъ онъ, и душа его зажглась радостью. Онъ сдержалъ слово. На улицахъ пальба грохотала день и ночь. Въ сосѣднемъ домѣ разгромили квартиру какого-то генерала. Объ этомъ, съ тѣмъ же торжествующимъ, даже нѣсколько вызывающимъ

видомъ, разсказывала господамъ Маруся. Однако въ домѣ Яценко стало спокойнѣе. Николай Петровичъ всталъ съ постели и обѣдалъ съ семьей. Обѣдъ былъ источникомъ веселья. Подавали то, что можно было найти въ кладовой, да еще въ сосѣдней лавкѣ, открывавшейся иногда часа на два: шпроты, «альбертики», ветчину, варенье.

Затѣмъ стрѣльба ослабѣла. Стали приходить пріятели, знакомые; среди нихъ были и такіе, фамиліи которыхъ не помнили хозяева. Зашелъ нотаріусъ, жившій въ первомъ этажѣ дома, никогда до того у нихъ не бывавшій. При встрѣчѣ люди поздравляли другъ друга и обнимались, точно это былъ какой-то вновь установленный обрядъ. Сначала это показалось Яценко страннымъ и неестественнымъ; потомъ онъ привыкъ, первый обнималъ друзей и чуть не обнялся съ нотаріусомъ. Николай Петровичъ былъ совершенно здоровъ и собирался выйти, но не зналъ, куда отправиться: о службѣ не могло быть рѣчи, идти «въ гости» не хотѣлось.

Поздно вечеромъ Яценко сказали по телефону, что горитъ зданіе Суда. Это столь неожиданное извѣстіе потрясло слѣдователя. Онъ немедленно надѣлъ шубу и вышелъ на улицу, несмотря на протесты и просьбы Натальи Михайловны.

XX.

Стрѣльба затихла. На улицахъ было оживленіе необыкновенное. Толпы народа валили съ Невскаго по Литейному, по Надеждинской, по Знаменской. Шли и по мостовой, хотя было достаточно мѣста на тротуарахъ. Яценко вглядывался въ проходившихъ людей и не узнавалъ петербургской толпы. Одни шли, какъ на сценѣ статисты

во время побѣднаго марша, другіе — такъ, точно неслись куда-то на крыльяхъ. Восторженное волненіе выражалось на всѣхъ лицахъ. У многихъ было даже молитвенное выраженіе, которое показалось Николаю Петровичу неестественнымъ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно искренній и не могъ оставаться долго въ состояніи фальшивыхъ чувствъ.

Видъ этой толпы немного измѣнилъ настроеніе Николая Петровича. Событія по прежнему переполняли его душу радостью, но уже меньше, чѣмъ дома. Онъ еще неясно сознавалъ эту перемѣну и нѣсколько ея стыдился. «Нельзя быть впечатлительнымъ, какъ нервная дама!» — сказалъ себѣ Яценко. — «Всѣ радуются освобожденію страны и совершенно правы. Сбылась мечта декабристовъ, мечта десятка поколѣній... Но все-таки что-то не то... Вотъ и послѣ взятія Перемышля такая же была радость на улицахъ—искренняя и не совсѣмъ искренняя.... Собственно настоящій восторгъ можетъ быть только отъ событій личныхъ», — нерѣшительно подумалъ онъ. Загораживая дорогу Николаю Петровичу, два человѣка заключили другъ друга въ объятія. Онъ раздраженно на нихъ взглянулъ, пытаясь короткими шажками обойти ихъ то справа, то слѣва.

— ...Да, какъ же, у казармъ войска братаются съ народомъ! — восторженно сказалъ господинъ въ котиковой шапкѣ, — я самъ видѣлъ!..

— Господи, неужели это окончательно? Довелось же дожить!.. Изъ тюремъ выпустили узниковъ, которые тамъ томились...

«Какъ однако неестественно стали говорить люди», — подумалъ Яценко, проходя. — «Разумѣется, прекрасно, что войска отказываются стрѣлять въ народъ, но «братаются»!.. Какъ это дѣлаютъ?

Что такое «братаются»? — Онъ едва ли не впервые услышалъ тогда это слово.

Казачій отрядъ проѣхалъ легкой рысью, разрѣзая проходъ на улицѣ. Отшатнувшаяся къ тротуарамъ толпа смотрѣла на казаковъ съ тревожнымъ чувствомъ, какъ бы еще не выяснивъ своего отношенія къ этому явленію. У казаковъ видъ былъ тоже странный, чуть растерянный и вмѣстѣ молодцеватый болѣе обычнаго, — словно и они еще не рѣшили, что нужно дѣлать: не то брататься съ толпою, не то взяться за нагайки. Николаю Петровичу показалось, что и то, и другое одинаково возможно. Казаки свернули въ боковую улицу и скрылись. Всѣ вздохнули свободнѣе. «По Литейному, пожалуй, не пройти», — сказалъ себѣ Яценко, — «надо выйти на Шпалерную... Не можетъ быть, однако, чтобы сгорѣлъ судъ»... Онъ думалъ о своей камерѣ, о дѣлахъ, о документахъ. Вдругъ впереди раздались рукоплесканья. Въ одно мгновенье они распространились по улицѣ и смѣшались съ криками «Ур-ра»!.. Справа медленно выѣзжалъ грузовикъ съ краснымъ флагомъ. На немъ сидѣли и стояли солдаты съ ружьями въ самыхъ странныхъ позахъ: свѣсивъ ноги какъ съ телѣги, на колѣняхъ, на корточкахъ, во весь ростъ. Высокій солдатъ стоялъ на грузовикѣ, приложивъ ружье къ плечу, нѣсколько прищуривъ глазъ. Рядомъ съ Николаемъ Петровичемъ молодые люди съ яростью апплодировали изо всей силы и что-то ревѣли. Яценко вдругъ хлопнулъ раза два въ ладоши, — на немъ были толстыя ватныя перчатки, апплодировать было невозможно, но и этого случайнаго поступка онъ потомъ долго себѣ не прощалъ. Грузовикъ проѣхалъ къ Невскому, мимо Николая Петровича прошло дуло ружья, — онъ невольно уклонился съ непріятнымъ чувствомъ. Ему навсегда запомнил-

ся этотъ высокій скуластый и прыщеватый солдатъ съ фуражкой набекрень, съ пулеметной лентой черезъ плечо; лицо у него было тупое, испуганное и злобное. «Нѣтъ, не то, не то»... — тоскливо подумалъ Яценко.

По Шпалерной пройти было легче. Николаю Петровичу попадались въ толпѣ знакомыя лица. Весь Петербургъ высыпалъ на улицу. Яценко шелъ довольно быстро. Волненіе его все усиливалось по мѣрѣ приближенія къ Суду. Вдругъ онъ снова услышалъ впереди крики «ура»! Къ нему приближался странный шатающійся огонь. Николай Петровичъ увидѣлъ молодыхъ рабочихъ, бѣжавшихъ по мостовой съ факеломъ. У факела, поднявъ лѣвую руку и оглядываясь по сторонамъ, неестественно-большими шагами шагалъ человѣкъ въ тулупѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ обнаженную саблю. За нимъ толпа несла на плечахъ, съ трудомъ поспѣвая за факельщиками, странно одѣтыхъ людей, которые кричали и махали шапками, то неловко поднимаясь, точно въ стременахъ, то хватаясь за плечи и шеи несущихъ. Процессія поровнялась съ фонаремъ. Яценко остановился, — лицо его дернулось: среди людей, которыхъ несли на рукахъ, онъ узналъ Загряцкаго.

Судъ, повидимому, былъ подожженъ давно. Зданіе горѣло изнутри. Къ небу валилъ густой рыжеватый дымъ. Мостовая была засыпана кипами бумагъ, осколками стеколъ. На противоположномъ тротуарѣ Литейнаго стояла толпа. Но никто и не пытался тушить пожаръ. Здѣсь было тише, чѣмъ на прилегавшихъ улицахъ. Одно изъ оконъ зданія ровно свѣтилось блѣднымъ свѣтомъ. Тамъ еще горѣла какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая лампа, — этотъ ровный свѣтъ не могли забыть люди, видѣвшіе пожаръ Суда. На углу

Захарьевской Николай Петровичъ увидѣлъ знакомыхъ адвокатовъ: они озабоченно суетились около. большихъ портретовъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ дома. Яценко, чувствуя слабость и дрожь въ ногахъ, пробрался къ углу и поздоровался со знакомыми. Здѣсь были Кременецкій, Фоминъ. Семенъ Исидоровичъ молча, крѣпко и взволнованно сжалъ руку слѣдователя. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ у фонаря неподвижно стоялъ Александръ Браунъ. Въ глазахъ Николая Петровича скользнулъ испугъ. Браунъ смотрѣлъ на пожаръ холоднымъ, почти безжизненнымъ взглядомъ.

— ...Положительно злой рокъ преслѣдуетъ всѣ творенія Баженова, — говорилъ сокрушенно Фоминъ. — Вспомните Царицынскій дворецъ или Кремлевскій... Въ этомъ чудесномъ зданіи намѣчалось возвращеніе къ нашему удивительному, еще не оцѣненному барокко. Я думаю...

— Ахъ, полноте, до того ли теперь? — сказалъ, морщась, Кременецкій. Оглушительный трескъ прервалъ его слова. Полуовальное окно второго этажа лопнуло, стекло повалилось на улицу. Семенъ Исидоровичъ схватился за голову.

— Все-таки здѣсь прошла наша жизнь, — сказалъ онъ. Голосъ его вдругъ дрогнулъ отъ искренняго волненія. Яценко увидѣлъ слезы въ глазахъ Семена Исидоровича и почувствовалъ, что у него у самого подходятъ къ горлу рыданья. «Да, здѣсь прошла наша жизнь... Можетъ быть, и всему конецъ... Вѣдь это Россія горитъ!» — подумалъ Николай Петровичъ. Пламя метнулось въ окно, изогнулось, лизнуло фреску надъ оваломъ, изображавшую какой-то портфель. — «Пусть же хоть дѣти наши будутъ счастливѣе, чѣмъ были мы»!..

Огонь вырвался наружу и охватилъ зданіе, стѣны, крышу, отсвѣчиваясь заревомъ въ небѣ, освѣщая невеселый праздникъ на развалинахъ погибающаго государства.

ПРИМѢЧАНІЕ

(Къ стр. 318)

*) Столкновенія между интересами правосудія и принципами высшей политической полиціи дѣйствительно иногда происходили въ Россіи (какъ и въ другихъ странахъ) и порою пріобрѣтали чрезвычайную остроту. Департаментъ полиціи строго стоялъ на томъ, что онъ и въ случаѣ такого столкновенія не долженъ выдавать своихъ сотрудниковъ. Полковникъ Мясоѣдовъ (впослѣдствіи столь извѣстный, благодаря дуэли, процессу и казни) былъ въ свое время уволенъ въ отставку за то, что счелъ возможнымъ на судѣ сообщить о принадлежности какого-то лица къ охранному дѣлу. Бывали и рѣдкія исключенія. Такъ, напр., въ пору процесса Бейлиса, послѣ долгихъ колебаній, послѣ доклада министру внутреннихъ дѣлъ, Департаментъ Полиціи разрѣшилъ начальнику кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія заявить на судѣ, что Махалинъ, одинъ изъ важныхъ свидѣтелей по процессу, въ свое время состоялъ секретнымъ сотрудникомъ охраны (начальникъ жандармскаго управленія, однако, этого не сдѣлалъ). Слова «розыскные офицеры, въ смыслѣ выдачи сотрудниковъ, были воспитаны въ томъ, что эта тайна должна умереть вмѣстѣ съ ними; они не могли ее открыть» принадлежатъ одному изъ самыхъ выдающихся представителей политической полиціи Россіи,

съ которымъ, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго Федосьевъ, фигура полусимволическая и вымышленная (какъ всѣ дѣйствующія лица романа «Ключъ»).

Принципъ безусловнаго храненія разнаго рода тайнъ, повидимому, проводится органами высшей политической и военной полиціи при любомъ государственномъ строѣ. Ему одинаково слѣдовали и Третье Отдѣленіе, не опубликовавшее записки Бакунина (хотя она, конечно, могла нанести весьма тяжкій моральный ударъ знаменитому революціонеру), и республиканскія власти современной Германіи: онѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ ничего не сообщили о сношеніяхъ нѣкоторыхъ большевистскихъ вождей съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ во время войны (хотя въ цѣляхъ внутренней политики опубликованіе соотвѣтственныхъ документовъ могло бы быть весьма выгодно германскимъ правящимъ кругамъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

Загадка Толстого. С.-Петербургъ, 1914. — Берлинъ, 1922.

Огонь и дымъ. Парижъ, 1922.

Серія «Мыслитель»:

I. Девятое Термидора. Третье изданіе. Берлинъ, «Слово», 1928.
II. Чортовъ Мостъ. Берлинъ, «Слово», 1925.
III. Заговоръ. Берлинъ, «Слово», 1927.
IV. Святая Елена, Маленькій Островъ. Второе изданіе. Берлинъ, «Слово», 1926.

Современники. Берлинъ, «Слово», 1928.

Gedruckt von Gebr. Hirschbaum, Berlin SW 68